

*Издание осуществлено
благодаря финансовой поддержке
руководства транспортной компании “Апавен”.
Выражаем свою благодарность
Гагику Агаджаняну и Арсену Казаряну.*

*Издание монографии посвящается 106-летию
образования Республики Армения*

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ НАН РА

ВААН МЕЛИКЯН

**ПРОЦЕСС ОТПАДЕНИЯ
ЗАКАВКАЗЬЯ ОТ РОССИИ:
ВОЗНИКНОВЕНИЕ
НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ**

(ЯНВАРЬ–МАЙ 1918 Г.)

Авторское издание

ЕРЕВАН • 2024

УДК 94(479.2)
ББК 63.3(5)
М 474

Рекомендовано к изданию ученым советом
института истории НАН РА

Редактор: д. и. н. Вирабян А. С.
Рецензенты: д. и. н. Саакян Р. О., к. и. н. Арутюнян А. А.

Меликян, Ваан Генрихович
М 474 Процесс отпадения Закавказья от России: Возникновение
независимых государств (январь–май 1918 г.) / Меликян В. Г.,
пер. с армянского Е. Петросян.— Ер.: Авторское издание, 2024.—
400 + 000 с.

В монографии на основе широкой источниковедческой базы освещается история формирования и деятельности Закавказского сейма, провозглашения Закавказья независимой республикой и процесса отпадения Закавказья от России, образования независимых республик Грузии, Азербайджана и Армении.

Книга предусмотрена для историков, политологов–международников, дипломатов, политических деятелей, педагогов, студентов и для широкого круга читателей.

УДК 94(479.2)
ББК 63.3(5)

ISBN 978–9939–0–5093–5

© Меликян В. Г., 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	7
საქართველო	17
FOREWORD	26

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПРОБЛЕМА СОЗДАНИЯ НОВОЙ ВЛАСТИ В ЗАКАВКАЗЬЕ: ФОРМИРОВАНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СЕЙМА

(ЯНВАРЬ–МАРТ 1918 г.)

1.1. Формирование Закавказского Сейма.	34
1.2. Программа Закавказского сейма: процесс принятия декларации и внутрипартийная борьба за будущее края (февраль 1918 г.)	76
1.3. Законодательная деятельность Сейма.	113

ГЛАВА ВТОРАЯ

ПРОБЛЕМА ПРОВОЗГЛАШЕНИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ ЗАКАВКАЗЬЯ. ПАРТИИ

2.1. «Министерский кризис» Сейма и формирование нового закавказского объединенного правительства.	126
2.2. Обсуждение вопроса независимости Закавказья в Сейме	136
2.3. Смена политической ориентации и провозглашение независимости Закавказья	153

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ ЭТАП ПРОЦЕССА НЕЗАВИСИМОСТИ (9 АПРЕЛЯ — 26 МАЯ 1918 Г.)

3.1. Активизация идеи возможного возникновения независимых государств в контексте Брест–Литовского договора	222
3.2. Фактор поддержки Германии в достижении независимости: Грузия и Азербайджан	239
3.3. Последний этап процесса обретения независимости в контексте геополитических развитий: 11–26 мая	256
3.4. Провозглашение независимости Грузии.	267
3.5. Провозглашение независимости Азербайджана	290
3.6. Провозглашение независимости Армении.	301

3.7. Провозглашение Республики Армения в откликах и решениях закавказских и армянских партий	365
3.8. Отличия и особенности в провозглашении независимости в структуре органов власти Республики Грузия, Азербайджан и Армения	387
БИБЛИОГРАФИЯ	394

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Здесь всё полно таинственностью храма:
Уступы гор — его святой порог,
Природа здесь — одна большая рама,
И в ней картина — Бог».

А. П. Кулебянин
«Дверь Мгера», «Отзвуки Вана»

Армянская государственность зародилась в 3-м тысячелетии до Р. Х. в лице страны-нагорья Аратта, которое упоминается в шумерском эпосе «Энмеркар и владыка Аратты» как «Священная», «земля Богов», «страна Правосудия и Искусств».

На Армянском нагорье последовательно образовались государства hАйказунов, Хайáса (hАйаса), Арме-Шúприя, Наири, Хурри-Митанни, Араратское (Урарту).

Позднее государство hАйк — hАйастан представлено богатейшей историей могущественных армянских царств: Ервандуни (Ервандидов), Арташесян (Арташесидов), Аршакуни (Аршакидов) и Багратуни (Багратидов), а за пределами Армянского нагорья — Армянского царства Киликия.

С середины XVI века, когда Армения была поделена между Османской империей и Сефевидской персидской империей, в 15 армянских полунезависимых княжествах, сохранивших свое существование на территории нагорья, высшее духовенство, армянская элита, купечество и князья со своим воинством, сплотились вокруг одной цели — освобождение Армении.

Сформировались европейская, а с 1701 года — российская политическая ориентации. Результатом этого стало то, что к России присоединилось Закавказье с небольшой частью исторической Армении — Восточной Арменией.

И только в мае 1918 года на этой территории была образована Республика Армения.

Процесс отделения Закавказья от России прошел пять основных этапов: 1. Февральская революция 1917 года в России. 2. Октябрьский переворот в России. 3. Турецкое вторжение и в результате его — 4. Провозглашение независимости Закавказья. 5. Возникновение независимых закавказских республик.

Начало этому процессу было положено в России — со свержением монархии в феврале 1917 года, что сделало возможным осуществление демократического развития России, а затем, в контексте этих процессов — создание предпосылок для самостоятельного существования национальных регионов, разумеется, в пределах Всероссийской Федеративной Демократической Республики

В отличие от грузинской и татарской (азербайджанской) общественности Закавказья, армянская общественность за восемь месяцев Февральской революции предприняла два радикальных шага на пути организации самостоятельной национальной жизни: формирование национальных советов и национальных воинских частей.

Для сравнения отметим, что Грузинский национальный совет был создан в реалиях большевистского переворота в ноябре 1917 года, а татарский — 26 мая 1918 года, накануне провозглашения независимости.

Более того, в армянской действительности образовались два национальных совета: Западноармянский и Восточноармянский, что объясняется существованием двух Армений, а также реальной возможностью решить судьбу завоеванной Россией Западной Армении,

В данном случае, само возникновение Армянских национальных советов способствовало пробуждению и подъему национального духа, стимулированию процесса национального единения, целью которого была консолидация всех политических течений и партий вокруг национального идеала, в конечном итоге на платформе этих национальных советов сформирова-

лись законодательные и исполнительные органы Республики Армения.

После апреля 1917 года Временное правительство весьма основательно занялось вопросом формирования национальных воинских частей, опубликовало закон «Основные положения национализации армии». 19 апреля на основании приказа по Кавказскому фронту генерал Т. Назарбекян был направлен в штаб фронта — с целью национализации воинских частей армии. Целью Временного правительства было решение двух сверхзадач: 1. Спасти разваливающийся Кавказский фронт, особенно за счет армянских боеспособных и дисциплинированных воинских частей; 2. Сформировать надежную проправительственную военную силу против большевизма, активизировавшегося с июля в 1917 года. Идея создания национальных воинских частей в армянской действительности преследовала более насущную задачу, а именно: противостоять надежными собственными силами ожидаемому турецкому вторжению, а также бушующим курдским и татарским антироссийским и антиармянским мятежам в Ереванской и Елизаветпольской губерниях.

На послеоктябрьском этапе, в декабре, были окончательно сформированы армянские вооруженные силы — Армянский национальный или армейский отдельный корпус, который стал главным гарантом и защитником армянского населения и создания Республики Армения.

Большевистский переворот создал новую политическую ситуацию в Закавказье: Новый орган — Комиссариат, не принял Советскую власть. Начался практический этап процесса отделения Закавказья от России, который был напрямую связан с проблемой альтернативы власти. Если в период Февральской революции Временное правительство управляло территорией через Особый закавказский комитет — «Озаком», который оно сформировало вместо расформированного Кавказского наместничества, то сейчас, на послеоктябрьском этапе, параллельно с

Комиссариатом, альтернативой установлению Советской власти выступил Бакинский Совет.

До 2 апреля 1918 года он представлял собой блок социалистических партий (эсеров, меньшевиков, большевиков). В то же время вопрос о завоевании власти председателем совета, большевиком Степаном Шаумяном и его сторонниками рассматривался в контексте мирной победы большевиков — путем достижения, подавляющего большинства большевиков в Бакинском совете. Это также послужило причиной того, что по инициативе грузинских с.-д. меньшевиков было сформировано антисоветское правительство из демократических, социалистических партий, противостоящее как центральному правительству, так и Бакинскому совету.

Анализ трехмесячной деятельности последнего доказывает, что внешне социалистический блок—правительство, как и Озаком, фактически сформировался на основе национального признака.

Более того, грузинская с.-д. партия меньшевиков, Армянская Революционная Федерация Дашнакцутюн, и азербайджанская партия Мусават в рамках Комиссариата, а затем и в составе Сейма осуществили поэтапный процесс провозглашения — вначале независимости Закавказья, а затем и независимых национальных республик.

Политическая история Закавказья 1917–1918 годов, вопросы межэтнических отношений, многослойные территориальные проблемы, Армянский вопрос — напрямую связаны с борьбой за власть в регионе. Даже декрет Совнаркома «О Турецкой Армении» имел целью — в рамках плана советизации Закавказья объединить и заинтересовать армян и армянские партии.

Ст. Шаумян — председатель Бакинского совета, в декабре 1917 года назначенный В. Лениным «Чрезвычайным временным комиссаром Кавказа», планировал с помощью сосредоточенной в Баку почти 25-тысячного армянского воинства, подчиненного Бакинскому совету, Красной гвардии и большевизированных воинских частей, оставшихся на Кавказском фронте (40 000),

захватить Тифлис, свергнуть Комиссариат, Сейм, установить советскую власть в Закавказье, затем, подавив татарские и курдские антироссийские и антиармянские мятежи, организованные турецкими эмиссарами в Ереванской губернии, присоединиться к армянским группам и русским большевизированным воинским частям Западной Армении, защитить Кавказский фронт от ожидаемого турецкого вторжения и, собственно, на данном этапе решить Армянский вопрос в контексте реализации проармянского плана советизации.

На реализацию этого плана было направлено принятие на Втором Кавказском краевом армейском съезде в декабре 1917 года, благодаря Ст. Шаумяну и Г. Корганову, большевистских резолюций — в том числе резолюции «О Западной Армении», которая легла в основу декрета «О Турецкой Армении», принятой большевистским руководством в конце декабря. Важно подчеркнуть тот факт, что идея Ст. Шаумяна о решении национального и Армянского вопроса сложилась не в результате большевистского переворота — как результат победы большевиков, а была обнародована еще летом 1917 года, на первом съезде Советов. Представитель ЦК большевиков поднимал вопрос о такой территории будущей Армении, которая включала бы армянские провинции Тифлисской губернии: Джавахк, Борчалинский уезд, значительную часть Елизаветпольской губернии, включая Нагорный и Равнинный Карабах, Нахичевань, Западную Армению, а в Закавказье должен быть образован Армянский кантон.

Развиваемая нами научная концепция звучала бы безосновательно и голословно, если бы в ее основе не было реальных сил и деятелей. На переговорах, состоявшихся в январе 1918 года в Тифлисе, со Ст. Шаумяном сотрудничали координатор армянских сил Баку Ростом Зорян — основатель АРФ Дашнакцутюн, председатель Армянского национального совета Еревана Арам Манукян, царский генерал Акоп Багратуни и другие.

Получается, что вокруг возможного решения общенациональной сверхзадачи объединились сторонники дальновидной

и гибкой стратегии, стоящие на совершенно противоположных политических полюсах. Одно только присутствие А. Багратуни уже весьма показательно. Царский генерал, которого 12-го июля 1917 года, накануне ожидаемого большевистского восстания, председатель Временного правительства А. Керенский назначил и. д. начальника штаба в Петроградском военном округе для подавления переворота, теперь, как жертва большевистской «победы», находится рядом с Шаумяном в Баку, и более того, переправляет с собой в Баку армянские вооруженные силы из разных регионов России, особенно с Северного Кавказа. Именно в результате этого беспрецедентного сотрудничества за период с 29 марта по 1 апреля 1918 года удалось подавить организованный мусаватистский мятеж в Баку. Он имел целью свергнуть власть проармянского Бакинского совета и в условиях пантюркизма, захватить Баку и превратить его в столицу «Азербайджана». Между тем, по замыслу Ст. Шаумяна, Баку и Тифлис должны были быть объявлены открытыми и свободными городами.

Одновременно предпринималась попытка реализовать задачу ослабления и изоляции влиятельного армянского многослойного фактора в лице Баку и Бакинской губернии. Грузино-татарский антиармянский союз, возникший в реалиях Февральской революции, в лице Озакома, а затем и в составе сформировавшегося политического большинства Комиссариата, проводил поэтапные, последовательные шаги по изоляции влиятельной партии Дашнакцутюн с одной стороны, и проармянской ориентации Бакинского совета — с другой.

Во-первых, 26 ноября 1917 г. краевое меньшевистское бюро и исполком совета р. и с. депутатов Тифлиса инициировали профилактические меры, была организована «Красная гвардия», затем 28 ноября Тифлис был объявлен в военном положении¹, вечером того же дня большевизированному полку Карса требовалось покинуть Тифлис и перебраться на Северный

¹ См. Известия совета рабочих и солдатских депутатов гор. Тифлиса, Тифлис, 1917, № 198.

Кавказ², на третьем этапе, уже в феврале 1918 г., грузинский меньшевизм осуществил захват Тифлисского арсенала³.

Взятие Тифлиса и свержение Комиссариата по замыслу Ст. Шаумяна, грузинские меньшевики рассматривали не столько как победу большевизма, сколько как антигрузинский шаг и победу армянского фактора. Об этом свидетельствуют и грузинские большевики и особенно позиция Ф. Махарадзе, который, как однопартиец Ст. Шаумяна, должен был бы горячо приветствовать советизацию Закавказья и, в частности, ожидаемый ввод 30–тысячных большевизированных воинских частей Сарикамышы в Тифлис, но на самом деле им же принимались все возможные меры противодействия.

Фактически Грузинские меньшевики и большевики объединились против Ст. Шаумяна, потому что этот план не был воспринят Комиссариатом и Сеймом как авантюра. Ст. Шаумян и Н. Кузнецов были объявлены Комиссариатом вне закона и тайно вернулись в Баку. В условиях объявленного чрезвычайного положения в Тифлис вошла мусульманская «Дикая дивизия».

Грузинская националистическая пресса оценила план Ст. Шаумяна как «узко националистическую мечту». Газета АРФД «Оризон», перепечатывая материалы газет «Эртоба» («Единство»), «Сахалхо сакме» («Народное дело»), «Чвени республика» («Наша Республика»), отмечала: «представьте себе, говорят армяне, Шаумян оказался хорошим армянином»⁴. «Сакартвело» (Грузия) писала: «Может случиться так, что присоединившись к бегущим воинским частям (имеются в виду большевизированные воинские части Кавказской армии — В. М.), армяне объявят Ст. Шаумяна национальным лидером. Во всяком случае, нам следует быть осторожными, как бы под знаменем интернационализма не подняли голову крайние

² См. Жордания Н. Н., За два года. Доклады и речи, Тифлис, 1918, с. 59.

³ См. Сеф С. Е., Революция 1917 г. в Закавказье, Тифлис, 1927, с. 337.

⁴ «Оризон» (Горизонт), Тифлис, 1918 год, № 20.

шовинисты, которые вместе с Шаумяном, вероятно, мечтают о создании «Великой Армении»⁵.

Программа не осуществилась, потому что:

1. В большевистском краевом и Тифлисском комитетах не образовалась единая тактика по захвату власти;

2. Сотрудничество армянских национальных деятелей и Шаумяна не имело долгосрочного характера. Оба политических лагеря не полностью доверяли друг–друга, более того имели радикальные противоречия. В следствии этих событий партия Дашнакцутюн признала, что в контексте безкомпромиссных политических развитий главным и реальным политическим оппонентом армянства на Кавказе является грузинский меньшевизм и грузинский большевизм, преобразившегося в национальную политику.

3. С ноября 1917 г. конфронтация меньшевиков и большевиков в Закавказье проявилось не в виде борьбы тактик двух крыльев социал–демократических сил в лице противостояния Дашнакцутюн — грузинский меньшевизм, Шаумян–Жордания. Уход большевистской власти и вообще России из Закавказья создавал реальную возможность установления в крае грузинской гегемонии.

Захват власти же в Тифлисе путем советизации, способствовал бы стабилизации положения армянского населения в Баку и Восточном Закавказье, предотвратил бы волну мусульманских мятежей, может быть даже турецкое нашествие и погромы армян.

Однако есть важнейшая причина, которая в целом сводит на нет осуществление этой программы.

Суть вопроса кроется в сохранении любой ценой большевистской власти в самой России. Весь процесс Брест–Литовска служил одной главной цели — путем территориальных уступок удержать власть. Составной частью этой большой политики является приказ Ленина и Троцкого от 10–го декабря

⁵ Там же, № 26.

1917 г. о скорейшем возвращении частей Кавказской армии в Северный Кавказ, а затем и в Россию.

Получается, что большевистская центральная власть возложило дело советизации Закавказья на Бакински совет.

Наделив Шаумяна чрезвычайными полномочиями, Ленин и Сталин, ни каким указом и действиями не повлияли на Тифлисский и краевой большевистские комитеты.

Шаумян совим автаритетом и несколькими частями должен был осуществить то, что даже большевики не сделали в Петрограде собственными силами.

С января 1918 г. проблема власти в Закавказье стала непосредственной связываться с вопросом об окончательном отделении края от Советской России и провозглашением независимости национальных государств. Идеологом этой последовательной политики был Комиссариат, а затем и Сейм, в котором преобладала грузинская с.–д. меньшевистская фракция. В этом контексте изменились и политические устремления властей Закавказья, выразившиеся в принятии германо–турецкой ориентации.

В новой монографии мы резюмируем важнейшую историографическую задачу — исследование поэтапного процесса отделения Закавказья от России, провозглашение независимости края и возникновение национальных государств.

Изучению предшествующих исторических этапов были посвящены последние 40 лет нашей научной деятельности, которые отражены в кандидатской⁶ и докторской⁷ диссертациях, в шести монографиях⁸ и около 120 научных статьях.

⁶ См. Ваан Меликян, Февральская революция и Армения (март–октябрь 1917 г.), 1989.

⁷ Проблема власти в Закавказье. Деятельность Закавказского комиссариата и армянская действительность (ноябрь 1917 г. — февраль 1918 г.), 2010 г.

⁸ Февральская революция и Армения (март–октябрь 1917 г.), изд. «Мхитар Гош», Ереван, 1997, 319 с.

Проблема власти в Закавказье. Деятельность Закавказского комиссариата (ноябрь 1917 — февраль 1918 г.), Институт истории Национальной академии наук Республики Армения, Ереван, 2010 г., 263 с.

Преимущество монографии в том, что впервые — как в армянской, так и в грузинской и азербайджанской историографии, освещена вся деятельность Закавказского Сейма, такие вопросы, как создание нового органа власти, формирование Сейма, программа деятельности, процесс принятия декларации, Министерский кризис и формирование Закавказского единого правительства, дискуссии о независимости региона, смена политической ориентации и провозглашение независимости Закавказья.

Помимо того, что детально рассмотрены и отдельно представлены процессы провозглашения независимых республик Грузии, Азербайджана и Армении, особое внимание было уделено различиям и особенностям актов провозглашения независимости этих республик. Также подчеркивается тот факт, что исторические исследования и анализы проводились преимущественно на основе источниковедческой базы соседних стран, что не только впервые вводится в научный оборот, но и делает рассмотрение и изложение материала более детальным, объективным и беспристрастным.

Обстоятельному и глубокому анализу были подвергнуты отношения и борьба всех закавказских партий, военно–политической элиты, различия в интересах и курсах трех национальных кругов и другие ключевые вопросы, обусловленные региональными и геополитическими развитиями — в контексте всего процесса независимости.

Церковный съезд Св. Эчмиадзина в 1917 году. Св. Эчмиадзин, изд. Первопрестольного Св. Эчмиадзина, 2018, 86 с.

Борьба за Баку (ноябрь 1917 — апрель 1918), Издательство ЕГУ, Ереван, 2018, 223 с. (на арм. яз.)

Борьба за Баку (ноябрь 1917 г. — апрель 1918 г.), изд. «Зангак», Ереван, 2019, 213 с.

Общественно–политическая жизнь Западных Армян в 1917–1918 годах, оборона Эрзерума и причины его падения в 1918 году, изд. «Зангак», 2019, 246 с.

ՆԱԽԱԲԱՆ

«Աստծո և հողի հանդեպ վերաբերմունքն է որոշում ժողովրդի դիմագիծը»:

Սերգեյ Գորոդեցկի
«Հորիզոն», Թիֆլիս, 1918, 18 ապրիլի

Հայոց պետականությունը սկիզբ է առել Ք. ա. 3-րդ հազարամյակում՝ ի դեմս շումերական էպոսում հիշատակված «Սրբազան», «Աստվածների», «Արդարադատության և արվեստների» երկիր-լեռնաշխարհ Արատտայի:

Հայկական բարձրավանդակի վրա հաջորդաբար ձևավորվել են Հայկազունների, Հայասա, Արմե-Շուպրիա, Նաիրի, Հուրի-Միտանի, Արարատի (Ուրարտու) պետությունները:

Ավելի ուշ՝ Հայք-Հայաստանը ներկայանում է Երվանդունի, Արտաշիսյան, Արշակունի և Բագրատունի հայկական թագավորությունների և Հայկական լեռնաշխարհից դուրս Կիլիկիայի հայկական թագավորությունների հզորագույն պատմությամբ:

16-րդ դարի կեսերից, երբ Հայաստանը բաժանվեց Օսմանյան կայսրության և Սեֆյան Պարսկաստանի միջև, լեռնաշխարհի տարածքում իրենց գոյությունը պահպանած 15 հայկական կիսանկախ իշխանությունների միջավայրում հոգևոր բարձր խավը, հայ վաճառականությունն ու զորական իշխանները ձեռնամուխ եղան Հայաստանի ազատագրմանը:

Ձևավորվեցին եվրոպական, իսկ 1701 թվականից ռուսական քաղաքական կողմնորոշումները. արդյունքը՝ Անդրկովկասի և պատմական Հայաստանի մի փոքր հատվածի՝ Արևելյան Հայաստանի միացումն էր Ռուսաստանին:

Եվ միայն 1918 թ. մայիսին այդ տարածքի վրա ձևավորվեց Հայաստանի Հանրապետությունը:

Անդրկովկասի Ռուսաստանից անջատման գործընթացն անցել է հինգ հիմնական փուլեր. 1. 1917 թ. Ռուսաստանյան

Փետրվարյան հեղափոխության, 2. Հոկտեմբերյան հեղաշրջման, 3. Թուրքական արշավանքի և դրա արդյունքում, 4. Անդրկովկասի անկախության հռչակման և վերջապես 5. անկախ հանրապետությունների առաջացման:

Սկիզբը դրվեց Ռուսաստանում 1917 թ. փետրվարին միապետության տապալմամբ, ինչը հնարավորություն ընձեռեց նախ Ռուսաստանի ժողովրդավարական զարգացման, ապա և այդ գործընթացների համատեքստում ազգային ծայրագավառների հասարակական–քաղաքական, ազգային կյանքն ինքնուրույն կերտելու համար, իհարկե, համառուսաստանյան դաշնային դեմոկրատական հանրապետության կազմում:

Ի տարբերություն Անդրկովկասի վրացական և թաթարական (ադրբեջանական) հասարակությունների, հայ հասարակությունը Փետրվարյան հեղափոխության ութ ամիսների ընթացքում սեփական ազգային կյանքը կազմակերպելու ուղղությամբ իրականացրեց երկու արմատական քայլ՝ ազգային խորհուրդների և ազգային գորամասերի ձևավորումը:

Համեմատության նպատակով նշենք, որ վրացական ազգային խորհուրդը ստեղծվեց բոլշևիկյան հեղաշրջման իրականության մեջ՝ 1917 թ. նոյեմբերին, իսկ թաթարականը՝ 1918 թ. մայիսի 26–ին, անկախություն հռչակելու նախօրեին:

Ավելին, հայ իրականության մեջ ձևավորվեցին երկու ազգային խորհուրդներ՝ Արևմտահայ և Արևելահայ, ինչը բացատրվում է երկու Հայաստանների առկայությամբ և Ռուսաստանի կողմից գրավված Արևմտյան Հայաստանի ճակատագրի, այլ խոսքով՝ Հայկական հարցի լուծման իրական հնարավորությամբ:

Տվյալ դեպքում հայկական ազգային խորհուրդների առաջացումն ինքնին նպաստում էր ազգային ոգու զարթոնքին ու վերելքին, ազգային համախմբման գործընթացին, որի նպատակը ազգային իդեալի շուրջ քաղաքական բոլոր հոսանքների, կուսակցությունների համախմբումն էր, վերջին հաշվով՝ հենց այդ ազգային խորհուրդների հիմքի վրա ձևավորվեցին Հայաստանի Հանրապետության օրենսդիր ու գործադիր մարմինները:

1917 թ. ապրիլից հետո Ժամանակավոր կառավարությունը հիմնավոր կերպով ուշադրությունը սևեռեց ազգային զորամասեր ձևավորելու խնդրին, հրապարակեց «Բանակի ազգայնացման հիմնական դրույթները» օրենքը: Ապրիլի 19–ին Կովկասյան ռազմաճակատին վերաբերող հրամանի հիման վրա գեներալ Թ. Նազարբեկյանն ուղարկվում է ռազմաճակատի շտաբ՝ բանակի զորամասերն ազգայնացնելու նպատակով: Ժամանակավոր կառավարությունը երկու գերնպատակ էր հետապնդում. 1. հատկապես հայկական մարտունակ ու կարգապահ զորամասերի միջոցով փրկել կազմալուծվող Կովկասյան ռազմաճակատը և 2. 1917 թ. հուլիսից ակտիվացող բոլշևիզմի դեմ ձևավորել կառավարության համար վստահելի զինուժ: Հայ իրականության համար ազգային զորամասեր ստեղծելու գաղափարը հետապնդում էր առավել կենսական խնդիր, այն է՝ սեփական, վստահելի ուժերով դիմագրավել թուրքական սպասվող արշավանքին ու Երևանի նահանգում ահագնացող քրդական և թաթարական հակառուսական ու հակահայկական խռովություններին:

Հետհոկտեմբերյան փուլում, դեկտեմբերին վերջնականապես ձևավորվեց հայկական զորակազմը՝ Հայոց ազգային կամ բանակային առանձին կորպուսը, որը դարձավ հայ ազգաբնակչության գոյապահպանման, ապա նաև Հայաստանի Հանրապետության ստեղծման հիմնական երաշխիքն ու պաշտպանը:

Բոլշևիկյան հեղաշրջումն Անդրկովկասում ստեղծեց քաղաքական նոր իրավիճակ. երկրամասային իշխանության նոր մարմինը՝ Կոմիսարիատը չընդունեց խորհրդային իշխանությունը: Սկսվեց Անդրկովկասը Ռուսաստանից անջատման գործընթացի գործնական փուլը, ինչն ուղղակիորեն կապվում է իշխանության այլընտրանքի հիմնահարցի հետ: Եթե Փետրվարյան հեղափոխության իրականության պայմաններում Ժամանակավոր կառավարությունը երկրամասը ղեկավարում էր լուծարված Կովկասի փոխարքայության փոխարեն իր ձևավորած Անդրկովկասյան հատուկ կոմիտեի՝ Օզակոմի միջոցով, ապա այժմ՝ հետհոկտեմբերյան փուլում Կոմիսարիատին զուգահեռ,

որպես խորհրդային իշխանության հաստատման այլընտրանք հանդես էր գալիս Բաքվի խորհուրդը:

Մինչև 1918 թ. ապրիլի 2–ը այն իրենից ներկայացնում էր սոցիալիստական կուսակցությունների խմբավորում (Էսեռներ, մենշևիկներ, բոլշևիկներ): Միաժամանակ, խորհրդի նախագահ՝ բոլշևիկ Ստեփան Շահումյանի և իր համախոհների կողմից իշխանության նվաճման հարցը դիտարկվում էր բոլշևիկների խաղաղ հաղթանակի համատեքստում՝ Բաքվի խորհրդում բոլշևիկների լիակատար մեծամասնության հասնելու ճանապարհով: Նաև դա էր պատճառը, որ վրաց ս.–դ. մենշևիկների նախաձեռնությամբ ինչպես կենտրոնական իշխանությունը, այնպես էլ Բաքվի խորհրդին հակադրվելու նպատակով ձևավորվեց դեմոկրատական, սոցիալիստական կուսակցություններից կազմված հակախորհրդային կառավարություն:

Վերջինիս շուրջ երեքամսյա գործողության վերլուծությունը վկայում է այն մասին, որ արտաքինից սոցիալիստական խմբավորում–կառավարությունն իրականում Օգակոմի նման ձևավորվել էր ազգային պատկանելության հենքի վրա:

Ավելին, վրաց ս.–դ. մենշևիկյան, հայ հեղափոխական դաշնակցության և աղբբեջանական Մուսավաթ կուսակցությունները Կոմիսարիատի, հետո էլ՝ Մեյմի կազմում իրականացրին սկզբում Անդրկովկասի, ապա և անկախ ազգային հանրապետությունների հռչակման փուլային գործընթացը:

Անդրկովկասի 1917–1918 թթ. քաղաքական պատմությունը, ազգամիջյան հարաբերությունների, բազմաշերտ տարածքային խնդիրների հիմնահարցերը, Հայկական հարցը անմիջականորեն կապվում են երկրամասում իշխանության համար պայքարի հետ: Անգամ «Թուրքահայաստանի մասին» ժողկոմխորհի հռչակագիրը նպատակ ուներ Անդրկովկասը խորհրդայնացնելու ծրագրի շրջանակներում համախմբել և շահագրգռել հայությանն ու նրա կուսակցություններին:

Բաքվի խորհրդի նախագահ և 1917 թ. դեկտեմբերին Վ. Լենինի կողմից «Կովկասի արտակարգ ժամանակավոր կոմիսար» նշանակված Ստ. Շահումյանը ծրագրում էր Բաքվում Արևմտյան ու Կովկասյան ռազմաճակատներից կենտրոնա-

ցած հայկական 25 հազարի հասնող զինուժի, Բաքվի խորհրդին ենթակա Կարմիր զվարդիայի, Կովկասյան ռազմաճակատում դեռևս մնացած բոլշևիկացած զորամասերի միջոցով գրավել Թիֆլիսը, տապալել Կոմիսարիատի իշխանությունը, Անդրկովկասում հաստատել խորհրդային կարգեր, այնուհետև՝ ճնշելով Երևանի նահանգում թուրքական էմիսարների նախաձեռնությամբ կազմակերպվող թաթարական ու քրդական հակառուսական և հակահայկական խռովությունները, միանալ Արևմտյան Հայաստանի հայկական ու ռուսական բոլշևիկացած զորամասերին, պաշտպանել Կովկասյան ռազմաճակատը թուրքական սպասվող արշավանքից ու փաստորեն տվյալ փուլում՝ խորհրդայնացման հայամետ պլանի իրականացման համատեքստում լուծել Հայկական հարցը:

Այդ ծրագրի իրականացմանն էին ուղղված 1917 թ. դեկտեմբերին Կովկասյան բանակային երկրորդ համագումարում Ստ. Ծահումյանի և Գ. Ղորղանյանի շնորհիվ բոլշևիկյան բանաձևերի, այդ թվում «Արևմտյան Հայաստանի մասին» բանաձևի ընդունումը, որն էլ ընկավ դեկտեմբերի վերջին բոլշևիկյան ղեկավարության կողմից ընդունած «Թուրքահայաստանի մասին» հռչակագրի հիմքում: Կարևոր է ընդգծել այն հանգամանքը, որ ազգային ու Հայկական հարցի լուծման Ստ. Ծահումյանի գաղափարը ձևավորվել էր ոչ թե բոլշևիկյան հեղաշրջման արդյունքում, որպես բոլշևիկների հաղթանակի հետևանք, այլ շրջանառվում էր դեռ 1917 թ. ամռանը՝ Խորհուրդների առաջին համագումարում: Բոլշևիկյան կենտկոմի ներկայացուցիչը բարձրացնում էր այնպիսի սպազա Հայաստանի տարածք, որը կներառեր Թիֆլիսի նահանգի հայկական գավառները՝ Չավախքը, Բորչալուի գավառը, Ելիզավետպոլի նահանգի զգալի մասը, այդ թվում Լեռնային ու Դաշտային Ղարաբաղը, Նախիջևանը, Արևմտյան Հայաստանը, Անդրկովկասում պետք է ձևավորվեր Հայկական կանտոն:

Մեր կողմից զարգացվող գիտական հայեցակարգը կհնչեր անհիմն ու մերկապարանոց, եթե վերջինիս հիմքում չլինեին իրական ուժեր ու գործիչներ: Թիֆլիսում 1917 թ. նոյեմբերին ընթացող բանակցություններին Ստ. Ծահումյանի հետ համա-

գործակցում էին Բաքվի հայկական ներուժը ներկայացնող Դաշնակցության հիմնադիր Ռոստոմ Չոքյանը, Երևանի հայոց ազգային խորհրդի նախագահ Արամ Մանուկյանը, ցարական գեներալ Հակոբ Բագրատունին և այլոք:

Ստացվում է, որ համազգային գերխնդրի հնարավոր լուծման գաղափարը շուրջ միավորվել էին քաղաքական միանգամայն հակադիր բևեռներում կանգնած, բայց միաժամանակ հեռատես ու ճկուն ռազմավարության կողմնակիցներ: Միայն Հ. Բագրատունու ներկայությունը շատ խոսուն է: Ցարական գեներալը, որին 1917 թվականի հուլիսի 12–ի բոլշևիկյան սպասվող ապստամբության նախօրեին, ժամանակավոր կառավարության նախագահ Ա. Կերենսկին նշանակել էր «Դետրոգրադի ռազմական օկրուգի շտաբի պետի պաշտոնակատար՝ հեղաշրջումը ճնշելու նպատակով, այժմ որպես բոլշևիկյան «հաղթանակի» գոհ՝ Բաքվում Ստ. Շահումյանի կողքին է և ավելին՝ Ռուսաստանի տարբեր շրջաններից ու հատկապես Հյուսիսային Կովկասից իր հետ Բաքու է տեղափոխում հայկական զինուժ: Այս բացառիկ համագործակցության արդյունքում էր, որ 1918 թ. մարտի 29–ից ապրիլի 1–ի ընթացքում հաջողվեց ճնշել Բաքվում կազմակերպված մուսավաթական խռովությունը: Այն նպատակ ուներ թուրքական արշավանքի պայմաններում և պանթուրքիզմի համատեքստում տապալել հայամենտ Բաքվի խորհրդի իշխանությունը, գրավել Բաքուն ու այն վերածել «Ադրբեջանի» մայրաքաղաքի: Մինչդեռ Ստ. Շահումյանի ծրագրում Բաքուն և Թիֆլիսը պետք է հռչակվեին բաց ու ազատ քաղաքներ: Միաժամանակ փորձ էր արվում իրականացնել ի դեմս Բաքվի ու Բաքվի նահանգի ազդեցիկ հայկական բազմաշերտ գործոնի թուլացման և մեկուսացման խնդիրը: Դեռևս Փետրվարյան հեղափոխության իրականության մեջ սկիզբ առած վրաց–թաթարական հակահայկական դաշինքը՝ Կոմիսարիատի քաղաքական արդեն ձևավորված մեծամասնության պայմաններում, մի կողմից ազդեցիկ Դաշնակցություն կուսակցության և մյուս կողմից Բաքվի խորհրդի հայամենտ ուղղվածության մեկուսացման նպատակով իրականացրեց փուլային, հետևողական քայլեր:

Նախ՝ 1917 թ. նոյեմբերի 26-ին Թիֆլիսի երկրամասային մենշևիկյան բյուրոն և գործադիր կոմիտեն նախաձեռնեցին կանխարգելիչ միջոցառումներ, կազմակերպվեց «Կարմիր գվարդիա», սպա նոյեմբերի 28-ին Թիֆլիսը հայտարարվեց ռազմական դրության մեջ⁹, նույն օրը երեկոյան Կարսի բոլշևիկացիները գնդին պահանջ առաջադրվեց լքել Թիֆլիսը ու շարժվել Հյուսիսային Կովկաս¹⁰ և երրորդ փուլում արդեն 1918 թ. փետրվարին, վրաց մենշևիկները իրականացրեց Թիֆլիսի Արսենալի (Զինապահեստ) գրավումը¹¹: Ստ. Շահումյանի ծրագրի համաձայն Թիֆլիսի գրավումն ու Կոմիսարիատի տապալումը վրաց մենշևիկները դիտարկում էին ոչ այնքան որպես բոլշևիկների հաղթանակ, որքան հակավրացական քայլ և հայկական գործոնի հաղթանակ: Այդ է վկայում նաև վրաց բոլշևիկների ու հատկապես Ֆ. Մախարաձեի դիրքորոշումը, որը որպես Ստ. Շահումյանի ու մյուս բոլշևիկների կուսակից ջերմորեն պետք է ողջունեի Անդրկովկասի խորհրդայնացումն ու մասնավորապես, Սարիղամիշի 30 000 բոլշևիկացիներին գործադրող սպասվող մուտքը Թիֆլիս, բայց իրականում հենց ինքն էր ձեռնարկում բոլոր հնարավոր հակաքայլերը: Փաստորեն Ստ. Շահումյանի դեմ միասնաբար հանդես եկան վրաց մենշևիկներն ու բոլշևիկները, քանի որ այդ ծրագիրը Կոմիսարիատի և Սեյմի կողմից ընկալվում էր ոչ որպես արկածախնդրություն: Ստ. Շահումյանն ու Ն. Կուզնեցովը Կոմիսարիատի կողմից օրենքից դուրս հայտարարվեցին ու զաղտնի վերադարձան Բաքու: Հայտարարված արտակարգ դրության պայմաններում Թիֆլիս մտավ մուսուլմանական «Վայրի դիվիզիան»:

Վրացական ազգայնական մամուլը Ստ. Շահումյանի ծրագիրը գնահատում էր որպես «նեղ ազգայնական երագ»: ՀՅԴ «Հորիզոն» թերթը արտատպելով «Էրթոբա» (Միություն), «Մախալխո Մաքմե» (Ժողովրդական գործ), «Չվենի ռեսպուբլիկա» (Մեր Հանրապետություն) թերթերի նյութերը նշում էր, թե

⁹ Տե՛ս Известия совета рабочих и солдатских депутатов гор. Тифлиса, Тифлис, 1917, № 198.

¹⁰ Տե՛ս Жордания Н. Н., За два года. Доклады и речи, Тифлис, 1918, с. 59.

¹¹ Տե՛ս Сеф С. Е., Революция 1917 г. в Закавказье, Тифлис, 1927, с. 337.

«պատկերացրեք, ասում են հայերը, Շահումյանը լավ հայ դուրս եկավ»¹²: «Մաքարովեր»-ն (Վրաստան) գրում էր. «կարող է պատահել, որ միանալով փախչող զորամասերին (նկատի ունի Կովկասյան բանակի բոլշևիկացած զորամասերը — Վ. Մ.) հայերը Շահումյանին հռչակեն ազգային լիդեր: Համենայն դեպս մենք պետք է զգույշ լինե՞նք, որ ինտերնացիոնալիզմի դրոշի ներքո գլուխ կբարձրացնեն ծայրահեղ շովինիստները, որոնք Շահումյանի հետ մեկտեղ երևի երագում են ստեղծել «Մեծ Հայաստանը»¹³:

Նոր աշխատությամբ ամփոփում ենք կարևորագույն պատմագիտական հիմնահարցի՝ Անդրկովկասը Ռուսաստանից անջատման, անկախության հռչակման և ազգային պետությունների առաջացման գործընթացի փուլային հետազոտման խնդիրը:

Նախորդ պատմական փուլերի ուսումնասիրությունն են նվիրվել մեր թեկնածուական¹⁴, դոկտորական¹⁵ ատենախոսությունները, վեց մենագրությունները¹⁶ և շուրջ 120 գիտական

¹² Հորիզոն, Թիֆլիս, 1918, թիվը 20:

¹³ Նույն տեղում, թիվ 26:

¹⁴ Տե՛ս Վահան Մելիքյան, Փետրվարյան հեղափոխությունը և Հայաստանը (1917 թ. մարտ–հոկտեմբեր), 1989 թ.

¹⁵ Իշխանության հիմնահարցը Անդրկովկասում. Անդրկովկասյան կոմիսարիատի գործունեությունը և հայ իրականությունը (1917 թ. նոյեմբեր — 1918 թ. փետրվար), 2010 թ., 263 էջ:

¹⁶ Փետրվարյան հեղափոխությունը և Հայաստանը (1917 թ. մարտ — հոկտեմբեր), «Մխիթար Գոշ», հրատ., Երևան, 1997 թ. 319 էջ:

Իշխանության հիմնահարցը Անդրկովկասում. Անդրկովկասյան կոմիսարիատի գործունեությունը (1917 թ. նոյեմբեր–1918 թ. փետրվար), ՀՀ ԳԱԱ պատմության ինստիտուտ, Երևան, 2010:

Էջմիածնի 1917 թ. եկեղեցական համագումարը, Մայր Աթոռ Սուրբ Էջմիածնի հրատ., Ս. Էջմիածին, 2018, 86 էջ:

Պայքար Բաքվի համար (1917 թ. նոյեմբեր — 1918 թ. ապրիլ), ԵՊՀ հրատ., Երևան, 2018, 223 էջ:

Борьба за Баку (ноябрь 1917 г. — апрель 1918 г.), изд. «Зангак», Ереван, 2019, 213 стр.

Արևմտահայ հասարակական–քաղաքական կյանքը 1917–1918 թթ., Էրզրումի պաշտպանությունը և անկման պատճառները 1918 թ., «Զանգակ» հրատ., 2019, 246 էջ:

հողվածները՝ նախորդ 40–ամյա գիտական գործունեության հիմնական արդյունքները:

Մենագրության առավելությունն այն է, որ առաջին անգամ ինչպես հայ, այնպես էլ վրաց ու ադրբեջանական պատմագրության մեջ լուսաբանվել է Անդրկովկասյան սեյմի ամբողջական գործունեությունը, այնպիսի հարցեր ինչպիսիք են իշխանության նոր մարմնի ստեղծման հիմնահարցը, Սեյմի ձևավորումը, գործունեության ծրագիրը, հռչակագրի ընդունման գործընթացը, «Մինիստրական ճգնաժամը և Անդրկովկասյան միացյալ կառավարության ձևավորումը, երկրամասի անկախության շուրջ քննարկումները, քաղաքական կողմնորոշման փոփոխումն ու Անդրկովկասի անկախության հռչակումը: Բացի այն, որ առանձին ներկայացվում են Վրաստանի, Ադրբեջանի և Հայաստանի անկախ հանրապետությունների հռչակման ամբողջական գործընթացները, հատուկ անդրադարձ է կատարվել անկախությունների հռչակման ակտերի տարբերությունների և առանձնահատկությունների վրա: Կարևորվում է նաև այն հանգամանքը, որ պատմաքննական հետազոտությունն ու վերլուծությունները իրականացվել են առավելապես հարևան երկրների սկզբնաղբյուրային նյութի հենքի վրա, ինչը ոչ միայն առաջին անգամ է դրվում գիտական շրջանառության մեջ, այլև առավել օբյեկտիվ ու անկողմնակալ է դարձնում նյութի քննությունն ու շարադրանքը:

Հանգամանակից ու խորքային վերլուծության են ենթարկվել անկախությունների ողջ գործընթացի համատեքստում անդրկովկասյան բոլոր կուսակցությունների, ռազմա–քաղաքական վերնախավի առնչություններն ու պայքարը, անկախության ճանապարհին տարածաշրջանային ու աշխարհաքաղաքական զարգացումներով պայմանավորված՝ ազգային երեք շրջանակների շահերի ու ընթացքի տարբերությունները և առանցքային այլ հիմնահարցեր:

FOREWORD

Armenian statehood traces its origins back to the 3rd millennium BC with the emergence of the highland country of Aratta, referenced in the Sumerian epic “Enmerkar and the Lord of Aratta” as “Sacred”, “land of the Gods”, “land of Justice and the Arts”.

Subsequently, on the Armenian Highlands, various states such as Haykazuni state, Hayasa, Arme–Shupria, Nairi, Hurri–Mitanni, and Ararat (Urartu) were successively established.

The later state of Hayk — Hayastan (Armenia) is depicted through the rich history of powerful Armenian kingdoms: Yervanduni (Orontids), Artashesian (Artaxiads), Arshakuni (Arsacids), and Bagratuni (Bagratids), along with the Armenian kingdom of Cilicia beyond the Armenian Highlands.

From the mid–16th century, when Armenia was partitioned between the Ottoman Empire and the Safavid Persian Empire, fifteen Armenian semi–independent principalities persisted in the highlands. During this period, the highest clergy, Armenian elite, merchants, and princes, along with their armies, united around a common goal: the liberation of Armenia.

A European and, since 1701, a Russian political orientation emerged, leading to Transcaucasia, along with a small part of historical Armenia — Eastern Armenia, becoming part of Russia.

The Republic of Armenia was established on this territory only in May 1918.

The process of Transcaucasia’s separation from Russia unfolded through five main stages: 1. The 1917 February Revolution in Russia, 2. The October coup d’état in Russia, 3. Turkish invasion and as a consequence 4. The declaration of independence of Transcaucasia, and 5. The emergence of independent Transcaucasian republics.

This process started in Russia with the monarchy's overthrow in February 1917, enabling Russia's democratic development. Subsequently, within the framework of these events, the prerequisites for the establishment of socio-political structures allowing for the independent existence of national regions were established, albeit within the All-Russian Federative Democratic Republic.

In contrast to the Georgian and Tatar (Azerbaijani) public of Transcaucasia, the Armenian public took two radical steps towards organizing an independent national life during the eight months of the February Revolution: the establishment of national councils and national military units.

For comparison, it is worth noting that the Georgian National Council was established amid the Bolshevik coup in November 1917, while the Tatar council was formed on May 26, 1918, just before the declaration of independence.

Moreover, in Armenian circumstances, two national councils emerged: the Western Armenian and the Eastern Armenian. This was due to the existence of two Armenias and the genuine prospect of determining the fate of Western Armenia, which had been annexed by Russia.

The establishment of the Armenian National Councils itself played a significant role in awakening and fostering national consciousness. It spurred the process of national unity, aiming to bring together all political movements and parties under the banner of the national ideal. Ultimately, these national councils served as the foundation for the legislative and executive bodies of the Republic of Armenia.

After April 1917, the Provisional Government addressed the formation of national military units earnestly and issued the law "Basic Provisions for the Nationalization of the Army". On April 19, in line with an order from the Caucasian Front, General T. Nazarbekyan was dispatched to the front headquarters to oversee the nationalization of army units. The Provisional Government had two primary objectives: firstly, to stabilize the collapsing Caucasian Front, leveraging Armenian combat-ready and disciplined units;

and secondly, to establish a dependable pro-government military force to counter the growing threat of Bolshevism, particularly evident in July 1917. In Armenian context, the notion of creating national military units served a more urgent purpose: to fend off the anticipated Turkish invasion and quell the Kurdish and Tatar anti-Russian and anti-Armenian uprisings in the Yerevan province.

At the post-October stage, in December, the Armenian armed forces were finally formed — the Armenian National or Army Corps, which became the main guarantor and defender of the Armenian population and the creation of the Republic of Armenia.

In the post-October period, in December, the Armenian armed forces were ultimately established — the Armenian National Army Corps, which emerged as the primary protector and defender of the Armenian populace and the establishment of the Republic of Armenia. The Bolshevik coup ushered in a new political landscape in Transcaucasia. The newly formed body, the Commissariat, did not align with Soviet authority. Consequently, the practical phase of Transcaucasia's separation from Russia commenced, closely intertwined with the issue of establishing an alternative government. Whereas during the February Revolution, the Provisional Government administered the region through the Special Transcaucasian Committee — “Ozakom” — established in lieu of the dissolved Caucasian governorship, the post-October period witnessed the emergence of the Baku Council as an alternative authority to the Soviet power alongside the Commissariat.

Until April 2, 1918, it functioned as a coalition of socialist factions (Socialist Revolutionaries, Mensheviks, Bolsheviks). During this period, the prospect of Bolshevik leader Stepan Shahumyan, the Chairman of the Council, and his adherents seizing power was viewed within the context of a peaceful Bolshevik triumph — by securing an overwhelming Bolshevik majority in the Baku Council. Consequently, prompted by the Georgian Social-Democratic Mensheviks, an anti-Soviet coalition government of democratic socialist parties emerged, opposing both the central government and the Baku Council.

An examination of the latter's three-month tenure reveals that while ostensibly a socialist bloc government, akin to Ozakom, it was effectively organized along ethnic lines. Furthermore, the Georgian Social-Democratic Menshevik party, the Armenian Revolutionary Federation Dashnaktsutyun, and the Azerbaijani Musavat party, operating within the framework of the Commissariat and later the Seim, progressively pursued the declaration of Transcaucasia's independence, followed by the establishment of independent national republics.

The political history of Transcaucasia during 1917–1918, characterized by interethnic tensions, complex territorial disputes, and the Armenian Issue, was deeply intertwined with the struggle for regional power. Even the decree “On Turkish Armenia” issued by the Council of People's Commissars aimed to garner the support and engagement of Armenians and Armenian factions within the broader Sovietization agenda for Transcaucasia.

Stepan Shahumyan, appointed by V. I. Lenin as the “Extraordinary Temporary Commissar of the Caucasus” in December 1917 and serving as Chairman of the Baku Council, devised a plan to utilize the nearly 25 thousand-strong Armenian army stationed in Baku, subordinate to the Baku Council, along with the Red Guard and Bolshevized military units remaining on the Caucasian front. His strategy aimed to seize Tiflis, oust the Commissariat and subsequently the Seim, establish Soviet authority in Transcaucasia, suppress Tatar and Kurdish anti-Russian and anti-Armenian uprisings incited by Turkish emissaries in the Yerevan province, integrate with Armenian groups and Russian Bolshevik military units in Western Armenia, fortify the Caucasian front against an anticipated Turkish invasion, and effectively address the Armenian Issue within the framework of the pro-Armenian Sovietization scheme.

The execution of this strategy aimed for the endorsement of Bolshevik resolutions during the Second Caucasian Regional Army Congress in December 1917, spearheaded by Stepan Shahumyan and G. Ghorghanyan. This included the pivotal resolution “On Western Armenia”, which laid the groundwork for the subsequent

decree “On Turkish Armenia”, sanctioned by Bolshevik leadership towards the end of December. It is noteworthy that Shahumyan’s proposal to address the national and Armenian Issue did not emerge in response to the Bolshevik coup, but was first articulated in the summer of 1917, during the inaugural Congress of Soviets. A representative from the Bolshevik Central Committee broached the idea of delineating a territory for future Armenia, encompassing Armenian regions within the Tiflis province: Javakhk, Borchalu district, a significant portion of the Elizavetpol Governorate (including Nagorno and Plain Karabakhs), Nakhijevan, Western Armenia, and advocating for the establishment of an Armenian canton in Transcaucasia.

The scholarly framework we are constructing would lack credibility if not underpinned by tangible forces and figures. During negotiations held in January 1918 in Tiflis, Rostom Zoryan, the coordinator of Armenian forces in Baku and founder of the ARF Dashnaksutyun, collaborated with Stepan Shahumyan alongside Aram Manukyan, Chairman of the Armenian National Council of Yerevan, Tsarist General Hakob Bagratuni, and other key figures.

It appears that advocates of a forward-thinking and adaptable strategy, positioned at diametrically opposed political spectrums, have coalesced around a prospective resolution to a supra-national imperative. The presence of A. Bagratuni alone carries significant weight. This Tsarist general, who in 1917, on the cusp of the anticipated Bolshevik uprising, was appointed by Provisional Government Chairman A. Kerensky as commandant of the Petrograd Military District to quell the insurrection, now, as a victim of the Bolshevik “victory”, finds himself in Baku alongside Shahumyan. Furthermore, convoys accompanied by Armenian armed forces from various regions of Russia, particularly from the North Caucasus, converged upon Baku. This unprecedented collaboration culminated in the suppression of the orchestrated Musavat uprising in Baku from March 29 to April 1, 1918. Their objective was to overthrow the authority of the pro-Armenian Baku Council amidst the Turkish invasion and the prevailing pan-Turkic sentiments, with the aim of

seizing Baku and establishing it as the capital of “Azerbaijan”. Meanwhile, as per Shahumyan’s blueprint, both Baku and Tiflis were intended to be declared as open and free cities.

Simultaneously, efforts were made to weaken and isolate the influential Armenian multi-layered factor, particularly in Baku and the Baku Governorate. The anti-Armenian alliance between the Georgians and Tatars, which emerged during the February Revolution and later consolidated within Ozakom and the majority of the Commissariat, pursued a systematic strategy to marginalize the influential Dashnaksutyun party and undermine the pro-Armenian stance of the Baku Council.

Initially, on November 26, 1917, the regional Menshevik bureau and the executive committee of Tiflis initiated precautionary measures, establishing the “Red Guard”. Subsequently, on November 28, Tiflis was placed under martial law¹⁷, and that same evening, the Bolshevized Kars regiment was ordered to vacate Tiflis and relocate to the North Caucasus¹⁸. In February 1918, Georgian Menshevism seized control of the Tiflis arsenal¹⁹.

The seizure of Tiflis and the overthrow of the Commissariat, as envisaged by St. Shahumyan’s plan, were not viewed by the Georgian Mensheviks as a triumph of Bolshevism, but rather as an anti-Georgian move and a victory for the Armenian influence. This is evident from the stance taken by the Georgian Bolsheviks, particularly F. Makharadze, who, despite being a fellow party member of St. Shahumyan, did not wholeheartedly embrace the Sovietization of Transcaucasia and the anticipated arrival of 30,000 Bolshevized troops military units of Sarikamish into Tiflis. In fact, they implemented all possible countermeasures.

The Georgian Mensheviks and Bolsheviks joined forces against St. Shahumyan because his plan was seen as reckless by the Commissariat and the Seim. St. Shahumyan and N. Kuznetsov were

¹⁷ See News of the Council of Workers’ and Soldiers’ Deputies of Tiflis city, Tiflis, 1917, No. 198.

¹⁸ See N. N. Zhordania, *For two years. Reports and speeches*, Tiflis, 1918, p. 59.

¹⁹ See S. E. Sef, *Revolution of 1917 in Transcaucasia*, Tiflis, 1927, p. 337.

branded as outlaws by the Commissariat and clandestinely returned to Baku. Under the declared state of emergency, the Muslim “Wild Division” entered Tiflis.

The Georgian nationalist press characterized St. Shahumyan’s plan as a “narrow nationalist dream”. The ARF newspaper “Horizon”, in republishing materials from newspapers such as “Ertoba” (“Unity”), “Sakhalho Sakme” (“People’s Cause”) and “Chveni Respublika” (“Our Republic”), remarked: “Imagine, the Armenians are saying, Shahumyan turned out to be a good Armenian”²⁰. “Sakartvelo” (Georgia) wrote: “It is possible that by joining the retreating military units (referring to the Bolshevized military units of the Caucasian Army — *V.M.*), the Armenians will hail St. Shahumyan as a national leader. Nonetheless, we must exercise caution to prevent extreme chauvinists, who may dream of establishing a “Great Armenia” alongside Shahumyan, from rising under the banner of internationalism”²¹.

In the new monograph, we undertake the critical historiographical task of examining the incremental process of Transcaucasia’s separation from Russia, the declaration of independence in the region, and the subsequent emergence of national states.

Over the past four decades, our scientific endeavors have been dedicated to examining preceding historical epochs, as evidenced by candidate²² and doctoral²³ dissertations, six monographs²⁴, and approximately 120 scholarly articles.

²⁰ “Horizon”, Tiflis, 1918, issue 20.

²¹ *Ibid.*, No. 26.

²² See Vahan Melikyan, *The February Revolution and Armenia (March–October 1917)*, 1989.

²³ The question of power in Transcaucasia. Activities of the Transcaucasian Commissariat and Armenian reality (November 1917 — February 1918), 2010.

²⁴ *The February Revolution and Armenia (March–October 1917)*, pub. house “Mkhitar Gosh”, Yerevan, 1997, in Armenian, 319 p.

The problem of power in Transcaucasia. Activities of the Transcaucasian Commissariat (November 1917–February 1918), Institute of History of the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia, Yerevan, 2010, in Armenian, 263 p.

The merit of the monograph lies in its comprehensive coverage of the activities of the Transcaucasian Seim, a pioneering effort within the historiography of Armenia, Georgia, and Azerbaijan. It delves into various aspects including the establishment of a new governmental entity, the formation of the Seim, its agenda, the procedural steps in adopting declarations, ministerial crises, the genesis of a unified Transcaucasian government, debates surrounding regional independence, shifts in political alignment, and the declaration of independence for Transcaucasia.

In addition to the detailed examination and separate presentation of the processes leading to the declaration of independence by Georgia, Azerbaijan, and Armenia, particular emphasis has been placed on elucidating the distinctions and nuances characterizing the acts of independence declaration in each republic. Furthermore, the historical inquiry and analyses were primarily grounded in source materials sourced from neighbouring countries, the majority of which are not only being introduced into scholarly discourse for the first time but also enrich the discussion with a more comprehensive, objective, and impartial treatment of the subject matter.

The interactions and conflicts among all Transcaucasian factions, the military–political leadership, divergences in the interests and policies of the three national spheres, and other pivotal issues influenced by regional and geopolitical dynamics have undergone meticulous and thorough analysis. This examination is situated within the broader context of the struggle for power and autonomy of the Transcaucasian republics.

Church Council of Holy Etchmiadzin in 1917. Holy Etchmiadzin, ed. of the Mother See of Holy Etchmiadzin, 2018, (in Arm.), 86 p.

The struggle for Baku (November 1917 — April 1918), Yerevan State University Publishing House, Yerevan, 2018, 223 p.

The fight for Baku (November 1917 — April 1918), ed. “Zangak”, Yerevan, 2019, 213 p.

Social and political life of Western Armenia in 1917–1918, defense of Erzurum and the reasons for its fall in 1918, ed. “Zangak”, 2019, (in Arm.), 246 p.

ПРОБЛЕМА СОЗДАНИЯ НОВОЙ ВЛАСТИ
В ЗАКАВКАЗЬЕ: ФОРМИРОВАНИЕ
И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СЕЙМА
(ЯНВАРЬ–МАРТ 1918 г.)

1.1. ФОРМИРОВАНИЕ ЗАКАВКАЗСКОГО СЕЙМА

С середины декабря, в 1917 года после подписания перемирия в Ерзнká (Эрзинджан), в Закавказье началась очередная фаза кризиса власти. Она стала логическим следствием бурных событий, последовавших за большевистским переворотом, отправной точкой которого было, с одной стороны — противостояние краевой власти центральным и местным большевистским силам, с другой — вопрос установления более стабильной власти.

Политическими партиям был поднят вопрос, касающийся прежде всего критики Комиссариата, напоминания о его «временном» характере, его усиления и, что было более актуально — наделения его законодательной властью.

В контексте общеармянских проблем самое глубокое разочарование испытывало западноармянское общество, поэтому выводы газеты «Айастан» звучали еще более бескомпромиссно и радикально. Газета редактора Ваана Тотовенца и патентообладателя Гарегина Левоняна заявила 14 декабря, что «Кавказский комиссариат, со дня своего создания и до сих пор, не представил ни одного доказательства существования органа, представляющего практическую цель и авторитет реального правительства, скорее напротив — в его решениях, декретах и в

деятельности мы видим незрелые, неопытные шаги с точки зрения управления страной»²⁵.

Издание, выражающее интересы западных армян, обеспокоенное развалом Кавказского фронта обосновывало поспешное формирование закавказского правительства большевистским переворотом, что, в свою очередь, подтолкнуло край к поэтапному выходу из состава России и, конечно же — к искоренению назревавшей в Закавказье анархии. Примечательно, что национальная, беспартийная газета также соглашалась с господствующим подходом в политической сфере, а именно — с формированием «надежного, авторитетного и единого социалистического правительства»²⁶.

Сравнивая Озаком (Особый Закавказский Комитет) и Заком (Закавказский Комиссариат), Армянская народная партия (АНП) в лице Амбарцума Аракеляна, выражала убеждение, что последний «не только ни на волосок не облегчил бедственное положение народа, а, можно сказать, вдесятеро ухудшил положение страны... Заком не обладает никаким авторитетом и влиянием, не чувствуется, что в стране есть руководитель»²⁷. «Мшак» особо акцентировал внимание на вопросе о подписанном на Кавказском фронте перемирии, обвиняя Комиссариат в том, что он слепо следует за большевистским правительством и тем самым разрушает и деморализует армию²⁸.

Неустойчивое положение Закавказского комиссариата беспокоило Армянскую революционную федерацию «Дашнакцутюн» (АРФД) прежде всего из-за последовательной политики большевиков, направленной на свержение Комиссариата и передачу правления народным комиссарам. В редакционной статье «Наши задачи в 1918 году: политическое положение на Кавказе» от 1 января 1918 г. газета «Ашхатавор» («Рабочий») — орган ЦК и местных комитетов партии в Тифлисе, также

²⁵ «Айастан». (Армения) Тифлис, 14 декабря 1917, № 174.

²⁶ Там же.

²⁷ См. «Мшак» («Труженик»), Тифлис 29 декабря 1917, № 274.

²⁸ Там же.

считала, что Комиссариат не имеет под ногами прочного фундамента и еще не в состоянии принять контроль над правительственным аппаратом, «хотя он предпринял ряд успешных шагов»²⁹. Ованес Каджазуни также видел необходимость формирования нового правительства. Он отмечал, что «Комиссариат, продолжающий управлять страной от имени «Временного правительства» Керенского, совершенно потерял почву под ногами после падения этого правительства. Необходимо было сформировать новую власть, более престижную в глазах населения и **более правомочную** — для самостоятельного ведения государственных дел»³⁰ (выделено нами — *В. М.*).

12 января 1918 г. на заседании Комиссариата предметом особого обсуждения стал доклад председателя Комиссариата «Политическое положение Закавказского Комиссариата» и вопрос об образовании нового органа власти³¹. Доводы Евгения Гегечкори сводились к следующему: он напоминал собравшимся, что Комиссариат получил свои полномочия от краевого центра Совета рабочих и солдатских депутатов (далее: совет р. и с. д. — *В. М.*) и окончание этих полномочий связывал с фактическим открытием Учредительного собрания. Он считал, что хотя Комиссариат и получил вотум доверия от краевого центра, в настоящее время он совершенно не пользуется доверием организаций и национальных советов. Положение, по мнению Е. Гегечкори, усугублялось из-за противоречий между Комиссариатом и исполкомом Совета р. и с. депутатов Тифлиса. Затем председательствующий предлагает обсудить следующие вопросы: 1) считает ли Закавказский комиссариат с политической точки зрения моральным, сохранив за собой полномочия, продолжить свою деятельность или же передать власть тому органу, который будет создан Закавказским Сеймом; 2) планирую-

²⁹ См. «Ашхатавор» (Рабочий), Тифлис, 1 января 1918, № 1.

³⁰ Каджазуни Ов., АРФ Дашнакцутюн более нечего делать, Вена, 1923, с. 22.

³¹ См. Национальный архив Грузии (НАГ), ф. 1818, оп. 2, д. 12, лл. 25–26 об...

ет ли Закавказский комиссариат поднять вопрос власти в краевом центре сегодня же?

В завершение Е. Гегечкори констатирует, что в сложившейся атмосфере Комиссариат больше не может работать, поэтому затягивание решения вопроса — в связи со сложностями с созывом Сейма, неуместно и должно быть снято с повестки³². После доклада председателя комиссариата с речами выступили Акакий Чхенкели, Григорий Рцхиладзе, Хачатур Карчикян, Казар Тер-Казарян, Худад-бек Мелик-Асланов, Шалва Алексеев-Месхиев. Их мнения и подходы сводились к следующему: А. Чхенкели считал, что вопрос о характере правительства должен быть поставлен перед тем органом, который еще предстоит образовать, и только этот орган будет правомочен принять решение по вопросу о власти. «Теперь у нас нет разделения полномочий между краевой властью и революционными организациями,— отмечал он,— смешение тех и других приведет к соответствующим разногласиям и противоречиям. Мы забываем, что основой революционного порядка считается самоуправление, и хотя мы боремся с большевиками, мы стоим на их точке зрения. Недопустимо оставлять в стороне революционные и партийные организации»³³. А. Чхенкели предлагал не поднимать в краевом центре вопросы о власти и Закавказском комиссариате. Г. Рцхиладзе придавал важность роли революционных организаций, «пока не сформируется новая власть»³⁴. Свой подход он обосновывал тем, что Комиссариат получил свои полномочия от краевого центра, то есть от революционных организаций, и не может войти в центр своим заявлением о необходимости создания новой власти. Он предложил, помимо революционных организаций, обратиться к имеющим огромную моральную силу «Национальным советам»³⁵.

³² Там же, л. 25.

³³ Там же, л. 25 об.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же.

С довольно смелым предложением выступил дашнак Х. Карчикян, который был убежден, что для преобразования власти при нынешнем положении вещей прежде всего требуется время — возможно, больше месяца. «Сейчас уже невозможно работать планомерно,— отмечал он,— по всей видимости, состав Комиссариата не имеет моральной поддержки»³⁶.

По словам Х. Карчикяна, решение вопроса «многовластия» крайне актуально, поскольку жизнью Тифлиса — политического центра края, руководит Исполнительный комитет Краевого совета р. и с. д.: «Прямо сейчас, незамедлительно нужно провести линию раздела между двумя властями, и если сделать это не удастся,— говорил Х. Карчикян,— мы должны сложить с себя наши полномочия»³⁷. К. Тер–Казаряна беспокоило то обстоятельство, что большевистские настроения все больше проникают во все революционные организации.

Что касается роли национальных советов в вопросе власти, то с.–д. меньшевик К. Тер–Казарян, высоко оценивая их незаменимую роль — особенно в управлении национальными воинскими формированиями, заявил, что крах всех народов региона заключается в национальном размежевании, поэтому национальные советы должны ограничиваться лишь моральным содействием и никогда не становиться органами управления. Эта очевидная опасность состояла в том, что Национальные советы не оставят в покое новообразованную власть, попытаются его ликвидировать³⁸. Это реальное беспокойство проистекало, разумеется, из тактики партий, которые встали на путь национального размежевания, против чего выступали и армянские меньшевики. Х–б. Мелик–Асланов считал, что Комиссариат не имеет морального права слагать возложенные на него полномочия, «тем более в то время, когда разворачивающиеся в крае опасные события и их последствия вызовут обвинения относительно неспособности и страха». В то же

³⁶ Там же.

³⁷ НАГ, ф. 1818, оп. 2, д. 12, л. 26.

³⁸ Там же.

время позже он выражает свое несогласие с мнением К. Тер-Казаряна, отмечая, что первоочередной задачей будущего Сейма является национальный вопрос³⁹.

Затем в спор вступает А. Чхенкели, отмечая, что новая власть в первую очередь решит национальный вопрос. Совершенно очевидно, что грузинские меньшевики возлагали большие надежды на получение господствующего положения в этом «новом правительстве» и, таким образом, рассчитывали на решение национального вопроса в регионе в пользу грузин. В вопросе власти новое разъяснение А. Чхенкели становится решающим. Исходя из того, что источником власти Комиссариата является Краевой центр, он утверждал, что их заявление, сделанное на настоящем заседании, само по себе означает прекращение полномочий. «Если в короткий промежуток времени, — указывал А. Чхенкели, — мы не сможем сформировать власть, то мы должны пригласить Краевой совет по этому вопросу»⁴⁰.

Подводя итог, Е. Гегечкори сообщает, что в контексте роспуска Учредительного собрания в Петрограде необходимо поставить вопрос о новой власти, а затем рассмотреть и другую задачу — созыв Краевого сейма. «А если краевой центр обнаружит, что это невозможно сделать за несколько дней, — говорил Е. Гегечкори, — то нам следует поставить вопрос о невозможности дальнейшего существования Закавказского комиссариата и прекращения его полномочий в сложившейся обстановке, поскольку мы не чувствуем поддержки ни Советов, ни партий»⁴¹.

Заседание комиссариата вынесло решение: просить Е. Гегечкори — как председателя Закавказского комиссариата, выступить с соответствующим заявлением на заседании краевого центра⁴².

³⁹ Там же, л. 26 об.

⁴⁰ Там же, л. 26.

⁴¹ Там же, л. 26 об.

⁴² Там же.

Таким образом, роспуск Учредительного собрания и реальная угроза появления в регионе альтернативы большевистской власти поставили вопрос о необходимости формирования более стабильного и сильного правительства. Более отчетливо представлялось то обстоятельство, что идея коалиции, которая была положена в основу первого — условного этапа формирования областного правительства, уже не могла той же формой оправдать себя.

Газета «Ашхатовор» писала: «Мы очень боимся, что и эта вторая попытка установления власти в нашей стране также будет неудачной: опасаемся, потому что она не может быть однородной властью парламентского большинства на Кавказе, а должна иметь опять же коалиционную структуру, опирающуюся на национальные органы»⁴³. Если партия «Дашнакцутюн» имела в виду национальные советы (что было смело также озвучено 12 января на заседании Краевого центра Всекавказских краевых центров советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, то это фактически свидетельствует о том, что роспуск Учредительного собрания стал тем основным поводом, тем водоразделом, когда закавказские национальные силы избрали и решительно встали на путь национального размежевания и суверенитета. В то же время в качестве заявления «Ашхатавор» опубликовал редакционную статью «Вопрос о власти», где говорилось: «Учредительное собрание и Всероссийская Федеративная Демократическая Республика — вот такой должна быть, — уверял своих читателей «Ашхатавор», — политическая вера в ближайшем будущем, особенно для нас, кавказцев»⁴⁴.

Можно с уверенностью констатировать, что подобные формулировки — это первые упоминания о Закавказском парламенте — Сейме.

12 января 1918 г. в Тифлисе состоялось совместное заседание краевых центров р. с. и к. депутатов — под председательством Ноя Жордании. Вопрос о разгоне Учредительного собрания

⁴³ «Ашхатавор», 17 января 1918 г., № 7.

⁴⁴ Там же.

большевиками и организации протестов против этого косвенно трансформируется в вопрос об организации власти в Закавказье. С.—д. меньшевик Гварчеладзе объявляет, что «его партия решила настоять на том, чтобы из числа депутатов, избранных в Учредительное собрание, был созван Кавказский сейм, который и должен организовать власть»⁴⁵. Е. Гегечкори деликатно намекает аудитории, что, поскольку Комиссариат был сформирован до Учредительного собрания, значит, и революционный центр следует проинформировать о том, чтобы он подумал о создании новой власти. В конце концов меньшевики выдвинули предложение «в ближайшие дни пригласить депутатов Учредительного собрания, избранных от Закавказья и фронта, которые составят Закавказский сейм». Предложение принимается с поправкой дашнаков, согласно которой из резолюции исключено выражение «Сейм»⁴⁶.

На этом заседании в условиях открытого и полноценного политического руководства грузинских меньшевиков начинается процесс образования сейма, который длится около месяца. Погромы русских солдат в Шамхоре и Елизаветполе, ускорение плана захвата власти в регионе под руководством председателя Бакинского совета р. и с. депутатов Степана Шаумяна, антиправительственное поведение и решимость последних большевизированных кавказских воинских частей, двигавшихся к Тифлису, подтолкнули в основном грузинских меньшевиков к формированию более стабильной и сильной власти, главной и конечной целью которой было отделение Закавказья от России и создание национального государства. Можем с полным основанием утверждать, что следующая фаза идеи независимости (1. Период Февральской революции; 2. Послеоктябрьский период полностью принадлежала грузинскому меньшевизму и носила последовательный характер. Иначе почему в редакционной статье газеты «Оризон» АРФ «Дашнакцутюн» снова в роли второй скрипки, но при этом справедливо противостояла своим коллегам по единому

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ См. «Оризон», Тифлис, 1918, 17 января, № 10.

правительству. «Тот, кто требует Сейм (имеются в виду меньшевики — *В. М.*), — писала газета «Оризон», — должен последовательно требовать и условия, следующих за этой логикой, которые ведут к фактическому отделению Закавказья от России. Но ведь именно меньшевики до сих пор противились добровольным отделениям и настаивали на государстве, разве не так?»⁴⁷. Главный партийный орган «Дашнакцутюн» заявлял, что они не отвергают идею Сейма — как выражения определенной формы закавказского государственного устройства, и что они всегда выступали за широкую децентрализацию и федеративное начало. Но связывать идею Сейма со случайным собранием депутатов, избранных для особой цели, да еще и в таких политических условиях — вот это партия «Дашнакцутюн» сочла нецелесообразным. АРФД формулирует свой подход следующим образом: «Тот съезд, который должен быть созван из числа депутатов Учредительного собрания, будет иметь одну цель — создать новую временную власть вместо Закавказского комиссариата»⁴⁸.

Ясно также, что если для грузинских меньшевиков политическая перспектива их народа отныне была связана с национальным суверенитетом, то в случае с «Дашнакцутюн» эта перспектива была весьма неопределенной и тревожащей.

В эти же дни меньшевики перешли от слов к делу: был получен циркуляр комиссара по делам Министерства внутренних дел А. Чхенкели, адресованный губернским и уездным комиссарам, городскому голове Баку, городской милиции Тифлиса. В циркуляре, в частности, указывалось, что все реформы, разработанные Комиссариатом, не могут быть осуществлены в условиях существующего безвластия. Взамен выдвигался призыв «создать сильную, органичную власть, создав губернскую и сельскую милицию — надежную, дисциплинированную, организованную»⁴⁹.

⁴⁷ Там же, 18 января, № 11.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ См. там же.

На заседании Комиссариата 15 января был заслушан доклад об итогах выборов Закавказского избирательного округа, касающийся отчета Центральной избирательной комиссии по выборам в Учредительное собрание. Решено было 22 января созвать съезд депутатов, избранных от Закавказья и Кавказского фронта. Этот съезд должен был стать главным полномочным и компетентным органом по вопросам, связанным с организацией власти в Закавказье⁵⁰.

16 января циркуляры за подписью Е. Гегечкори были отправлены в Баку — в Центральный мусульманский комитет⁵¹, в районные комитеты партий — с.-д. меньшевиков⁵², социалистов-революционеров⁵³ и с.-д. большевиков⁵⁴.

Вопрос о пределах компетенции и задачах этого съезда был тесно связан с вопросом об отношении Закавказья к Всероссийскому Учредительному собранию, поэтому он также нашел широкий отклик в партийной печати.

«Молот» — партийную газету «Дашнакцутюн», особенно беспокоило то обстоятельство, что некоторые течения настаивают на том, чтобы этот съезд объявил себя Учредительным собранием Закавказья. Армянская национальная партия имела в виду грузинских меньшевиков. «Слова, термины имеют определенное значение, и ими не следует играть по своему усмотрению. С самим понятием Учредительного собрания связана идея абсолютной независимости, полной самостоятельности и неограниченных полномочий. — писала газета «Молот». — Любая другая интерпретация считается открытой или завуалированной игрой со значением политического лозунга⁵⁵. В контексте демократических начал вполне оправдан довод «Дашнакцутюн», в частности, в том смысле, что Закавказское Учредительное собрание не имеет предваритель-

⁵⁰ См. НАГ, ф. 1, оп. 2, д. 7, л. 35, д. 12, лл. 37–40.

⁵¹ Там же, д. 223, л. 1.

⁵² Там же, л. 4.

⁵³ Там же, л. 8.

⁵⁴ Там же, л. 9.

⁵⁵ «Молот», Тифлис, 1918, 20 января, № 12.

ного согласия и санкции Всероссийского Учредительного собрания.

Более того, если местные учредительные сеймы начнут самостоятельно решать вопросы о содержании и объеме полномочий этих сеймов, то это значит, что Закавказье отвергает Всероссийское Учредительное собрание и принцип солидарности с общероссийской демократией. «Вот почему,— пояснял «Молот»,— те общественно–политические элементы, которым чужда русская революционная ориентация, со злорадством и облегчением восприняли факт разгона Учредительного собрания в Петрограде, и теперь, по сути, нет препятствий для организации своих собственных Учредительных собраний, как они думают»⁵⁶. Речь шла о грузинских и татарских деятелях и депутатах. Полностью разделяя и понимая озабоченность Армянской национальной партии, мы считаем, что своей позицией, к сожалению — анахроничной, «Дашнакцутюн» объективно подталкивала партию и армянское население Закавказья к самоизоляции.

Да, было совершенно ясно и определено, что не только разгон Учредительного собрания, но и его прелюдия — большевистский переворот, стал главным поводом и водоразделом, где коренным образом изменилась стратегия грузинских, а затем и татарских национально–политических сил, то есть — стратегия создания суверенных, национальных государств без России. Противоречие крылось еще и в том, что оппозиционное и дистанцированное отношение «Дашнакцутюн» к своим партнерам было неустойчивым, нерешительным, поскольку, как показывают происходившие на съезде дискуссии, а также многочисленные статьи в партийной печати, АРФД довольно быстро приняла навязанные условия, а затем вступила в состав Сейма. И как бы ни старалась партия ввести в правовое, легитимное поле внутризаквказские вопросы, в данном случае — вопросы о численности и полномочиях депутатов Закавказского съезда (члены Учредительного собрания избирались на

⁵⁶ Там же.

основе общероссийского, а не закавказского законодательства), тем не менее процесс сепаратизма и самостоятельности вступал в решающую стадию.

В то же время следует отметить и то обстоятельство, что партия последовательно и до конца выражала свою солидарность с общероссийской демократией, с великим и всеобщим идеалом политического верховенства Учредительного собрания. «Местные органы,— писала газета,— кроме местных интересов и задач должны служить также интересам и проблемам всероссийским»⁵⁷.

Партию «Дашнакцутюн» справедливо беспокоило то, что идея создания в Закавказье «сейма», «парламента», то есть постоянно действующего законодательного органа, носила характер неоправданно форсированного процесса. Она не обсуждалась краевыми демократическими революционными организациями, партиями, Национальными Советами. «Переход от съезда депутатов к Закавказскому сейму,— писала газета «Молот»,— должен быть осуществлен после всесторонних, обстоятельных обсуждений. Во всяком случае, совершенно недопустимо с такой легкостью превращать съезд в областной сейм»⁵⁸.

И, наконец, 22 января 1918 г. в Тифлисе⁵⁹ созывается съезд закавказских депутатов Учредительного собрания. На съезде присутствовали: от меньшевиков 10 депутатов (отсутствовали 2), от «Дашнакцутюн» — 7 (отсутствовал 1), от эсеров — 5 (отсутствовал 1), от татар — 3 (отсутствовали 11)⁶⁰, иными словами, из 40 депутатов на съезде присутствовали только 25 человек⁶¹.

Открывая собрание, Е. Гегечкори делает заявление о том, что «с сегодняшнего дня покидает свой пост» и от имени

⁵⁷ См. «Молот», 1918, 20 января, № 12.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ В резиденции Закавказского комиссариата — в здании Дворца бывшего наместника на Кавказе.

⁶⁰ См. «Оризон», 1918, 22 января, № 15.

⁶¹ Бакинская газета «Арев» упоминает 22 человека, см. «Арев», (Солнце) Баку, 1918, 28 января, № 21.

Комиссариата заявляет, что необходимо создать новую власть, которая, по его словам, сумеет положить конец внутреннему безвластию, финансовому кризису и парализованному снабжению продовольствием. Он сообщает также, что члены Комиссариата отныне будут работать в рамках партий. Председателем собрания был избран Николай Чхеидзе, секретарем — Алихан Кантемиров из группы мусульманских социалистов⁶².

По словам Н. Жордании, первым пунктом повестки принимается вопрос о полномочиях нынешнего съезда. Н. Жордания — главный архитектор отделения и независимости Закавказья, уточняет следующее: учитывая тот факт, что закавказские депутаты Всероссийского Учредительного собрания собрались в Тифлисе, вместо того чтобы работать в Таврическом дворце в Петрограде, руководство, состоящее из революционных сил и народных избранников, до установления связи с Россией должно заниматься исключительно местными вопросами. Он также считал, что 25–30 депутатов не могут управлять страной — из-за сложных местных проблем, поэтому количество депутатов следует увеличить до 120, и избрать одного депутата из 20 тысяч голосов — вместо 60 тысяч⁶³.

Считаем необходимым подробно и по существу остановиться на анализе речей и мнений, прозвучавших на съезде, ибо именно в этих обсуждениях окончательно формировалось новое закавказское правительство, закладывались основы процесса и направления будущих событий.

Первой на съезде выступила фракция «Дашнакцутюн» — в лице своего представителя Сиракана Тиграняна. Последний высказался против предложения Н. Жордании относительно создания Сейма и сделал заявление, которое сводилось к следующим положениям:

1) В качестве членов Учредительного собрания, созданного всероссийской революционной демократией, он считал, что

⁶² См. «Оризон», 1918, 22 января, № 15.

⁶³ Там же.

оно не уничтожено, «верил и хотел верить», что оно будет создано и выполнит свою историческую миссию, а именно — «воссоздание единой России как федеративного государственного образования, организованного на самой весомой основе и прочного союза автономных частей»⁶⁴.

«Нанас,— отмечал С. Тигранян,— как на членах Учредительного собрания, возложены два вида обязанностей. Во—первых, по отношению к этому Учредительному собранию — как символу новой, неделимой России; а во—вторых, по отношению к Закавказью, благодаря доверию населения которого мы получили звание и обязанности членов Учредительного собрания. И мы не отступим от своего долга — ни перед Учредительным собранием, ни перед Закавказьем»⁶⁵.

2) Он был убежден, что если они являются членами Всероссийского Учредительного собрания, избранными от Закавказья, и уполномочены населением, проголосовавшим на основании общероссийского избирательного закона, то из этого отнюдь нельзя сделать вывод, что они могут выступать в качестве Учредительного собрания Закавказья — «а между тем некоторые (имея в виду Е. Гегечкори и грузинских меньшевиков — В. М.) слишком принижают наши полномочия, а некоторые чересчур их превышают»⁶⁶.

3) Обвиняя грузинских меньшевиков, С. Тигранян пришел к следующему выводу: поскольку закавказские депутаты не обладают конституционными и законодательными полномочиями, то делается искусственная попытка усилить состав с целью укрепления депутатского авторитета. А для этого предполагается понизить избирательный ценз и тем самым пригласить на упомянутое собрание новые группы, что, по словам докладчика, было не под силу этим депутатам⁶⁷.

⁶⁴ Там же, 27 января, № 18, а также «Молот», 1918, 26 января, № 17.

⁶⁵ «Оризон», 1918, 27 января, № 18.

⁶⁶ См. «Оризон», 1918, 27 января, № 18.

⁶⁷ Там же.

«Их участие в собрании,— подчеркнул С. Тигранян,— внесет некоторую двойственность между постоянными и совещательными членами, что вряд ли увеличит силу и авторитет нашего собрания. Увеличение числа членов собрания, втрое не только не сконцентрирует основные силы, но еще и рассредоточит эти силы — по причине отсутствия полномочий от населения страны»⁶⁸. По его мнению, снижение избирательного лимита могло дать возможность проникнуть представителям правых элементов и течений и повести съезд в этом направлении⁶⁹.

Общий вывод был следующим: АРФД не только принимала, но и настаивала на необходимости Учредительного собрания Закавказья, но «непосредственно, по принципу реальности, а не случайности». «И мы предлагаем нынешнему собранию взять на себя эту важную задачу — пригласить Учредительное собрание Закавказья»⁷⁰.

От имени фракции социалистов–революционеров выступил Чемоданов. Он признавал, что революционное государство России должно быть основано на федеративных началах, и в этом отношении он приветствовал меньшевиков, «бывших противников» эсеров, которые сегодня стоят на той же точке зрения, но подчеркивал, что республиканская Россия должна иметь общий центр. Чемоданов указывал на то, что депутаты Учредительного собрания избираются с целью решения не местных, а общегосударственных вопросов, и считая, что Учредительное собрание существует, был против предложения действовать сепаратно и против учреждения Сейма⁷¹.

В защиту предложения Н. Жордании от имени меньшевистской фракции выступил Смирнов, считавший, что сначала должно быть создано местное самоуправление, чтобы «при создании центрального порядка мы опирались на это правительство». Он считал Сейм необходимым с точки зрения целесообразности и

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Там же.

отмечал, что «Учредительное собрание можно образовать здесь, создав местный орган». Возражая С. Тиграняну, он считал, что «для установления живой связи со всем Закавказьем необходимо хотя бы установить центральный орган Закавказья — Сейм»⁷². Возражая меньшевику Смирнову, эсер Чемоданов добавляет, что власть в стране может быть временно передана объединенному центру Советов р., с. и к. депутатов. «Сейм никогда не сможет иметь авторитета центральной власти. Слова Смирнова о том, что народы Закавказья нападают друг на друга, могут иметь место и при Сейме. Необходимо восстановить идею Учредительного собрания и само Учредительное собрание»⁷³. Хосров-бек Султанов, выступивший от имени мусульманской фракции, присоединился к предложению Н. Жордании. Меньшевик К. Тер-Казарян полностью разделял точку зрения своей фракции и считал, что созываемый Сейм будет также Учредительным собранием Закавказья⁷⁴.

Наиболее радикальным было выступление А. Чхенкели. «Как комиссар внутренних дел,— сказал он,— я решительно заявляю, что в Закавказье власти нет... Комиссариат бессилён бороться против безвластия в стране». Если власть, которая будет сформирована, не имеет законодательных полномочий, она не может управлять нашей страной»⁷⁵. В выступлениях А. Чхенкели, а еще ранее — Е. Гегечкори, отмечалась и роль национальных советов, где в полной мере раскрывается обособленность армян и неослабевающая враждебность к «Дашнакцутюн» на всем предшествующем политическом этапе.

Е. Гегечкори, например, считал, что АРФ «Дашнакцутюн» выступает против Сейма «потому, что существует Армянский национальный совет, который и исполняет роль власти». А. Чхенкели подчеркивал, что «национальные советы играют

⁷² «Оризон», 1918, 27 января, № 18.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Там же.

роль власти, но без центральной власти невозможно управлять страной со столь сложными условиями, какой является Закавказье. Если Сейм не положит конец вражде национальностей нашей страны друг против друга, то ничего иного невозможно сделать, дабы предотвратить это»⁷⁶. Ваган Навасардян подверг резкой критике националистическую политику грузинских социал-демократов меньшевиков, «чем они изолируют армянскую демократию — помня о сотрудничестве социал-демократии с беками (Елизаветполь, Шамхор и др. — *В. М.*) и считая необходимой истинную, искреннюю солидарность демократии»⁷⁷.

К сожалению, эта искренняя солидарность уже не представлялась возможной. А суть плана грузинских меньшевиков — Н. Жордании, как раз в том и заключалась, что, укрепив местное самоуправление, создав Сейм, можно было добиться решающего политического превосходства в этом регионе и диктовать грузинскую национальную политику. А. Чхенкели угрожал съезду и особенно партии «Дашнакцутюн», что необходимо применить сверхъестественную силу для спасения железной дороги, для решения продовольственного, экономического и финансового кризиса, для чего необходима «устойчивая власть». Н. Жордания пошел на откровенно политический шантаж, в очередной раз даже не скрывая свое антиармянское лицо: «Если «Дашнакцутюн» откажется от Сейма, положение армян может еще более ухудшиться»⁷⁸. Вызывает сожаление, что как в это время, так и до майского периода независимости 1918 г. АРФД ничего не смогла противопоставить грузинской тактике, и борьба ограничилась всего лишь риторикой.

В завершение съезда последовал безапелляционный, запрограммированный вывод Н. Жордании: «Только после всего этого может быть образован Сейм, которому должна быть

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Там же.

делегирована задача организации власти, а до тех пор Закавказский комиссариат будет продолжать свое существование»⁷⁹.

После перерыва Н. Жордания выступил уже с подкорректированными предложениями: 1) созвать Сейм до созыва Всероссийского Учредительного собрания; 2) утроить число действующих депутатов и 3) созвать Закавказский сейм в ближайшее 10 февраля⁸⁰.

Затем были опубликованы решения фракций. Чемоданов предложил формулу эсеров, которая формулировалась так: «Принимая то, что полномочным органом, решающим судьбу Российской Федеративной Демократической Республики, является Учредительное собрание, и при этом считая его лишь временно отложенным, Съезд членов Закавказского учредительного собрания и Кавказской Армии признает, что главной проблемой создавшегося положения является сохранение достижений Всероссийского учредительного собрания и революции (Февральской — В. М.), и посему Съезд решает, что 1) члены местного Учредительного собрания, образующие Закавказское правительство, должны отправиться в Петроград на «всенародную службу», т. е. для участия в съезде центрального Учредительного собрания; 2) созданная власть несет ответственность перед Краевым центром совета р. и с. депутатов — на период до созыва Закавказского сейма. Вместе с тем съезд поручает созданному им органу власти созвать в ближайшее время Сейм — по четырехмандатному принципу»⁸¹.

После прочтения постановления член районной организации эсеров Иосиф Гобечия сообщил, что его партия, в лице краевого комитета, решила голосовать против Сейма, но лично он, исходя из тактических принципов, против решения своей партии и воздержится. Более того, своей вдохновенной речью он восхвалял меньшевиков и Н. Жордания, которые, по его

⁷⁹ Там же, 22 января, № 15.

⁸⁰ Там же, 1918, 27 января, № 15.

⁸¹ См. «Молот», 1918, 25 января, № 16.

мнению, осуществляли идею эсеров⁸². Можно провести параллель с тактикой грузинских большевиков, примененной ими позднее в вопросе захвата Тифлиса, которые выступили против Бакинского совета и Ст. Шаумяна. А сейчас и грузин И. Гобечиа, фактически предавший собственную партию социалистов–революционеров, солидаризировал с грузинскими меньшевиками, отдавая предпочтение национальному фактору.

Фракция «Дашнакцутюн» предложила следующую резолюцию: «Признавая Россию федеративной демократической республикой и считая необходимым реорганизовать Закавказье на федеративных началах, собрание закавказских депутатов Учредительного собрания временно берет на себя функции Закавказского сейма как законодательного органа по решению вопросов местного значения»⁸³.

Резолюция меньшевистской фракции провозглашала: «Собрание членов Учредительного собрания, рассмотрев современное состояние страны, считает необходимым временно, до созыва Всероссийского Учредительного собрания, созвать Закавказский сейм — с законодательными функциями по всем вопросам местного значения. Посему для создания Сейма считает необходимым сократить численность избирательного состава втрое — поручив отдельным партиям–участникам созвать Сейм в предстоящее 10 февраля»⁸⁴.

Перед голосованием по резолюции Н. Жордания внес дополнение, состоящее в следующем: должно быть утроено число депутатов только от тех партий, по спискам которых были избраны депутаты⁸⁵.

В ходе голосования резолюция эсеров получила 4 голоса, партии «Дашнакцутюн» — 7, а партии меньшевиков — 12, против — 10. Как и ожидалось, мусульманская фракция

⁸² См. «Оризон», 1918, 27 января, № 18.

⁸³ «Молот», 1918, 25 января, № 16.

⁸⁴ См. «Оризон», 1918, 27 января, № 18.

⁸⁵ См. «Оризон», 1918, 27 января, № 18.

проголосовала за фракцию меньшевиков⁸⁶. По итогам, победили грузинские меньшевики.

Для созыва Сейма было избрано бюро, состав которого сформировали следующие представители партий: А. Бабалян (дашнак), А. Ломтатидзе (меньшевик), С. Чикалин (эсер) и М. Джафаров (мусульманин)⁸⁷.

Перед закрытием заседания было также зачитано заявление крайкома большевиков, в котором сообщалось: признавая созыв Сейма фактическим отделением Закавказья от России, считая его продолжением политики Закавказского комиссариата против власти Советов, они отказываются от своего участия⁸⁸.

Помимо своей непосредственной цели и значения, этот съезд обнаруживает еще одну важную деталь. Из вопросов Н. Жордания становится ясно, что многие меньшевистские деятели, и даже Е. Гегечкори, не знали об отдельных поворотах, не понимали, что делать дальше. В своем последнем выступлении Н. Жордания внес некоторую определенность в будущую тактику не только меньшевиков, но и других политических сил Закавказья. Не считаем излишним подчеркнуть, что в качестве фактора, способного пригасить разного рода страсти, Н. Жордания еще раз ловко добавил фарисейскую формулу «установления связи с Россией», которая была для него просто набором слов, а для большинства эсеров и дашнаков — пока что кредо.

Как бы то ни было, но уже 24 января в редакционной статье «Закавказский сейм» АРФД, которая еще пару дней назад не принимала даже само слово «сейм», теперь пыталась найти оправдания. Признавая, что Комиссариат — власть не только исполнительная, но и в некотором смысле законодательная, партия считала, что свою законотворческую работу он связывает со Всероссийским учредительным собранием, которое, в свою очередь, имело право как принимать, так и отклонять законы и декреты Комиссариата. В случае с Сеймом АРФ

⁸⁶ См. там же.

⁸⁷ См. «Арев», 1918, 6 февраля, № 28.

⁸⁸ См. там же.

«Дашнакцутюн» опять надеялась, что если России суждено иметь общегосударственное влиятельное Учредительное собрание, то её власть должна распространяться и на Закавказье, а принципы Демократической Федеративной России должны быть обязательными для Закавказского сейма⁸⁹. Выводы партии, исходящие из этого, на наш взгляд, были оторваны не только от общероссийской, но и от закавказской действительности.

«Закавказье должно быть принято,— писала газета «Оризон»,— как одна из частей раздробленной России, которая искренне работает над восстановлением идеи русской государственности. И с этой точки зрения необходимо приложить все усилия, чтобы созыв Сейма не принял бы оттенок отделения. Сейм должен широко использовать с одной стороны — возрожденные народные органы, революционно–демократические советы, с другой — национальные советы»⁹⁰.

Поползновения со стороны Е. Гегечкори в отношении Армянского национального совета, высказанные на съезде, без ответа не остались. Выяснению этой проблемы посвящена редакционная статья «Оризона» от 25 января⁹¹. В этих размышлениях вместе с тем отражается обостряющаяся конфронтация АРФ «Дашнакцутюн» и грузинских меньшевиков, которая все больше углублялась в борьбе за создание Сейма. Характерным здесь было, прежде всего, то, что глава высшей власти Закавказья в присутствии столь многочисленного собрания счел удобным напасть на учреждение, с которым он и его коллеги имели ежедневные деловые отношения, неоднократно использовали авторитетный голос, мнение и средства Армянского национального совета в различных взрывоопасных ситуациях. За время своей деятельности Комиссариат признал Национальные советы официальными органами и реализовал многие решения, осуществил и продолжал их осуществлять через них. Да и к тому же Национальные советы были органами,

⁸⁹ См. «Оризон», 1918, 24 января, № 16.

⁹⁰ «Оризон», 1918, 24 января, № 16.

⁹¹ См. «Оризон», 1918, 25 января, № 18.

которые уже имели право на существование в Закавказье. Более того, их создал не Комиссариат, а задачи, поставленные Февральской революцией и Временным правительством. Отметим также, что Грузинский национальный совет был образован в конце ноября 1917 года⁹², в результате большевистского переворота, и сразу же взял на вооружение стратегию национального отмежевания и ухода от России. Некоторые из членов Закавказского комиссариата, а также Н. Жордания и многие другие грузинские деятели, одновременно были членами и руководителями Грузинского национального совета.

«Одно из двух, — подчеркивал «Оризон», вероятно, Симон Врацян, — или национальные советы вредоносны, и тогда вы, Гегечкори, Чхенкели, Жордания сотоварищи, будьте добры покинуть Грузинский национальный совет или сузить границы его деятельности: кто не знает, что сегодня Грузинский национальный совет на самом деле — это грузинское национальное правительство?... Или, если вы не уйдете и не пожалеете сил, чтобы ваш

Национальный совет жил и процветал, то имейте искренность и гражданское мужество и относитесь к другим национальным советам с чуть бóльшим уважением... можно всегда безнаказанно нападать на Армянский национальный совет. Однако... как же фальшиво после всего этого звучали слова Жордания о демократическом фронте и солидарности армянской и грузинской демократий...»⁹³.

31 января в Тифлисском городском комитете закавказская организация партии социалистов–революционеров также выразила свое несогласие с национальными советами. Они считали, что в сложившейся политической обстановке нацсоветы превращаются в орудия националистических и буржуазных фракций, что они «превращают русскую классовую революцию в национальную и националистическую», что политическая

⁹² Западноармянский и Восточноармянский национальные советы были образованы соответственно в мае и в середине октября 1917 года.

⁹³ «Оризон», 1918, 25 января, № 18.

роль нацсоветов должна быть передана закавказскому краевому центру. На основании принятой резолюции было решено отозвать эсеров из всех национальных советов⁹⁴.

Армянские партии и течения выразили соответствующее отношение к развитиям вокруг съезда, содержанию Сейма, углублению межпартийных противоречий и другим вопросам.

Особенно активной была позиция «Дашнакцутюн», что в основном было выражено в подходе С. Тиграняна на съезде. В то же время мнения и опасения, опубликованные в партийной прессе, существенно дополняют относительно полную тактику национальной партии.

В каком-то смысле, следуя позиции родственной партии эсеров, АРФД считала, что до сих пор власть на Кавказе формировалась теми революционными организациями, которые на местах выступали главным образом в надежде созвать Учредительное собрание. Единственной задачей «местных отделений» Всероссийского Учредительного собрания они видели создание местной, центральной — авторитетной власти, которая «спасет край от окончательного уничтожения»⁹⁵. «Дашнакцутюн» считала необходимым сделать разногласия трех социалистических фракций съезда достоянием общности. Признавая необходимость Сейма в целом, все отличились в следующем: эсеры и дашнаки в вопросе организации государства выступали как партии, пропагандирующие федерализм и децентрализацию, а социал-демократы меньшевики — по необходимости, исходили из условий политической конъюнктуры, создавшейся в России и Закавказье.

Таким образом, эсеры и дашнаки были едины в главном вопросе, а именно: возложить на данный съезд принципы скорейшего созыва сейма. Однако «Дашнакцутюн» сочла возможным объявить этот съезд Сеймом до создания «настоящего сейма».

⁹⁴ См. «Ашхатавор», 1918, 14 февраля, № 19.

⁹⁵ См. «Молот», 1918, 23 января, № 14.

Социал–демократы меньшевики предлагали иной вариант вопроса: они утверждали, что созывать новый Сейм нет необходимости, а просто нужно число депутатов, уже избранных во Всероссийское учредительное собрание, «упорядочить таким образом, чтобы оно считалось Закавказским сеймом»⁹⁶. Все партии были согласны также с тем, что Закавказский сейм, как и обычно все временные правительства государств, сложит свои полномочия — как только будет созвано центральное Учредительное собрание. К примеру, эсеры, как мы упоминали выше, методично, последовательно не принимали его ликвидации, и всего лишь требовали ее отсрочки, исходя из заявления председателя партии Виктора Чернова. Следует отметить, что разногласия между партиями заметно «смягчились» после того, как меньшевики объявили, что Закавказский сейм не является Закавказским учредительным собранием и может играть законодательную роль только в отношении текущих, местных вопросов.

Попыткой теоретического анализа проблемы можно считать статью Вагана Хорени,— «Наше положение и роль». Он был убежден, что всякая власть сильна и устойчива в той мере, в какой она соответствует реальному соотношению общественно–политических сил общества, «а таких предпосылок закавказская власть сегодня лишена». В. Хорени объяснял это значительным присутствием контрреволюционного элемента, господствующего среди «третьего народа» — тюрков, который даже после такой конфронтации, выразившейся на этом съезде, пытался выстроить новые линии соприкосновения, солидарности между грузинской и армянской революционными демократиями. Он считал, что «с самого же начала против них выступил тюркский контрреволюционный феодализм»⁹⁷. И тем не менее главный удар автор в конечном итоге направляет против грузинских меньшевиков. «Однако, с точки зрения революционера, самыми опасными и непростительными

⁹⁶ См. «Молот», 1918, 25 января, № 16.

⁹⁷ См. «Ашхатавор», 1918, 14 февраля, № 10.

виновниками неудачи революции как в России, так и в Закавказье являются те революционные и демократические элементы, которые своей нетерпимой и непоследовательной политикой вредят общему делу. Мы должны, наконец, признаться,— писал В. Хорени,— и сказать предельно ясно и определенно следующее: **насколько отрицательную и разрушительную роль сыграл большевизм в революции в России, настолько же отрицательную, разрушительную роль сыграл меньшевизм у нас — в Закавказье** (выделено нами — *В. М.*). Даже больше. У нас меньшевизм часто — сознательно или бессознательно, по тем или иным мотивам, но подстегивал контрреволюцию»⁹⁸.

После большевистского переворота В. Хорени еще раз с сожалением констатировал, что «вопреки своей «интернациональной» вывеске, меньшевистская часть Российской (!) рабочей (!) социал–демократии, которая по своему характеру, составу и руководству имеет преимущественно грузинскую национальную ориентацию и политику, пошла по национальному пути»⁹⁹. Охарактеризовав грузинских меньшевиков как «третий элемент», В. Хорени именно их обвинил в главном вопросе, а именно: что с самого начала в Закавказье не была создана сильная революционная власть, что даже революционная волна не распространилась в Восточном Закавказье, иначе говоря, грузинский меньшевизм или меньшевистские грузины с самого Закавказского крестьянского съезда (июнь 1917 г. — *В. М.*) до наших дней, прямо или косвенно, но придали силы и авторитет, стали надеждой и опорой контрреволюционному тюрко–татарскому феодализму. И вот факты: 1 — их блок в Закавказском крестьянском съезде; 2 — их стремление рассматривать Закавказье как один избирательный округ; 3 — их отношение в Тифлисской Городской думе; 4 — их позиция по поводу земства и пограничных изменений; 5 — их позиция по

⁹⁸ «Ашхатавор», 1918, 14 февраля, № 10.

⁹⁹ Там же.

вопросам обороны фронта и призыва на военную службу; и так далее, и тому подобное»¹⁰⁰.

К изложенному В. Хорени списку можем добавить из нашего предыдущего текста еще несколько важных фактов, к примеру, таких: протурецкий подтекст перемирия в Ерзнка́, развязывание и управление антироссийскими погромами на Закавказской железной дороге, сотрудничество, связанное с обороной Баку, из реалий Февральской революции — открытое антиармянское поведение в связи с созданием генерал–комиссариата Западной Армении, и т. д. Более того, по выражению В. Хорени, «не считая АРФ «Дашнакцутюн», во всяком случае, достаточно социалистической и революционной, даже объявив партию «погромной» и «контрреволюционной», они совершили демократическое преступление — политическую изоляцию армянской демократии»¹⁰¹. Теоретик «Дашнакцутюн» делает и важнейшее признание, утверждая, что «нам уготовано было положение и роль «несчастливого третьего»». Признавая, конечно, объективную реальность и состоявшийся грузино–татарский тандем, тем не менее автор и партия ставят главный вопрос: а что могла сделать АРФД, какую тактику ей следовало избрать, чтобы «невольно не принять философской и терпеливой позиции?»¹⁰².

По мнению В. Хорени, в создавшихся условиях для политики «Дашнакцутюн» произошло «наименьшее из зол», и «мы стерпели это,— отмечает он,— смирились с меньшевистско–бековской диктатурой, фактически пошли на большие и прочные тактические уступки. А если б не стерпели — что было делать?... Не могли же мы летать в одиночку, не могли же бежать на одной ноге? Мы хотели действовать сообща и шаг за шагом. К сожалению, кавказская демократия была таким «квадратным колесом»: у нее оказались три непропорциональные ноги, из–за чего невозможно было идти вперед ровным,

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ См. «Ашхатавор», 1918, 24 января, № 10.

¹⁰² Там же.

стройным, размеренным и твердым шагом»¹⁰³. Далее следует важная исповедь автора. «Мы стерпели превосходство грузинской «национал–демократии» на всех направлениях закавказской политики, мы приняли созданные ею закавказские «коалиционные» власти и невольно, помимо своей воли, возможно, спровоцировали усиление контрреволюции у нас. Это надо признать. Это была наша позиция и роль»¹⁰⁴. Но все же В. Хорени, как и большинство теоретиков и практиков АРФД, считал, что «не наша в этом вина».

Это была самая легкая и безответственная позиция, которую можно было выбрать в поворотный исторический момент. Весьма странно то, что статья была опубликована на следующий же день после упомянутого выше съезда, связанного с Сеймом, когда «Дашнакцутюн» в очередной раз почему–то уступила «невольному» сотрудничеству в едином правительстве.

Забегая вперед, отметим лишь, что впоследствии он уступал во многих и судьбоносных вопросах... и так до мая 1918 года. К сожалению, эта примечательная публикация вновь не пытается выяснить, осветить причины «нашей позиции и роли», создавшейся ситуации и изолированности, проблему слабости или отсутствия собственной политики, причину этой проблемы — несостоятельности как политического фактора и субъекта.

Вместо того, чтобы осмотреться в собственной кухне, посмотреться в зеркало, В. Хорени завершает свои размышления ожидаемым и пораженческим выводом. «Мы надеемся, что теперь, в этот кризисный момент революции, когда свобода и физическое существование нашего простого народа находятся под угрозой, по крайней мере, теперь грузинская «социал–демократия» будет стоять на действительно искренней интернациональной и общегосударственной точке зрения, оставит свою традиционную антиармянскую и протурецкую политику и вместе с нами будет способствовать созданию сильного правительства для спасения кавказской демократии и революции: иного пути

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ Там же.

спасения нет. И с осознанием этого наша общественно–политическая позиция и роль зиждились и всегда будут зиждиться на том, чтобы солидарно с народами Кавказа, дружно стремиться к укреплению завоеваний революции — в российской федеративной и демократической республике»¹⁰⁵.

Проблема в том, что эта власть, неоднократно именуемая как «сильная», по–разному трактовалась и по–разному принималась тремя основными политическими силами Закавказья. «Сильная власть» грузино–татарскому союзу была нужна главным образом для того, чтобы еще больше стабилизировать их позицию и, почему бы нет — антиармянскую линию, что в конечном итоге имело целью уход от России и сближение с Турцией. Ну что ж, допустим, это была простая, понятная политика, которая, на наш взгляд, для «Дашнакцутюн» не могла не быть видимой и осязаемой. Если принять, что эта пошаговая поступательная политика была легитимизирована и давно вынесена на всеобщее обсуждение единого правительства (иными словами — грузины и татары не скрывали своих целей), то возникает вопрос: а в чем же в таком случае состоял армянский план? Неужели в том, чтобы ждать и обслуживать — служить общегосударственным, уже с 1918 года оторванным от реальности интересам? Или впустую манипулировать выражениями «революция», «социализм», «кавказская демократия»? Ведь грузинские меньшевики и татары, оперируя набором этих же слов, продвигали свои — узконациональные дела. Да, начиная с 1917 года, после февральской революции и особенно сейчас, после большевистского переворота, их интерес состоял в том, чтобы, мягко говоря, изолировать и по возможности уничтожить армянство и АРФД. «Дашнакцутюн» под выражением «сильная власть» имела в виду некое иллюзорное, хрестоматийное коллегиальное армяно–турецко–грузинское правительство, которое должно было защищать интересы армян (непонятно по каким причинам!) и, в частности фронт,— Западную Армению от турецкого вторжения.

¹⁰⁵ «Ашхатавор», 1918, 24 января, № 10.

И еще одно обстоятельство. «Дашнакцутюн», особенно на послеоктябрьском этапе, как на партийном, так и на общегосударственном уровне, регулярно заявляла, что партия не ставит вопрос о независимой государственности, она видела решение национального вопроса в федеративном демократическом всероссийском союзном государстве. В связи с этим орган АРФД «Азатамарт» выступает как минимум с сенсационной публикацией. Статья называлась «Правительственный федеративный состав в Армении». Автор статьи Аматауни обстоятельно и как установленный факт обсуждает в ней вопрос об автономии национальных меньшинств в будущей Армении и приходит к выводу, что «Армения должна иметь государственное союзное (имеется в виду федеративное — *В. М.*) устройство»¹⁰⁶. Принимая во внимание то обстоятельство, что статья была опубликована 11 января, то есть уже после разгона большевиками Учредительного собрания, а также то, что она являлась передовицей авторитетной партийной газеты, смело можно констатировать, что это был не случайный журналистский ход, а весьма серьезная заявка на независимость Армении.

И тогда возникает вопрос: о каких границах и о какой Армении идет речь. И еще более тревожившее обстоятельство: неужели АРФД должна была поднять вопрос о государстве «Армения» именно сейчас, пожалуй, на самом критическом и судьбоносном этапе 1917–1918 годов — перед лицом вторгшихся в Западную Армению турецких войск и катастрофы новой войны?! Газета «Ашхатанк» («Труд»), ереванский орган АРФД, которая служила также рупором Арама Манукяна и западноармянских деятелей, по случаю созыва местного Учредительного собрания выразила убеждение, что «Кавказ является неотделимой частью России и не должен иметь ни малейшей мысли об отделении: все революционные партии, действительно сознающие истинный интерес своего народа и Родины, отныне не должны иметь разных девизов, и наряду с этим мы должны верить в грядущее интеллектуальное и духовное возрождение

¹⁰⁶ См. «Азатамарт», («Борьба за свободу») Тифлис, 1918, 11 января, № 6.

русской нации»¹⁰⁷. В каком-то смысле это был также своего рода ответ тифлисской секции партии, что свидетельствует о том, что внутри самой партии АРФД были полярные мнения по этому историческому вопросу. Можно считать характерной оценку, данную эсером Левонем Атабекианом на заседании совета партии социалистов-революционеров 4 марта. «Отнюдь не я,— отметил оратор,— являюсь тем, кто на «Дашнакцутюн» остановится с сердобольностью. Вам давно известно мое отношение к западноармянской деятельности этой организации, к ее «социализму», к изменениям границ этой партии, к национальному доктринаризму и социальному оппортунизму, которые очень легко уживаются рядом. **Однако у этой партии всегда была особенность, которую никто из нас отрицать не может. Она с неослабным вниманием следила за биением сердца всего армянского народа, никогда не отпускала пульс нации и всегда шла по тому пути, который был желанным для народного большинства. Это большинство очень часто состояло из черни, бессознательной и вульгарной толпы, но — оно было большинством**»¹⁰⁸ (выделено нами — *В. М.*).

Армянская народная партия приветствовала идею создания Закавказского Сейма-парламента, хотя бы временно, до созыва Всероссийского Учредительного собрания, «поскольку это есть здоровое, разумное и государственное начало»¹⁰⁹. АНП в лице А. Аракеляна, как и «Дашнакцутюн», питала надежду, что Закавказье в составе России имеет проблему окончательного политического переустройства, а поскольку ее решение «принадлежит» Всероссийскому учредительному собранию, то Закавказский сейм непременно должен носить временный характер. «Стремление немедля, сейчас же создать автономный союз, независимый от России,— писал А. Аракелян,— или же создать отдельно три автономных прави-

¹⁰⁷ См. «Ашхатанк», (Труд) Ереван, 1918, 27 января, № 73.

¹⁰⁸ См. («Знамя труда») «Ашхатанки дрошак», Тифлис, 1918, 18 марта, № 8.

¹⁰⁹ См. «Мшак», Тифлис, 1918, 24 января, № 16.

тельства, это стремление в нынешних условиях мы считаем гибельным по своим последствиям, как для всех национальностей Закавказья, так и для армян в частности»¹¹⁰. Армянская кадетская партия была убеждена, что «спасение армянского народа — в государственном принципе: если у нас не будет сильной, мощной государственной, всероссийской власти в Закавказье или власти, организованной на государственных началах, а не поместных и не всенародных, существование наше будет в большой опасности»¹¹¹. В этом подходе также есть противоречие. Не получится ли так, что в Закавказье, не приемлющем власти, сформированной по «государственному принципу», с теоретической или практической точки зрения она не будет состоять из национальных, даже националистических партий и уже ненавидящих друг друга деятелей? И какие это общегосударственные интересы должны были объединить национальные силы, в тот самый момент подпитывающиеся и действующие по синдрому Шамхора, и главной целью которых было национальное разделение? В данном случае подобные подходы как «Дашнакцутюн», так и Армянской народной партии, пожалуй, можно объяснить тем, что обе эти политические силы, хотя бы на данный период имевшие устойчивую пророссийскую направленность, рассчитывали на то, что большевистская власть будет свергнута скоро, и что хозяином страны станет единственный легитимный и полномочный орган — Учредительное собрание, которое урегулировало бы межэтнические отношения, осуществило обещания Временного правительства России в национальном и армянском вопросах. И оставалось, чтобы осуществилось главное: уступит ли власть партия, распустившая Учредительное собрание, не в ноябре 1917 года, а уже в конце января 1918 года?

По нашему глубокому убеждению, дальновидность и политическая гибкость грузинского меньшевизма заключались в том, что они были не только меньшевиками — партийными

¹¹⁰ Там же.

¹¹¹ Там же.

противниками большевиков, но и грузинскими националистами, которыми прежде всего руководила надежда на восстановление национального суверенитета. Они хорошо знали большевиков и были вполне последовательны в своих антироссийских взглядах и действиях. А поскольку армянское национально–политическое поле в основном было погружено в заботы, касающиеся Армянского вопроса, самообороны Западной Армении, защиты беженцев, то в качестве альтернативы армянам оставалось следовать грузинской политической линии. Альтернативным вызовом можно считать программу советизации Закавказья план Ст. Шаумяна и сближение АРФД — Шаумяна, что могло серьезно нарушить грузино–татарские перспективные планы.

Газета «Пайкар» («Борьба»), орган **армянской социал–демократии**, считала «Оризон» и «Дашнакцутюн» «профанами» в социально–политических вопросах и оправдывала тем, что «если в защите идеи сейма они видят отделение, то они, в принципе, объявив себя горячими сторонниками той или иной формы сейма как формы политической децентрализации, прежде всего сами могут считаться сепаратистами»¹¹². Армянские меньшевики считали, что «стремление «Дашнакцутюн» и ее руководителей к созданию государства в государстве существовало всегда»¹¹³, и это воспринимается как меньшевистская солидарность — в смысле отказа от национальных советов и обоснования их программного положения о местной широкой национальной автономии. Армянские меньшевики не отрицали, что все их усилия должны быть направлены на открытие Центрального учредительного собрания, но поскольку оно пока не было созвано и в нем «до сих пор не было дыхания жизни», то «чрезвычайное положение нашей страны настоятельно вынуждает нас прибегнуть к чрезвычайным шагам и мерам»¹¹⁴. Еще раз убеждаемся в том, что в контексте защиты от «ленинских

¹¹² См. «Пайкар», (Борьба) Тифлис, 1918, 23 января, № 16.

¹¹³ Там же.

¹¹⁴ Там же.

поползновений» армянские меньшевики также видели опасность плана Ст. Шаумяна относительно роспуска Комиссариата, факт назначения последнего чрезвычайным комиссаром Кавказа, словом — реальную угрозу советизации Закавказья. В этом смысле мы полагаем, что меньшевики, говоря «сильная власть» и создав ее, прежде всего хотели предотвратить проникновение большевиков: Сейм был нужен, чтобы противостоять большевизму объединенными силами. Можно даже сделать вывод, что социальный, экономический, финансовый, продовольственный кризис, о котором неоднократно упоминали грузинские меньшевики, преимущественно в рамках внутренней кухни понимался как кризис политический, и обстоятельство захвата Ст. Шаумяном власти, привел к идее создания «единого, сильного правительства» — Сейма.

Об этом свидетельствует состоявшееся 28 января пленарное заседание тифлисского Совета р. и с. депутатов, на котором были обсуждены две резолюции, основанные на выступлениях соответственно большевистских (Романов, Тропаидзе, Гахокиа) и меньшевистских (Хартишвили, Петросян, Габуня, Джугели) деятелей. Резолюция большевиков, получившая 17 голосов, гласила: «Учитывая, что созыв Закавказского сейма, состоящего из антиреволюционных элементов, есть повторение коалиционного правительства, фракция большевиков считает неотложным вместо Сейма созвать внеочередной съезд Советов р., к. и с. депутатов — с целью организации центральной Советской власти на Кавказе»¹¹⁵. Добавим только, что в этом же номере газеты напечатан и известный ультиматум большевиков Закавказскому комиссариату. При 7 голосах «против», сессия большинством голосов приняла следующую резолюцию: «1. Роспуск Учредительного собрания правительством народных комиссаров оборвал последнюю нить, связывавшую Закавказье с Российской республикой. 2. Это еще более углубило ту анархию и гражданскую войну, которые широко охватили страну. 3. Консолидация революционных сил будет способство-

¹¹⁵ «Молот», 1918, 31 января, № 21.

вать возрождению всей революционной демократии в России, посему Тифлисский Совет р. и с. депутатов считает необходимым временно, до созыва Всероссийского учредительного собрания, создать Закавказский сейм, наделенный конституционными функциями. Революционные организации обязаны поддерживать все шаги Сейма, направленные против центробежных, шовинистических и регрессивных устремлений националистических и антиреволюционных кругов — с целью окончательно укрепить и развить все завоевания революционной демократии¹¹⁶. Из публикации издания «Пайкар» становится ясно, что в первых числах февраля в Тифлисе созывается Чрезвычайный съезд закавказских организаций РСДРП, который утверждает и принимает резолюцию пленарного заседания о Сейме. Также принимается решение о том, что национальные советы не должны выполнять никаких государственных функций¹¹⁷.

Съезд социал–демократических меньшевистских организаций, состоявшийся в Тифлисе 1–4 февраля, также был посвящен обсуждению различных вопросов острого военно–политического кризиса, создавшегося для Закавказья в январе–феврале 1918 года¹¹⁸. Примечательно, что обсуждение вопросов, связанных с обороной фронта и продвижением к Тифлису большевистских воинских частей Кавказской армии, умело проводилось в контексте необходимости создания Сейма.

Так, например, 2 февраля в ходе заседания под председательством Айка Азатяна, Е. Гегечкори сообщил, что поскольку обращение Комиссариата по вопросу перемирия в Петроград и правительствам Северного Кавказа осталось без ответа, посему **«мы должны решить этот вопрос сами, но такой увесистый вопрос не может получить никакого продвижения без авторитетного вмешательства Закавказского сейма. Мы**

¹¹⁶ Там же.

¹¹⁷ См. «Пайкар», 1918, 8 февраля, № 28.

¹¹⁸ См. «Оризон», 1918, 7 февраля, № 28.

готовим материал для Сейма, и в этом смысле я пошлю завтра ответ Энвер-паше»¹¹⁹ (выделено нами — *В. М.*).

Нам хотелось бы остановиться на одной идее, высказанной Е. Гегечкори в ходе заседания от 4 февраля: она, на наш взгляд, весьма перспективна, глубинна и полна основательных противоречий: «Если Закавказский комиссариат не достиг успеха, то это потому, что в его составе были разного рода реакционные элементы. Нынешний сейм должен иметь однородный демократический состав»¹²⁰. Прежде всего, под «реакционными элементами» Е. Гегечкори, разумеется, имел в виду беко-татарских комиссаров и их единомышленников, которые, как мы видели, во время всех упомянутых обсуждений стояли рядом и за спиной грузинских меньшевиков, открыто защищали «сильную власть» сейма; как и, что важнее, почему эти самые «реакционные элементы» не появились в составе нового правительства? Более того, забегая вперед, отметим, что уже всего через несколько дней, когда откроется Сейм, обнаружится, что в его состав вновь вовлечены недемократические и все те же «реакционные элементы». Кроме того, на этом заседании меньшевик — председатель Комиссариата также выразил обеспокоенность тем, что «в настоящее время существует много органов, действия которых выходят за рамки их полномочий, как, например, национальные советы, которых следует призвать к порядку»¹²¹.

Е. Гегечкори, по сути, не переставал скрывать свою ненависть и страх — особенно к Армянскому национальному совету, и в данный момент в этом авторитетном и сильном армянском национальном органе, за исключением Ст. Шаумяна, он видел, по его мнению, политического противника грузинского народа. Напомним еще раз, что тройка Н. Жордания — Е. Гегечкори — Н. Рамишвили и многие другие видные грузинские меньшевики были членами Грузинского национального совета.

¹¹⁹ «Оризон», 1918, 7 февраля, № 28.

¹²⁰ Там же, 8 февраля, № 29.

¹²¹ Там же.

Армянская организация партии социалистов–революционеров озвучила свою официальную партийную точку зрения в отношении Сейма 4 февраля на общем собрании. Левон Атабекян докладывает о Закавказском съезде Учредительного собрания, информируя о позициях партий. Из его доклада становится известна одна важная деталь, а именно: «левые дашнаки признают власть народных комиссаров, полностью отрицая существование сейма»¹²². В результате обмена мыслями выясняются три позиции. а) меньшинство считало, что необходимо участвовать и выполнять законодательную работу; б) большинство считало, что необходимо участвовать в агитационных целях; в) третье течение было категорически против участия в Сейме вообще¹²³. Окончательное решение было принято в силу влиятельного, подавляющего авторитета Бакинского отделения. Резолюция о вступлении в Сейм, состоящая из 12 пунктов, была принята армянским отделением Бакинской организации социалистов–революционеров¹²⁴.

Точка зрения Армянской социал–демократической рабочей организации (спецификов) была весьма кратко изложена Давидом Анануном, который косвенно также поддерживал нашу позицию.

«Изоляция армянства становится все более очевидной,— писал он,— в деле образования Сейма». Это было решение, поставившее русских в положение пришлых, и вопреки разглагольствованиям грузинских меньшевиков о том, что они — с русской демократией, доказывало лишь, что их вес зависит от доброй воли дворянства»¹²⁵. В эти дни, между прочим, вновь начинает выходить «Банвóр» («Рабочий») — еженедельная газета спецификов (прекратившая печататься с июля 1917 г. — В. М.), которая полностью поддержала идею Всероссийского

¹²² См. «Знамя труда», Баку, 1918, 11 февраля, № 4.

¹²³ Там же.

¹²⁴ Там же, 18 февраля, № 5.

¹²⁵ См. Ананун Д., общественное развитие восточных армян, т. 3 (1901–1918), Венеция, 1926, с. 610.

учредительного собрания, т. е. она была против Сейма. В то же время армянские эсеры подвергли критике «военно-патриотическую интонацию» Д. Анануна, когда в своей статье «100 лет спустя» армянский интеллигент пытался обосновать то, что «армянский народ окружен исключительно врагами, без русских мы осиротеем»¹²⁶.

Считаем необходимым подчеркнуть тот факт, что работа по организации Сейма продолжалась вплоть до дня, предшествующего его открытию. О напряженной политической ситуации свидетельствовал также беспрецедентный политический союз. В начале января в Баку состоялся объединенный съезд Армянской организации эсеров и Армянской социал-демократической рабочей организации (специфики). В принятой резолюции главной задачей была провозглашена «защита физического существования армянского народа, который был и сегодня остается носителем культуры, способной к высокому развитию»¹²⁷. Поднимался вопрос обороны фронта не в одиночку, а с другими народами края, значение национальных воинских частей в этом процессе, обязательность решений Армянского национального совета, создание местной милиции для защиты жизни и имущества армянского населения, переселившегося в Западную Армению¹²⁸. В принятых решениях был очевиден партийный национальный почерк спецификов, с чем солидаризировала даже антинациональная, армянская организация социалистов-революционеров (эсеров).

Один за другим проходят заседания: 8 января — заседание совета Бакинской организации партии социалистов-революционеров¹²⁹ (председатель Л. Атабекян, заслушан отчет Сако Саакяна о съезде рабочих советов Закавказья); 21 января — собрание эсеров и их сторонников (докладчик — Л. Атабекян)¹³⁰.

¹²⁶ См. «Знамя труда», 1918, 11 февраля, № 4.

¹²⁷ См. «Знамя труда», Баку 1918, 14 февраля, № 2.

¹²⁸ Там же.

¹²⁹ Там же.

¹³⁰ См. там же, 28 февраля.

18 февраля партия сообщила своим сторонникам о присоединении эсеров к Сейму¹³¹.

9 февраля 1918 года Закавказский комиссариат заслушал вопросы, связанные с его политическим докладом, представленным в Сейм¹³².

Сначала Бюро Комиссариата сообщило о проекте предоставления Белого зала Дворца (дворец наместника на Кавказе — В. М.) для заседаний Сейма. До организации Сейма его делами должен был весть Диван — высший совет Комиссариата¹³³.

Затем с вопросами и речами по докладу выступили Г. Рцхиладзе, К. Тер–Казарян, А. Чхенкели, Е. Гегечкори, Х. Хас–Мамедов. Остановимся на формулировках их высказываний.

Г. Рцхиладзе и К. Тер–Казарян настоятельно рекомендовали подчеркнуть те препятствия, которые мешают работе Комиссариата, и только после этого объявить, что Комиссариат передает всю власть Сейму. А. Чхенкели считал, что правительство должно было высказать свое мнение относительно записи для предстоящих вопросов в Сейме. И почему–то именно сам А. Чхенкели представляет список общекавказских проблем: 1. Организация власти и ее характер. 2. Война и мир. 3. Вопросы местного значения: финансовые, продовольственные, национального отмежевания и т. д. По мнению А. Чхенкели, только после этих вопросов «Сейм должен обсуждать Декларацию Комиссариата, и когда образуется большинство, и соответственно тогда это большинство составит из числа своих представителей ответственное правительство»¹³⁴. Он настаивал на том, что вся власть края должна принадлежать Сейму, и именно раздробленность власти и неопределенность сфер функционирования осложняют работу Комиссариата¹³⁵. Это заявление не было самоцелью, оно было направлено против

¹³¹ См. там же, 18 февраля, № 5.

¹³² См. НАГ, ф. 1818, оп. 2, д. 12, л. 86.

¹³³ См. «Оризон», 1918, 14 февраля, № 33.

¹³⁴ См. НАГ, ф. 1818, оп. 2, д. 12, л. 86.

¹³⁵ См. там же.

революционных организаций, особенно против армейских эсеро–большевистских и национальных советов.

Эту идею солидарно развивал также Е. Гегечкори — вновь подчеркивая фактор «многовластия». Он считал, что конкуренция между Национальными советами и революционными организациями направлена на борьбу за взятие власти в Закавказье, что, по нашему глубокому убеждению, не соответствовало действительности. По крайней мере, на примере Армянского и Мусульманского национальных советов мы неоднократно это подтверждали. Он также болезненным образом был озабочен вопросом о полноте власти Сейма, находя, что, усиливая влияние Сейма, необходимо одновременно дать рычаги управления революционным организациям, в данном случае — краевому центру, что также было просто болтовней. «Руководящий орган был бы единым,— говорил Е. Гегечкори,— революционные организации и национальные советы будут иметь свои особые задачи»¹³⁶. Халил–бек Хас–Мамедов, заходя слишком далеко, заявил, что «Учредительное собрание и Сейм — это уже пик революции». Г. Рцхиладзе с еще бóльшей чванливостью заявил, что «если революционные организации будут вмешиваться в приказы органов власти, то последние должны либо склонить перед ними головы, либо быть объявлены контрреволюционными. Примирить эти две стороны не представляется возможным: либо правит революция, либо правительство»¹³⁷. Непонятно почему, но и очередной меньшевик в феврале 1918 года тоже вдруг вспомнил Февральскую революцию 1917 года и ее ценности.

В конце концов сошлись в решении, заключающемся в том, что правительство должно быть единым, консолидированным, и на это должно быть обращено внимание Сейма¹³⁸. Независимо ни от чего — от содержания самих речей и почти полного отсутствия армянских и татарских комиссаров Комиссариата и их права голоса, было совершенно ясно, что именно грузинские

¹³⁶ См. там же.

¹³⁷ См. там же.

¹³⁸ См. НАГ, ф. 1818, оп. 2, д. 12, л. 86.

меньшевики решают вопросы и формируют новое закавказское правительство.

И в заключение — два слова о составе Закавказского сейма. Жребий был брошен: открытие Сейма было неизбежно, и «Дашнакцутюн» выразила удовлетворение составом Сейма. «Оризон» писал об этом: «Подавляющее большинство членов принадлежит социалистическим партиям: буржуазный элемент занимает незначительное место, а помещичье–бековская часть представлена несколько бóльшим числом»¹³⁹. По сути, в области политической тактики армянской национальной партии ничего не изменилось: проявлялась такая же нетерпимость к «буржуазному элементу» — Армянской народной партии, и такая же болезненная приспособляемость к грузино–таатарскому союзу. Мощная волна критики гегемонии грузинского меньшевизма и «реакционных сил» теперь снова отступает перед лицом очевидного факта с пораженческой формулировкой — «помещичье–бековская часть представлена несколько бóльшим числом». Трудно сказать, как АРФД анализировала свое положение, но было ясно, что факт безропотного присоединения практически к той же коалиции, на наш взгляд, можно трактовать как поражение или... начало большого поражения. Можно, конечно, утверждать обратное, в том смысле, что фактически и объективно именно эта коалиция привела к «независимостям». На наш взгляд, это нельзя считать научным подходом лишь по той простой причине, что в феврале 1918 г., к тому же в условиях турецкого вторжения, нельзя было представить себе героические Майские сражения и даже думать о восстановлении государственности.

Дашнакцутюн была оптимистично убеждена почему–то, что «проблему однородного или коалиционного правительства следует считать решенной самой собой и в том составе, который сформировался на предстоящем заседании Сейма». Законодательный орган, три четверти членов которого составляют социалисты, естественно, должен иметь социалистическое

¹³⁹ «Оризон», 1918, 8 февраля, № 29.

министерство»¹⁴⁰. Полностью принимая прежнюю опасность, партия сама отвечала на актуальный вопрос: «Вся проблема зависит от того, сумеют ли социалистические партии, которые до сих пор двигались отдельными группами и зачастую нейтрализовывали силы друг друга, выдвинуть вперед слаженный и сильный социалистический союз, который стал бы реальным лидером политической жизни этой страны»¹⁴¹.

Редакционная статья «Оризона» в конце концов приходит к выводам, в которые, по нашему твердому убеждению, не могло поверить большинство дашнакских деятелей. «Нам кажется,— писала газета,— что эта возможность представилась давно. **Реальная возможность существует, необходимо также создать психологические возможности, что будет не очень сложно, если армянские, русские, грузинские, турецкие социалисты действительно постараются сблизиться друг с другом, понять и расчистить ту почву, на которой мы можем стоять вместе** (выделено нами — *В. М.*). Положение облегчается в том числе и тем, что в Сейме будет представлена и турецкая демократия, которая, бесспорно, является более реальной силой и более созвучна чувствам мусульманских трудящихся масс, чем люди, которые до сих пор монополизировали политическое представительство турецкого народа. Стало быть, вопрос о составе закавказского правительства целиком зависит от той расстановки партийных фракций, которая будет иметь место в Сейме. Следовательно, давая характеристику правительству, в первую очередь необходимо знать, что будет представлять собой тот орган, который будет его формировать»¹⁴².

И этот ожидаемый состав был следующим: по итогам административных и официальных итогов выборов в Учредительное собрание, по данным «Оризона», из списка № 1 по Закавказью избрано 11 депутатов, из списка № 3 — 1, из списка № 4 (АРФД) — 9, из списка № 5 — 1, из списка № 10 — 10, из списка № 11 — 1, из списка № 12 — 2 и из списка № 14 — 1. Итого — 36

¹⁴⁰ Там же.

¹⁴¹ «Оризон», 1918, 8 февраля, № 29.

¹⁴² Там же.

депутатов. Избирательный счетчик насчитал 62 044 голоса, по которым в Сейм избраны 32 депутата из списка № 1, 1 — из списка № 2, 5 — из списка № 3, 27 — из списка № 4, 4 — из списка № 5, 1 — из списка № 6, 1 — из числа № 8, 30 — из списка № 10, 4 — из списка № 11, 7 — из списка № 12 и 3 — из списка № 14. Всего — 115. Дашнакцутюн получила 558 400 голосов. Избирательный счетчик Сейма насчитал 20 681¹⁴³.

Примечательно, что газеты АРФД «Арев» («Солнце») и «Ашхатавор» («Рабочий») представили меньшее число голосов Дашнакцутюн — 552 тысячи¹⁴⁴. Согласно партиям, картина была следующей:

Меньшевики: 660 000 голосов — 33 депутата

АРФД: 552 000 — 27

Мусават: 574 000 — 28

Большевики: 93 000 + голоса Кавказского фронта — 7

Социалисты–революционеры: 112 000 + голоса фронта — 20

Турецкий социалистический блок: 156 000 — 7

Партия «Турки в России»: 66 000 — 3

Кадеты и АНП: 40 000 — 2

Социалисты–федералисты: 22 000 — 1

Грузинские национал–демократы: 25 000 — 1¹⁴⁵.

Таким образом, с января 1918 года в течение около месяца, в Закавказье прошел процесс формирования краевой коалиционной новой власти — Сейма.

На совместных заседаниях краевого центра р. и с. депутатов, Закавказского комиссариата 22 января, затем на созванном в Тифлисе 28 января съезде закавказских депутатов Учредительного собрания, на пленарном заседании р. и с. депутатов Тифлисского Совета, и на состоявшемся в Тифлисе в начале февраля съезде меньшевистских организаций этот основополагающий вопрос получил свое решение — создать Сейм, а также был назначен день его открытия.

¹⁴³ Там же.

¹⁴⁴ См. «Ашхатавор», 1918, 28 января, № 12 и «Арев», 1918, 6 февраля, № 28.

¹⁴⁵ См. «Арев», 1918, 6 февраля, № 28.

Партия АРФ Дашнакцутюн, несмотря на предметную и бурную критику, все же уступила тактике, организованной грузинским крылом социал–демократических меньшевиков, и согласилась на вступление в Сейм.

1.2. ПРОГРАММА ЗАКАВКАЗСКОГО СЕЙМА — ПРОЦЕСС ПРИНЯТИЯ ДЕКЛАРАЦИИ И ВНУТРИПАРТИЙНАЯ БОРЬБА ЗА БУДУЩЕЕ КРАЯ (ФЕВРАЛЬ 1918 Г.)

10 февраля 1918 г. в Тифлисе, в царском театре в 13:00 часов началось первое заседание Закавказского Сейма. Заседание открылось выступлением Н. Чхеидзе.

Характеризуя Сейм как «одно из самых драгоценных благ русской революции», он напомнил собравшимся, что Сейм не должен отклоняться от рамок общероссийской демократии, он должен стремиться к лозунгам революции, как–то: Учредительное собрание, демократическое примирение и принцип самоопределения наций. Завершил свое выступление Н. Чхеидзе следующими словами: «Ваша работа трудна, граждане депутаты Сейма. В старину сказали бы: Бог в помощь. Я же скажу: революция вам в помощь. Да здравствует русская революция! Да здравствует Закавказский сейм!»¹⁴⁶.

Несмотря на сложную ситуацию в регионе, а также отсутствующие связи, тем не менее Центральная избирательная комиссия Закавказья подвела итоги выборов и суммировала количество депутатов, избранных от каждой партии на основе сравнительных выборов. Та же комиссия, уменьшив в три раза метр (средний показатель), принятый для Учредительного собрания, и приняв во внимание заявление нескольких партий о слиянии оставшихся, определила общее число депутатов Закавказского Сейма и его состав — по партиям.

¹⁴⁶ Закавказский Сейм, Стенографический отчет, Сессия первая, Заседание первое, Тифлис, 10 февраля, 1918 года. (Далее — см. Закавказский Сейм), также «Ашхатавор», 1918, 14 февраля, № 19.

Также необходимо упомянуть тот факт, какие стороны пришли к соглашению относительно балансов и кто из них выиграл. а) с.–д. меньшевики присоединились к турецкой (гата-тарской) социал–демократической партии «Гуммет»: партия «Гуммет» набрала один голос, б) Армянская народная партия примкнула к русским кадетам, выиграл последний, в) турецкая демократическая партия федералистов «Мусава-т» присоединились к турецкому социалистическому блоку — один голос выиграла первая.

Общая картина была следующей:

	Количество полученных голосов	Депутаты	
		Учредительного собрания	Закавказского сейма
1. Социал–демократы меньшевики	661 934	11	32
2. «Партия Народной Свободы» России, «кадеты»	25 673	–	1
3. Социалисты–революционеры	117 522	1	5
4. Армянская революционная федерация «Дашнакцутюн»	558 400	9	27
5. Социал–демократы большевики	93 581	1	4
6. Грузинские социалисты–федералисты	22 754	–	1
7. Армянская народная партия	15 180	–	0
8. Грузинские национальные демократы	25 733	–	1
9. Русские народные социалисты	570	–	0
10. Турецкие социалисты–федералисты и беспартийные турки, «Мусава-т»	615 816	10	30
11. Турецкие социал–демократы, «Гуммет»	84 748	1	4
12. Блок турецких социалистов	159 770	2	7
13. Мусульмане Западного Закавказья	71	–	0
14. Мусульмане в России	66 504	1	3
15. Еврейская сионистская партия	7018	–	0
Всего	2 455 274	36	115 ¹⁴⁷

¹⁴⁷ Закавказский Сейм, Заседание седьмое, 19 февраля, с. 5. См. «Оризон» 1918, 3 марта № 45. 20 681 голос давал Сейму один депутат.

Со своими партийными соображениями о представительном составе Сейма выступил с.-д. меньшевик Геворг Караджян (Аркомед). Он заявил, что «Нет на земле такого законодательного учреждения, которое взяло бы на себя законодательную власть при таком ограниченном числе членов, какое представлено Закавказским Сеймом... чтобы законодательный орган со 100–110 членами имел власть над более чем 7 миллионами человек — это ни на что не похоже»¹⁴⁸. Он также пришел к выводу, что к левому крылу могли присоединиться дашнаки, тогда как после ухода представителей эсеров численное соотношение партий в сейме изменилось в пользу мусаватов. Как социал-демократ меньшевик Аркомед резюмировал: «Оказывается, воинствующий и реакционный национализм угрожает значению и даже существованию Сейма как демократического законодательного учреждения»¹⁴⁹.

В очерке «Политическая жизнь Закавказья в 1918 году» Г. Караджян считал, что «Сейм стал конкретным образцом политической децентрализации, таким политико-законодательным институтом, способным при определенных благоприятных обстоятельствах играть политическую роль в стране — в самом хорошем смысле этого слова...»¹⁵⁰.

На втором заседании Сейма, 13 февраля, обсуждались выборы председателя Сейма, отчет правительства, избрание членов мандатной комиссии и другие вопросы. Все фракции и первая среди них — Армянская революционная федерация «Дашнакцутюн», предлагают кандидатуру Н. Чхеидзе, что было встречено бурными аплодисментами. Последний после своей пространного, вдохновенного выступления представил заявление Комиссариата о прекращении государственных

¹⁴⁸ См. «Пайкар», 1918, 23 февраля, № 12.

¹⁴⁹ Там же.

¹⁵⁰ См. Караджян Геворг (С. Т. Аркомед), Политическая жизнь Закавказья в 1918 г., Тифлис, Типография Матиняна, 1919, с. 19, а также С. Т. Аркомед, Материалы истории отпадения Закавказья от России, Тифлис, «Заря Востока», 1923, с. 11.

полномочий комиссаров¹⁵¹. В своей отчетно–аналитической речи новоиспеченный председатель социалист–меньшевик недовольствовался и оправдывался — мол, главная причина всех послеоктябрьских осложнений состоит в том, что «правительство края было по существу советским — правительством революционных организаций»¹⁵². Стержнем его выступления стал вопрос о мире и позиции нового Закавказского правительства, о чем мы поговорим в соответствующем подразделе.

В этой сессии был заслушан также вопрос о событиях Елизаветполя и Шамхора, о событиях Александровского парка в Тифлисе о поведении большевиков и тактической линии Комиссариата, а теперь и Сейма — по отношению к Ст. Шаумяну. В связи с этим национал–демократ Георгий Гвазава задался вопросом: подаст ли в отставку Совет рабочих и солдатских депутатов в связи с отставкой Комиссариата и созданием Сейма. Постановка вопроса вызвала немалый шум и недовольство в зале¹⁵³.

Хотя Н. Чхеидзе и снял этот вопрос с обсуждения повестки дня, всё же становилось очевидным, что на первом же предметном заседании Сейма вновь доминировал вопрос о политической власти. Невозможно не заметить, что это предложение в речи Н. Чхеидзе было ловко выдвинуто меньшевиком, а Г. Гвазава только подпевал. Важно то, что в противовес Комиссариату, который тем не менее все еще считался социалистической структурой, с формированием Сейма была предпринята попытка окончательно и полностью передать власть в крае грузинским меньшевикам, в данном случае — уже национальной силе, инициировавшей вторую власть. Это заметно проявилось и в том, что вопрос, ставший центральным в переговорах с Турцией на заседании 13 февраля, был перенесен в проблему власти и даже геополитическую плоскость.

Во втором своем выступлении Г. Гвазава уже поднимал вопрос о компетенции и полномочиях органа, ведущего

¹⁵¹ См. Закавказский Сейм, заседание второе, 13 февраля, с. 1–10.

¹⁵² Там же, с. 2.

¹⁵³ Там же, с. 11.

переговоры с Турцией — Сейма, однозначно преследуя совершенно другую цель. Прибегнув к превентивному напору, он восклицал: «Это правительство является правительством государственного, конституционно-правового строя, или нет?!» За этим последовало настоящее, глубинное требование, а именно: **«необходимо отделить Закавказье от России, которая существует в лице Ленина и его друзей»**¹⁵⁴ (Выделения нами — *В. М.*).

«Вот тут гражданин Гегечкори,— сказал Г. Гвазава,— извиняется за шаги, предпринятые в отношении большевиков. Не надо извиняться. Наоборот, давно уже надо было отделить Закавказье от большевистского государства, и сделать это на государственном уровне: в настоящее время демократической России как единой политической силы не существует. Согласитесь, вы со мной или нет, но будучи частью России, вы не сможете вести переговоры с Турцией. Я утверждаю это как юрист: с точки зрения международного права вы не имеете права вести переговоры от имени Закавказья. Сейм должен заявить, что Закавказье независимо от Петрограда и Москвы»¹⁵⁵.

Свои соображения относительно отношений между новой властью и правительства, о переходном периоде высказал Н. Жордания, который, как всегда, представил предложение в присутствии ему стиле директивного указания и диктата. Он считал, что «Сейм должен заняться проблемой формирования нового правительства, и сделать это он сможет, когда определится со своим политическим лицом, когда все фракции представят свои планы деятельности, из которых станет ясным правящее большинство, и затем это большинство сформирует новое правительство»¹⁵⁶.

Следует также подчеркнуть тот факт, что при обсуждении и постановке этих важных вопросов на втором заседании Сейма фракция «Дашнакцутюн» пребывала в роли слушателя, с ее

¹⁵⁴ См. Закавказский Сейм, с. 11–12.

¹⁵⁵ Там же.

¹⁵⁶ Там же, с. 10–11.

стороны не было ни одного выступления, из чего следует сделать четкий вывод: партия выразила согласие с поднятыми радикальными вопросами. В связи с этим совершенно необоснованным кажется утверждение о том, что в дни независимости Закавказья в апреле 1918 г., а затем в мае, то есть в период, когда провозглашались Республики, армянская национальная партия вдруг встала перед неожиданностью, заключающейся в том, что руководящая политическая элита, представляющая армянство этого региона, не была готова к подобным вызовам, в частности — к отделению от большевистской России.

С открытием Сейма начинался новый, решающий этап истории края, где грузинские меньшевики и националистические силы действовали все более и более уверенно.

Третье заседание Закавказского сейма состоялась 15 февраля¹⁵⁷.

Главным вопросом заседания стало представление деклараций фракций. По принципу большинства фракций право первого голоса для выступления был отдан Н. Жордании — от грузинских с.-д. меньшевиков, затем Гасан-бек Агаеву — от «Мусават», Ов. Каджазнуни — от «Дашнакцутюн», Ивану Лордкипанидзе — от эсеров, Ибрагимбеку Гайдарову — от блока мусульман-социалистов, Мир Ягубу Мехтиеву — от мусульманской партии, Георгии Ласхишвили — от грузинских федералистов, Юлию Семенову — от Партии народной свободы и Г. Гвазава — от грузинских национал-демократов¹⁵⁸.

Н. Жордания, выступая от имени грузинской и меньшевистской мусульманских организаций «Гуммет», выразил надежду, что прозвучавшие на этой сессии декларации и заявления фракций могут в конечном итоге стать основой планов будущей деятельности нового краевого правительства.

Выступлению Н. Жордании прежде всего присуще было то, что в феврале 1918 года факт существования большевистского переворота и советской власти еще полностью отвергался и

¹⁵⁷ Там же, Заседание третье, с. 1.

¹⁵⁸ Там же.

игнорировался, а в выражении «нынешняя революция» краевой меньшевистский лидер имел в виду Февральскую революцию. Именно с этого базисного пункта и была представлена программа меньшевистской фракции. «Мы считаем,— отмечал он,— что нынешняя революция с ее внутренними и политическими целями не выходит за рамки товарного хозяйства, что эта революция не наносит удара по устоям буржуазного общества. И это мнение не исходит из нашего желания, наоборот, наше желание — чтобы эта революция разрушила весь буржуазный общественный строй, и мы достигли царства социализма... если вы хотите углубить революцию в этом направлении, не имеющем крепкого базиса, мы получим не революцию, а реакцию — просто регресс. У нас есть отличный пример, и этот исторический пример очевиден (имеется в виду большевистский переворот — *В. М.*)¹⁵⁹.

С целью достижения «сверхзадачи» — социализма, он выдвинул общероссийский, единый демократический масштаб, а поскольку с большевистским переворотом эта связь была разорвана, а Совет народных комиссаров (Совнарком) передал Россию под экономическое и политическое иго германских империалистов, эта связь разрывалась еще больше. Отсюда Н. Жордания сделал главный вывод: «ныне своей главной задачей наш Сейм должен поставить одно — своими силами превратить этот молодой регион — Закавказье, в законно образованную Закавказскую республику. Ждать того момента, когда мы это будем делать вместе с Россией, мы больше не можем. Поэтому если мы вначале думали, что Сейм должен обладать только законодательными полномочиями, то теперь мы считаем, что своими действиями Сейм должен организовывать, регулировать все стороны нашей общественно-политической жизни»¹⁶⁰. А главной гарантией ее достижения Н. Жордания считал вопрос о заключении мира с Турцией, но не такого, который подписали

¹⁵⁹ Закавказский Сейм, Третье заседание, с. 2–3, так же Н. Н. Жордания, За два года, Доклады и речи, Тифлис, 1919, с. 64.

¹⁶⁰ Жордания Н. Н., там же, с. 3–4.

большевики. «Мы не будем подписывать такой мир,— говорил Н. Жордания,— и мы считаем, что лучше умереть с честью на своем посту, чем покрыть себя позором и удостоиться проклятия грядущих поколений»¹⁶¹.

Сорвав бурные аплодисменты зала, Н. Жордания (хотя и умелой демагогией) тем не менее удавалось последовательно, шаг за шагом устранять националистические, социалистические и антибольшевистские силы Закавказья и практически отдалять их от России.

Что касается программных и концептуальных вопросов в Сейме, то следует отметить, что речь Н. Жордания преследовала одну глобальную цель, а именно: обосновать перспективу разрыва всяких связей с большевистской Россией повторением триединства меньшевистского социализма — рабочей, аграрной и национальных проблем. Выступление не содержало ничего нового, более того, легко можно подметить ряд противоречий в затронутых вопросах.

Так, например, допуская, что настроения промышленных, «даже меньшевистских» рабочих Закавказья являются преимущественно большевистскими, то возникает вопрос: как собирался меньшевистский вождь дать «верное» решение рабочего вопроса в этой большевистской среде, или как он представлял себе промышленное развитие Закавказья без России, по-прежнему декларируя тезис «либо властвует капитал и рабочий эксплуатируется, либо властвует рабочий, и в таком случае капитала нет»¹⁶². Он признавал, что объединение интересов промышленности и рабочего класса по легальному содержанию и форме является трудной задачей. Но в то же время он подчеркивал, что рабочая политика меньшевиков будет идти в этом направлении¹⁶³.

Подчеркивая двойственный характер национального вопроса в Закавказье, то есть отношения края с центром и отношения

¹⁶¹ Там же, с. 4.

¹⁶² См. Закавказский Сейм, Третье заседание, с. 5.

¹⁶³ Там же.

национальностей, населяющих Закавказье, в качестве достижения Н. Жордания подчеркнул то, что «первая форма волею судьбы снята с повестки дня»¹⁶⁴. В национальном вопросе логика Н. Жордания была следующей: если революция (имеется в виду Февральская — *В. М.*) дает автономию нациям или народам, то эта автономия так или иначе должна иметь национальную форму.

Он полагал, что поскольку в Закавказье много наций, отчасти смешанные слои, то каким же образом каждой из этих наций дать автономию, чтобы при этом они не мешали друг другу? На какой базис должно опираться решение этого вопроса? Единственным основанием Н. Жордания считал правовое равенство наций. «Если какая-либо партия или нация, — отмечал он, — выдвигает перед нами великодержавные требования, а великодержавные требования способны выдвигать также малые народы, и если у нас требования будут империалистические, то мы можем сказать, что национального мира для нас не будет, и это несомненно»¹⁶⁵. Развивая эту мысль, Н. Жордания заявил: для того чтобы нация могла самоуправляться, она должна претендовать на территорию, но поскольку в Закавказье «почти ни одна нация» не может получить эту полноценную территорию, то стало быть, всегда будет возможность преследования национального меньшинства со стороны национального большинства, и следовательно — национальный вопрос не будет разрешен¹⁶⁶. Затем Н. Жордания дает не меньшевистский, а преимущественно грузинский вариант решения вопроса. «Мы вынуждены, — говорил он, — выкроить из территории Закавказья определенные национально-территориальные единицы ограниченного размера, чтобы одна нация — например, армянская, грузинская или татарская — была разделена на несколько самоуправляющихся единиц и чтобы эта нация жила в многочисленных национальных кантонах. Если мы возьмем Восточное Закавказье, то увидим, что на этой террито-

¹⁶⁴ Там же.

¹⁶⁵ Там же, с. 6.

¹⁶⁶ Там же.

рии это именно так и необходимо сделать, ибо невозможно найти столь широко распространенную национально–территориальную единицу, которая состояла бы из одной нации и не включала бы в себя несчетное количество других наций¹⁶⁷.

Говоря современным языком, Н. Жордания полностью отвергал принцип исторического права народов и, по понятным причинам, предложил решение, исходя из экспансионистских интересов грузинской нации.

Здесь также налицо было существенное противоречие. Во–первых, выдвигая на первый план Восточное Закавказье, грузинский деятель взял под свое покровительство северо–западное Закавказье, населенное наиболее многослойным этносом, что, конечно, не было выгодно грузинам, составляющим меньшинство. Затем он умело пытался использовать — причем в пользу татаро–мусульман, армяно–татарский конфликт, одним из постоянных инициаторов и организаторов которого был он сам, лидер грузинского меньшевизма.

Воистину достойна уважения политическая дальновидность Н. Жордания и его определенность в собственных национальных требованиях. Всего через несколько месяцев будут образованы (и в основном за счет территорий соседних народов) Грузия и Азербайджан — им же сформулированного «империалистического» характера, которые после февраля 1917 г. последовательно дошли до пика антиармянской политики. И этому будет служить и способствовать новая единая власть Закавказья — Сейм, укреплением правительственных полномочий которого был так озабочен Н. Жордания.

Другая составляющая объявленной им в Сейме программы — проблема национальных воинских частей — должна была завершить реализацию долгосрочных целей. Он не скрывал своей ненависти к «так называемым национальным воинским частям». Это объясняется тем, что среди этих воинских частей наиболее боеспособными и организованными были армянские, которые, как известно, пользовались поддержкой как Временно–

¹⁶⁷ Там же, с. 6–7.

го правительства, так и в будущем российских прогосударственных, антибольшевистских правительств, в частности генерала Антон Деникина. Популистский, но на деле кажущийся законным подход Н. Жордания исходил из явных корыстных соображений.

«Штабов много, хозяев много, а между тем у власти нет принудительной силы, чтобы наша власть управляла каким-нибудь отрядом, она должна выпрашивать — в надежде, что может, какой-нибудь национальный совет пожалеет и предоставит воинскую часть. Это не власть, а одно только название. Все вооруженные силы страны, все национальные воинские части должны подчиняться непосредственно Сейму и органам, которые этим Сеймом и будут утверждены¹⁶⁸.

И вновь противоречие. В период Февральской революции сторонник национальных воинских частей Н. Жордания теперь вдруг категорически отверг их, обратился к залу и даже поинтересовался, что это такое — национальная воинская часть, когда подобной нет ни в одной стране мира. Один из «авторов» Шамхора и Елизаветполя, вместе с татарами воровавший русское оружие и боеприпасы для вооружения национальных воинских частей, ныне предлагал создать единую армию, которая, имея острые противоречия, защитила бы многие народы, населяющие соответствующую единую территорию. «Эта армия должна быть армией не одной нации,— восклицал он,— она должна быть территориальной армией, поэтому мы стремимся к тому, чтобы армия стала территориальной, а не национальной»¹⁶⁹.

«Справедливый» Н. Жордания допустил одну оговорку, да и то в отношении мусульман, у которых особые традиции, обычаи, у них может быть своя территория, своя кухня. В конце концов вдохновенный оратор дошел до той степени, что в условиях турецкого нашествия он предложил демократические решения: расформирование регулярной армии и переход к

¹⁶⁸ Там же, с. 5.

¹⁶⁹ Там же.

народной милиции¹⁷⁰. Можно даже провести очевидную параллель со знаменитым большевистским лозунгом Троцкого — «ни войны, ни мира».

Понятно, что в контексте антибольшевизма и особенно на волне нескрываемого воодушевления, причиной которого стал провал программы Ст. Шаумяна, можно было предложить и такую концепцию, которая основывалась именно на антибольшевистской тактике, а не на совершенно противоположных интересах наций и народов Закавказья. И как представлял себе Н. Жордания противостояние турецкому вторжению объединенной армией, состоящей из армян, грузин и татар, тем более в том случае, что известна роль, которую сыграли грузинские воинские части в завоевании турками Западной Армении, сдачи Карса и других позорных сделках.

В завершение Н. Жордания от имени фракции меньшевиков сразу же предложил Сейму принять этот самый план и «образовать такое правительство, которое не только согласится с этим планом, но будет иметь волю и возможность осуществить его и тем самым спасти страну от анархии и разрушения»¹⁷¹.

От имени демократической партии турецких федералистов — «Мусават», а также от группы беспартийных мусульманских демократических представителей Сейма с речью выступил **Г. Агаев**.

Характеризуя сейм как Учредительное собрание, он особо акцентировал внимание на вопросе мира, предложив фактически большевистскую формулу — демократического мира без аннексий и контрибуций, на основе самоопределения наций¹⁷². Земля безвозмездно отдавалась в собственность трудящимся — с определением максимального предела земельной площади. В национальном вопросе мусаватист уже совершенно не сдерживал себя, отметив, что «мы должны решать наши национальные проблемы, не останавливаясь ни перед чем».

¹⁷⁰ Там же.

¹⁷¹ Там же, с. 10.

¹⁷² Там же, с. 10–12.

Агаев, с целью определения прав национальных меньшинств, предложил Сейму разработать конституции для отдельных наций, что обеспечивало бы принцип их национально–территориальной автономии, гарантируя права национальных меньшинств. Защищая «Россию свободных народов» и идею федеративного объединения, он считал приоритетной задачей своей фракции осуществление «национально–территориальной автономии Азербайджана»¹⁷³. Примечательно, что накануне мартовских событий в Баку и в условиях турецкого вторжения этот депутат, ратующий на национальную автономию под названием «Азербайджан», говоря об основных принципах внешней политики, акцентировал внимание на проблеме «недопустимости иностранного вмешательства в свои дела». Он призвал обратить особое внимание на вопрос о том, что решение общекавказских проблем не должно быть связано с «созданием механического большинства», а Сейм должен решать их «с учетом принципа реальной взаимосвязи между национальными группами», особенно в условиях формирования региональной власти¹⁷⁴. С. Врацян заметил, что это «жесткое коалиционное требование» Г. Агаев поднял с учетом фактического соотношения национальных этнических групп. Понятно, что однородно–социалистическое правительство для него было абсолютно неприемлемо, ибо «причина понятна: господствующим элементом среди мусульман были беки и помещики»¹⁷⁵.

Требую создания коалиционного регионального правительства, мусаватист Г. Агаев считал залогом его успешной деятельности немедленное введение земства и прямо требовал отныне уделять особое внимание созданию и укреплению мусульманских национальных воинских частей. Неприкрытой демагогией дышали его слова о том, что «турки Закавказья, не удостоенные имперским правительством такого почета — быть в числе борцов, защищающих честь и достоинство родины, такого же

¹⁷³ Там же, с. 12.

¹⁷⁴ Там же, с. 12–13.

¹⁷⁵ См. Врацян С., Республика Армения, Ереван, с.77.

недоверия «удостоились» у демократического правительства Керенского»¹⁷⁶. Вот почему в данном случае понадобился Сейм татарам, выступающий от лица, которых Г. Агаев советовал прислушаться к «посторонним силам» — то есть к прогосударственному российскому военному командованию, странам Антанты и советскому правительству в Баку. Даже после елизаветпольских и шамхорских событий он во что бы то ни стало защищал Закавказский комиссариат и требовал, чтобы новое краевое правительство было независимым от посторонних влияний¹⁷⁷. В этом смысле вновь становится вполне понятной необходимость создания «сильного» правительства грузинскими меньшевиками и татарскими мусаватистами, объективно направленного против армян. Об этом свидетельствовала и его заключительная речь: «Я протягиваю вам братскую руку Азербайджана и всей закавказской демократии — в вашем лице, искренне и без национальной дискриминации, говорю: Да здравствует солидарность народов Закавказья! Да здравствует закавказская демократия! Да здравствует Закавказский сейм!»¹⁷⁸

Ов. Каджазунни приветствовал Сейм от имени Армянской революционной федерации «Дашнакцутюн». Прерывание однодневной жизни Учредительного собрания он посчитал болезненным для всей страны. Проблему регулирования собственной национальной жизни на местах Ов. Каджазунни напрямую связывал со структурой могучего целого — единой Российской Демократической Федеративной Республикой и рассматривал Закавказский Сейм как один из ее организующих центров. Сразу же подчеркнем, что, в отличие от грузинского и татарского депутатов, он не употреблял понятие «Армения»¹⁷⁹.

По вопросу о мире Ов. Каджазунни заверял, что известный принцип должен привести к созданию автономной Турецкой Армении. Он считал, что власть должна быть однородной и

¹⁷⁶ Там же, с. 13–14.

¹⁷⁷ Там же, с. 14.

¹⁷⁸ Там же, с. 15.

¹⁷⁹ Там же, с. 16.

социалистической, что также предотвратило бы «возврат к политическому оппортунизму и социальному застою». В качестве «самой большой политической проблемы он также выделил вопрос о правильном территориальном делении Закавказья, руководствуясь принципом их объединения на основе самостоятельных кантонов народов в общую Закавказскую Федерацию»¹⁸⁰.

Выразив свою солидарность со всеми демократическими силами, он одновременно поставил вопрос о вступлении «Дашнакцутюн» в интернациональную социалистическую семью и выразил надежду, что «в ходе своего дальнейшего развития Закавказский сейм станет центром социалистической мысли и творчества, центром Социалистического Интернационала Закавказья»¹⁸¹.

Обобщая программные выступления представителей трех основных закавказских народов, представлявших Сейм, можно выделить ряд характерных акцентов:

1. После разгона большевиками Всероссийского Учредительного собрания для закавказских социалистов, особенно меньшевиков и «Дашнакцутюн» стала ясной неизбежность факта отделения края и отдаления его от России и необходимость организации собственной национальной жизни.

2. Грузинские меньшевики и «Мусават» видели в Закавказском сейме наилучший способ решения национальных проблем, они уверенно предъявляли требования, которые, согласно программным речам, содержали антиармянский подтекст и были словно заранее согласованными — это было уже испытанное временем партнерство.

3. Очевидно, что «Дашнакцутюн» еще надеялась на единую общероссийскую демократическую семью и по исторической инерции — на поддержку.

С сожалением приходится констатировать, что реальная и правильная оценка ситуации и образа действий в основном

¹⁸⁰ Там же, с. 17.

¹⁸¹ Там же.

прослеживается в планах грузинских и татарских депутатов, которые и задали тон последующим выступлениям и высказанным в них позициям.

Выступление Ов. Каджазуни не содержало острых вопросов — ни одного. Потеря чувства реальности выразилась в том, что в водовороте событий, в течение двух месяцев, сотрясавших Закавказье, один из предводителей фракции «Дашнакцутюн» в своем выступлении делал акцент на поддержку социалистического движения и европейского социалистического интернационала, в то время как Н. Жордания и Г. Агаев под видом того же социализма и демократии пытались решать исключительно свои национальные проблемы.

Пожалуй, он осознавал растущую опасность, исходящую от сложившегося грузино–татарского союза, и вновь, по инерции, на антибольшевистской волне проглотил политику Комиссариата, фактически направленную против армян — проблему административно–территориального деления, проблему земств, предвзятые решения и законы Комиссариата, бунты в Елизаветполе и кровопролитие — зверскую резню в Шамхоре. А впереди были Трапезундские переговоры, мартовские события в Баку¹⁸² и многочисленные вызовы, появившиеся в связи с турецким вторжением.

Все это свидетельствовало о несостоятельности армянских программ до поры до времени, а мартовская вспышка героической обороны Баку, к сожалению, не превратилась в последовательную программу.

Как бы то ни было... проследим за другими выступлениями и предложенными в них новыми вопросами.

Эсер **Ив. Лордкипанидзе** отметил, что после роспуска Учредительного собрания, где его партия составляла большинство, положение ее ухудшилось. Он с сожалением констатировал: нежелательно, конечно, чтобы проблемы, возникшие вследствие

¹⁸² См. подробнее Меликян В. Г., «Борьба за Баку (ноябрь 1917 г. — апрель 1918 г.)», Ереван, 2018 г., (на арм. яз.), «Борьба за Баку (ноябрь 1917 г. — апрель 1918 г.)», Ереван, 2019 г. (на рус. яз.).

мира, подписанного большевиками, которые должна решать единая Россия, теперь вынужденно придется решать Закавказью, а это обстоятельство порождает величайшую тревогу. Его вывод о том, что эсеры, вместе с другими социалистическими партиями, будут стремиться к созданию единого русского фронта, опять же был оторван от закавказской действительности. Особенно беспокоил Ив. Лордкипанидзе 4-й секретный пункт Брест-Литовского договора, который, по его мнению, был направлен против плана эсеров по социализации земли. В нем говорилось, что каждый гражданин, заявивший о своем немецком происхождении, может пользоваться землей по своему усмотрению в течение 10 лет, то есть может стать собственником земли. Следовательно, народы, которые окажутся под патронатом Германии, не смогут социализировать землю¹⁸³.

Аплодисментов удостоилось неожиданное заявление эсеровского депутата о том, что даже рабочий вопрос надо решать на национально-территориальной основе и силами краевой закавказской власти. «Национально-территориальный парламент должен поднять общие вопросы краевой закавказской власти», — заключил Ив. Лордкипанидзе, — и мы будем настаивать на том, чтобы новое правительство стремилось сформировать национально-территориальную власть на Кавказе»¹⁸⁴.

Первый пункт декларации эсеров касался решения земельного вопроса: программа социализации земли должна была быть решена закавказскими национально-территориальными Учредительными собраниями, созданными Сеймом. Мир с Турцией социалисты-революционеры считали возможным в том случае, когда будет получено согласие соседних правительств на признание Учредительного собрания Российской республики¹⁸⁵, то есть непризнания Советской России.

В вопросе власти он поддерживал идею однородного социалистического правительства, которое своей широкой

¹⁸³ Закавказский Сейм, с. 18–19.

¹⁸⁴ Там же, с. 20.

¹⁸⁵ Там же, с. 21.

социально–экономической программой могло бы обеспечить достижения Февральской революции. Традиционно слабым и уязвимым местом партии социалистов–революционеров оставался национальный вопрос, и удивительно, что в вопросе о новом правительстве заметна была серьезная уступка в пользу национальной власти, что объясняется антибольшевизмом, а решением острого национального вопроса края продолжало оставаться «удовлетворение национальных требований всех народностей Закавказья — под знаменем социалистического интернационализма»¹⁸⁶.

И. Гайдаров также приветствовал Сейм от имени Мусульманской социалистической группировки, выступающей как сторонник демократического мира. Он пытался связать решение национального вопроса с содержащимися в нем двумя составными частями. Согласно сугубо национально–политической составляющей, каждая историческая нация стремится к полному обособлению, вплоть до образования самостоятельных государственных единиц. Вторая же — экономическая составляющая, заставляет каждую нацию устанавливать такие тесные экономические связи с соседними народами, которые обеспечат процесс экономического развития. Учитывая тесную взаимозависимость этих составляющих, он предложил создать общий Закавказский и, по возможности, единый Кавказский сейм с единым правительством и правом культурно–национальной автономии для каждой нации¹⁸⁷.

М. Мехтиев со стороны мусульманской фракции в России — партии «Иттихад»¹⁸⁸, принимал Россию как союзное народное государство, и по всем важным вопросам выражал знакомые, приспособленческие подходы¹⁸⁹.

¹⁸⁶ Там же, с. 22.

¹⁸⁷ Там же, с. 23–24.

¹⁸⁸ Единение, партия панисламистской ориентации, 1917–1920, созданная по аналогии с турецкой партией «Единение и прогресс».

¹⁸⁹ Там же, с. 24–28.

Г. Ласхишвили от имени Революционной партии социалистов–федералистов Грузии высказал мнение, в частности, о том, что формирование Союза свободных народов Закавказья должно проводиться не сверху, а снизу. Народы должны сначала самоопределиваться, создать свои национальные и территориальные автономии и только потом иметь союзное правительство или союзный сейм. Считаем необходимым представить, как развивалась мысль Г. Ласхишвили в выступлении, которое, на наш взгляд, явилось наиболее, пожалуй, реальной оценкой ожидаемых в ближайшем будущем событий. «Кто думает, что нынешний Закавказский сейм есть постоянное и законченное сооружение политического сосуществования закавказских народов, тому мы отвечаем: он ничем не отличается от всевозможных комбинаций революционного времени, который, как и предыдущие, обречен на гибель, **потому что нет единого Кавказа, а уж тем более — Закавказья. То, что мы называем Кавказом или Закавказьем, не более чем географический термин.** В этой местности живут разные народы, с разной культурой, бытом и социальным устройством, поэтому общее законодательство и общее руководство этих народов есть не что иное, как бесцельное топтание на одном и том же месте. Я не хочу сказать, что у народов Закавказья нет общих интересов — вовсе нет, они есть. Этот интерес — мощная выгода экономического, финансового характера, но обслуживание этого интереса требует создания другого Сейма, другого Совета, который возник и опирается на национально–территориальные единицы. **То, что мы имеем сейчас, к этому нас привел ход революции, когда мы полностью отошли от остальной России,** создание общезакавказского учреждения связано с решением насущных вопросов» (выделено нами — *В. М.*)¹⁹⁰. И в числе насущных проблем снова оказались вопросы мира с Турцией, вопрос власти, аграрного, национального размежевания. В вопросе о власти он призвал обратить особое внимание на «поразительную ревность», проявленную революционными

¹⁹⁰ Там же, с. 28–29.

органами и центром в защите завоеваний и свобод революции. Этим органам он отводил «регулирующую роль в революции» и считал, что новая власть должна пользоваться полной свободой и быть ответственным исключительно перед сеймом. Депутат — социалист–федералист, тесно связал вопрос национального самоопределения с непосредственным решением аграрного вопроса. «Депутаты Сейма,— говорил он,— открывается новая страница в истории народов Кавказа. Ваши имена появятся на этих страницах. Если вы хотите, чтобы эти страницы не были пропитаны братской кровью, приложите все усилия к решению аграрного вопроса»¹⁹¹. Как и другие социалисты, а также большевики, он связывал идею национального освобождения народов с социальным освобождением трудового крестьянства — закрывая глаза на сотрясающие регион мусульманские бунты, в основе которых лежало не только национальное, но и его крайнее, радикальное, дикое и армяноненавистническое проявление — пантюркизм.

В основу национального обособления он ставил принцип национального расселения, затем опрос населения, референдум, особенно в периферийных провинциях, а затем требование широкой защиты прав меньшинств. «Когда рухнет эта последняя преграда,— утверждал Г. Ласхишвили,— я считаю, что придет время созвать Национальное Учредительное собрание — для разработки демократических конституций республик Азербайджана, Грузии и Армении. Мы не хотим предугадывать будущее нашей Родины: останется ли она навечно самостоятельной как конфедерация закавказских народов, или в дальнейшем войдет в состав Всероссийской Федерации — это зависит от дальнейшего хода событий»¹⁹².

Как видим, в феврале 1918 г., на третьем заседании Сейма, был поднят вопрос о создании независимых национальных республик, пусть и не правящими фракциями. Грузинские меньшевики на своем ноябрьском национальном съезде в 1917

¹⁹¹ Там же, с. 30–31.

¹⁹² Там же, с. 31–32.

году уже в известной мере поднимали этот вопрос, а теперь восприняли учреждение Сейма и отделение от России как момент установления национального суверенитета. В связи с этим мы считаем, что коренным образом меняется устоявшийся тезис армянской историографии о том, что череда независимостей началась после сдачи Карса, после объявления независимости Закавказья и тем более — в контексте героических майских сражений армянского народа. Можно с уверенностью сказать, что открытие Сейма, и особенно созданный после роспуска Учредительного собрания политический вакуум, сами по себе означали выход из политической изоляции и кризиса. А до сих пор не были ясны механизмы и пути достижения этого, особенно в условиях турецкого вторжения и заключения мира с Турцией. Добавим также, что протоколы Закавказского сейма, за исключением обсуждения рядом авторов¹⁹³ некоторых частных вопросов, впервые вводятся в научный оборот, поэтому проливают совершенно новый свет на этот вопрос.

Ю. Семенов от имени Партии народной свободы (кадетов) пытался рассматривать Закавказье как компонент глобальной жизнедеятельности и подчеркивал тот факт, что «первым проявлением разложения общественного самосознания России были национальные центробежные устремления, разрушавшие общенациональную и народную идеи революции»¹⁹⁴.

Единственным активным нравственным элементом формирования новой закавказской власти он считал национальное самосознание, национальные организации, Советы. При этом он напомнил, что Сейм создан революцией, и как бы он ни пользовался, как бы ни использовал национальное начало власти, он должен провозгласить демократию главным принципом своей деятельности и «не увязнуть в национальных

¹⁹³ См. Ставровский А., Закавказье после Октября, Москва–Ленинград, 1925, С. Т. Аркомед, Материалы по истории отпадения Закавказья от России, Тифлис, 1923, Г. Аветисян, Армянский вопрос в 1918, Ереван, 1997.

¹⁹⁴ Закавказский сейм, с. 33.

устремлениях»¹⁹⁵. Разумеется, он также подчеркивал проблему согласованного — нога в ногу, движения со всей Россией и в этой связи осуждал пораженческую и сепаратистскую позицию Н. Жордании и особенно «политику сепаратистского выпрыгивания из огненного кольца войны»¹⁹⁶.

Таким образом, выражая позицию партии кадетов, Ю. Семенов пришел к выводу, что:

1. Образование Закавказского сейма является закономерным следствием политической ситуации, созданной бунтом и захватом власти партией большевиков в Петрограде.

2. Однако с созданием общероссийского центрального правительства, признанного всей Россией, Закавказский сейм в его нынешнем виде должен быть заменен другим учреждением (или учреждениями), которые будут установлены для Закавказья основными законами Российского государства.

3. Предоставив Сейму полномочия государственной власти, все другие — уже существующие и вновь учреждаемые организации, не вправе более делить власть с Сеймом или узурпировать контрольные функции.

4. Принимая во внимание, что жизнь Закавказья будет протекать в контексте межэтнической политики, а также необходимость создания единой армии края и, следовательно, необходимость постоянной деятельности национальных советов, Сейм должен унифицировать общетерриториальную политику таким образом, чтобы координировались все региональные и государственные проблемы и интересы всех народов Закавказья.

5. Исходя из этого, ближайшими задачами Сейма являются:

а) непоколебимая и неослабная инициатива воссоздания и объединения всех частей Российской Республики,

б) создание региональной исполнительной власти, ответственной перед Сеймом,

в) обеспечение гарантий независимости и авторитета суда,

¹⁹⁵ Там же, с. 34.

¹⁹⁶ Там же, с. 35.

г) установление правопорядка в крае и обеспечение условий для мирного сосуществования народов Закавказья,

д) устранение предпосылок, порождающих обострение межэтнических конфликтов; этого возможно достигнуть введением немедленного административного разделения и земств¹⁹⁷.

Любопытный факт: речь Ю. Семенова была единственной среди всех выступлений, прозвучавших до этого, которая ни разу не вызвала бурных оваций или общепринятых аплодисментов ни по какому пункту. На это имеется свое, вполне законное обоснование: речь Ю. Семенова была фактически единственной, содержательно конфронтующей с грузино–меньшевистской линией, косвенно оппонирующей декларации, навязанной Н. Жорданией, в частности — его политике отделения от России. Выступление Ов. Каджазнуни, как мы заметили, не содержало этих вопросов, они носили характер глубоко скрытого подтекста.

От имени грузинских националистов против Ю. Семенова и идеи возрождения русскости выступил глава фракции грузинской национально–демократической партии Г. Гвазава, который не принимал «так называемую общероссийскую демократию и Всероссийское Учредительное собрание», считал их ложными, нереальными идеями и силами¹⁹⁸. Для него особенно неприятно было Учредительное собрание, с принятием которого «мы прямо объявляем войну тем народам, которые освободились от русского империализма: Финляндии, Крыму, Украине и т. д.»,— говорил он¹⁹⁹.

«Каков будет состав Учредительного собрания? Кому будет принадлежать большинство, кто будет представлять Грузию? — восклицал грузинский депутат,— мы снова попадем под ярмо империализма»²⁰⁰. Считая себя сторонником солидарности и

¹⁹⁷ Там же, с. 37–39.

¹⁹⁸ Там же, с. 39.

¹⁹⁹ Там же, с. 40.

²⁰⁰ Там же.

союза народов, Г. Гвазава подчеркивал, что этот союз должен основываться на свободных отношениях и свободном договоре. отождествляя кадетов с большевиками, он отмечал, что кадеты только сейчас заговорили о самоопределении народов и что их программа по национальному вопросу известна. «Разве не они хотели захватить Константинополь и еще больше укрепить империализм? Разговоры об Учредительном собрании не имеют под собой никаких оснований — для нас это весьма опасная сказка», — сказал он²⁰¹.

Этот центральный вопрос и лег в основу всех дальнейших развитий, став стержнем вопроса обороны Кавказского фронта против турецкого нашествия. Противоречие состояло в том, что эта «опасная сказка» пока отвечала интересам армянского народа, просто фракция «Дашнакцутюн» — в силу привычной инерции антибольшевистской, а затем и антироссийской политики Комиссариата, не решилась наметить свой ближайший национальный путь и вновь очутилась в опасной изоляции, стремясь, с одной стороны, к национальной независимости (по крайней мере, не противостояла ей), а с другой стороны, подобно грузинам или татарам, не решалась поднять радикальные вопросы, отвергнуть Россию. Крепко ухватившись за идею самоопределения наций, провозглашенную Февральской революцией, Г. Гвазава справедливо напомнил, что ее проигнорировали, превратили в лозунг, и ни одна из сторон не старалась воплотить ее в жизнь. Большевики, также разделявшие идею самоопределения, объявили войну Украине и другим народам. В то же время Г. Гвазава лукавил, когда считал все этнические погромы и беспорядки в регионе проявлением большевизма и следствием большевизма — включая Елизаветполь и Шамхор, мусульманские мятежи в Ереванской губернии²⁰². То, чего себе пока не позволяли вожди грузинских меньшевиков, сказал депутат национал-демократ, который, воспользовавшись соответствующей трибуной и удобным моментом, напомнил

²⁰¹ Там же.

²⁰² Там же, с. 40–41.

слушателям о русско–грузинском договоре 1783 года (Георгиевский трактат) и его последствиях для Грузии; об обязательстве, которое подписал генералиссимус Омар–паша в 1855 г. — о свободе Грузии, при этом игнорируя тот факт, что Закавказье — это не только Грузия, а Сейм — это не только грузинское правительство; о статье 30 Парижского договора, согласно которому Англия требовала от России освободить территорию Грузии; о петиции представителей грузинского народа, которая была представлена на Гаагской конференции 1907 года.

Г. Гвазава смело заключил, что в силу своего международно–правового статуса Грузия вошла в сферу международно–правовых отношений, и «для нас,— отмечал он,— для армян, татар, не только для Грузии, это имеет большое значение»²⁰³. Он хитро приравнял грузинские проблемы к Армянскому вопросу, превратив его в международный дипломатический вопрос. И весьма печально, что не получил здесь достойного ответа от армянских депутатов — и только на основании того, что именно оратор имеет в виду, во–первых, говоря «Грузия», а потом — каким образом оправдано существование «грузинского вопроса» на арене международной дипломатии, когда такового не существовало вообще. И это нужно было обосновать, потому что «международно–правовой статус Грузии позволяет нам войти в Европейскую конференцию мира,— подчеркнул Гвазава,— и мы не можем сами преградить себе путь, не забрать там свои права, которые были приобретены нами ценой дорогой ценой — ценой десятков лет борьбы и кровопролитий»²⁰⁴.

В этом контексте он «отбрасывал Учредительное собрание России» и подчеркивал роль Сейма — как законодательного собрания и носителя суверенных прав Закавказья, а также выражал надежду на то, что в главном вопросе — вопросе мира, народы Закавказья, у которых есть национальные вопросы и противоречия, найдут их решение мирным путем, через Сейм.

²⁰³ Там же, с. 42.

²⁰⁴ Там же.

Непонятно было, что Г. Гвазава настаивал на создании национальных советов: на наш взгляд, это также была уловка для игнорирования значительной роли вполне состоявшегося в крае Армянского национального совета — особенно в создании Армянского национального корпуса, когда в сотый раз подкладывалась, как мягкая подушка, заманчивая идея создания триады «Грузия, Армения, Азербайджан»²⁰⁵.

И, наконец, от имени грузинской социал–демократической фракции меньшевиков и мусульманско–социалистической организации «Гуммет» просит слова **Н. Рамишвили**, который непонятно зачем и как — без обсуждения, представил совместную декларацию, основные положения которой были развиты в речи Н. Жордании. Интересно, что вопрос о принятии Декларации или ее голосовании не поднимался и председатель Н. Чхеидзе перешел к повестке следующего заседания²⁰⁶.

Таким образом, можно сделать вывод, что третья сессия Сейма 15 февраля при подавляющем влиянии грузинских меньшевиков и председателя Н. Чхеидзе, при этом «с большим воодушевлением», приняла программу–декларацию Закавказской власти.

17 февраля «Оризон» в редакционной статье «Подождем, потерпим» ссылается на то важнейшее заседание. Статья С. Вращана отличается нерешительностью и заблуждением. Хотя автор и считает, что «вопрос, на данный момент уже не имеющий практического значения — как, например, вопрос о взаимоотношениях России и Закавказья, остался в необходимой степени невыясненным»²⁰⁷, или, скажем, «истинное лицо некоторых из сторон» так и не раскрыто, однако, на наш взгляд, именно на этом заседании были полностью раскрыты тактики партий, в том числе тактика, принятая «Дашнакцутюн». Выясняется также, что последний был убежден в том, что вопрос о взаимоотношениях России и Закавказья неактуален. А

²⁰⁵ Там же, с. 43.

²⁰⁶ Там же, с. 47–51.

²⁰⁷ См. «Оризон», 1918, 17 февраля, № 35.

то, чем объясняет свое молчание фракция «Дашнакцутюн» в связи с независимыми республиками, или почему она принимает программу–декларацию предложенного грузинскими меньшевиками Сейма — относительно этого, к сожалению, обсуждений и мнений в партийной печати мы не находим. Создается впечатление, что, действительно, после разгона Учредительного собрания на политическом поле Закавказья господствовала тревожная и неопределенная обстановка, однако фактом является и то, что в то же время царило некоторое спокойствие и удовлетворение (по крайней мере среди национальных партий), особенно в вопросе об отношениях с большевистской Россией.

Следует также отметить, что несколько заседаний Сейма полностью были посвящены вопросам Брест–Литовского договора, закавказских сепаратных переговоров с Турцией и возможного мира, где Сейм, своим большинством (за исключением русских кадетов), окончательно прояснил вопрос о своих отношениях с Россией. Передача туркам Карса, Ардагана и Батума только ускорила и в какой–то мере также способствовала задаче немедленного отдаления из Советской России и разработки собственной политики.

Председатель Мандатной комиссии Сейма Александр Ломтатидзе на седьмом заседании от 19 февраля поднимает ряд вопросов, которые можно разделить на три группы²⁰⁸.

1. О том, имел ли право соответствующий комитет Сейма рассматривать, а фактически — пересматривать, итоги выборов во Всероссийское Учредительное собрание, или он должен был довольствоваться механическим подсчетом или проверкой. Комиссия Сейма единогласно признала, что исходя из некоторых обстоятельств, он фактически узурпировал эту часть соответствующего пункта избирательного закона и оставил за собой право проводить всю избирательную работу, в частности, в Закавказском избирательном округе.

²⁰⁸ См. Закавказский Сейм, Заседание седьмое, 19 февраля, с. 1–6.

2. Проблема была в том, что на заседании 22 января 1918 года закавказские члены Учредительного собрания приняли решение: поскольку не все члены Всероссийского Учредительного собрания могут участвовать в работе Сейма, то в таком случае один из них может быть временно заменен другим по представлению той или иной фракции. Мандатная комиссия единогласно постановила считать замены такого порядка недопустимыми — как с точки зрения практики парламентаризма, так и с точки зрения целесообразности: быть может, принимая во внимание и то обстоятельство, что таким путем Сейм получит власть, что дело Сейма все время будет в руках трудящихся.

3. Вопрос относился к проблеме представительства фронта. Известно было, что во Всероссийское Учредительное собрание прошли 6 депутатов от Кавказского фронта: 1 большевик и 5 эсеров, которые считались представителями Кавказской армии. А. Ломтатидзе констатировал, что перед комиссией встала проблема: если принять подход «нет фронта, нет армии», то можно ли допустить такое представительство в Закавказском Сейме? В результате вокруг этого вопроса формируются три течения: а) согласно первому должны быть представители как от тыла Закавказья, так и от Кавказского фронта, ибо можно определенно утверждать, что некоторые части той армии еще оставались на фронте, б) согласно второму, полностью отвергалось представительство армии, ибо 50%–60% этой армии были жители Закавказья, и в условиях гражданских выборов армия участвовала в тех выборах. Естественно, что если они лишатся возможности иметь представителей в Сейме, то это означает оставить часть закавказских полноправных избирателей без своих представителей в сейме. Сторонники такого подхода к тому же утверждали, что эта армия защищает также интересы Закавказья. Противники возражали против того, что большая часть той армии была набрана из жителей Закавказья, Северного Кавказа, Дона и других областей, поэтому допустить их в Сейм означало бы создать искусственное представительство и тем самым подставить под удар власть Сейма. Сторонники выборных членов от армии считали: наоборот, большинство

Кавказской армии составляли русские, которых фактически лишили региональных выборов, и если представительство фронта также будет полностью отвергнуто, то это будет означать, что значительная часть населения Закавказья будет лишена права выступать в Сейме. На этой почве сложилось третье течение, согласно которому: представительство должно быть, но оно не должно носить частичный характер, т. е. тем лицам, которые избраны во Всероссийское Учредительное собрание и имеют звание его члена, им должно быть предоставлено право полноправного, действительного члена Закавказского Сейма²⁰⁹. На первый взгляд, в настоящий момент процедурные вопросы, не имеющие злободневного звучания и кажущиеся техническими, постепенно приобретали отнюдь не шуточный характер, раскрывая контекст политических пластов проблемы, после чего переходили в разногласия и даже порождали непримиримую борьбу.

Г. Гвазава, например, сопротивлялся: почему люди, избранные в Учредительное собрание, не могли быть заменены в Сейме, особенно если в Закавказье была принята система пропорциональных выборов. Идейной основой Г. Гвазавы было то, что первичным считались не отдельные лица, зарегистрированные в том или ином списке, а номер списка, партия, политическое движение, выдвинутое партией. Вывод Г. Гвазавы о том, что мажоритарная система, которую продвигал Сен-Жюст еще во время Французской революции, был полностью оправдан в том смысле, что в отсутствие заместителя его мог заменить следующий человек в списке. Из зала тут же последовала реплика: «А если он вернется, то новое лицо должно уступить ему место, что ли?» Реплика вызвала оживление, смех, «громче всех смеется гражданин Н. Рамишвили»²¹⁰. Депутат Виктор Тевзая также стал насмехаться: «Г. Гвазава хочет превратить наш Сейм в организацию, которую... я даже не могу себе представить, чтобы люди могли бесконечно сменять друг

²⁰⁹ Там же, с. 3–4.

²¹⁰ Там же, с. 9–10.

друга по своему желанию. Это обречет Сейм на бездействие и лишит его влияния»²¹¹.

Дискуссия разгорается еще больше после вопроса С. Врацяна. Развивая идею В. Тевзаи о том, что ни в одной стране мира нет действующего парламента, работающего по принципу замены, он отметил, что «в мире также нет и Сейма, подобного нашему: ведь наш Сейм на три четверти состоит из представителей не избираемых, а назначаемых партиями»²¹². По словам С. Врацяна получалось, что если партии правомочны назначать членов Сейма, стало быть, эти же партии также имеют право заменять одного своего члена другим, то есть назначать нового члена Сейма. Он пытался обосновать этот принцип на примере партии АРФ «Дашнакцутюн» и считал, например, что в настоящее время в Закавказье отсутствуют очень важные 5–6 членов Учредительного собрания партии АРФД, и их места не заняты: означает ли это механически лишить партию этих 5–6 мест в Сейме?

Ответ А. Ломтатидзе был более откровенным и, в свою очередь, разоблачал несовершенно и в какой-то мере незаконный характер Сейма. «Если члены Сейма,— сказал он,— сидящие в этом высоком собрании, скажут, что их назначила партия, а не народ, они окажут нам очень плохую услугу»²¹³.

Переходя от Сейма к вопросу о депутатах Кавказского фронта, депутат-мусаватист Шафи-бек Рустамбеков посчитал, что даже если бы фронт существовал, его представители не имели бы права войти в Закавказский сейм, а только лишь во Всероссийское Учредительное собрание. Более того, если такого фронта сейчас нет, то с юридической точки зрения они не имеют права на представительство. Тут же последовал ответ эсера Чемоданова. «Если мы будем строго стоять на законно-правовой позиции,— пояснил он,— то нам придется переизбрать и Сейм, и городские управы и прочая и прочая. **С юридичес-**

²¹¹ Там же, с. 12.

²¹² Там же, с. 12–13.

²¹³ Там же, с. 14.

кой точки зрения Закавказский сейм не представляет населения Закавказья, многие ушли, многие были неправильно избраны. Повторяю, если мы исходим из формального подхода, то нам следует разойтись и организовать новые выборы (выделено нами — *В. М.*)²¹⁴.

Официальный представитель фракции социалистов–революционеров Николай Тарханян стал переводить вопрос фронтового представительства в другое измерение. Он опроверг озвученный подход, согласно которому в Сейм могут входить представители только кавказских народов, и отверг то обстоятельство, что армяне или мусульмане голосовали по национальному признаку. «Смею категорически заявить,— сказал он,— что армяне фронта голосовали за социалистов–революционеров, и я верю, что партия «Дашнакцутюн» этого не отрицает». На передовой даже списка дашнаков не было»²¹⁵. Вывод Н. Тарханяна в этом смысле был однозначен и справедлив: Сейм получил свои полномочия от совещания депутатов, избранных для Учредительного собрания Закавказья, и на заседании представителей фронта от 22 января. «Вот если бы на том собрании депутатов,— сказал он,— не было представительства фронта, вот тогда только можно было бы с юридической точки зрения отложить в сторону этот фронт, игнорировать его. Если мы хотим избавиться от представительства фронта, то мы должны убрать и представителей той части армии, которая голосовала в тылу. Должен констатировать, что в то время, когда проходили выборы в Учредительное собрание, значительная часть армии голосовала в тылу, и я имею право требовать и просить вас: прежде чем снимать представителей фронта, необходимо выяснить, сколько военных голосов получила меньшевистская партия в тылу, не исключая эсеров. Изымите эти голоса и, может быть, вы получите право лишить представителей фронта членства в Сейме»²¹⁶. Как эсер, он пришел к

²¹⁴ Там же, с. 19, 21.

²¹⁵ Там же, с. 24–25.

²¹⁶ Там же, с. 25.

выводу, что партия рассматривает Сейм как частицу Всероссийского Учредительного собрания, и исходя из того принципа, что члены Закавказского сейма в первую очередь считаются членами Всероссийского Учредительного собрания, совершенно не важно — избираются ли они с кавказского фронта или с тыла. В правовом аспекте вопрос был неоспоримым. Морально–политическая же сторона вопроса требовала, чтобы он обсуждался не только и не столько в рамках местных интересов, как, например, вопрос о политическом переустройстве Закавказья. До тех пор, пока Закавказье не объявило себя международно независимым, оно считается частью Российской Федеративной Республики, поэтому в решении всех вопросов заинтересована и российская демократия. «Ведь мы должны, прежде всего, на месте реализовать решения Всероссийского Учредительного собрания,— говорил эсер Н. Тарханян,— более того, для Кавказской армии, защищавшей Закавказье три с половиной года, неважно, как должна решаться проблема мира, будущее Закавказья неизвестно, и не исключено, что мы снова обратимся к этой демократии с просьбой о помощи. Если вы проигнорируете представительство той армии и дадите вопросу подобное решение, то фракция эсеров полностью откажется от представительства фронта и не будет нести ответственности за заключение мира, не ответит за действия Сейма»²¹⁷.

В ответ на позицию эсера Н. Тарханяна последовал нескрываемый гнев мусаватиста Мамед Эмина Расул–Заде²¹⁸, заявившего: если фронту дать право участвовать в Сейме — в том Сейме, которого уже нет, члены которого разбрелись по домам, то право представительства должно быть предоставлено и тем, кто не имеет своего собственного избирателя²¹⁹. И это говорилось в условиях расправ в отношении отступающих русских воинских частей, устроенных мусаватистами по всей

²¹⁷ Там же, с. 26–27.

²¹⁸ Один из основателей партии «Мусават» (Равенство) (Мусульманская демократическая партия).

²¹⁹ Там же, с. 29.

линии Закавказской железной дороги — причем говорилось устами одного из инициаторов погромов.

Меньшевик Н. Рамишвили тоже пытался извлечь выгоду из такой постановки вопроса и считал, что если армия ушла, то жители фронта²²⁰, проголосовавшие за эту армию, остались в Закавказье, и тут он в первую очередь имел в виду западноармянских беженцев. Фракции «Дашнакцутюн» делали небольшой реверанс.

Авторитет АРФД защищали также Микаел Арзуманян и Аветик Шахатунян, которые эсеровскому — сугубо социалистическому, подходу противопоставляли роль национального фактора. А. Шахатунян утверждал, что даже при царском режиме российские военные власти официально заявляли, что 22% Кавказского фронта составляют армяне. «Я не знаю, сколько там было грузин, — попрекнул А. Шахатунян, — но армяне составляли 22% действующей армии, и именно эти армяне на фронте по решению Кавказского съезда АРФД проголосовали за этот список (эсеров — В. М.)²²¹.

И наконец Н. Рамишвили представляет резолюцию от имени фракции меньшевиков: «Депутатами Сейма от фронтового округа утверждаются те лица, которые являются депутатами Учредительного собрания, сокращение избирательного предела отклоняется»²²².

Представители партии «Мусават» и блок беспартийных объявили, что воздержатся от голосования.

В результате резолюция была принята — 40 голосами «за» и при 33 воздержавшихся.

Эсер Ив. Лордкипанидзе выступил с внеочередным заявлением: «Имею честь сообщить, что после исключения товарищей от фронта — Шенгелая, Джафарова, Лордкипанидзе, Тарханяна, Карцивадзе, Сундукянца, Зандукели и Гобечиа, от имени членов Учредительного собрания Мерхалева, Левина,

²²⁰ Там же, с. 31–32.

²²¹ Там же, с. 35–37.

²²² Там же, с. 37–38.

Чемоданова, Сахно и Югатова объявляю, что они отказываются от членства в Закавказском сейме, а наша фракция из тылового округа в знак протеста покидает зал заседаний»²²³.

Таким образом, на заседании Сейма 19 февраля обсуждался ряд вопросов, в контексте которых четко вырисовывается самый злободневный вопрос — об отделении Закавказья от России, о независимости края. Вопрос о представительстве Кавказской армии — в основном депутатов-эсеров, хотя и трактовался на партийном уровне, однако содержал в себе идею сохранения единой Российской Федеративной Республики. Грузинские социалистические и национальные деятели и особенно мусаватисты, откровенно восторгавшиеся фактом развалившегося и опустевшего Кавказского фронта, видели в этом важнейший залог ухода из России. И они умело разработанными формулировками и лозунгами якобы хотели спасти край, сохранить основные принципы демократии и Учредительного собрания. Основное противоречие заключалось в том, как все это должно было быть обеспечено в ожидаемых отношениях с Германией и ее союзником Турцией.

Можно также сделать вывод, что «Дашнакцутюн», с одной стороны, молчаливо соглашалась с поставленными радикальными вопросами, но в то же время видела себя преимущественно в политическом лагере российских социалистических и прогосударственных сил эсеров и кадетов — в этом принципиальном вопросе поступаясь партийными принципами ради национальных интересов. Если тактика грузинских меньшевиков и мусаватистов была в основном наступательной и решительной, то «Дашнакцутюн» заняла осторожную, выжидательную позицию, что в основном было связано с турецким вторжением и тревожным положением незащищенной Западной Армении. В то же время уже на этих заседаниях партия «Дашнакцутюн», на наш взгляд, убеждалась, что близкие сердцу эсеровские программы и их тактика, и особенно в контексте Брест-Литовска, изолировали эту партию от основных политических процессов, и последняя

²²³ Там же, с. 39.

теряла свою некогда актуальную и весомую роль. Лишившись своей основной социальной опоры, главным образом со стороны военных большевизированной Кавказской армии, эсеры Закавказья оказались в политической изоляции в крае, о чем свидетельствовали как итоги Учредительного собрания, так и их малочисленная роль в Сейме. Партию «Дашнакцутюн» беспокоило то обстоятельство, что помимо их воли и в какой-то степени — исходя из объективной ситуации, АРФ «Дашнакцутюн» может вновь оказаться в тисках грузино-татарского союза. Если сразу после большевистского переворота и в составе Комиссариата сближение и отношения с этим союзом строились в основном на благоприятной, на первый взгляд, антибольшевистской волне, то теперь уже — в составе Сейма. Для АРФД стало ясно, что антибольшевизм закавказских властей имеет последовательную антироссийскую и сепаратистскую направленность, что в условиях турецкого вторжения, изолировало партию и армянское население и оставляло одних против всех.

На 13-м заседании Сейма 28 февраля председатель Мандатной комиссии А. Ломтатидзе сообщает, что комиссия утвердила окончательный список фракций, представленных в Закавказском сейме, который считаем необходимым представить полностью:

1. Социал-демократы (меньшевики): 1. Н. Жордания. 2. И. Церетели. 3. Н. Чхеидзе. 4. Е. Гегечкори. 5. А. Зурабов (-ян). 6. Н. Рамишвили. 7. И. Рамишвили. 8. А. Чхенкели. 9. М. Скобелев. 10. В. Джибладзе. 11. Г. Георгадзе. 12. М. Смирнов. 13. О. Бекзадян. 14. А. Ломтатидзе. 15. К. Тер-Казарян. 16. Г. Махарадзе. 17. Р. Арсенидзе. 18. Е. Бернштейн. 19. В. Тевзая. 20. С. Джибладзе. 21. Н. Хомерики. 22. Г. Эрадзе. 23. К. Андроников. 24. Д. Ониашвили. 25. С. Пирумов (-ян). 26. Г. Анджапаридзе. 27. Р. Чихладзе. 28. В. Гурджуа. 29. Г. Абашидзе. 30. Г. Гаглоев, 31. Л. Дадешкелиани. 32. В. Ахметелов.

2. Партия народной свободы — кадеты: 1. Ю. Семенов.

3. Социалисты — революционеры: 1. В. Лункевич. 2. Л. Атабекян. 3. И. Гобечия. 4. С. Саакян. 5. И. Лордкипанидзе.

4. Армянская Революционная Федерация «Дашнакцутюн»: 1. Р. Зорян. 2. М. Ованнисян (Варандян). 3. А. Оганджянян. 4. К. Амбарцумян. 5. Я. (Акоп) Завриев (–ян). 6. А. Шахатунян. 7. Ов. Каджазнуни. 8. С. Тигранян. 9. К. Газазян. 10. А. Чилингарян. 11. С. Грузинян–Врацян. 12. Г. Хатисов (–ян). 13. А. Налчаджян. 14. С. Дзамоев (–ян). 15. А. Хатисов (ян). 16. С. Хачатрян. 17. Х. Карчикян. 18. М. Арутюнян. 19. Г. Ягджян, 20. Х. Амаспюр. 21. Г. Чолохян. 22. А. Саакян. 23. П. Левонян. 24. Г. Тер–Арутюнян. 25. А. Кочарянц. 26. Г. Мандалян. 27. В. Тер–Геворгян²²⁴.

5. Грузинские революционные социалисты–федералисты: 1. Г. Ласхишвили.

6. Грузинская национально–демократическая партия: 1. Г. Гвазава.

7. «Мусават» и беспартийная группа Центрального мусульманского комитета Закавказья: 1. М. Джафаров. 2. А. Топчибашев. 3. М. Расул–Заде. 4. Н. Усуб–беков. 5. Г. Агаев. 6. Х. Султанов. 7. Б. Мамед–беков. 8. М. Махмадов. 9. Сеидов–Миргидаяд. 10. А. Кардашев. 11. Ш. Рустам–беков. 12. Ф. Хан–Хойский. 13. Х. Хас–Мамедов. 14. М. Гаджинский. 15. Д. Мелик–Еганов. 16. М. Гаджибаба–беков. 17. Г. Ахунд–заде. 18. М. Ахиджанов. 19. Х. Мелик–Асланов. 20. М. Бейбутов. 21. М. Гаджинский. 22. Ф. Кочарлинский. 23. А. Махмуд–беков. 24. К. Микаилов. 25. И. Векилов. 26. Г. Шахтахтинский. 27. А. Кулибеков. 28. И. Векилов (2). 29. Ю. Эфенди–заде. 30. М. Юсуф–заде.

8. Фракция «Гуммет»: 1. Д. Ахундов. 2. И. Авилов. 3. А. Шейх–уль–Исламов. 4. С. Агамалов.

9. Фракция Мусульманского социалистического блока: 1. И. Гайдаров. 2. А. Кантемиров. 3. А. Сафикюрдский. 4. А. Пепинов. 5. В. Ризаев. 6. Д. Гаджинский. 7. М. Магарамов.

²²⁴ «Оризон» конкретизировал, что 12 делегатов из 27 представляли список № 4 — АРФД, 8 уполномоченных от ЦК и 7 — избранных от смешанного собрания партии, Оризон, 1918, 13 февраля, № 32.

10. Фракция мусульман России «Иттихад–Ислам»: 1. С. Ганиев. 2. М. Мехтиев. 3. Э. Мамед–беков²²⁵.

Как оказалось, из первоначального списка выбыли 4 депутата–большевика, так что их общее число составило 111, а не 115, как раньше.

Помимо основного состава, на утверждение были внесены фамилии кандидатов, выдвинутых «Мусават» и Центральным мусульманским комитетом Закавказья — всего 21 турок, в том числе: под номером 11 — Нариман Нариманбеков, а под номером 12 — Джеваншир Бехбуд–ага, от социалистов–революционеров — И. Лордкипанидзе, Г. Натадзе, Н. Тарханов (Тарханян), Г. Хармандарянц, Шенгелая.

Проблема наличия в Сейме по одному представителю от Сионистов и от Армянской народной партии была встречена принципиальными спорами и сопротивлением. И аргументированным обоснованием для их отклонения стал тот принцип, что Сейм окончательно утвердил количество голосов за 1 депутата, то есть — 20 661 голос, в то время как Еврейская сионистская партия получила около 8000 голосов, а Армянская народная партия — около 19 000 голосов.

Тем не менее Армянская народная партия выступила с частным заявлением о том, что весь народ представлен в Сейме одной партией — «Дашнакцутюн», а между тем другие народы представлены также и другими партиями. Мандатная комиссия в свою очередь отклонила петицию — на том основании, что большая часть армянского народа поддерживает АРФД²²⁶.

По нашему глубокому убеждению, в этом вопросе состоялось согласие «Дашнакцутюн» и грузинских меньшевиков, а также одержало победу главное требование социалистического крыла — в направлении формирования однородного социалистического правительства.

²²⁵ См. Закавказский Сейм, Заседание 10–ое, 24 февраля, с. 3, 13–ое, 28 февраля, с. 4–6.

²²⁶ Там же, с. 6.

1.3. ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СЕЙМА (март–апрель 1918 г.)

Что касается работы Сейма — как законодательного органа, а также Комиссариата — как его исполнительного органа в период февраля–мая 1918 г., то можно уверенно констатировать, что, несмотря на амбициозную и многоплановую программу, принятую Сеймом, закавказские власти все же имели возможность обсудить и решить всего лишь несколько насущных и второстепенных вопросов.

Добавим, что с середины марта в Сейме действовали 5 постоянных комиссий: 1. Бюджетная. 2. Финансовая. 3. Редакционная. 4. Библиотечная. 5. Экономическая²²⁷.

В этом ряду важным был подход к земельному вопросу.

15 марта на 15–м заседании Сейма был принят закон: «Об определении размера участка земли, выделяемой землевладельцам, и средствах проведения земельной реформы»²²⁸. В нем в основном указывалось, что настоящий закон имеет целью дополнить и развить известный Устав Комиссариата от 16 декабря 1917 года и, следовательно, постановляет:

1. Все земли, находящиеся в частной собственности, конфискуются и на безвозмездной основе передаются в Земельный фонд, принадлежащий Закавказскому краевому и губернскому (областному, уездному) земельным комитетам.

2. Размер земли, выделяемой владельцу конфискованного имущества, определяется следующим образом: а) семь десятин — если конфискуемое имущество находится в районе возделывания ценных культур; б) пятнадцать десятин — если конфискуемое имущество находится в районе зернового хозяйства; в) срок десятин — для животноводческих хозяйств.

²²⁷ См. там же, Зас. 19, 20 марта, с. 10.

²²⁸ См. там же, Зас. 15, 15 марта, с. 51–53.

Закон, состоящий из 9 пунктов, считал недействительным устав Комиссариата от 16 декабря и в случае невыполнения и неподчинения устанавливал соответствующие наказания²²⁹.

Изданная в Тифлисе в 1918 году брошюра «Земельные законы Закавказского правительства» в некотором смысле дополняла и детализировала вышеупомянутый закон. Прежде всего, **7 марта устанавливается** как дата принятия Закона о земле. А затем выясняется, что ограничиваются и постепенно упраздняются хизаны (крестьяне на помещичьих землях — на условиях вечной аренды), иными словами, в их пользование отводилась земельная мера, соответственно статье 2³⁰. На заседании Сейма 13 марта с.-д. меньшевик Давид Ониашвили сообщил собравшимся, что «к сожалению, мы получаем печальные новости об анархии... всем нам известны и причины, и какие силы питают эту анархию. Я лишь замечу, что аграрный закон нанес смертельный удар интересам господствующих классов кавказского населения». Его речь прерывается из-за шума, устроенного депутатами — беками и помещиками²³¹.

2 (15) мая 1918 года Сейм возвращается к аграрному вопросу в последний раз. На 26-м заседании заслушивается отчет аграрной комиссии: а) о законопроекте относительно упразднения некоторых учреждений Министерства земледелия; б) о внесении дополнений в устав Закавказского комиссариата от 16 декабря о 1917 года и в Закон Сейма от 7 марта. Докладчиком был член Сейма, Д. Ониашвили, который и представил Сейму «Проект закона об упразднении некоторых учреждений Министерства сельского хозяйства», состоящий из 6 пунктов: с 1 марта 1918 года ликвидировать Кавказский переселенческий (землераспределенческий) отряд, Закавказский (поземельно-строительный) отряд и др. Примечательно, что за законодательную основу были приняты соответствующие решения

²²⁹ Там же, с. 53.

²³⁰ См. Земельные законы Закавказского правительства, Тифлис, 1918, с. 2.

²³¹ См. Закавказский Сейм, Зас. 17-ое, 13-го марта, с. 43.

царского правительства от 26 апреля 1883 года и Временного правительства от 29 июня 1917 года²³².

Другой важнейший вопрос касался финансового кризиса в крае и проблемы закавказских денежных знаков.

Как известно, после Октябрьского переворота в разных частях обширнейшего Российского государства были созданы самостоятельные, не связанные друг с другом денежные знаки. Эти деньги, не имея никакого реального обеспечения, представляли собой просто бумажные денежные знаки, не более. Мы уже говорили о том, что инициатива печатания местных монет в Закавказье принадлежала Закавказскому комиссариату, который в 29 января 1918 г. принял устав о бонах.

Однако, по словам Григора Джагетяна (будущего министра финансов Республики Армения), фактически первыми появились монеты Бакинского городского управления — 19 января 1918 года. Они имели местное значение и не могли играть решающей роли в процессе денежного обращения края наряду с вошедшими в обращение 4 февраля²³³ бонами Закавказского комиссариата²³⁴.

Не только Х. Карчикян, но и газета «Оризон» 7 февраля 1918 года, прежде всего отмечала: «Вчера, 6 февраля, были выпущены боны Закавказского комиссариата». Далее, в том же номере опубликовано «Обязательное постановление» Е. Гегечкори и Х. Карчикяна о запрещении использования банкнот и марок Закавказского комиссариата. В первом пункте мы читаем: «Запрещается пользоваться банкнотами, принимая вместо них чеки или разменивая крупные купюры, брать комиссионные при размене крупных банкнот». А во втором читаем следующее: «запрещается отказывать в приеме чеков»²³⁵. Заметный поворот

²³² См. Закавказский Сейм, Заседание 26-ое, 2 мая, с. 1–3.

²³³ Х. Карчикян отмечает 6 февраля.

²³⁴ См. Джагетян Гр., Боны Закавказского комиссариата, А.С.С.Р. Научные ведомости государственного университета, № 2–3, Ереван, 1927, с. 350.

²³⁵ См. «Оризон», 1918, 7 февраля, № 28.

в этом вопросе наблюдался с образованием Сейма, когда усилились настроения на отделение от России.

На 9-ом заседании Сейма от 22 февраля с докладом выступал автор всего процесса Х. Карчикян. Еще раз акцентируя внимание на причинах финансового кризиса. Были разработаны новые законопроекты налогового характера, которые также не были воплощены в жизнь. По его мнению, даже боны, выпущенные в обращение с 6 февраля, не спасли положение, поскольку: во-первых, их ограниченное количество, а во-вторых, и характер этих бумаг говорили о том, что это не тот надежный и исключительный источник, который мог бы покрывать потребности Закавказья и до сих пор еще дислоцированных там армейских частей. «Сейчас выпускается 1 миллион рублей,— говорил Х. Карчикян,— а если принять во внимание, что потребности не то что Закавказья, а одного только города Тифлиса превышают 2 миллиона, а также то обстоятельство, что в финансовом плане Кавказская армия еще не ликвидирована, то мы поймем, в каком кризисе находится сегодня Закавказье»²³⁶.

Он беспокоился о том, что уездная казна еще довольно слаба, что в уезды еще не отправлена ни одна ассигнация, что с 6 февраля весь тираж бон сожрал один только Тифлис и, наконец, как быть с покрытием расходов на армию — следует их оплатить или нет?²³⁷

На 13-м заседании Сейма, 28 февраля было заслушано заявление комиссара по финансам Х. Карчикяна. Последний, находя, что с открытием Сейма финансовый вопрос стал законодательной функцией Комиссариата, а стало быть — как Исполнительный орган, Комиссариат обращается к последнему с просьбой временно предоставить Комиссариату право выдавать (в крайних случаях!) сверхсметные кредиты. Комиссариат мог бы пользоваться этим правом до тех пор, пока Сейм не утвердил свою финансовую и бюджетную структуру и фактически мог

²³⁶ Закавказский Сейм, Зас. 9-ое, 22 февраля, с. 11–12.

²³⁷ См. там же, с.13.

осуществлять все кредитные вопросы. Наконец, на той же сессии Сейм принимает по этому поводу соответствующий закон²³⁸.

До возникновения закавказских республик дальнейшая картина складывалась следующим образом. В марте уже был создан 5–процентный лаг²³⁹ по облигациям и кредитным билетам, а уже на следующий день после провозглашения независимости Закавказья, 10 (23) апреля, лаг увеличился до 15%²⁴⁰. Столь значительное падение курса бонов за один день было вызвано в первую очередь политическими причинами. По свидетельству Гр. Джагетяна, в начале апреля заканчивалось право на эмиссию 100 миллионов рублей, а между тем Сейм жил непростой жизнью — дабы покрыть свои бесконечно растущие потребности. С одной стороны — расходы на содержание правительственного аппарата, а с другой — потребности русских воинских частей, уходивших с фронта, поставили Сейм в безвыходное положение. Единственным выходом была новая эмиссия, и 4 апреля Комиссариат внес на утверждение Сейма законопроект, согласно которому комиссару по финансам разрешалось выпустить бонны на 200 миллионов рублей на прежней основе.

2 мая 1918 года на 26–м заседании Сейма четыре из семи вопросов повестки дня были посвящены вопросам финансовых отчислений. Так, были заслушаны отчеты финансово–бюджетной комиссии: а) о законопроекте, касающемся предоставления Министерству финансов бон на сумму 200 миллионов рублей (докладывал по вопросу Айк Ягджян); б) о законопроекте, касающемся предоставления в распоряжение министра по делам попечительства 10 миллионов рублей для оказания помощи переселенцам из Карской и Батумской областей (докладывал по вопросу Аршак Зурабян); в) о законопроекте, касающемся предоставления правительству Закавказья 10 млн. рублей — для поддержки Фонда, создаваемого с целью закрытия

²³⁸ См. Закавказский Сейм, Зас. 13–ое, 28 февраля, с. 13.

²³⁹ Экономический показатель, характеризующий временной интервал между двумя взаимосвязанными экономическими явлениями.

²⁴⁰ См. Джагетян Гр., там же, с. 355.

текущих (докладывал по вопросу А. Ягджян) и г) о законопроекте, касающемся о покрытии перерасхода учреждений Министерства связи в течение 1917 года (докладывал по вопросу Смирнов)²⁴¹.

Узурпируя законодательные права, Сейм, естественно, открывал новые займы, что нарушало прежнюю правовую основу эмиссии бон. Также стало само собой разумеющимся, что после объявления акта о независимости Закавказья исчезало и то формальное обоснование, которое было дано первой эмиссии облигаций: отныне бонны перестали быть «временным заменителем» российских денег и превращались всего лишь в местные денежные знаки — подчиняющиеся экономическим факторам, определяющим внутреннее денежное обращение²⁴².

Гр. Джагетян вспоминал в связи с этим, что американский консул в Тифлисе, дабы предотвратить турецкое вторжение и сохранить силы сопротивления Закавказья, предложил комиссару финансов Х. Карчикяну 650 000 фунтов стерлингов (чеками) для покрытия расходов на содержание фронта и, кроме того, для обеспечения новой эмиссии облигаций соответствующим актом, считая один фунт эквивалентным 40 бонам-рублям. Переговоры не имели положительного результата, что было следствием быстро меняющейся политической обстановки.

В день роспуска Сейма и провозглашения независимости Грузии (26 мая 1918 г.) общая сумма выпущенных бон достигла 195 миллионов рублей: из них 100 млн. в счет первой эмиссии и 95 миллионов рублей — второй эмиссии. Таким образом, по мнению Гр. Джагетяна, неиспользованная сумма разрешенных Сеймом эмиссионных прав по состоянию на 26 мая составила 105 миллионов рублей.

Все закавказские учреждения в Тифлисе, в том числе и экспедиция по печатанию бон, перешли в руки грузинского правительства. Это обстоятельство дало возможность этому правительству продолжать беспрепятственно печатать

²⁴¹ См. Зак. Сейм, зас. 26-ое, 2 мая, с. 1–2.

²⁴² См. Джагетян Гр., указ. труд, с. 355.

денежные знаки для собственных нужд. До начала июля 1918 г. правительство Грузии полностью использовало разрешенный Сеймом остаток эмиссии, отдав Национальному совету Армении лишь 9 миллионов рублей из этой суммы. Этот шаг грузинского правительства также, по понятным причинам, вызвал бурные протесты, в основном со стороны представителя Азербайджана. Правительство Грузии оправдывало свое поведение тем, что вынуждено было нести расходы по ликвидации фронта, так как все воинские части предъявляли свои требования правительству в бывшей столице Кавказа. Хотя это возражение не выдерживало никакой критики, Азербайджан и Армения, оказавшиеся перед свершившимся фактом, вынуждены были увязывать эту проблему с вопросом дальнейшего печатания бонов²⁴³.

10 (23) апреля на 24-ом закрытом заседании Сейма был заслушан доклад военной комиссии, посвященный законопроекту о реорганизации Закавказской военной администрации.

С докладом выступил член Сейма С. Пирумян²⁴⁴. Он выделил два исходных принципа: а) утвердить, что власть военной администрации должна быть по возможности максимально сосредоточена в руках одного органа, ибо без принципа единовластия военную силу считать надежной не представляется возможным и б) выяснить, кто является органом высшей власти²⁴⁵.

Помимо основного вопроса — о централизации военной власти, первоочередным считался принцип сокращения этой мощной и, бесспорно, раздутой системы. По мнению С. Пирумяна, огромный тыловой аппарат (состав которого формировался из главнокомандующего тремя военными ведомствами — фронта, армии и округа, и соответственно — тремя центральными органами снабжения) не только привел к развалу системы, но и стал поводом для серьезных споров о

²⁴³ См. Джагетян Гр., там же, с. 356.

²⁴⁴ В силу отсутствия имени полагаем, что Пирумян — это меньшевик-интернационалист Симоник (Семён) Пирумян.

²⁴⁵ См. там же, зас. 24, с. 1–2.

том, в чьем ведении будут находиться те или иные учреждения. Он считал, что понятия «округ» и «фронт» давно уже растворились, и существующий аппарат стал лишь огромным материальным бременем для закавказского бюджета. За период сокращений в этом смысле удалось сэкономить 17 миллионов рублей.

Комиссия предлагала создать военный законодательный орган — вместо поста главнокомандующего. Подчеркивалось, что Верховный главнокомандующий независим от государственных органов.

Целью окончательного формирования закавказской армии считалась демократизация армии, в данном случае — переход к институту военной милиции.

После доклада С. Пирумяна председатель заседания Н. Чхеидзе зачитал устав об устройстве Закавказской военной администрации, который был принят военной комиссией Закавказского сейма.

Статья 1. Верховным органом в отношении военной силы Закавказья считается Сейм, который осуществляет военную власть через Закавказское правительство.

Статья 2. Исполнительным органом Закавказского сейма считается Закавказское правительство, которое осуществляет свою власть над Вооруженными силами через военное министерство — во главе с военным министром.

Статья 3. В военное время все военные силы, действующие против противника, возглавляет командующий армией, которого специальным декретом назначает правительство Закавказья и который подчиняется непосредственно Закавказскому правительству.

Статья 4. Руководство всеми сферами военного управления концентрируется в Военном министерстве.

Статья 5. В мирное время Военное министерство составляют: а) военный министр; б) помощник военного министра; в) военный совет Закавказья; г) штаб Кавказской армии; д) заведующий военно-технической частью; е) начальник артилле-

рийской части; ж) аппарат Военного министерства и з) секретариат при Военном министерстве²⁴⁶.

Примечательно, что 10 апреля — следующий день после провозглашения независимой республики Закавказья, начинается, казалось бы, с ладного и дружного обсуждения М. Расул-Заде и Н. Жордании вопроса, на первый взгляд, не столь большого и не столь значительного, но принципиально важного. Оба эти деятеля предлагали заменить термины «Кавказская армия» и «Штаб Кавказской армии» термином «Закавказский». Это было сделано не только и не столько потому, что подконтрольные воинские части Северного Кавказа вышли из подчинения штабу, а главным образом потому, что большинство этих воинских частей стали большевистскими и не только вышли из повиновения, но превратились в политических и военных противников.

После долгого и профессионального обсуждения принимается решение: новый и доработанный проект будет вновь представлен военной комиссии²⁴⁷.

Заседание Сейма 17 апреля получило название «Закрытое собрание членов Закавказского Сейма». Его возглавил Н. Чхеидзе. В этом заседании приняли участие 46 человек.

Совещание было посвящено условиям работы комитетов членов Сейма и выработке принудительных мер — в целях регулирования работы²⁴⁸.

Из доклада начальника аппарата Сейма Ю. Шумахера выясняется, что только одна из 15 отобранных комиссий завершила свою работу. Из оставшихся 14 комиссий работали только 7 — Мандатная, Хозяйственно-распорядительная, Аграрная и Иногородная, Военная, Финансово-бюджетная, Юридическая, Регламентная. По словам Ю. Шумахера, Национальная, Продовольственная, Трудовая и Библиотечная комиссии не собирались и не работали ни разу.

²⁴⁶ См. НАГ, ф. 2, оп. 1, д. 141, а также Закавказский Сейм, зас. 24, с. 4–5.

²⁴⁷ См. там же.

²⁴⁸ См. НАГ, ф. 2, оп. 1, д. 5, л. 1.

Председатель военной комиссии Н. Жордания посчитал возмутительным отношение членов комиссий к своим обязанностям и предложил применить к ним репрессивные меры, вплоть до лишения членства в Сейме. Н. Чхеидзе, в свою очередь, предложил отсутствующих членов Сейма подвергать штрафу в размере 50 рублей, если они не представят уважительной причины своего отсутствия в течение трех дней. Его предложение было принято 21 голосом «за» и 18 «против»²⁴⁹.

В рамках законодательной деятельности Сейма особое место заняли вопросы создания Конституции и делимитации границ Федеративной Республики Закавказье.

4 мая 1918 года состоялось первое заседание комиссии по разработке основного закона. Комиссию возглавил А. Чхенкели, также были задействованы по 5 членов от трех национальных советов. В качестве консультантов—специалистов были приглашены проф. Зураб Авалов, Саркис Гамбарян, председатель Союза юристов Сергей Джапаридзе, председатель Кавказского юридического общества Матвей Грузенберг, присяжный поверенный Рцхиладзе и Расул—заде.

В своем выступлении А. Чхенкели подчеркивал, что комиссия должна разработать «такой *modus vivendi* для народов Закавказья, благодаря которому каждому предоставляется максимальная возможность для свободного развития и самоопределения. В то же время Закавказское государство, как государство вновь образованное, должно укрепляться и процветать дружными и сплоченными усилиями всех народов Закавказья»²⁵⁰.

На первом заседании, ставившем перед собой исключительно организационную цель, в состав комиссии были включены 15 человек: от Грузинского национального совета — Арсенидзе, Гвазава, Гобечиа, Месхиев, Сагварелидзе; от армянской стороны — Пападжанян, Пирумян, Тигранян, Хондкарян, Шаххатунян; от мусульманской — Гаджинский, Джафаров, Хасмамедов, Сафикюрдский, Хойский. Было избрано председа-

²⁴⁹ См. там же.

²⁵⁰ См. «Ашхатавор», 1918, 14 мая, № 43.

тельство комиссии — председатель Чхенкели, заместители — Хойский и Тигранян, секретарь — Рцхиладзе.

Второе заседание состоялось 5 мая и было посвящено вопросу о форме и типе единого государства. Дискуссии шли в основном о выборе между федерацией и конфедерацией. Представители–мусульмане подчеркивали право на выход из конфедерации — сецессию.

Также была сформирована подкомиссия для подготовки следующих вопросов к сессии 11 мая: а) общие политические права граждан Закавказской республики; б) компетенция Федеральной власти; в) организация Федеральной власти; г) обеспечение прав национальных меньшинств. Ряд членов подкомиссии выехали в Батуми для участия в переговорах²⁵¹.

Предложение Конфедерации исходило преимущественно от татарских представителей, несмотря на то существенное обстоятельство, что, провозгласив объединенную Республику Закавказье, Сейм квалифицировал ее как Федеративную Республику.

Мамед–гасан Гаджинский, который несколько месяцев назад ратовал за конфедерацию, подчеркивал, что они федералисты, и поэтому потребовал федерации²⁵². Изменение позиции татар в основном было связано с тюркским фактором, в частности, с турецким нашествием. Турки, вмешивавшиеся во внутренние дела Закавказской Республики (даже при разработке проекта конституции), требовали формы конфедерации как будущего государственного устройства, пытаясь таким образом решить и национальный, и Армянский вопрос в Закавказье в пользу пантюркизма²⁵³. И не случайно во время мирных переговоров в Батуми в те дни, в проекте документов примирения, представленном Турцией на обсуждение закавказской делегации, Закавказье было представлено как конфедерация²⁵⁴.

²⁵¹ См. там же.

²⁵² См. НАА, ф. 222, оп. 1, д. 141, л. 48.

²⁵³ См. «Знамя труда», Баку, 1918, 16 мая, № 88.

²⁵⁴ См. НАГ, ф. 1864, оп. 2, д. 233, лл. 37–39.

На заседании подкомиссии 11 мая полномочия, рамки компетенции властей Закавказья были представлены текстом, оформленным в виде 44 тезисов. Этот проект–документ, получивший название «Акт об основных тезисах Конституции», вновь представлял Закавказье как конфедерацию. В статье 41 зафиксировано, что границы между Арменией, Грузией и Азербайджаном должны определяться актом административно–территориального деления Сейма и не должны изменяться без согласия закавказских стран²⁵⁵. Обсуждение этого вопроса также состоялось в национальных советах и собраниях.

12 мая Национальное собрание Грузии рассмотрело вопрос о будущем государственно–политическом устройстве Закавказья. Грузинские меньшевики продолжали отстаивать федеративное устройство, а между тем национал–демократическая фракция выступала за конфедерацию, требуя при этом отделения Грузии от Закавказья. Аналогичный проект представляют социалисты–федералисты, к которым присоединились социалисты–революционеры²⁵⁶.

На заседании Армянского национального совета 10 мая на обсуждение был вынесен отчет армянских членов Комиссии по разработке конституции в Закавказье. **Они считали, что форма федерации не обязывает иметь национальную территорию** — в отличие от конфедерации. Они имели в виду сложившуюся против армян сложную и неблагоприятную геополитическую ситуацию, неприкрытые территориальные аппетиты грузино–татарского антиармянского союза — в отношении армянских земель. Отмечалось, что на заседаниях татары не соглашались уступить Карабах (Шуши, Джеваншир) армянам.

Зангезур хотел образовать из яйлагов (пастбищ) отдельный кантон²⁵⁷, грузины не уступали Борчалу, а Турция стремилась

²⁵⁵ См. НАГ, ф. 1861, оп. 2, д. 23, л. 4.

²⁵⁶ См. «Мшак», 1918, 17 мая, № 91.

²⁵⁷ См. НАГ, ф. 1861, оп. 2, д. 23, л. 4.

аннексировать также губернии Ахалцих, Ахалкалаки, Александрополь, Эчмиадзин и Сурмалу²⁵⁸.

По мнению некоторых армянских деятелей, конфедерация стала бы кладбищем для армян, потому что армяне оказались бы в двойном турецком мешке. А в случае федерации вопрос делимитации границы остался бы нерешенным, стало быть, нужно всячески защищать идею федерации. Только член комитета С. Тигранян считал, что в той политической ситуации альтернативы конфедерации не существует²⁵⁹. В итоге в Армянской народной партии решили отложить решение вопроса до выяснения ситуации.

²⁵⁸ См. НАА, ф. 200, оп. 2, д. 168, л.11.

²⁵⁹ См. НАА, ф. 222, оп. 1, д. 141, л.201.

ПРОБЛЕМА ПРОВОЗГЛАШЕНИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ ЗАКАВКАЗЬЯ. ПАРТИИ

2.1. «МИНИСТЕРСКИЙ КРИЗИС» СЕЙМА И ФОРМИРОВАНИЕ НОВОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ОБЪЕДИНЕННОГО ЗАКАВКАЗЬЯ

Отдельным переходным этапом в деятельности Закавказского сейма следует считать факт создания нового правительства.

13 (26) марта 1918 г. на 17–м заседании Сейма председатель Н. Чхеидзе сообщил, что президиуму Сейма было поручено «пригласить человека, который возьмет на себя задачу формирования правительства»²⁶⁰.

Таким деятелем стал председатель Комиссариата Евгений Гегечкори, который сразу же представил состав нового правительства: председатель и военный министр — Е. Гегечкори, министр иностранных дел — А. Чхенкели, министр внутренних дел — Ной Рамишвили, министр земледелия — Ной Хомерики, министр финансов — Х. Карчикян, министр народного просвещения — Насиб–бек Усуб–беков, министр связи — Х. Мелик–Асланов, министр юстиции — Фатали Хан–Хойский, министр продовольствия Александр Хатисян, министр торговли и промышленности — М. Гаджинский, морской министр — Варлам Гобечия, министр труда — К. Тер–Казарян, министр почты и телеграфа — Лутфали–бей Бейбутов, министр по вопросам государственного призрения — Амазасп

²⁶⁰ См. Закавказский Сейм, Зас. 17–ое, 13–ое марта, с. 28.

Оганджян, министр государственного контроля — Ибрагим Гайдаров и министр без портфеля — Ов. Каджазунни²⁶¹.

Напомнив депутатам, что новое правительство руководствуется положениями принятой Сеймом Программы — Декларации, Е. Гегечкори представил приоритетные задачи правительства.

На первом месте стоял вопрос «устойчивого мира и восстановления добрососедских отношений с Турцией»²⁶².

Выделим сразу два обстоятельства. Во-первых, навязывался тот последовательный подход, что ранее не признававшее Советскую Россию, но теперь объединившееся Закавказье имело «добрососедские» отношения с Османской империей накануне Первой мировой войны. Вновь на первый план выдвигался исключительно грузинский интерес и грузинский подход к данному вопросу. И не стоит забывать также о тайном грузино–турецком антироссийском соглашении 1914 г., которое теперь нарушило реальный статус объединенного Закавказья. Меншевик Е. Гегечкори довольно быстро вычеркнул из памяти важнейшую — правовую отправную точку, согласно которой грузины, не говоря уже о «Грузии», не могли иметь отношений с Турцией в составе царской России. Как бы то ни было, однако давний план выхода из состава России при поддержке Турции проводился достаточно деликатно, что лишний раз обосновывает выдвинутый нами тезис о том, что для грузинских социалистов–меньшевиков большевистский переворот был всего лишь весьма благоприятной возможностью на пути к реализации этого плана.

Следующее большое противоречие было в том, как Е. Гегечкори понимал заключение «почетного мира» с Турцией, которая, отвоевав Западную Армению, все ближе подбиралась к Закавказью. Падение Эрзерума и позорная сдача Карса туркам в полной мере раскрыли тенденции и перспективы грузинской политики и, в частности, стратегию заключения «почетного

²⁶¹ См. там же, с. 29.

²⁶² См. там же, с. 29.

мира» — против армянских интересов и за счет армянских территорий в Закавказье. Более того, в основу выступления Е. Гегечкори был положен противоречивый вопрос о том, что «почетный и прочный мир дается тем народам, которые готовы с оружием в руках противостоять посягательствам врага на свою территорию и жизненные интересы»²⁶³. Примечательно и то, что 13 марта, когда еще не была декларирована независимость Закавказья, глава правительства заверял, что «правительство, опираясь на народ Закавказья, полное решимости, до последней капли крови будет отстаивать **свою независимость** (выделено нами — *В. М.*) и свободу, сделает все возможное, чтобы дать всем мощный контрудар»²⁶⁴.

Второй своей задачей правительство ставило во главу угла укрепление завоеваний революции для всех народов Закавказья, в том числе — искоренение остатков феодальных отношений, улучшение положения пролетариата. Третьей проблемой было совершенствование системы управления, в которой планировалось, например, установить государственную монополию на предметы массового потребления, национализировать некоторые отрасли промышленности, установить государственный контроль над банками путем их принудительного слияния, пересмотреть всю систему налогов и пошлин. Гарантией реализации всего этого Е. Гегечкори видел в сильном правительстве, которое «сможет подавить все преступные высказывания». Он, конечно, имел в виду действия Ст. Шаумяна, в частности, угрозу движения большевистских воинских частей Сарыкамыш в сторону Тифлиса.

В реальной силе то есть — в Закавказской единой армии Е. Гегечкори видел следующую приоритетную задачу, когда «вооруженные силы края, разделенные национальными советами и расколотые другими организациями, будут подчиняться непосредственно правительству»²⁶⁵. На наш

²⁶³ См. там же, с. 30.

²⁶⁴ Там же.

²⁶⁵ См. там же, с.32.

взгляд, это была не четвертая, а первая, причем сверхзадача для «грузинского правительства» и грузино–татарского тандема, которая позволила бы осуществить план независимости Закавказья. Потому и, приветствуя бурными и продолжительными аплодисментами Е. Гегечкори, такими же овациями Сейм рукоплескал Ираклию Церетели. Его беспокоили две проблемы: как оценивается состояние новообразованного правительства; какими реальными ресурсами оно обладает для решения поставленных задач. И. Церетели высоко оценивал то немаловажное обстоятельство, что правительство в Сейме не имеет оппозиции, и вновь выдвинул диктующую директиву о том, что «в этом народном представительстве нет более или менее влиятельной и связанной с населением группы, которая объявит народам Закавказья, что она не поддержит это правительство и направит свои силы на создание другого сочетания общественных сил, другой политической программы»²⁶⁶.

Подобная убежденность И. Церетели проистекала из того, что, независимо от партийной принадлежности, все самые важные и ответственные посты во власти и в правительстве заняли грузины, а также из того, что из-за попустительства «Дашнакцутюн» и «Мусават» представители национал-демократических партий и особенно прогосударственная Армянская народная партия не были включены в Комиссариат. Как мы видели, на это был направлен и до сих пор горячо обсуждался план создания однородно–социалистического правительства, которое в конце концов под руководством грузинского меньшевизма фактически подчинило бы себе и «Дашнакцутюн», и даже мусульманских «социалистов».

Как трезвый и дальновидный политик, И. Церетели одновременно обращал внимание на «глубинку страны», где эта оппозиция «копала яму под этим правительством»²⁶⁷. В данном случае он имел в виду необходимость создания единого фронта

²⁶⁶ Там же, с.33.

²⁶⁷ См. там же, с. 33.

в условиях турецкого вторжения и мастерской демагогией представил Грузию как первый пример: «И в тот момент, когда демократия Закавказья собирает силы и объявляет военную мобилизацию — в этот момент в грузинских городах и селах появляются люди, призывающие отказаться от выполнения своего гражданского долга»²⁶⁸.

«Темные элементы», «ультрареволюционеры» — такими эпитетами он характеризовал большевиков и, после царизма указывая на нового общего врага, тактично брал под меньшевистское покровительственное крыло и грузинский национализм, который, как известно, недалеко ушел от громких заявлений, растоптал призывы председателя правительства Е. Гегечкори и других — об объединенной армии, защите Родины и многом другом. Трагичность заключалась в том, что большевики делали то, о чем декларировали в своей программе и лозунгах, а так называемая закавказская социалистическая демократия, четко осознавая пока неразрешимые и враждебные межэтнические взаимоотношения, помимо призывов к солидарности и братству народов, никаких практических шагов не предпринимала. «Когда мы читаем доклад генерала Андраника, — восклицал И. Церетели, — в котором сообщается, что воинские части, посланные для защиты Закавказья, бросают свое оружие и в панике разбегаются, когда мы читаем, что воинские части, защищающие страну в Ереванской губернии, направляют свое оружие против мирного населения, то в этой ситуации мы можем сказать, что так создается благодатная почва для темных дел. И если мы узнаем, что в среде мусульман есть недопустимые и криминальные факты — выступления против власти, наличие элементов, препятствующих движению воинских частей, идущих к нашим границам, насаждение национальной вражды, то надо сказать, что там и скрывается оппозиция, которая своими темными делами благоволит внешним и внутренним врагам»²⁶⁹.

²⁶⁸ Там же, с. 34.

²⁶⁹ Там же, с. 34–35.

И. Церетели пришел к выводу, что единственным спасением является существование правительства, объединяющего представителей всех наций, и такое правительство необходимо наделить чрезвычайными полномочиями.

Он даже не скрывал, что чрезвычайные меры необходимы против большевизма²⁷⁰.

Каждое слово и фраза, произнесенные в военной обстановке, на первый взгляд были проникнуты железной логикой. Отметим, однако, что в это время антибольшевизм И. Церетели, других меньшевиков, мусульман–социалистов, в том числе «Дашнакцутюн» преобладал над антитурецкой борьбой. И сколько бы И. Церетели и другие ни разглагольствовали о турецкой опасности и ни призывали к единству и солидарности, все равно — в подтексте они имели в виду опасность большевизма, особенно в свете последних событий.

Говоря о турецком вторжении и его возможных последствиях, И. Церетели предсказывал одинаковый уровень опасности и для армян, и для грузин. Выяснилось также, что до 1918 г. — еще до анонсированного в мае знаменитого диалога Жордании и Хатисяна «не тонуть же вместе с вами!», уже в марте И. Церетели выдвинул тот решающий тезис о том, что «в крайне критические моменты нельзя забывать, что каждый из трех основных (по численности) народов Закавказья может погубить других и себя, и ни один из них не может спасти себя, если не отдаст все свои силы для спасения других»²⁷¹. Во–первых, Н. Жордания в мае 1918 года не выполнил наказ И. Церетели. Удивительно было то, что ни одна из национальных фракций в Сейме даже не отреагировала на этот вывод. Получается, что в этом не было ничего удивительного и неожиданного: для грузин еще с весны 1917 г. было совершенно ясно, что Западная Армения останется за Турцией (и теперь они делали всё и далее будут делать всё для реализации этой задачи — *В. М.*). А пока, говоря исключительно о Закавказье, И. Церетели фактически

²⁷⁰ См. там же, с. 35–37.

²⁷¹ См. там же, с. 39.

отрицал существование для них Армянского вопроса, проблемы защиты Западной Армении и, что важнее — защиты фронта, и даже мысли не допускал, что фракция «Дашнакцутюн» может выступить против и иметь другое мнение.

До столкновения, вспышки противоречий оставался максимум месяц, когда А. Чхенкели передаст Карс туркам.

Возражал только кадет Ю. Семенов, которого возмутило то обстоятельство, что в числе основных наций не упоминаются русские: он, в свою очередь, попытался обойти тот факт, что в этом подходе — игнорирования русских, антибольшевизм и антирусизм весьма искусно отождествлялись. Тем самым И. Церетели обосновывал план отделения от России и создания независимого Закавказья²⁷².

Вместо того чтобы возражать, от имени фракции «Дашнакцутюн» выступил Мартирос Арутюнян и сообщил, что партия «всю свою физическую силу и духовное влияние, которыми она пользуется среди армянского народа, **направляет на служение правительству Закавказья по линии всех пунктов Декларации, намеченных новым правительством**»²⁷³ (выделено нами — *В. М.*).

На факт создания нового правительства отреагировали партии.

Беспартийная газета «Кавказское Слово» посчитала, что акт «вносит какую-то определенность в реально сложившийся государственный порядок: с этой точки зрения **в Декларации правительства об образовании нового кабинета мы замечаем новый шаг, который ведет к формированию самостоятельной и независимой государственности в Закавказье**»²⁷⁴ (выделено нами — *В. М.*). Газета усматривала прогресс даже в том, что вместо прежних «комиссаров» употреблялся термин «министр», что указывало на возросшую компетенцию новых представителей территориальной

²⁷² См. там же, с.41–42.

²⁷³ См. там же, с.42.

²⁷⁴ См. «Кавказское Слово», Тифлис, 1918, 15 марта, № 59.

административной власти, и делал вывод, что с государственно—правовой точки зрения это был «самый первый закавказский кабинет министров». Газета рассматривала вопрос об ответственности кабинета министров как выражение изменения конституции края. Разница и прогресс были зафиксированы в том, что если Комиссариат был организован с одобрения и согласия областного центра р. и с. депутатов, то новое правительство отныне будет ответственно только перед Сеймом — как высшим законодательным органом области. В связи с этим указывалось упущение, что если Закавказье избрало путь парламентской государственной жизни, то эти новшества должны быть осуществлены в законодательном порядке.

В статье особо подчеркивалась проблема типа государственной власти, в данном случае — принципа коалиции, а в сопоставлении европейского и русского примеров делалась попытка понять специфику закавказской формы.

На этапе Февральской революции под коалицией понимали сотрудничество социалистических и буржуазных элементов в одном кабинете. Между тем с европейской точки зрения это означало включение в состав кабинета представителей разных партий. В нормальных условиях европейские правительства были однородными, то есть в их состав входили представители одной партии, составлявшей большинство в парламенте. Такова была традиция, например, в Англии.

В чрезвычайных ситуациях с целью объединения страны разрешалась организация коалиционных, межпартийных кабинетов.

В новом закавказском правительстве принцип коалиции применялся как в европейском, так и в специфически русском смысле. «Организация нашего кабинета,— делала вывод газета «Кавказское слово»,— есть результат соглашения не двух сплоченных социалистических и несоциалистических групп, а

более сложного сочетания социалистических, буржуазно-феодалных и национальных групп»²⁷⁵.

Армянская революционная федерация Дашнакцутюн признавала, что «осуществился план меньшевиков — сформировать новое правительство из числа тех, кто присоединился к определенному революционному плану»²⁷⁶. АРФД была удовлетворена тем, что социалисты и революционеры составляли подавляющее большинство в правительстве. «Дашнакцутюн» также не скрывала, что это не то, на что рассчитывала партия, т. е. коалиция национально-общественных сил, и надеялась на возможность создания сильного, однородного правительства²⁷⁷.

Это мнение вполне разделяли и армянские с.-д. меньшевики. Рассматривая коалиционное правительство как результат парламентского состава Сейма, Г. Караджян отметил, что «однородное демократическое правительство, о котором писали и говорили в последние месяцы в демократических кругах и в прессе, в нашей стране не привилось»²⁷⁸. Он считал, что формирование однородного социалистического правительства не удалось отчасти потому, что фракция эсеров в Сейме почти не существовало, отсутствовали народные социалисты и большевики, поэтому не только невозможно, но даже кажется абсурдным формировать правительство из одних только меньшевиков.

«Во всяком случае,— подчеркивал Г. Караджян,— в новом правительстве большинство можно считать демократическим. Если немногочисленным членам нового правительства (имеются в виду «Мусават» и другие мусульманские партии — *В. М.*), не принадлежащим к прогрессивным демократическим партиям, удастся подчинить курсу большинства правительства, приспособить их и остаться верным принципам декларации, то

²⁷⁵ «Кавказское Слово», там же.

²⁷⁶ См. «Оризон», 1918, 15 марта, № 55.

²⁷⁷ См. «Оризон», 1918, 15 марта, № 55.

²⁷⁸ См. «Оризон», 1918, 16 марта, № 56

в таком случае нам останется только ждать от нового правительства действенной государственной деятельности»²⁷⁹. Более того, он считал, что хотя портфель министерства просвещения и не имеет «боевого» значения, все же «неудобно было передать его мусаватистам, потому что тюрки вообще и их мусаватистское представительство в частности означает отсталость и неповоротливость, а это обстоятельство — самый большой враг в деле просвещения»²⁸⁰.

Таким образом, 13 марта 1918 года было сформировано новое правительство Закавказья. По своей сути оно носило коалиционный характер и объединяло одновременно три влиятельные партии Закавказья, выражавшие в том числе и интересы трех основных народов края. Послеоктябрьская программа однородного социалистического правительства не осуществлялась, да и не представлялось возможным осуществить ее, потому что многие партии, считавшие и называвшие себя социалистическими революционными, носили, по существу, в основном националистический характер, особенно татаро–мусульманские фракции.

Можно сказать, что после большевистского переворота партии «Дашнакцутюн» освободилась от оков всем известной, нескрываемой «социалистической» закомплексованности и полностью уступила место национальной ориентации — на пути к независимости Закавказья.

В контексте ухода из Советской России, конца бакинского большевизма и сепаратных переговоров с Турцией «созвездие» классических грузинских социалистов–меньшевиков также приобретает совершенный национальный характер и позицию: фактически силы, сформировавшие власть и правительство под социалистическими и революционными лозунгами, в составе этого нового правительства окончательно продемонстрировали национальный, ориентированный на независимость характер и перспективы краевой власти.

²⁷⁹ Там же.

²⁸⁰ Там же.

2.2. ОБСУЖДЕНИЕ ВОПРОСА НЕЗАВИСИМОСТИ ЗАКАВКАЗЬЯ В СЕЙМЕ

Вопрос независимости края в Закавказском сейме впервые обсуждался как вопрос повестки, и достаточно обстоятельно, на 9-ом заседании 22 февраля.

Обмен мнениями начал С. Врацян, выступив с предложением обсудить вопрос предварительно на заседании фракций и лишь потом внести в повестку дня пленума Сейма. Возражал Н. Жордания, причем со следующим обоснованием: «Если они будут обсуждать этот важный вопрос за кулисами, то люди не будут знать об этом, людей надо подготовить, и сделать это нужно уже сегодня»²⁸¹. Создавалось впечатление, что, как представлял Н. Жордания, «народ» Закавказья, уже вполне единодушный, согласный и солидарный, должен был сыграть активную роль в решении этого судьбоносного вопроса, и, похоже, такая постановка вопроса сама по себе не означала поставить общество перед фактом.

С весьма обоснованными, аргументированными вопросами выступил С. Тигранян. Он считал, что решение чрезвычайно важного вопроса следует связать со многими темами, имеющими к нему отношение. «Решение о провозглашении независимости Закавказья — это пустая фраза,— подчеркивал он,— которая может быть озвучена, но от этого независимость не станет фактом»²⁸². С. Тигранян абсолютно правомерно пришел к заключению, что формирование государства — это процесс, в котором политический орган становится самостоятельным. В качестве первого шага реальных действий в ходе этого процесса депутат от «Дашнакцутюн» указал на заключение перемирия с Турцией, когда по факту совершенного Закавказье оказалось в статусе независимого государства. В качестве последующей второй фазы он рассматривал возможное заключение мира в

²⁸¹ См. Закавказский Сейм, зас. 9-ое, 22 февраля, с. 14.

²⁸² Закавказский Сейм, там же, с. 14–15.

результате Трапезундских переговоров. С. Тигранян полностью одобрял переговорный процесс, который вели Сейм и краевое правительство с Турцией, назвав его «фактом исключительной важности» на пути к независимости.

Нельзя не заметить примечательный дипломатический и политический поворот в новаторской формулировке С. Тиграняна, в которой война рассматривается как оставшееся от России наследие: **«Войну начала Россия, и Закавказье, как часть России, унаследовало от нее проблему войны: фактически Закавказье стало, таким образом, враждебной Турции стороной»**²⁸³ (выделено нами — *В. М.*).

Полагаем, что в этой формулировке была обобщена концепция новой политической ориентации партии «Дашнакцутюн», а именно — разворот в сторону Турции. В данном случае примерно через два месяца после принятия декларации Совнаркома «О Турецкой Армении», к тому же в условиях реальности турецкого вторжения, армянская национальная партия радикально отказывалась от Советской России и в ожидаемых переговорах против Турции не связывала с ней никакой надежды. Можно также заключить, что АРФД возлагала большие надежды на переговоры в Трапезунде, и прискорбно, что даже не ставила под сомнение их провал и возможность создания совершенно иной ситуации. В то же время, ссылаясь на союзные державы Антанты, С. Тигранян утверждал, что после заключения мира больше не будет союзников, а «будут равные нейтральные отношения». В случае, если не будет примирения, он по праву недоумевал, какими должны были быть отношения Закавказья с Англией, Америкой и другими, «как мы должны сказать, что мы нейтральны по отношению к Англии, а по отношению к Турции — нет, в таком случае, насколько целесообразны наши союзнические отношения»²⁸⁴. И наконец, С. Тигранян, считая Закавказский край частью определенного политического целого, связывал провозглаше-

²⁸³ См. там же, с. 15–16.

²⁸⁴ См. там же, с. 16.

ние независимого государства с будущим финансовым положением Закавказья.

Н. Жордания²⁸⁵ предлагал обсудить вопрос, исходя из сложившегося положения края. В качестве такой отправной точки он избрал военную обстановку. В данном случае он справедливо полагал, что споры территориального характера везде разрешались огнем и мечом, и только большевики, отведя войска с Западного и Кавказского фронтов, считают, что «условия мира можно диктовать без военной силы»²⁸⁶.

Уже второй раз после большевистского переворота он буквально повторял мысль о том, что последние сто лет Закавказье без России оказалось в состоянии войны, к тому же у этого края нет армии, и он должен охранять территорию от посягательств Турции и прочих вражеских государств. Напоминая собравшимся о позорных условиях Брестского договора, Н. Жордания пришел к выводу, что единственный путь — это объединение народов Закавказья на основе общей политической платформы²⁸⁷.

Имея определенную позицию в отношении мусульман, он также подчеркивал: «Мы, христиане, тянули мусульман в Россию, ибо придерживались русской ориентации. Теперь же, когда война изменила ситуацию, можно сказать, что и **мусульмане также имеют право формировать собственную ориентацию** (выделено нами — *В. М.*). Если мы, христиане, имеем христианскую ориентацию, то почему мусульмане не могут иметь собственную мусульманскую ориентацию?»²⁸⁸.

И такой ориентацией в данном случае был пантюркизм.

Можно сказать, что Н. Жордания (довольно ловко и в то же время весьма примитивно) посредством мусульманских фракций в Сейме наконец полностью легализовал факт сотрудничества между собой вместе с грузинским меньшевиз-

²⁸⁵ См. Жордания Н. Н., Доклады и речи, с. 74–79.

²⁸⁶ Закавказский Сейм, там же, с. 18.

²⁸⁷ Там же, с. 18–19.

²⁸⁸ Там же, с. 19.

мом и татарскими националистическими силами, и теперь от их имени и через них фактически менял политическую ориентацию Закавказья, даже не интересуясь точкой зрения армянской стороны. Ему было совершенно ясно, что в понятие «единого Закавказья» входит грузинское и татарское этническое население региона, а проще говоря, мусульманское большинство и все остальные — кроме армян. Н. Жордания так и не был задан главный вопрос — как он представлял себе единый край, который уже имел турецкую ориентацию, и в этом «идеальном государстве» — положение армян, особенно проблему обороны фронта? «Если есть выбор — Россия или Турция,— заключил он,— мы выбираем Россию, **но если этот выбор — Турция или независимость Закавказья, мы выбираем независимость Закавказья**»²⁸⁹ (выделено нами — *В. М.*)

Лицемерие и политическая фальшь заключались в том, что независимость Закавказья была связана с проблемой именно Турции и турецкой ориентации, более того — это также было требованием Турции в Трапезундских переговорах. Сам Н. Жордания даже запутывался в собственной политической формулировке, когда утверждал, что «в данный момент проблема такова: здесь должна быть турецкая ориентация и турецкое вторжение, или же мы должны объявить себя независимыми, чтобы избежать этого»²⁹⁰. Отказ от прорусской ориентации он попытался обосновать отсутствием «русских штыков», снова игнорируя роль армянского фактора. Согласно Н. Жордания, «Россия сама отказывается от собственной ориентации и предлагает нам встать на ноги самостоятельно»²⁹¹.

На тот момент единственное и сильное преимущество аргументов Н. Жордания заключалось в следующем: говоря о России, он заставил всех согласиться с тем, что весь край в целом имеет дело с Советской Россией, и именно эта Россия и

²⁸⁹ Там же, с. 20.

²⁹⁰ Там же, с. 20.

²⁹¹ Там же.

подписала Брестский мирный договор. Здесь он изобретательно, но уже с внутренней тревогой избегал признаться себе, что есть и другая Россия — Россия А. Деникина и других, который позже, в 1919–1920 годах, искал пути сотрудничества только с армянством и его военно–политическими силами — против грузино–татарского антироссийского союза.

В этом выступлении Н. Жордания даже позволил себе воскликнуть: «Да здравствует суверенное Закавказье! Да здравствует Турция!»²⁹². И это в ситуации, когда «единая» делегация Сейма вела переговоры в Трапезунде. Разыгрывая карту Батуми и Карса, Н. Жордания пытался осуществить еще один шантаж, а именно — «не только эти районы, но и все Закавказье поглотило бы движение мусульманских масс»²⁹³. Он даже с полной уверенностью убедил нынешних депутатов–мусульман, что присоединение мусульман региона к Турции отнюдь не соответствует интересам первых, и они должны предложить своему населению что–нибудь новое. «Если они скажут,— заявил Н. Жордания,— что мы не приемлем ни русскую, ни турецкую ориентацию, мусульмане последуют за ними»²⁹⁴. Он разделял уже озвученную мысль о том, что вполне возможно, если вслед за процессом Трапезундских переговоров последует провозглашение независимости, когда этому краю будут навязаны неприемлемые условия. Это также обеспечило бы международный характер решения. Дальновидность и прозорливость Н. Жордания и других заключалась, в частности, в том, что, в отличие особенно от армянской стороны, они имели четкое представление о том, что им нужно делать, и были осведомлены о возможных сценариях развития событий.

Что касается финальной части выступления Н. Жордания, то она, на наш взгляд, содержала ужасный, далеко идущий и чреватый большими опасностями подтекст. Учитывая важность проблемы, хотелось бы процитировать эту часть полностью.

²⁹² См. там же, с. 20.

²⁹³ Там же, с. 21.

²⁹⁴ Там же.

«Необходимо, чтобы наша независимость,— говорил он,— была понята и принята не только иностранными государствами, но прежде всего в нашем краю, людьми, живущимися на нашей территории, необходимо, чтобы у нас была гарантия — чтобы провозглашение независимости не стало сигналом всеобщего национального пожара. Если мы рассмотрим основные нации, то увидим, что мусульмане и грузины так или иначе, но вполне могут жить в мире и согласии. Есть гарантия, что эти два народа не нарушат общего мира, хотя и в Ахалцихском уезде есть некоторые противоречия: но надо сказать, что я там был, и все вам скажут, что виноваты не мусульмане Ахалциха, а грузины. И потом, вы знаете, что грузины и армяне, конечно, могут жить мирно и что особых национальных конфликтов между этими двумя народами не было и нет. **Но как согласовать интересы армян и мусульман?»**²⁹⁵ (выделено нами — *В. М.*).

Ф. Хан–Хойский, представляющий фракцию «Мусават», считал, что вопрос о независимости Закавказья вышел на первый план после большевистского переворота, и связывал обострение проблемы с ликвидацией Кавказского русского военного фронта, а теперь еще и с вопросом о заключении мира с Турцией. Единственным выходом из создавшегося положения он считал провозглашение независимости и самостоятельности Закавказья²⁹⁶. Подчеркнув приверженность всех мусульманских группировок делу сохранения солидарности народов края посредством Сейма, он между прочим напомнил, что для всех партий Сейма следует считать обязательным то обстоятельство, что в основу переговоров с Турцией должен быть положен вопрос о границах 1914 года, а также о довоенных территориальных границах Закавказья. Ф. Хан–Хойский ловко включил границы Закавказья и Дагестан²⁹⁷.

Кадет Ю. Семенов подчеркивал, что именно провозгласив независимость, Закавказье попадет под иго Турции, потому что

²⁹⁵ Закавказский Сейм, с. 23.

²⁹⁶ См. там же, с. 25.

²⁹⁷ См. там же, с. 26–27.

сразу после большевистского переворота турецкое правительство обратилось к властям Закавказья, подстрекая их объявить независимое государство. Особенно примечательно замечание Ю. Семенова, что переговоры в Бресте есть не что иное, как продолжение войны, только другими методами. С одной частью России ведутся переговоры, а с другой Германия продолжает боевые действия, только руками Турции.

«Все это ведет к расчленению России,— подчеркивал депутат—кадет,— и когда закавказское правительство говорит Турции, что оно с Россией, то и Турция, и Германия отвечают насилием, и на брестских переговорах появляются в качестве дополнения округа Батуми, Карс, Ардаган. И теперь, провозгласив независимость, вы думаете, что избежите ига Турции? По сути, ваша независимость — это компенсация за Батумский и Карсский районы. Турции нужны гарантии того, что эта независимость превратилась в турецкую ориентацию. Жордания, в обмен на Батумскую и Карсскую области вы преподносите Турции реальную выгоду — независимость Закавказья. Но ведь вы уже одиннадцать месяцев (с Февральской революции — *В. М.*) подчеркивали, что Россия должна вложить меч в ножны, и неустанно повторяете — мир, мир и мир. Что означает ваш мир? Примирение, мир, по—вашему, означает — вложить меч в ножны? И даже добившись этого, вы говорите, что Россия нас бросила, что Россия поставила Закавказье в такое положение, когда оно вынуждено объявить независимость. И в результате получилось то, к чему стремились Германия, Австро—Венгрия и Турция — расчленение России. С вашей независимостью вы осуществите цель Германии. И в конце концов, уверены ли вы, что обеспечите единство народов внутри страны?»²⁹⁸ Ю. Семенов бил Н. Жорданию по больному — по лживому лозунгу о дружбе и солидарности народов региона, и более того, подчеркивал тот факт, что когда турки говорят «дайте нам Батум и Карс», вы отвечаете, что «мы не

²⁹⁸ Там же, с. 29–30.

только не отдадим Батум и Карс, мы сохраним границы 1914 года, но еще мы хотим автономии Турецкой Армении»²⁹⁹. За ним следовал главный аргумент Ю. Семенова, а именно: готово ли Закавказье воевать против Турции самостоятельно, когда, провозгласив независимость, оно потеряет Северный Кавказ, станет новой административной единицей и, таким образом, вплотную подойдет к продовольственному краху и превратится в вассала Турции? Он также напоминал, что Закавказье невольно превращалось во врага Антанты, когда часть России, воюющая против большевиков, оставалась на стороне своих союзников. В связи с этим считаем необходимым остановиться в начале заседания на объявлении Временного бюро (петиции) о созыве Российского национального съезда. Там говорилось: «Ввиду того, что Сейм не может управляться как учреждение Государственной Думы, Временное бюро Русского национального совета Закавказья не признает за Совнаркомом полномочий на заключение мира и условий относительно границ Закавказья. Временное бюро Русского национального совета считает невозможным передачу Турции Карса, Ардагана и Батума. Временное бюро считает, что отделение Закавказья от России не является необходимостью, нецелесообразно и будет губительным как для русского населения, так и для закавказской демократии»³⁰⁰.

С. Тигранян пытался дать ряд пояснений — с целью организовать дополнительное детальное обсуждение с созданием новой комиссии.

Национал-демократ В. Тевзя квалифицирует концепцию Ю. Семенова как ожидаемую, поскольку эта партия не принимала не только отделения, но даже широкой децентрализации государства. Опасность заключалась в том, что депутат стремился перенести самый важный и животрепещущий вопрос исключительно в политическое пространство и считал, что Батуми, Карс и Ардаган нужны кадетам для дальнейшего наступления и исключительно для оправдания партийной

²⁹⁹ См. там же, с. 31.

³⁰⁰ Там же, с. 17–18.

идеологии. Не скрывая своей ненависти к России, В. Тевзя не видел существенного различия между российской или другими диктатурами и утверждал: «Когда перед нами стоит дилемма — порабощение или крах Закавказья, мы выбираем независимость, потому что турецкая империя заинтересована в том, чтобы Закавказье стало буферным государством именно для самообороны Турции. Ведь необходимо помнить, что Россия хотя и ослабла, но не пала, и новая Россия в будущем может стать тем, чем она и была»³⁰¹. Непонятно почему, но В. Тевзя сравнивал будущее независимое Закавказье со Швейцарией, приравнивая наличие и остроту армяно–грузино–татарских проблем к геополитическому положению Швейцарской республики³⁰².

В этом контексте мы можем также констатировать, что в важнейших вопросах грузинский меньшевизм и грузинская национальная идеология действовали в полном согласии, дополняя друг друга.

От имени фракции «Гуммет», полностью входившей в структуру меньшевиков, выступил **Самед Агамалов**. Его удивляла та мысль, что с обретением независимости края армяне и татары неминуемо столкнутся, причем в этом вопросе ни «Дашнакцутюн», ни «Мусават» не выказали даже сомнения. В результате он пришел к поистине нереальному выводу. «Если сейм скажет, что Закавказье независимо,— говорил он,— это слово станет волшебным началом объединения народов, и эти народы будут думать: “мы единый народ, единая нация”»³⁰³. Это был, мягко выражаясь, действительно далекий от реальности, абсурдный подход, если не сказать больше. После этого он убежденно доказывал, что мусульмане Кавказа не привержены турецкой ориентации, что армяно–татарское противостояние искусственно раздувается. Что касается того, чтобы «попасть в объятия Турции», он считал, что «разлученные братья — все

³⁰¹ Там же, с. 36–37.

³⁰² См. там же, с. 37.

³⁰³ Там же, с. 38.

равно что чужие люди». Этот представитель фракции «Гуммет» был полон надежд, что независимость может спасти от разрушения и межэтнических конфликтов³⁰⁴.

С. Вращян из АРФД привлекал внимание к тому, что народы хотя считают независимость заветной, вожделенной целью, однако удивительно, что представители всех народов Закавказья говорят об этом с тяжелым чувством. Он заметил, что относительно трех поднятых компонентов так и не было дано обоснованных ответов, а именно: что независимость а) позволит легче бороться с анархией, б) изменит отношение к фронту и в) изменит позицию Закавказья по отношению к Турции³⁰⁵. С. Вращян также остро поставил следующий постулат: нет никакой гарантии, что в результате вторжения Турции последнее будет удовлетворена границами 1914 года.

«Кто сказал, что провозглашение независимости станет той гарантией, которая избавит нас от требований Турции?» — резюмировал член АРФ «Дашнакцутюн»³⁰⁶.

Примечателен также вопрос С. Вращяна, которым он упрекал Н. Жорданию, Ф. Хан–Хойского в том, что их нисколько не волновал вопрос отношения Закавказья к России, что каждый исходил из соображений целесообразности и насущных требований. «Если все так,— сказал он,— то надо выяснить, действительно ли жизнь вынуждает нас сделать этот шаг и действительно ли **Закавказье останется единым, неразделенным**» (выделено нами — *В. М.*)³⁰⁷. С. Вращян пришел к выводу, что прежде чем давать окончательное решение этому вопросу, необходимо дождаться заключений Трапезундской делегации, а поскольку единственным аргументом относительно провозглашения независимости Закавказья упоминается требование Карса, Ардагана и Батума, то преждевременно

³⁰⁴ См. там же, с. 39.

³⁰⁵ Там же, с. 40.

³⁰⁶ Там же, с. 41.

³⁰⁷ Там же, с. 42.

принимать решение на этой сессии³⁰⁸. По утверждению С. Врацяна, решение вопроса о независимости затянулось, пожалуй, из-за армянской оппозиции³⁰⁹.

Эсер И. Гобечия, выражая подход своей фракции, утверждал, что они однозначно выступают за русскую ориентацию и считают, что провозглашение независимости Закавказья должно быть осуществлено в рамках мирной конференции. Он выразил серьезную озабоченность тем, что в случае турецкого вторжения наибольшая опасность ожидается со стороны мусульман, сдержать которых будет невозможно. Наряду со всем этим И. Гобечия от имени фракции эсеров предложил «не отказываться от декларации о признании независимости Закавказской республики»³¹⁰.

Со стороны Мусульманского социалистического блока выступил **Алихан Кантемиров**. Он выражал недовольство тем, что характер мусульманского самоопределения не подчеркивается, и отсюда выводил, что вопрос независимости края не является необходимостью. Этому он противопоставлял тот подход, что власть везде должна находиться в руках демократии. «Для нас не важно,— отмечал он,— чтобы Западная Европа выступала как единое политическое образование, однако важно, чтобы западноевропейская власть находилась в руках демократии»³¹¹.

В качестве обоснования А. Кантемиров подчеркивал одно обстоятельство — единой экономической зоны Кавказа и ее гармонии с политико-правовым полем. «С этой точки зрения,— заверял мусульманский депутат,— вопрос о независимости Закавказья вполне разрешим и без страха и оглядки на Россию... мы верим, что народы Закавказья смогут политически самоопределиваться и стать историческим целым»³¹². Признавая, что в

³⁰⁸ См. там же.

³⁰⁹ См. Врацян С., Республика Армения, Ереван, 1993, на арм. яз., с. 79.

³¹⁰ См. Закавказский сейм, с. 43–44.

³¹¹ Там же, с. 45.

³¹² Там же, с. 46.

ближайшем будущем предсказать будущее и цели Турции и России невозможно, он в то же время (при этом впадая в противоречие) почему-то уверял, что опасность исходит не от Турции, а с севера³¹³.

Меньшевик Д. Ониашвили упрекал сторонников того (и понятно, особенно — «Дашнакцутюн»), чтобы самый важный вопрос был предоставлен на обсуждение комиссии. Впадая в область преувеличений, он пытался убедить, что Закавказье давно уже самостоятельный край, нужно только наделить его правовым содержанием. Считая переговорный процесс с Турцией необходимостью, а не альтернативной тактикой, он обосновывал важность провозглашения независимости Закавказья именно в этом контексте³¹⁴. Заслуживает внимания вопрос Д. Ониашвили — об объединении Закавказья вокруг нового лозунга. Он считал, что если это лозунг «самообороны», то он может консолидировать вокруг себя «только армянское население и частично грузин». Что же касается мусульман, то здесь он не исключил, что они «скорее будут воевать против нас, чем вместе с нами против турок», и в лучшем случае сохраняют нейтралитет³¹⁵. При этом он не выражал надежды на то, что удастся остановить турецких головорезов, и вновь пришел к противоречивому выводу, что единственное спасение — провозглашение независимости. Если Д. Ониашвили четко разграничивал армяно-грузинскую антитурецкую позицию и проявления нескрываемых симпатий мусульман к Турции, в чем же он видел преимущество этой независимости, а точнее — каким образом?

Тот факт, что ситуация безвыходная, отмечал **Микаел Арзуманян из фракции АРФД**. Обоснование было следующим: если большевики отдадут Турции Батумский и Карсский районы, то единственным способом договориться с турками остается провозгласить независимость. Сравнивая процесс с

³¹³ См. там же.

³¹⁴ См. там же, с. 47.

³¹⁵ См. там же.

провозглашением независимости Украины, в Закавказье он не заметил торжественности, наоборот — одни только слухи, кривотолки, противоречия. Цитируя Н. Жорданию, М. Арзуманян настаивал на доводе комиссии, обосновывая его тем, что мусульмане составляют большинство. Достигнув соглашения в рамках комиссии, можно было бы прийти к совместному решению, и оставалось бы только «выслушать акт о провозглашении независимости, поднять руки и объявить независимость Кавказа»³¹⁶. «Когда мы говорили о хозяйственных делах наших членов Сейма,— отмечал оратор,— мы избрали комиссию, которая работала пять дней и сегодня доложила нам о результатах — суточных пайках». Этот не самый большой вопрос был связан всего лишь с сотней человек, а когда дело касается независимости всего края, мы не хотим посвятить несколько дней на его тщательное рассмотрение комитетом. Предлагаю передать этот вопрос в комиссию, которая доложит нам о результатах, и тогда мы примем решение»³¹⁷.

Интересно, что после этого радикального и последовательного предложения председатель Комиссариата Е. Гегечкори вдруг резко решил перевести обсуждение в плоскость «крупных событий» в Ереванской губернии, словно тем самым оказывая давление на деятельность фракции «Дашнакцутюн» — по их мнению, непримиримую и агрессивную³¹⁸.

И тем не менее даже после обсуждения этого вопроса **Н. Рамишвили** от имени фракции социал-демократов меньшевиков, предложил Сейму следующую формулировку: «Обсудив вопрос об объявлении Закавказья независимой, демократической республикой, Сейм, учитывая положительное решение вопроса при известных условиях, поручает специаль-

³¹⁶ См. там же, с. 50–51.

³¹⁷ Там же, с. 51.

³¹⁸ См. там же.

ной комиссии всестороннюю разработку вопроса в кратчайший срок»³¹⁹.

Принимая окончательное решение, «Мусават» заявляет, что пока независимость Закавказья не провозглашена, их фракция отказывается участвовать в работе вышеупомянутой комиссии³²⁰. В подтексте этого короткого заявления проявились реальные подходы «Мусават» и вообще мусульманских фракций, а именно: не учитывать мнение армян и, в данном случае — «Дашнакцутюн», иными словами — удалить Закавказье от России навсегда и объявить независимость края.

В конце концов, комиссия избирается по принципу «по два человека от больших фракций и по одному человеку — от малых. Н. Рамишвили объявляет о заседании этой комиссии в 12.00 часов.

Таким образом, 22 февраля 1918 года Сейм впервые обсудил вопрос о независимости Закавказья на уровне власти и правительства.

Это было напрямую связано с «позорными» территориальными уступками в Брест–Литовске, турецким вторжением, переговорами в Трапезунде и ускорившей весь этот процесс альтернативой — советизацией Закавказья.

В этих дискуссиях были наглядно продемонстрированы позиция и тактика трех решающих политических сил региона.

Для грузинского меньшевизма было совершенно ясно, что после роспуска Всероссийского Учредительного собрания не было больше ни одного аргумента, связывающего край с большевистской Россией. Большевики Брест–Литовска уступали Германии и Турции огромные территории, и для того, чтобы закавказское правительство, не признающее власти Совнаркома, постаралось не допустить присоединения Батуми, Карса и Ардагана к Турции, последней нужен был голос, наделенный самостоятельными полномочиями, иными словами

³¹⁹ Там же, с. 58.

³²⁰ См. там же, с. 58.

— факт независимости Закавказья. Добавим, что Турция сделала это предложение еще в контексте перемирия в Ерзнá.

Согласно логике выступлений, **позицию мусульманских фракций** можно разделить на две части: с одной стороны, была заметна неприкрытая позиция лояльности к пантюркизму, которая, как всегда, умело маскировалась наработанной, усвоенной риторикой вуалирования ее фразеологией демократии и национальной солидарности, а с другой стороны, выражалось полное доверие к политическому курсу, принятому грузинским меньшевизмом под руководством Н. Жордани.

Позиция «Дашнакцутюн» выражала весь процесс и логику послеоктябрьских событий, а также реальность — изоляцию армян и их политических сил. Завязался неразрешимый узел противоречий: с одной стороны, антибольшевизм невольно подтолкнул «Дашнакцутюн» к составу объединенных властей края и, на первый взгляд, к тактике действий единым фронтом против Турции, а с другой — невозможность решения целой группы вопросов внутренними ресурсами (что уже стало очевидным) не позволяла армянским деятелям сжечь все мосты, связывающие их с Россией — особенно в условиях турецкого вторжения. В этом была причина того, что советская власть Шаумяна в Баку, которая противниками армян именовалось проармянским союзником, уже месяц спустя и, особенно в контексте провала Трапезундского процесса, стала считаться хотя и краткосрочным, но незаменимым соратником на пути к разрешению общеармянских проблем.

На предотвращение этой «опасности» было направлено также незамедлительное провозглашение независимости Закавказья, что, по замыслу грузино–татарского союза, могло окончательно отрезать регион от сферы советских и, почему нет, традиционных российских тоталитарных амбиций, и окончательно приблизит его к ожидаемому пункту назначения — «миролюбивой» Турции.

На выдвинутый вопрос о независимости отреагировала пресса армянских партий, представленных в Сейме.

«Оризон» — орган «Дашнакцутюн», ссылаясь на наличие предпосылок независимости, прозвучавших на заседании 22 февраля (Брест–Литовского мира, анархии края), в то же время отмечал, что они «не выходят за пределы области предположений». «Какими бы вероятными ни были эти предположения, столь же вероятно и обратное,— отмечала газета и задавалась вопросом,— почему независимость Закавказья должна заставить турок признать границу 1914 года, а не наоборот? На каком основании можно предполагать, что, провозгласив независимость, мы не облегчим вторжение турок в Закавказье? Кто может гарантировать, что наша независимость понравится туркам, чьи аппетиты хорошо известны? Почему бы не предположить, что они пытаются распространить свою власть на Кавказские горы, что, кстати, является их давним желанием? **И, опираясь только лишь на предположения, ставить такой чрезвычайно серьезный и ответственный вопрос, как независимость Закавказья, почти легкомысленно и непростительно для политически ответственных деятелей»** (выделено нами — *В. М.*)³²¹.

Армянская народная партия на страницах «Мшак» заявила, что, не признавая большевистское правительство, Закавказье фактически действует самостоятельно, но в то же время считала, что «независимость в нынешних условиях приведет к полному распаду Закавказья, к совершенному разгулу анархии и к кровопролитным межэтническим конфликтам»³²². А. Аракелян был убежден, что на данный момент этот вопрос нужно снять с повестки дня³²³.

Армянские социал–демократы выразили свое отношение на экстренном митинге, созванном 15 марта в здании Городской думы Тифлиса. Присутствовали Г. Караджян, Ар. Зурабян,

³²¹ См. «Оризон», 1918, 25 февраля, № 42, а также «Молот», 1918, 27 февраля, № 41.

³²² См. «Мшак», 1918, 8 марта, № 49.

³²³ См. там же.

О. Бекзадян, А. Варданян, Микаел Карабекян, Арзуманян, С. Пирумян.

Докладчик Ар. Зурабян выступил против идеи независимости Закавказья, оправдывая это невозможностью оторваться от общероссийской пролетарской семьи и примкнуть к турецкой. О. Бекзадян исключил возможность такого отделения, исходя из заметного фактора турецко–татарского мусаватистского влияния в правительстве Закавказья, что в условиях независимости неизбежно подчинило бы регион влиянию Турции. За независимость высказался только К. Тер–Казарян³²⁴.

9 марта на заседании **армянской секции партии социалистов–революционеров** выступил Л. Атабекян. Основываясь на принципах «раздробленная Россия не может быть бальзамом для боли Закавказья» и «независимое Закавказье есть фикция», он связывал свою и партийную ориентацию с грузинскими меньшевиками и татарскими социалистами и видел выход в «тесном союзе армянских, турецких и грузинских демократов». Что касается сотрудничества с большевиками, то для этого Л. Атабекян усматривал следующие условия: а) если они пойдут защищать фронт; б) если они не объявят борьбу против армянских и грузинских демократов, в лице меньшевиков и дашнаков; в) если в борьбе с контрреволюцией они не будут спекулировать организациями эсеров³²⁵.

Замечательным и в то же время трагическим фактом было то, что теоретические установки и партийные стереотипы не остановили дальновидного и самоотверженного деятеля, который через несколько дней погиб в Баку, доказав правдивость поведения национального армянского деятеля.

Завершим раздел ноткой юмора.

Бакинская газета АРФД «Арев», разумеется, щадя собственную партию, опубликовала сатиристические характеристики фельетониста по кличке «Амбак» (Оганисян Тигран), направлен-

³²⁴ См. «Пайкар», 1918, 18 марта, № 57.

³²⁵ См. «Знамя труда», 1918, 1 (14) апреля, № 19, а также «Молот», 1918, 27 февраля, № 41.

ные против партий. В «Карманном словаре» автора «Новейшего словаря» мы видим следующее: «Большевик — большая дардубала (головная боль); меньшевик — наименьшее из зол; эс–ер — ни то ни се; кадет — «тормоз»; Гнчакян — имя есть, на деле нет (слышен звон, да не знаешь где он), Армянская народная партия — партия без народа; беспартийный — в основном Пилат».

А в «Наличном словаре» встречалось: «Большевик — мажоритарист, не подчиняющийся меньшинству; меньшевик — меньшинство, попирающее права меньшинства; эс–ер — политические качели; кадет — проводящий верблюда в игольное ушко; армянский большевик — имя громкое, численность малая; армянский меньшевик — генерал без армии, без силы; армянский эс–ер — любитель глины; армянский кадет — недоразумение»³²⁶.

2.3. СМЕНА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОРИЕНТАЦИИ И ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ НЕЗАВИСИМОСТИ ЗАКАВКАЗЬЯ

22–е заседание Закавказского сейма, состоявшееся 9 (22) апреля 1918 г., стало переломным: после большевистского переворота оно стало основным водоразделом для отделения от России и обретения независимости Закавказья.

По мнению Ал. Хатисяна, в период с 7 по 13 апреля произошло четыре важных события: 1) 9 апреля Карс был сдан туркам; 2) в этот же день Сейм провозгласил независимость от России; 3) 13 апреля Сейму было представлено новое правительство А. Чхенкели; 4) наконец, А. Чхенкели и М. Вехиб–паша обменялись нотами о возобновлении мирных переговоров. Все эти судьбоносные и переломные события Ал. Хатисян объясняет тем, что «грузины больше не хотели воевать». Более того, сторонник примирения А. Чхенкели, став главой правительства, смог окончательно отеснить крыло сторонников войны —

³²⁶ См. «Арев», 1917, 2 декабря, № 247.

Е. Гегечкори и Х. Карчикяна. Как обоснование «победы» А. Чхенкели, Ал. Хатисян опирался на тот аргумент, что последний отдал приказ о передаче Карса, не заручившись доверием Сейма³²⁷.

Совокупность послеоктябрьских политических процессов подводит нас к мысли, что, по мнению Ал. Хатисяна, существование «двух течений среди грузин» на самом деле было надуманной дипломатической тактикой. Она может иметь историческую и политическую связь с «конфликтом» Ленина–Троцкого в брест–литовских переговорах, когда основная цель достигалась методом разжигания совершенно иных, даже полярных разногласий.

Как бы то ни было, но Ал. Хатисян был убежден, что в среде грузинских политиков есть два доминирующих течения: первое — во главе с Н. Жордания и Е. Гегечкори, стремилось к продолжению войны и было против отделения Закавказья от России; а второе было сторонником независимости и примирения под руководством А. Чхенкели и Н. Рамишвили³²⁸. К сожалению, один из лидеров «Дашнакцутюн» Ал. Хатисян в контексте «социалистически–меньшевистской» фразеологии Н. Жордания не заметил последовательной антироссийской и антисоветской стратегии, когда последний уже с начала ноября 1917 года горячо разглагольствовал об одном, а делал совершенно другое. И наконец, об этом свидетельствовало содержание выступлений на этой сессии грузинских меньшевиков, социалистов–федералистов, эсеров.

Подвергая анализу подходы и обоснования выступлений на сессии 9 апреля, мы ставили перед собой три основные цели: прежде всего — впервые в армянской и закавказской историографии осветить полностью целевую направленность выступлений; далее — посредством этого выявить сам факт существования различных течений, циркулирующих на грузинском

³²⁷ См. Ал. Хатисян, *Возникновение и развитие Республики Армения*, Бейрут, 1968 (на арм. яз.), с. 54.

³²⁸ См. там же.

политическом поле; и в–третьих, выдвинуть на первый план вопрос о необходимости провозглашения независимости Закавказья — в контексте турецкого вторжения, Трапезундских, Брест–Литовских и Батумских переговоров.

От имени комиссии по провозглашению независимости Закавказья и на фоне поднявшегося в зале шума выступил член Сейма, с.–д. меньшевик Д. Ониашвили. «Народы, населяющие Закавказский край,— отмечал он,— издавна тянулись друг к другу и лелеяли идею сосуществования. Но будучи не в состоянии собственными силами организовать независимую государственную жизнь, они должны были перейти под покровительство сильной державы — России»³²⁹. В этом предложении были сфальсифицированы сразу три исторических факта: во–первых, то отправное положение, что в период 1801–1829 гг. Российская империя в основном завершила завоевание территорий «по ту сторону Кавказа», а в случае с Грузией, в частности, это было сделано путем упразднения государственности; во–вторых, народы Закавказья никогда, особенно в послеоктябрьский период, не «лелеяли мечту» о сосуществовании; и наконец, народы Закавказья в составе России — в частности, грузины и армяне, не поднимали и не могли поднять вопрос о необходимости «самостоятельной государственной жизни». Д. Ониашвили преувеличивал, когда заявил, что «в последнее время пророссийская ориентация по существу превратилась в ориентацию революционную»³³⁰. Одно из стержневых утверждений докладчика Д. Ониашвили, а именно, что «с созданием Закавказской республики этнически пестрый образ Закавказья будет регулировать отношения между народами», было лишено какого бы то ни было фактического обоснования. Из этого выступления стало ясно, что главной целью было одно — отделение от России любой ценой и победа политико–дипломатической линии Трапезунда и Брест–Литовска.

³²⁹ См. Закавказский Сейм, Зас. 22–ое, 9–ое апреля, с. 5.

³³⁰ См. Зак. Сейм, там же. с. 8.

Будучи убежденным в неопровержимости своих доводов, Д. Ониашвили от имени комитета предлагает Сейму провозгласить независимость Закавказской Федеративной Республики. В полной уверенности, что это решение будет принято, он с восторгом заявил: «Отныне, граждане, Закавказье представляет собой единое политическое образование, которое обладает всеми признаками суверенного государства. Закавказское государство входит в семью международного сообщества как равноправный член»³³¹.

В условиях беспрецедентных межнациональных противоречий и особенно армяно–татарских столкновений этот меньшевистский деятель, по традиции, призывал к братству, дружбе народов.

Примечательно, что С. Врацян выразил удивление, что на этом заседании меньшевики «произносили бесцветные и пресные речи — какой–то Ониашвили, какой–то Георгадзе, Арсенидзе, которые с притворным воодушевлением и противоречивыми объяснениями всячески пытались обосновать необходимость независимости Закавказья»³³².

И нет в этом ничего удивительного: авторы великой идеи действительно сделали свое дело, а теперь настало время пожинать плоды. Действительно, на этом историческом заседании не выступил ни один человек из лидеров грузинских меньшевиков — ни Н. Жордания, ни Е. Гегечкори, ни Н. Рамишвили, а также А. Чхенкели и Н. Чхеидзе.

Здесь, нарушая порядок выступлений, считаем необходимым представить их по национальному признаку, ибо именно на этой сессии принцип партийности и тем более фракционности был отодвинут на второй план. От грузин выступили также Г. Георгадзе, Г. Гвазава, Ив. Лордкипанидзе, Г. Ласхишвили, Р. Арсенидзе, В. Гобечия, А. Чхенкели, от армян — Ов. Каджазнуни, М. Туманян, Ал. Хатисян, от татар–мусуль-

³³¹ См. там же.

³³² См. Врацян С., указ. соч., с. 108.

ман — Г. Расул-Заде, Мухаммедбеков, А. Шейх-уль-Исламов, А. Кантемиров, от русских — Ю. Семенов.

С.-д. меньшевик депутат Григорий Георгадзе констатировал, что сама по себе независимость Закавказья после большевистского переворота является реальностью, и ныне регион живет независимой внутренней и внешней жизнью³³³. Также, по его мнению, Закавказье выступает как единая территориальная единица, оно не может жить обособленно, не может быть субъектом международно-правовых отношений. Для этого просто необходимо, чтобы Закавказье стало юридическим субъектом — субъектом правовых отношений³³⁴. Г. Георгадзе дошел до того, что искусственное понятие «закавказский вопрос» в своей формулировке, пытался поместить в контекст общеевропейского масштаба, тем самым желая обосновать необходимость провозглашения независимости Закавказья. Неоднократно утверждая об объективно существующих предпосылках этого, он так ни разу не объяснил, каковы же эти предпосылки на самом деле.

Как и его предыдущий коллега, он направил лозунг «единение народов Закавказья» против большевизма и особенно — Шаумяна и армянского фактора. Невозможно согласиться с идеей Г. Георгадзе о том, что единство края является залогом ее территориальной безопасности, к тому же — после сдачи Карса.

Грузинский национал-демократ Г. Гвазава, сравнивая реалии 1801 и 1918 годов, отмечал, что если в 1801 г. единственный путь в «Европу — идеал света, права и свободы» лежал через Россию, то теперь этот путь через Москву не проходит³³⁵. В условиях самого широкого и открытого взаимодействия с Турцией депутат настаивал на европейской политической ориентации Грузии, игнорируя, что одна только Германия — это еще не вся Европа. «Исходя из нынешней конъюнктуры, — говорил он, — мы меняем нашу ориентацию, и не потому, что

³³³ См. Закавказский Сейм, там же, с. 11.

³³⁴ См. Закавказский Сейм, там же, с. 12.

³³⁵ См. там же, с. 25.

мы любим Турцию или турецких солдат, а потому, что мы любим самих себя, наш народ, нашу демократию, которая теперь должна создать человеческую, культурную жизнь, которую мы не можем ожидать от большевистской России»³³⁶.

Как единственный способ спасти «истекающую кровью Грузию» от России Г. Гвазава рассматривал провозглашение независимости Закавказья и, раскрывая истинное лицо грузинского национализма, заявлял, что «с момента падения царизма сама собой возродилась свободная Грузия»³³⁷. Тут возникает вопрос: почему за восемь месяцев Февральской революции грузинская политическая элита, в том числе и национал-демократы, не выдвигала идею независимой и свободной Грузии? По его утверждению, теперь Грузия свободна, независима и является субъектом международного права. Опираясь на договоры — Парижский 1856 г. и Берлинский 1878 г., он утверждал, что в нострификацию независимости также должна быть включена Грузия — как суверенное государство. Он также был убежден, что права Грузии признаны на международном уровне и когда «мы скажем, что Грузия входит в Закавказскую конфедерацию, наша позиция укрепитя еще больше и все государства поспешат признать нашу независимость, что для нас необходимо»³³⁸. Логика всего пакета «аргументаций» Г. Гвазава сводилась к вопросу о независимом будущем Грузии: тем самым докладчик также раскрыл суть грузинской политики 1917–1918 гг. — преследование личных интересов. Это было оправданно, но если речь шла об идее единого Закавказья, Комиссариата, Сейма, а теперь и союзной республики (особенно с послеоктябрьский период), то поднимался главный вопрос: каким образом без учета интересов соседей и особенно их международного статуса, Г. Гвазава собирался решить проблемы Грузии — и вновь в условиях турецкого нашествия.

³³⁶ См. Зак. Сейм, там же, с. 26.

³³⁷ См. там же, с. 29.

³³⁸ Там же.

В данном случае однозначно становится понятным одно очень важное обстоятельство: как в Трапезунде, так и на открывшихся Батумских переговорах не только армянская сторона, но еще больше именно грузины пребывали в политическом заблуждении и пытались решить свои «антироссийские проблемы» с турками, которые продвигались в Батум, Тифлис и Баку».

Возражая эсеру Л. Туманяну и кадету Ю. Семенову, меньшевик Ив. Лордкипанидзе строил линию своего выступления главным образом на антибольшевизме, антироссийской внешней политике Совнаркома. Он даже полагал, что заключением Брестского мира, когда большевики сдавали Турции Карс, Ардаган и Батум, Россия тем самым косвенно признала независимость Закавказья³³⁹.

В этом контексте чрезвычайно примечательно рассуждение Ив. Лордкипанидзе относительно турецко–большевистских соогласованных действий. «Проводится какая–то странная, согласованная, предательская политика,— говорил эсеровский докладчик,— странным образом согласуются нападения турок и большевиков: занимают Баку, через несколько дней Батум, большевики нападают на Сухум, турки занимают другие районы. Сегодня мы получили известие о том, что турецкие войска заняли столицу Гурии Озургет, а с другой стороны — большевики вошли в Кюрдмир»³⁴⁰. Из этого Лордкипанидзе делал заключение: если независимость не будет провозглашена, то эти две силы вскоре появятся в Тифлисе. По его мнению, если «Четверному союзу нужно доминировать на линии Баку–Батум, лучше подчиниться как независимая страна: на будущей международной конференции Закавказье предстанет страной, покоренной в результате вооруженной агрессии»³⁴¹.

С одной стороны, трудно недооценивать дальновидный, вполне трезвый, даже для своего времени, анализ Ив. Лордкипа-

³³⁹ См. там же, с. 34.

³⁴⁰ Там же, с. 35.

³⁴¹ Там же, с. 36.

нидзе — его почти невозможные предсказания о будущем большевистско–кемалистском сотрудничестве. Ведь он увидел проявление такого сотрудничества также и в контексте Брест–Литовских переговоров и соглашений. Но другое дело — большевистская программа советизации Баку (и посредством этого — Закавказья), имевшая общероссийский тон и содержание. И уж совсем другое дело — в том же контексте Бреста, проблема завоевания Закавказья, оставшегося в одиночестве и практически беззащитного против Турции, без российской военной поддержки, да еще в течение апреля–мая 1918 г. В одном Ив. Лордкипанидзе был прав и совершенно искренен — уйдя от большевизма (а в случае с грузинами — от России), Закавказье фактически подчинялось Турции. Реальность была такова, что в этом путеводном вопросе преобладало влияние грузинского национального движения, которое предпочитало установление отношений с Турцией любой ценой, оно даже предпочитало быть завоеванным этой страной, только не большевизм, только не русская ориентация. В данном случае грузинских деятелей совершенно не интересовала судьба армян, и этим в основном и объясняется сдача Карса.

Член Сейма, социалист–федералист Г. Ласхишвили в своем выступлении выразил удивление странным фактом, что в Закавказском демократическом Сейме, наполовину состоявшем из социалистов, весь вечер спорили «о необходимости и святости независимости»³⁴².

Отдавая дань демагогическим методам борьбы, он считал неверным позицию кадета Ю. Семёнова, что ни одна партия в Сейме не ставила в своей программе вопрос о независимости своего народа. Более чем необоснованным было его заявление о том, что все социалистические, революционные партии «воспринимали свободу как аксиому, а независимость как абсолютную ценность»³⁴³, поскольку эти распространенные и общечеловеческие ценности не имели в данном случае никакого

³⁴² См. там же, с. 37.

³⁴³ См. там же, с. 37.

отношения к программным формулировкам партий и концепциям политической стратегии: да, ни одна социалистическая революционная партия, в том числе и «Дашнакцутюн», не сформулировала «независимость» как программное положение партии.

Г. Ласхишвили горделиво отмечал, что в Закавказье были созданы не только независимое правительство и независимый законодательный институт, но и заложен фундамент международных отношений, которые, по его мнению, являются составляющими вполне независимого государства. Воодушевившись, он также полагал, что «мы фактически добились своей независимости и все, что нам остается — это защитить эту независимость от великой опасности — от анархического севера и агрессивного юга»³⁴⁴. В этом вопросе кроются величайшая ложь и противоречие: каким образом эти пресловутые «международные отношения» укладывались в рамки «большой опасности», надвигающейся с юга, иными словами — Турции, и, что важнее: кто эти люди и какие силы должны были защищать эту «единый», демократический край?

С-д. депутат-меньшевик Ражден Арсенидзе, в свою очередь, с болью отмечал, что «очень сложно одним ударом отсечь часть названия их партии», то есть слово Россия. Он считал выход из состава России свершившимся фактом для фракции своей партии³⁴⁵. Напрашивается вопрос: а куда делась партийная дисциплина? Как могли грузинские меньшевики без решения руководящего органа своей партии в одностороннем порядке уйти из страны, где находился Центральный комитет этой партии и ее руководящие деятели, которые, кстати, беззаветно отдавали себя борьбе с этим самым ненавистным большевизмом. Повторим: в течение этого заседания действительно Н. Жордания, Е. Гегечкори и отец грузинского меньшевизма Церетели хранили молчание. Ведь они должны были поддержать общероссийский меньшевизм и единой борьбой преодолеть

³⁴⁴ Там же.

³⁴⁵ См. там же, с. 43.

общую опасность, а не бросать своего «союзника», сблизившись с Турцией. На наш взгляд, можно констатировать, что на этом заседании грузинский меньшевизм косвенно приостанавливал свою деятельность, хотя словосочетание «русская демократия» все еще будет употребляться ими и, как надеялся Р. Арсенидзе: «Российская демократия поймет наш шаг — отделение»³⁴⁶. Деятеля, идущего вместе с русской демократией — близкой «по духу и культуре», действительно беспокоило то обстоятельство, что эта демократия вдруг нанесет удар в спину, вдруг не признает независимости Закавказья. Также непонятны утверждения и оправдания Р. Арсенидзе относительно того, что «объявляя независимость, мы идем не в сторону Турции, а против Турции: это наш главный принцип и кредо», — заявил он³⁴⁷.

В то же время он дал трезвую оценку Брестскому процессу и в этом контексте смог обосновать необходимость независимости. «Мы знаем, в своем письме представители предлагали нам не сопротивляться турецким властям, они считали это изменой и вместо этого предлагали принять их гостеприимно. Нам говорят, что, покинув Россию, мы тем самым войдем в состав Четверного союза. Но Россия фактически уже в орбите германской группировки, она уже отошла от союзников. Если мы останемся в пределах России, это не освободит нас от этой ориентации (германской — *В. М.*). И когда мы собираемся действовать самостоятельно, мы, конечно, хотим сохранить что-то из того, что дали немецкому империализму большевики России. И я говорю, что наша ориентация — это наша собственная ориентация. У нас только одна гарантия — та, что все народы Закавказья могут объединиться на основе этой независимости. Я также знаю, что огромная часть мусульманской массы на этой земле отделилась от других народов»³⁴⁸. Зачем сваливать вину только на мусульман, если единое правительство Сейма с

³⁴⁶ См. там же, с. 44.

³⁴⁷ См. там же, с. 45.

³⁴⁸ Там же, с. 45–46.

февраля 1918 года палец о палец не ударило для обороны Западной Армении или того же самого Кавказского фронта? Да и сейчас, в дни провозглашения независимости, сдали Карс туркам, таким образом фактически эффективно решив вопрос утверждения единства и солидарности с армянским народом. В военной обстановке Р. Арсенидзе почему-то говорил о том, что независимость позволит всем народам развить свои творческие силы. В этом смысле он видел беспрецедентное преимущество в том, что ни один народ Закавказья не может поработить другой народ³⁴⁹. Было очевидно, что стрела иронии направлена против Советской России — с удовольствием и готовностью объявленного «общего врага».

Рассмотрим мнения депутатов-мусульман. Г. Расул-Заде также сделал стержнем в постановке своего основного вопроса отчаянное положение беспомощного Закавказья между «северным империализмом» и турецким вторжением, и в провозглашении независимости видел единственный путь достижения вождя спасения. Он с болью и сожалением говорил о том, что независимость Закавказья провозглашается именно в тот момент, когда уже «отняли у нас Батум, Ардаган и Карс», и заявил: «Мы компенсируем эти потери гарантией свободного развития закавказской демократии»³⁵⁰. Мухаммедбеков, представитель «Иттихада», одобряя идею независимости, в этот момент уже решал далеко идущие пантюркистские задачи и обосновывал то, что Дагестан обязательно войдет в состав независимого Закавказья³⁵¹.

Акпер-ага Шейх-уль-Исламов подчеркивал, что провозглашение исторического акта осуществляется благодаря создавшимся объективным предпосылкам. Среди них он выделял нарастающую активизацию центробежных сил и, приводя в качестве лучшего примера отделение Малороссии

³⁴⁹ См. там же, с. 46.

³⁵⁰ См. там же, с. 11.

³⁵¹ См. там же, с. 39.

(Украины), даже считал, что Закавказье явно запоздало с обретением независимости³⁵².

От армянских депутатов выступили трое, двое из которых — Ов. Каджазнуни и Ал. Хатисян высказались за независимость, а эсер Л. Туманян стал ключевым оппонентом этого заседания — до того, как таковым стал кадет Ю. Семенов.

Ов. Каджазнуни, после выступления меньшевика Ив. Лордкипанидзе, встреченного бурными аплодисментами, объявил: «Граждане, члены Сейма. Фракция «Дашнакцутюн», полностью и твердо осознавая большую ответственность, которую она берет на себя в этот исторический момент, присоединяется к провозглашению самостоятельности Закавказского государства»³⁵³. Нетрудно заметить, что вместо слова «независимость» он использует «самостоятельность» — термин более низкого статуса.

В редакционной статье «Оризона» от 11 (24) апреля это историческое заседание было охарактеризована такими выражениями, как «прощание, панихида, погребение», «родовые схватки», «демократия роет себе могилу», «когда нас силой оторвут от России, из этой раны наружу хлынет вся наша кровь»³⁵⁴.

Печально было то, что, приведя знаменитые слова Ов. Каджазнуни, газета «Оризон» также утверждала, что «нам сегодня больше нечего сказать»³⁵⁵.

Через несколько дней С. Врацян посвятил свою редакционную статью провозглашению независимости. Он квалифицировал это решение как «историческую необходимость» и обосновывал тем, что «мы не только не нашли защиты из центра в той неравной борьбе, которая ведется с внешним врагом до сегодняшнего дня, но и получили Брест–Литовский договор, поставивший нас перед фактом. Мы потеряли все преимущест-

³⁵² См. там же, с. 41.

³⁵³ Там же, с. 3.

³⁵⁴ См. «Оризон», 1918, 24 (11) апреля, № 76.

³⁵⁵ Там же.

ва большого государства и, с другой стороны, не приобрели скромных ресурсов и безопасности маленького государства. Создали какую-то безнадзорность, так сказать, безгосударственность... теперь надо создавать правовой статус»³⁵⁶.

Он в какой-то мере даже оправдывался, что «у великой русской демократии нет никаких оснований нас осуждать. Мы не сделали ничего плохого: мы не изменили принципам революции. Ближайшее будущее покажет, насколько фундаментальными были положения закавказской демократии. Однако совершенно ясно одно: перспективы не могли быть хуже, чем они должны были быть, если бы сохранилось нынешнее неопределенное, безнадежное состояние»³⁵⁷.

С. Вращян и Ал. Хатисян высоко оценили краткую, сдержанную и, по их мнению, исчерпывающую речь Ов. Каджазнуни. В связи с этим попробуем проанализировать размышления Ов. Каджазнуни, разобрать его представления о причинах провозглашения независимости Закавказья.

Он также считал, что среди грузинских меньшевиков Сейма было два течения, две разные ориентации: русская и германотурецкая. Представители первого течения не хотели отрываться от России и считали Брест-Литовский договор неприемлемым, считали, что это меньшее зло, чем самое трудное примирение. Представители же второго течения были против России, считали российскую угрозу независимости Грузии большей угрозой, чем турецкая, и были готовы пойти на самые большие уступки для взаимопонимания с Турцией (проще говоря, надеялись, что за счет Армении удастся спасти Грузию, Аджарию — если не всю, то хоть город Батуми и порт).

Дашнакская фракция Сейма ни от России не хотела отделяться, ни от турок не ждала ничего хорошего. Ов. Каджазнуни свидетельствует, что, вопреки его докладу, знаменитое апрельское совещание Александрополя постановило отказаться от Брест-Литовского договора и продолжить войну.

³⁵⁶ См. «Оризон», 1918, 27 (14) апреля, № 79.

³⁵⁷ Там же.

«Но нам не дано было осуществить это решение,— отмечал он,— потому что не мы были хозяевами положения и своей удачи»³⁵⁸.

Колебания грузин длились недолго, в итоге победило германо–турецкое крыло, и первым выражением этой победы было то, что 9 (22) апреля Сейм торжественно объявил об отделении Закавказья от России. Как мы замечаем, в своей работе Ов. Каджазнуни также не употребляет слово «независимость», отмечая, что «коалиционная фракция присоединилась к предложению об отделении без лишних слов, одной короткой и сдержанной фразой»³⁵⁹. За этим последовало главное заключение Ов. Каджазнуни: «Нелегко, с тяжелым сердцем мы сделали это, но не сделать этого мы не могли. Если бы мы высказались против, то Закавказская Федеративная Республика была бы немедленно уничтожена, грузины и азербайджанцы немедленно примирились бы с турками и оставили нас один на один против армии Вехиб–паши — причем одних, потому что Россия (ни большевистская, ни антибольшевистская) в тот момент не могла бы прийти на помощь, даже если бы очень захотела. Не просто одних, но и преследующей с тыла большой опасностью. Ведь было ясно, что вместе с турками на нас нападут и азербайджанцы (кто знает, может и грузины... чтобы захватить Ахалкалаки, Лори и Памбак полностью).

Нам больше всего была нужна Закавказская федерация, мы не хотели, чтобы она развалилась, а если и будет развалена, то чтобы это случилось как можно позже. Вот почему мы были вынуждены пойти по стопам наших союзников — соседей»³⁶⁰.

В основном, мы разделяем его подход, но с двумя оговорками: 1. События очень скоро доказали, что Армения и АРФ «Дашнакцутюн» во всех случаях оставались одни против армии Вехиб–паши, так что факт неприсоединения к федеративной республике ничего бы не изменил. Разница заключалась бы в

³⁵⁸ См. Ов. Каджазнуни, указ. соч., с. 27–28.

³⁵⁹ См. Ов. Каджазнуни, указ. соч., с. 28.

³⁶⁰ Там же.

том, что свою «майскую героическую битву» армянским вооруженным силам пришлось бы вести не в Араратской долине, а в предместьях Карса и Александрополя, да и в феврале — под Эрзрумом тем более что Ов. Каджазнуни также считал, что «армяне были больше всего заинтересованы в том, чтобы с оружием в руках остановить нашествие турок, потому что знали, что больше всего (пожалуй, единственные) пострадают именно они, и потому что они еще надеялись на военный успех»³⁶¹. 2. Получается, что Ов. Каджазнуни в своей нашумевшей работе («АРФ «Дашнакцутюн» больше нечего делать») даже не пытался увидеть хоть какую-то альтернативу в этом политическом водовороте, или хотя бы кратко обратиться к ней. Отвергая возможность какой бы то ни было помощи России в апреле 1918 г., нам кажется, что альтернатива и помощь — в виде сотрудничества Ст. Шаумяна и «Дашнакцутюн», могли бы предотвратить все будущие катастрофы. Понятно, что независимости не было бы, но сохранилась бы роль армянского фактора и не прозвучал отчаянный вывод Ов. Каджазнуни о том, что «хозяевами положения были не мы».

Более того, в пользу этого тезиса говорит тот факт, что на этом же заседании произошло ожидаемое столкновение и противостояние с грузино-татарским союзом, когда выяснилось, что Карс был сдан туркам в результате позорного предательства. А также то обстоятельство, что с июля 1918 г. «Дашнакцутюн» предприняла последнюю попытку спасти проармянское правительство в Баку.

«Оризон», боязливо цитируя сообщение тифлисской беспартийной газеты «Единение» о том, что «не намерен ли Ленин помогать Закавказью в войне против турок», представил предложение Иоффе — принять условия Брест-Литовска в обмен на помощь.

Более того, центральный орган «Дашнакцутюн» выразил надежду, что бакинские большевики также обещали помочь

³⁶¹ См. Ов. Каджазнуни, указ. соч., с. 27.

Закавказью, если последнее примет власть Совнаркома. В том же номере появилось и то, что «приезжающие из Москвы рассказывают, что отношение большевиков к армянам в Москве сейчас хорошее»³⁶².

Ал. Хатисян, выступивший после доклада А. Чхенкели, говоря о переговорах в Трапезунде, в свою очередь укрепляет позиции Дашнакцутюн в вопросе ведения переговоров с Турцией. Относительно же вопроса о независимости он подробнее остановился на следующих пунктах.

Он выразил удовлетворение тем, что неделю назад фракция «Мусават» объявила о своем нейтралитете в этой войне. Обращаясь к фракции, Ал. Хатисян отмечал: «Вы должны понимать, что с того момента, как вы присоедините свой голос в защиту идеи молодого независимого государства, то на вас падет, как сказал А. Чхенкели, священный долг «активного участия в обороне»³⁶³. Ал. Хатисян прямо выдвигал императив настоящего времени — создание единой армии, а также насущный вопрос о новом статусе в переговорах о примирении — о равноправии, которое должны обеспечить не только Турция, но и ее союзники в лице Германии, Австрии, Болгарии³⁶⁴. Наряду с ведущимися переговорами о примирении он также предложил всеми силами обеспечить боеспособность Закавказской армии. С этим желанием Ал. Хатисян и фракция «Дашнакцутюн» присоединились к объявленной резолюции (к чему мы еще вернемся)³⁶⁵.

Досадно, но в начале своего выступления, упомянув о том, что «кавказские народы, жертвующие своей жизнью на полях Грузии и в районе Карса за неприкосновенность Кавказского государства», Ал. Хатисян почему-то уклонился от упоминания вопроса о возвращенной туркам Западной Армении. Защита последней, теперь уже как турецко-закавказского фронта,

³⁶² «Оризон», 1918, 24 (11) апреля, № 76.

³⁶³ Там же, с. 65–66.

³⁶⁴ См. там же, с. 67.

³⁶⁵ См. там же.

отныне полностью ложилась на правительство Сейма и на его вооруженные силы.

Теперь следует остановиться на оппозиционных взглядах Л. Туманяна и Ю. Семенова.

Л. Туманян вначале отмечает, что он выражает мнение той части фракции эсеров, которая в настоящее время выступает против независимости.

Его вопросы в основном касались двух групп проблем. В первой группе содержались вопросы, касающиеся выражения воли народов Закавказья к независимости: а во второй — вопросы, касающиеся турецкой ориентации или, точнее, турецкого подданства.

Л. Туманян не принимал того, что провозглашение независимости Закавказья является волеизъявлением народов региона. Он обратился к собравшимся с вопросом: почему правительство не спрашивает у этих народов, а хотят ли они этой независимости; почему эти народы не высказались во время выборов в Учредительное собрание; почему они не могут обратиться к помощи референдума?³⁶⁶

В вопросе же политической ориентации, Л. Туманян придерживался следующего мнения: «Если идею отделения, независимости, самостоятельности поднять именно сейчас, то следует честно признать, что она исходит от турецких империалистов. А если это не так, то я вас спрашиваю: какая из политических партий на выборах в Учредительное собрание избрала своим лозунгом отделение Закавказья от России? Такой партии никогда не было, граждане депутаты Сейма»³⁶⁷. И действительно, в номере от 14 апреля газета «Оризон» признала, что общество недостаточно подготовлено, чтобы понять этот великий политический шаг и пойти ему навстречу, потому что демократия закавказских народов, много лет ведя борьбу с русской монархией, «тем не менее никогда не писала на своем знамени лозунг государственной независимости». Она

³⁶⁶ См. там же, с. 14.

³⁶⁷ Там же.

стремилась к широкой местной автономии, политической автономии и, наконец, популяризировал идею демократической федерации в условиях Российского государства. «Эртоба» (Единство) писала: «Если Турция не захочет уважать идею независимости Закавказья, не согласится отдать Батуми и Карс и, пользуясь наличием у нас внутренних врагов, разделит наше государство на две части — мы станем союзником могущественной державы севера»³⁶⁸.

В плане организации смены политической ориентации, «Оризон» выразила свою солидарность с заключением грузинского социал-демократического органа «Эртоба» о том, что «вообще все малые народы в нынешней мировой буре вынуждены изменить свою ориентацию и принять ту силу, которая к ней близка»³⁶⁹. При этом газета сделала похвальную, однако весьма недалёковидную оговорку: «новую ориентацию мы не примем без боя, мы будем бороться до того времени, когда какое-нибудь сильное и высококультурное государство станет защитником нашей ориентации и гарантирует нам его безопасность»³⁷⁰. В данном случае «высококультурным» государством была, конечно, не большевистская Россия, а Германия.

«Сакартвело» (Грузия) — орган грузинских националистов, также попыталось трезво оценить это решение и обосновать позицию Турции: «Как видно из письма правительства Константинополя от 10 апреля (по новому стилю), Турция сама требует независимости Закавказья — как неизбежного условия ведения мирных переговоров. Само собой разумеется, что Турция в данном случае руководствуется не только правовым основанием, но и своими простыми, осознанными материальными интересами: ведь независимое Закавказье было бы для Турецкой империи лучшим барьером для защиты от русского империализма. Со своей стороны, новое государство, созданное в Закавказье, не будет внушать страх для всей Турции как с

³⁶⁸ «Оризон», 1918, 1 (14) апреля, № 69.

³⁶⁹ «Оризон», 1918, 24 (11) апреля, № 76.

³⁷⁰ Там же.

племенной, религиозной, так и с военной точки зрения»³⁷¹. В очередной раз утверждалось, что турецкий империализм предпочтительнее российского. Газета также подняла вопрос о прекращении полномочий Сейма в сложившихся условиях. Л. Туманян также не принял заявление о самостоятельной политической и экономической жизни Закавказья, вопрос о приравнивании русской ориентации к большевистской. Л. Туманян задавался вопросом: как же можно было выбрать турецкую ориентацию после захвата Батуми, Карса и Ардагана, а в случае с Карсом — в условиях заключения антиармянской сделки с Турцией? Л. Туманян справедливо ругал члена Сейма, грузинского социалиста-федералиста Г. Гвазаву — по поводу того, что его однопартиец оставлся в Трапезунде после срыва переговоров, при этом имея в виду факт государственной измены³⁷².

Вопросы члена Сейма, кадета Ю. Семенова носили в основном осуждающий и обличающий характер. По его мнению, так и не было выдвинуто никаких серьезных аргументов в пользу независимости. Он вспомнил, что в 1916 г. на проходившем в Москве съезде Всероссийского Союза городов впервые, представитель Кавказского отделения (Ал. Хатисян — *В. М.*) заявил, что «если нас, Закавказье, силой оторвут от России, то из открытой раны вытечет вся наша кровь»³⁷³. Ю. Семенов отметил, что такие же настроения он замечал и на заседании Сейма 21 февраля, когда впервые обсуждался вопрос о независимости Закавказья. «Наша делегация в Трапезунде,— сказал он,— объявила, что Сейм принял вопрос о независимости Закавказья: но Сейм так и не решил этот вопрос — ни положительно, ни отрицательно»³⁷⁴. Присутствующим он напоминал, что на том же заседании 21 февраля, по выражению представителя АРФД, царило «не торжественное и радостное

³⁷¹ «Оризон», 1918, 25 (12) апреля, № 77.

³⁷² См. там же, с. 48.

³⁷³ Там же.

³⁷⁴ Там же.

настроение, что было бы вполне ожидаемо, а атмосфера панихиды и похорон»³⁷⁵. Примечательно, что, говоря о том, что ни одному из приведенных доводов никто из присутствующих не верит, Ю. Семенов в некотором смысле наивно заверял, что всех к этому принуждает фракция «Мусават», к тому же еще и добавил: «которая неделю назад, когда здесь решались вопросы войны и мира, отзыва трапезундской делегации, была группа, которая говорила: «мы это Закавказье защищать не будем», «мы с турками воевать не будем». А вы — те, кто неделю назад говорил о российской ориентации, теперь выбираете турецкую. И когда вы говорите, что независимость Закавказья есть закавказская ориентация, ориентация на себя, то это неправда, это турецкая ориентация. Если бы это действительно был акт самоопределения изнутри, вы бы давно остановились»³⁷⁶.

На наш взгляд, невозможно оспорить и другой аргумент Ю. Семенова — о том, что «после такого великого акта, как провозглашение независимости, все другие акты будут выглядеть мелкими, и вы на них согласитесь и станете союзниками Центральных держав»³⁷⁷. Он имел в виду (и вполне дальновидно), что вторым важным актом будут переговоры с Турцией и в результате — заключение унижительного договора. Затем следует главный вопрос—упрек: «Если вы уже сейчас не можете перебороть свою разобщенность, то что вы будете делать дальше?»³⁷⁸. Ю. Семенов был прав в том, что, присоединившись к Четверному союзу, независимое Закавказье фактически обречено продолжить немецко—турецкие амбиции последней в этом регионе. Более того, он считал, что после обретения независимости и исходя из основополагающих принципов самоопределения, правительство края должно признать самоопределение Баку. Это было, конечно, вымышленное заявление, в том смысле, что Баку не самоопределился, а

³⁷⁵ См. там же, с. 17.

³⁷⁶ Там же, с. 18.

³⁷⁷ Там же, с. 20.

³⁷⁸ См. там же, с. 17.

просто с апреля после подавления мусаватистского — мусульманского мятежа, здесь мирным путем установилась советская власть — Бакинская Коммуна.

Кадет Ю. Семенов считал, что с чьей бы помощью это ни произошло (имеется в виду большевистская власть — *В. М.*) все равно Баку самоопределился, если только Сейм не рассматривает самоопределение как собственный приказ. И если М. Расул–Заде полагал, что победившие большевики хотели самоопределиться по–своему, то «по–моему,— говорил он,— вы тоже хотите командовать, принудить, приказать это самоопределение: если Баку самоопределился, то вы должны это принять, а если не примете, то те, кто этого не принимает, пойдут походом на Баку. Вы отправитесь оккупировать Баку и тем самым осуществите первый империалистический акт»³⁷⁹. «Когда пришло время защищать Батуми,— продолжал атаковать. Ю. Семенов,— именно вы и сказали, что не будете воевать против турок (здесь он имел в виду мусаватистов — *В. М.*). Вы сдали Батум и теперь направите свои усилия на взятие Баку. Вы пойдете с турками оккупировать Баку, и когда турецкие войска пройдут через Закавказье, произойдет и турецко–германская оккупация Закавказья. Тогда вы объявите о победе революции: ведь Г. Расул–заде сказал, что русская революция уничтожена, поэтому мы обращаемся за помощью к Турции»³⁸⁰. Весьма очевидно, что дело дошло до того, что русский кадет невольно защищает большевистскую власть в Баку.

Затем Ю. Семенов упрекает грузинских меньшевиков в том, какие новые, коренные изменения произошли в международных отношениях за последние восемь дней, что русская ориентация сменилась на турецкую.? «Ведь не восемь дней, а уже очень давно большевики правят Россией,— спрашивал Ю. Семенов,— не во времена ли царского правления появились большевики? А может, вы сменили ориентацию на русскую?

³⁷⁹ См. там же, с. 17.

³⁸⁰ Там же, с. 22.

Что изменилось за восемь дней? Ничего!»³⁸¹. Ю. Семенов обрушился также на самое слабое, болезненное место закавказской власти — сферу общественно–политических проблем, и особенно — на вопрос невовлеченного, полного отсутствия участия населения в деле отдельного существования и независимости Закавказья. В качестве радикального завершения своего выступления депутат–кадет Ю. Семенов предложил распустить Сейм и по результатам выборов образовать новое законодательное собрание, которое в статусе своей компетенции решило бы этот важный вопрос³⁸².

Затем, уже по запланированному сценарию, председательствующий А. Чхенкели заявил, что список заявленных выступлений исчерпан, и далее передал слово для предложения открывшему сессию Д. Ониашвили.

Последний просто озвучил заранее приготовленную резолюцию. «Закавказский сейм постановляет: объявить Закавказье независимой демократической федеративной республикой». По результатам голосования это постановление принимается большинством голосов³⁸³. «За» проголосовали фракции с.–д. меньшевиков, грузинских эсеров, «Дашнакцутюн» и «Мусават». Перед голосованием зал покинули несколько русских, армян и 2–3 человека из фракции грузинских с.–д. меньшевиков³⁸⁴. В завершение этого исторического заседания председательствующий А. Чхенкели выступил с отчетом закавказской мирной делегации. Не углубляясь в подробности, представим его мысли и мнения в контексте вопроса о независимости.

А. Чхенкели начал свою речь с самого главного: «Когда мы прибыли в Трапезунд и вступили в контакт с оттоманской делегацией, первый вопрос, который нам задали, был

³⁸¹ Там же, с. 23.

³⁸² См. там же, с. 17.

³⁸³ См. там же, с. 17.

³⁸⁴ См. С. Т. Аркомед, Материалы по истории отпадения Закавказья от России, Тифлис, изд. «Красная книга», 1923, с. 67.

следующий: «Кто вы такие? Какое государство вы собой представляете? Какова форма правления вашего государства?» Наш ответ их не удовлетворил. Вотум доверия Сейма, который сейчас сформировался, уже даст определенный ответ: мы — граждане независимой Закавказской федеративной, демократической республики. Хотя мы говорили, что наше государство фактически существовало уже после большевистской революции³⁸⁵. Это именно то, что утверждали и Л. Туманян, и Ю. Семенов, подчеркивая некомпетентность и неправомочность закавказского руководства. Действительно, Комиссариат мог претендовать только на статус временной власти, как это было сейчас. Своим словом А. Чхенкели лишь подтвердил основное содержание критики, а именно: уходите, отделитесь от России, вот тогда мы и вступим с вами в диалог.

Второй вопрос касался Брест–Литовского договора: А. Чхенкели заявлял, что если, по мнению турок, Закавказье — это независимое государство, то почему это официально не провозглашено, а если не было заявления, адресованного державам, следовательно, и эта независимость не признана. Получается, что Закавказье — для Четверного союза и Турции — является частью России, а Брест–Литовский договор является обязывающим актом. По этой логике, даже тактичная, деликатная дипломатия А. Чхенкели не могла бы сыграть сколько–нибудь существенной роли. Он ответил, что если это так, то в чем тогда состоит обязательство Закавказского Сейма признать Брест–Литовский договор?³⁸⁶ «Если мы в составе России, если мы ее часть, если мы на самом деле несамостоятельное государство, то почему нас заставляют признать тот договор,— делал вывод А. Чхенкели.— Тот факт, что в Трапезунде находятся две делегации, свидетельствует о том, что обе они игнорируют факт Брест–Литовского договора. А после ратификации договора с

³⁸⁵ Там же, с. 57.

³⁸⁶ См. там же, с. 57–58.

Турцией независимым государством Закавказья, конечно, будут выполнены все формальности международного права»³⁸⁷.

Далее следует турецкий шантаж о том, что переговоры могут продолжаться только в том случае, если Сейм откажется от требований по так называемым санджакам — Батуми, Карсу, Ардагану, а они со своей стороны «готовы признать нашу независимость»³⁸⁸.

В качестве уступки А. Чхенкели из этих «спорных регионов» предложил весь Олтинский район, половину Ардаганского округа, половину Карсской области и Кагизманский округ. Нетрудно заметить, что это были армянские районы³⁸⁹. Оправдания А. Чхенкели о том, что он якобы настоятельно потребовал право пользоваться стратегическими дорогами, соединяющими эти города, были категорически отвергнуты ультиматумом османского имперского правительства, которое, опираясь на заявление своей делегации, настаивало на том, что закавказская делегация «вообще должна полностью отказаться от этих санджаков и принять Брест–Литовский договор»³⁹⁰.

В вопросе о том, что мусульмане Закавказья не воюют и не будут воевать против Турции, демагогия А. Чхенкели достигло уровня цинизма. Он считал это вполне объективным явлением и проводил параллель с христианскими народами, которые точно так же «при подобных условиях не пошли бы войной на Россию»³⁹¹. Армяне... может быть. Но известно также турецко–грузинское соглашение 1914 года, согласно которому Грузия подписала антироссийский военный союз. Если у мусульман, по мнению А. Чхенкели, не было другого выбора, и они являлись одной из основных составляющих Закавказского государства, и более того, они считали невозможным быть в составе Российс-

³⁸⁷ См. там же, с. 58.

³⁸⁸ См. там же.

³⁸⁹ По Берлинскому договору 1878 г. Карсская область (Карс, Ардаган, Олти, Кагизман) были включены в состав Российской империи.

³⁹⁰ См. там же, с. 59.

³⁹¹ См. там же.

кого государства — точно так же, как христианам нецелесообразно находиться в составе Турции, в таком случае зачем вообще зародилась идея выступить единым государством? С ноября 1917 года до начала февраля 1918 года на антибольшевистской волне такое еще было приемлемо и понятно.

Так, по случаю турецкого нашествия Закавказская социал-демократическая партия якобы приняла решение — обратиться за помощью к русской демократии и приблизиться к русской ориентации. Грузинская пресса, в частности, орган социалистов-федералистов «Социалист Сакме», посвятила этому вопросу серию статей с вопросом: «Эта Россия — это какая Россия?»

«Прежде всего это Россия большевиков,— писала газета,— которую наши социал-демократы (меньшевики — *В. М.*) в каждом номере своих газет именовали авантюристами, продавшими Грузию». Это та большевистская Россия, от которой социал-демократия оторвалась в последние дни революции именно потому, что не видела в ней ничего, кроме разрушения и нищеты. Это та Россия, которая уже закончила войну с Германией и Турцией и отдала все, что требовали противники. Это Россия, которая давно по собственной воле вышла из группировки Англии и Франции и связала себя дружескими отношениями с Германией и Турцией³⁹².

Следует отметить, что авторы данной серии статей забыли или умышленно обошли вниманием важнейший вопрос, что те же лидеры с.-д. меньшевиков никогда не просили помощи у России.

Однако в апреле 1918 г., в условиях целенаправленного и бескомпромиссного турецкого наступления, когда остро встала проблема ликвидации христиан — особенно уничтожения Армении и истребления армянского народа, как себе представлял меньшевик А. Чхенкели проблему единой обороны фронта? Так и случилось. В частности, героической битвой при

³⁹² См. «Оризон», 1918, 20 (7), апрель, № 74.

Каракилисе армяне спасли Тифлис и грузин, которые, как известно, в панике бежали на Северный Кавказ. На этом заседании еще раз — и теперь уже в судьбоносный момент, был продемонстрирован грузино–татаро–турецкий союз. Очевидным фактом было то, что А. Чхенкели открыто защищал именно братьев–мусульман, а не многовековых друзей–христиан. Ведь предполагаемое «великое примирение» Грузии с Турцией должно было осуществиться за счет исторических территорий армян–христиан, именно за счет территорий соседа проповедовал он независимость и восхвалял единство. Понимая все это, С. Врацян объяснил это «хулиганство» увеличением удельного веса мусульман на Кавказе, которых задабривали и подмасливали «разные чхенкели»³⁹³.

И в то же время «Оризон» С. Врацяна питал несбыточные надежды и в условиях совершенно новой ситуации связывал решение проблем армян с внешними силами. В контексте неудачных переговоров в Трапезунде Сейм решил в конце концов отозвать свою делегацию, и Закавказье оказалось в состоянии войны с Турцией. «С сегодняшнего дня взгляд всего мира,— с восхищением писал «Оризон» в своей редакционной статье «Закавказская героическая битва»,— устремлен на Закавказье. Но прежде всего: вместе с нами — русская революционная демократия. С сегодняшнего дня в истории Кавказа как неотделимой части России, открывается новая страница — страница героической борьбы, которая идет во имя Родины и защиты существования, за великие свободы, данные русской революцией, и жизненные интересы всего рабочего класса»³⁹⁴. И об этом объявлялось через месяц после подписания Брест–Литовского договора, когда большевистское правительство уже пошло на свои известные территориальные уступки. В этой реальности «Дашнакцутюн» все еще возлагала надежды на несостоявшуюся, почти разгромленную российскую

³⁹³ См. Врацян С., указ. соч., с. 109.

³⁹⁴ См. «Оризон», 1918, 16 (3), апрель, № 70.

демократию, то есть на антибольшевистские социалистические силы.

Проблему сопротивления и борьбы А. Чхенкели преподносил следующим образом: в отличие от Турции, консолидация и объединение народов еще не завершены, и у Закавказья, по сути, нет той силы, которая противостояла бы боееспособной турецкой армии. Он упорно и последовательно игнорировал существование армянских вооруженных сил — единственной боевой силы, не поддерживаемой Закавказским объединенным правительством в феврале 1918 г. Эрзеруме. Теперь уже А. Чхенкели собирался уступить все армянские территории, только чтобы вместе с закавказскими мусульманами–татарами с готовностью приняли все турецкие требования и защитили безопасность «окна Европа–Батуми». Вспомним еще раз Елизаветпольские, Шамхорские события, мусульманские мятежи в Ереванской губернии, когда именно грузинские меньшевики–христиане взяли на себя роль наблюдателей и миротворцев, не осуществив никаких серьезных превентивных мер. Все было ясно. Совсем не ясно было молчаливое согласие фракции «Дашнакцутюн» в Сейме и пораженческий лозунг С. Врацяна «Другого пути не было».

Таким образом, подводя итоги выступлений относительно независимости — все «за» и «против», можно прийти к следующим выводам:

а) окончательно раскрывалось главное политическое противоречие, зревшее в течение шести месяцев после большевистского переворота: с одной стороны, было совершенно ясно, что применение в результате октябрьского переворота антигосударственной политики в контексте контрреволюционного, антинародного и российского государства объективно отдаляло край от советизированной России, создавало благоприятную политическую почву для сепаратизма и обретения независимости. В этом отношении Закавказье уже не было единственным регионом бывшей многонациональной Российской империи, оно не было исключением. Но с другой стороны,

было существенное противоречие в формулировке грузино–мусульманского крыла вопроса о том, что Закавказье теперь имеет дело с «реакционной Россией». Понятно, что под этим они имели в виду большевистский режим, однако такой постановкой вопроса они ловко обходили, например, поднимающееся в России прогосударственное, Белое движение генерала А. Деникина и других, что косвенным образом (и совершенно понятно) защищал кадет Ю. Семенов и, тоже косвенно — даже эсер Л. Туманян. Известно, что под лозунгом «Единая, неделимая Россия» народы Закавказья в отдельности, а тем более в составе единого территориального государства, никогда не осуществили бы своей мечты о независимости, в данном случае — отделение от России. В то же время, в отличие от будущих республик — Грузии и Азербайджана, которым А. Деникин обещал туманную и неопределенную судьбу, автономная Великая Армения в составе Российского государства должна была найти свое почетное и защищенное место.

И. Шахдин свидетельствует, что между «Дашнакцутюн» и командованием Добровольческой армии существовало секретное военное соглашение и что в составе русской миссии европейской делегации 30 января 1918 года партия делегировала М. Арзуманяна.

Позднее директория Колчака была признана Республикой Армения в качестве «Всероссийской власти», где Армению официально представлял Григорий Дзасоян³⁹⁵.

б) Несмотря на краткое, сдержанное заявление Ов. Каджазнуни, тем не менее фракция «Дашнакцутюн» в Сейме отнеслась к этому шагу без энтузиазма, о чем свидетельствуют С. Врацян и Ал. Хатисян. «Другого пути не было. Армяне были в настоящем трауре. К переговорам сердце не лежало, не до разговоров было», — писал С. Врацян³⁹⁶.

³⁹⁵ См. Шахдин И., «Дашнакцутюн» на службе Русской белогвардейщины и Английского командования на Кавказе, Тифлис, Заккнига, 1931, с. 6.

³⁹⁶ См. Врацян С., указ. соч., с. 109.

Сохранение солидарности с грузинами Ал. Хатисян объяснял тем обстоятельством, которое выражалось так: «не оставаться один на один против турок». При этом он игнорировал главных внутренних противников — татар–мусульман. Не только спорной, но и просто неприемлемой (особенно после потери Западной Армении, после откровенно «вероломной сдачи» Карса) была формулировка Ал. Хатисяна, что «АРФ «Дашнакцутюн» не могла взять на себя всю ответственность за войну с турками, а так могло быть, если бы она действовала против грузин»³⁹⁷. Пожалуй, это же имел в виду и С. Врацян, отметив, что «иногo пути не было». Точно так же мы не можем принять обоснование С. Врацяна, которое состоит в следующем: «Грузинам тоже не очень хорошо. Ни один из их ведущих ораторов не поднялся в тот день на трибуну»³⁹⁸. Или то обстоятельство, что С. Врацян, щадя грузин, в качестве цели выбирает фракцию «Мусават», в этом вопросе повторяя и следуя формулировке кадета Ю. Семенова. «Ведь сбывалось их заветное желание,— писал С. Врацян,— шаг к распаду России, шаг к «федерации тюркских народов» — от Крыма до Волги, от Волги до Туркестана, и от Туркестана до Анатолии»³⁹⁹.

Мы все же полагаем, что незачем лишний раз повторять, что за этим спектаклем стояли грузинские меньшевистские лидеры, которые сознательно не поднимались на трибуну: «Мавр уже сделал свое дело». Столь же непонятно и высказывание Ов. Каджазуни. «Это был не выход из состава России, а фактическая ситуация, которая, как предполагалось, должна была носить лишь временный характер. С международной точки зрения Закавказье продолжало оставаться составной частью России»⁴⁰⁰,— писал Ов. Каджазуни. Возникает вопрос: а) какой именно России и б) в чем именно заключался этот временный характер? Якобы в том, что в России будет восстано-

³⁹⁷ См. Хатисян Ал., указ. соч., с. 54–55.

³⁹⁸ См. Врацян С., указ. соч., с. 108.

³⁹⁹ См. Врацян С., указ. соч., с. 108.

⁴⁰⁰ См. Каджазуни Ов., указ. соч., с. 23.

лена законная власть (а это на тот момент могло стать как минимум безвременным предсказанием). Или же он имел в виду переговорный процесс с Турцией, которая в любом случае не вернет России Закавказье, к тому же после заключения Брестского мира.

в) Ускорению процесса независимости в основном способствовали два фактора, являющиеся одновременно результатом Октябрьского переворота. Первый: Трапезундские переговоры, проходящие в Брест–Литовском контексте между Комиссариатом (а теперь между Сеймом) и турецкой делегацией, содержание которых состояло в отторжении Закавказья от России и оккупации территорий. А взамен этого Турция обещала делегации Сейма независимость. Важно то обстоятельство, что даже после провала Трапезундских переговоров «чхенкелиевское крыло» грузинского национализма видело ключ к успеху переговорного процесса с Турцией в провозглашении независимости Закавказья, иначе говоря — института государственности. И как выясняется из его выступления, Турция требовала от Закавказья именно этого.

Второй: это проблема удержания Закавказья от советизации. Следует отметить, что после провала плана Ст. Шаумяна этот вопрос уже не мог считаться пунктом повестки дня, хотя Бакинская коммуна продолжала внушать ужас грузино–татарскому союзу. В связи с этим вполне уместными и обоснованными были предсказания кадета Ю. Семенова относительно взятия Баку совместно с турками. В данном случае «опасность советизации» была преимущественно возможностью избавиться от той самой «реакционной России» при поддержке Турции.

Таким образом, 9 (22) апреля 1918 года Закавказский сейм провозгласил независимое Закавказское государство. Об этом, посланиями под грифами «совершенно секретно», «вне очереди», помощник военного министра Закавказской республики генерал–лейтенант Иля Одишелидзе 10 апреля сообщал командирам Армянского и Грузинского корпусов генералам Товмасу Назарбекяну и Василию Габаеву. «Сообщаю

вам, что Закавказский сейм на своем заседании 9 апреля объявил о полной независимости Закавказья,— сообщал он.— Правительство приказывает вам немедленно заключить соглашение с находящимися перед вами турецкими военными властями о прекращении военных действий на всем вашем фронте, с сегодняшнего дня, начиная с 17-ти часов»⁴⁰¹.

В те напряженные и судьбоносные дни газета АРФД «Ашхатавор» опубликовала фельетон с заголовком «Говорят...», где высмеивались многочисленные политические крайности, преувеличения и упущения, связанные как с Арменией, так и с соседними странами. Прочитируем некоторые из них: «Говорят, что на заседании 19 апреля (по старому стилю) Сейм решил повесить всех своих членов, кроме Расулзаде и Чхенкели»; «Говорят, что Сейм направил (по Куре) против Баку 30 цепелинов и 10 подводных лодок»; «Говорят, султан Гамид единогласно был избран императором демократической Республики Закавказья, при двух воздержавшихся — Чхенкели и Расулзаде»; «Говорят, что Блистательная Порта присвоила Чхенкели титул паши — за его протурецкую деятельность»; «Говорят, Вехиб-паша после знакомства с Чхенкели признался: по сути, я тоже меньшевик»; «Говорят, 200-тысячная армянская армия собирается навести порядок в Сирии и Междуречье»; «Говорят, 300-тысячная японская армия летит на самолетах на помощь Карсу»⁴⁰².

Кабинет Е. Гегечкори фактически подал в отставку⁴⁰³. Следует также сказать, что этот решительный шаг сопровождался тревожными известиями, свидетельствующими о том, что по крайней мере в политическом центре края, Тифлисе, ожидаются антиправительственные выступления. Фракция Сейма АРФД сообщила, что «вчера (то есть 13 апреля — *В. М.*)

⁴⁰¹ См. НАГ, ф. 1818, оп. 2, д. 249, л. 181.

⁴⁰² См. «Ашхатавор» («Труженик»), 10 мая 1918 г., № 41.

⁴⁰³ 17 (29) марта уехал в Кутаис, передав президентские обязанности Н. Рамишвили, а военные — генералу И. Одишелидзе. «Оризон», 1918, 20 марта (2 апреля) № 59.

над Ботаническим садом были размещены пушки, однако орудия эти выставлены для того, чтобы сдерживать некоторые элементы, которые якобы хотят начать движение против Сейма и правительства». Об этом сообщили также Министерство внутренних дел⁴⁰⁴. Против такого подхода выступал один из теоретиков «Дашнакцутюн» — В. Хорени. Его позиция доказывала, что внутри партии не было единства, единомыслия по этому важнейшему вопросу.

«Мы должны ясно и определенно осознать, что в этой мировой войне частного мира (сепаратного, раздельного — *В. М.*) не может быть — ни в каком случае и ни в какой стране, — писал он. Поэтому абсолютная истина в том, что отдельного примирения с Турцией быть не может. Насколько невелико было для России политико-правовое значение Брест-Литовского мирного договора, тем более малоценным должен быть для нас Трапезундский мирный договор — даже если он будет.

Стало быть, на мир нет ни надежды, никакой-либо возможности. **Сепаратный мир с Турцией равносителен самоубийству, а в лучшем случае — добровольному рабству** (выделено нами — *В. М.*).

Свобода или смерть!

Третьего не дано»⁴⁰⁵.

По мнению армянского меньшевика Г. Караджяна, проблема руководства правительства обсуждалась ранее, вечером 7 апреля, на совместном заседании областного и тифлисского РСДРП. «Вы, только вы, и никто другой сдал Батум туркам!» — обвинял Н. Жордания, бросая эти слова в лицо А. Чхенкели⁴⁰⁶. Собрание большинством голосов провалило выдвижение кандидатуры А. Чхенкели на пост премьер-министра. На следующий день, 8 апреля, из грузинских меньшевиков А. Чхенкели, Н. Рамишвили, Гварчеладзе вместе с национальными деятелями незаконно передают вопрос Национальному

⁴⁰⁴ См. «Оризон», 1918, 27 (14) апреля, № 79.

⁴⁰⁵ См. «Оризон», 1918, 14 (1) апреля, № 69.

⁴⁰⁶ Караджян Г., Политическая жизнь Закавказья, с. 39.

совету Грузии, который и принимает решение о независимости Закавказья и о передаче власти А. Чхенкели.

9 апреля в 10 часов Рамишвили созывает чрезвычайное заседание краевого комитета для обсуждения отклоненной повестки объединенного заседания 7 апреля⁴⁰⁷.

Г. Караджяна крайне удивило то обстоятельство, что Н. Жордания, который на предыдущем заседании столь категорически отверг кандидатуру А. Чхенкели, сейчас защищал его. Что же изменилось за эти два дня⁴⁰⁸? Г. Караджян объяснил это тем, что Н. Жордания, как председатель совета, «дал увлечь себя закулисными играми этого благородного буржуазного собрания». Как член однопартиц–меньшевик Г. Караджян пытался защитить Н. Жорданию, полагая, что эти «аристократы захватили его, сбили его с пути»⁴⁰⁹. Мы, конечно, вправе предположить, что в течение этих двух дней А. Чхенкели достиг некоторых договоренностей с Вехиб–пашой — в частности, о сдаче Карса. Как видите, об этом свидетельствовал и непосредственный участник событий Ал. Хатисян, который ошибся разве что только в днях: все началось немного раньше — не с 10 апреля, а с 7 апреля.

В лице А. Аракеяна — редактора органа Армянской народной партии «Мшак», читателю напомнили о неправомерности Сейма относительно провозглашения независимости, о том, что «Дашнакцутюн» не была наделена полномочиями народа. Создателями безвыходного положения автор считал социалистов, которые, вопреки своим лозунгам и убеждениям, вынуждены вступать в союз с «Мусават» и грузинскими и татарскими землевладельческими классами и преклоняли головы перед турецким и немецким империализмом⁴¹⁰.

⁴⁰⁷ См. Аркомед С. Т., Материалы по истории отпадения Закавказья от России, с. 66.

⁴⁰⁸ В другой своей книге «Политическая жизнь Закавказья» автор отмечает «В течение 24 часов».

⁴⁰⁹ См. там же.

⁴¹⁰ См. «Мшак», 12 апреля 1918 г., № 77.

«Мшак» не мог найти определенного ответа и оправдания, считая при этом, что этот поступок может иметь равным образом как трагические, так и счастливые последствия. «Разумеется, не представляя окончательного решения вопроса,— считал А. Аракелян,— мы смело можем сказать, что вряд ли независимость Закавказья принесет нам, армянам, какой-нибудь положительный результат⁴¹¹.

Согласно интерпретации Ал. Хатисяна, «когда Сейм решил провозгласить независимость Закавказской республики и возобновить мирные переговоры с турками, кабинет Гегечкори расценил это решение как выражение недоверия к его политике и покинул политическую сцену»⁴¹². 10 апреля в ответ на вопрос Ал. Хатисяна, почему он уходит в отставку в отсутствие нового правительства, Е. Гегечкори ответил, что после решения Сейма старого правительства уже нет⁴¹³.

Ал. Хатисян полагал, что триада Гегечкори–Карчикян–Ра-мишвили покинула власть однозначно раньше времени, и с ночи 9 апреля до 13 апреля страна оставалась без законной власти⁴¹⁴.

По нашему мнению, вопрос Ал. Хатисяна был неуместным и несвоевременным, поскольку после того как удалось добиться решения главного вопроса — провозглашения независимости, дальше уже не имело значения, что страна осталась без власти на три–четыре дня. Мы также обосновали, что формирование Сейма также не было правовым процессом. Но не это главное: оказывается, эти три–четыре дня нужны были А. Чхенкели для того, чтобы начать основную часть своей сделки с турками... И Карс был сдан туркам. Это знал также Ал. Хатисян, когда задавал себе вопрос: «Интересно знать, чем занимался Чхенкели в течение трех дней своего единоличного правления (10, 11, 12 апреля)? Он вступил в тесные отношения с Вехиб–пашой,

⁴¹¹ Там же, 13 апреля, № 78.

⁴¹² См. Хатисян Ал., указ. соч., с. 55.

⁴¹³ См. там же.

⁴¹⁴ См. Хатисян Ал., указ. соч., с. 56.

возобновив с ним переговоры о мире, издал приказ Назарбеяну о сдаче Карса туркам, после чего и занялся обустройством своего правительства⁴¹⁵.

Реализация этого дела началась раньше, с 16 (28) марта. В этот день из Тифлиса А. Чхенкели была отправлена телеграмма за подписями Н. Жордании, И. Церетели, Е. Гегечкори и Н. Рамишвили, которые осудили решение А. Чхенкели признать Брест–Литовский договор. Грузинские деятели считали это национальным и политическим самоубийством Грузии и их партии и скорее предпочитали статус побежденных. После этого группового осуждения в тот же день в Трапезунд были отправлены новые телеграммы — от Е. Гегечкори и Н. Рамишвили, которые по сравнению с предыдущей поражали степенью своего несоответствия: «На твой вопрос, можем ли мы защищать Карс–Батум, отвечаю: если долго — не сможем. Судьба Батуми решится через две–три недели. **Мы решили уступить Карс, Ардаган, но оставить Батум:** местные татары предлагают границу Чорох–Аджария–Цгали. Условие приемлемое, **тифлискцы согласятся** (имеются в виду члены Сейма — *В. М.*). **Заканчивайте в течение недели, так как Батум в наших руках. Наш народ не может вести серьезную, долгую войну, теперь уже это стало очевидным окончательно**»⁴¹⁶ (выделено нами — *В. М.*)

Об этом, по словам Ал. Хатисяна, новые члены правительства и депутаты Сейма были проинформированы только 13 апреля, на заседании Сейма — во время выступления А. Чхенкели. Перед этим в кулуарах Воронцовского дворца состоялось несколько малозначительных встреч.

Тогда же — 10 апреля, расставшись с Е. Гегечкори, Ал. Хатисян входит в кабинет председателя правительства и находит там А. Чхенкели одного⁴¹⁷. Удивительно, как и с кем решалась столь жизненно важная проблема. Как А. Чхенкели

⁴¹⁵ Там же.

⁴¹⁶ См. Аркомед С. Т., указ. соч., с. 53.

⁴¹⁷ См. там же, с. 56.

стал премьер–министром без назначения? Можно лишь предположить, что правящая политическая фракция в Сейме — грузинские меньшевики, выдвинула кандидатуру последнего, обойдясь без публичного обсуждения. «Это стало понятно только на следующий день,— вспоминает Ал. Хатисян,— что председатель Сейма Чхеидзе в своем письме поручил Чхенкели создать новый кабинет министров. 12 апреля, после полудня, Аветик Саакян, Ов. Каджазуни и я получили приглашение от Чхенкели войти в состав его правительства. С одобрения нашей партии мы приняли предложенные нам должности в этом кабинете. В тот же день, в 8 часов вечера, Чхенкели пригласил нас на первое заседание нового правительства с целью подготовки текста заявления нового кабинета министров, которое должно было быть вскоре представлено Сейму⁴¹⁸.

Тактические шаги грузинских меньшевиков и, в частности, самого Н. Жордания, проявились в новом свете в выступлениях последнего 13 апреля.

11 апреля он выступил на заседании Исполнительного комитета Тифлисского совета р. и с. депутатов и поставил три основных вопроса: а) продолжающееся турецкое наступление; б) вытекающее из этого — последующее провозглашение независимости Закавказья; в) формирование нового правительства⁴¹⁹.

В контексте безоговорочного требования Батумского, Карсского и Ардаганского округов Н. Жордания пришел наконец к заключению, что Турция и Германия, несмотря на подписанный Брест–Литовский договор, намерены завоевать все Закавказье. «Только после отказа от спорных территорий Турция и ее союзники готовы возобновить мирные переговоры с Закавказьем»,— заявил Н. Жордания,— но от Закавказья требуют оформить независимость заранее⁴²⁰. Мы думаем, что в том, что относилось к вопросу настойчивости союзников,

⁴¹⁸ Там же.

⁴¹⁹ См. Жордания Н. Н., «За два года», Доклады и речи, с. 87–90.

⁴²⁰ См. там же, с. 88.

Н. Жордания несколько преувеличивал, чтобы максимально обострить осознание потребности в независимости. Прошлое доказывает, что Н. Жордания фактически признавал дипломатический провал не столько совместной делегации, сколько грузинских меньшевиков.

В этом следует усматривать отчаянно–противоречивые, но лишённые искренности шаги Н. Жордания в направлении поиска новых союзников. Он обратился в Центрофлот, Центральному Российскому правительству и в Северный Кавказ.

Н. Жордания сообщил, что Центрофлот согласился вести переговоры, направил в Тифлис своих представителей, которым «мы обещали деньги, мазут, керосин, а также просили помочь защитить Батум»⁴²¹. Руководство Центрофлота обещало помочь, однако обнаруженная радиограмма свидетельствует о том, что сделка не состоялась. Проблема заключалась в том, что в этой телеграмме руководство Центрофлота ставило в известность, что, согласно соответствующему пункту Брест–Литовского договора, флот не имеет права покидать порт без разрешения немецких властей. Н. Жордания оставалось только жаловаться и ссылаться на тот факт, что это правительство решило не признавать Брестское мирное соглашение⁴²².

Ответом на запрос в Совнарком было письмо Адольфа Иоффе, в котором Совнарком предлагал Закавказью признать Брест–Литовский договор, утверждая при этом, что это не остановит турецкого наступления — как и не остановило немецкое наступление. «Если Закавказье признает власть Совнаркома,— говорилось в нём,— последний обязуется направить в Германию дипломатическую жалобу в случае, если Турция нарушит Брест–Литовский договор»⁴²³.

Н. Жордания пришел к выводу, что реальной поддержки от России ждать не приходится. Главное, что тактика Н. Жордания

⁴²¹ См. там же, с. 88.

⁴²² См. там же.

⁴²³ Там же.

отличалась коренным образом, а его антибольшевистские и антирусские выступления и поведение в Сейме также в корне не соответствовали мнениям, предлагаемым тифлисскому совету меньшевиков.

И к тому же, в конце концов, он заявил, что помощи не предвидится и с Северного Кавказа.

Примечательная, новая деталь всплыла после того, как на совместном заседании фракций и правительства, фракция с.-д. меньшевиков отказалась принять турецкий ультиматум. Затем последовал шаг мусульманских фракций Сейма — выход из правительства, и что еще важнее — неожиданное умозаключение Н. Жордания о том, что **«вполне вероятно, что они выйдут из Сейма и провозгласят независимость Азербайджана»**⁴²⁴ (выделено нами — *В. М.*).

На наш взгляд, Н. Жордания недвусмысленно подсказал татарам–мусульманам сценарий их дальнейших действий, хотя в сложившейся ситуации можно поверить в кратковременную искренность этого деятеля. Создается впечатление, что параллельно с представлением о независимости даже грузинские меньшевики все равно двигались согласно развитию событий. Таким шагом было и решение о провозглашении независимости. На этом заседании Н. Жордания также раскрыл подробность, столь встревожившую Ал. Хатисяна и других, и заключающуюся в том, что в тот роковой день (11–12 апреля — *В. М.*) «под давлением событий мы решили пойти на этот шаг»⁴²⁵.

На заседании выясняется, что Дагестан и часть Северного Кавказа ходатайствовали о включении их в состав Закавказья, а также то, что делегации «Мусавата» и горцев отправились в Трапезунд ходатайствовать перед турецкой делегацией, чтобы Батуми не был захвачен и остался в составе Закавказья⁴²⁶. Понятно, что успеха они так и не добились, но важно другое:

⁴²⁴ См. Жордания Н. Н., указ. соч., с. 89.

⁴²⁵ См. там же.

⁴²⁶ См. там же, с. 90.

грузино–татарское сотрудничество реализовывалось, претворялось в жизнь. По крайней мере грузинская делегация не просила турок оставить Карс в составе Закавказья.

Теперь обратимся к вопросам Н. Жордании, прозвучавшим 13 апреля на заседании Объединенного краевого центра р., с. и к. депутатов и в выступлении на заседании Исполнительного комитета р. и с. депутатов.

В условиях сдачи Карса и сложившейся вокруг Батуми кризисной ситуации Н. Жордания публично признал, что «с самого начала мы направились по ложному пути, возлагая все свои надежды исключительно на дипломатию, мы не создали реальной силы. Настроение народа, не желавшего воевать, тут же передавалось его представителям в Краевом центре»⁴²⁷. Он, конечно, имел в виду грузинский народ, но старался переложить ответственность за ошибки на всех, сделав вывод, что «народ стал подозревать в измене всех: вина демократии в том, что она в свое время не создала армию»⁴²⁸.

Лживость Н. Жордании в этом вопросе заключалась в том, что он, во–первых, совершенно игнорировал роль Армянской регулярной армии — корпуса, предательское поведение самого себя и «разных чхенкели», не только в контексте карских событий, но и в контексте Шамхора. Возникает вопрос: для чего было захвачено русское оружие и боеприпасы, если они вообще не собирались создавать регулярные грузинские воинские части, в обязанность которых также входила защита не только Карса, но и всего Кавказского фронта?

В день формирования нового правительства этот закавказский орган власти также постановил: «Провозглашение независимости Закавказья, осуществленное компетентным представительством всего населения Закавказья, Сеймом, признать исторически необходимым актом и единственным выходом из создавшегося военно–политического положения, необходимостью чего является защита независимого существо-

⁴²⁷ См. там же.

⁴²⁸ См. там же.

вания как от империализма, вторгающегося с юга, так и от самой разрушительной анархии, идущей с севера»⁴²⁹.

Наконец, 13 (25) апреля, открывая 25-е заседание Сейма, председатель Н. Чхеидзе, получив от фактически самозванного, нелегитимного, нового председателя Закавказского правительства А. Чхенкели похожий на письмо документ, прочитал в нем: «Глубокоуважаемый Николай Семенович, во исполнение решения Сейма, Вы поручили мне сформировать состав правительства. Прилагая список приглашенных мною министров Закавказского правительства, прошу Вас огласить его на ближайшем заседании Сейма. Председатель Закавказского правительства. А. Чхенкели»⁴³⁰.

И вовсе не случайно 9 апреля в Тифлисе на районном собрании с.-д. организаций Закавказья Н. Жордания якобы с сожалением заявил, что «считает Чхенкели национал-демократом, в то же время не видит другого кандидата, которому можно было бы доверить вопрос формирования власти»⁴³¹. А вот каково было мнение о кабинете Чхенкели, высказанное газетой Жордании-Цертели «Брдзола» («Борьба»): «Отставка кабинета министров Е. П. Гечечори и его руководства со стороны А. И. Чхенкели, который подписал Брест-Литовский договор, означает победу «Мусавата» и других националистических элементов»⁴³².

Получалось, что А. Чхенкели — национал-демократ, а председатель Национального совета Грузии Н. Жордания — нет. Еще в конце марта, с Трапезунда, представляя существование угрозы, нависшей над будущей «целостной» Грузией, А. Чхенкели предложил Н. Жорданию «обсудить сложившуюся ситуацию в Национальном совете Грузии»⁴³³, а не в Сейме или Краевом центре рабочих и крестьянских депутатов. Член

⁴²⁹ См. там же, с. 92–93.

⁴³⁰ См. Закавказский Сейм, 25-ое заседание, с. 1.

⁴³¹ См. Аркомед С. Т., указ. соч..., с. 68.

⁴³² Там же.

⁴³³ См. там же, с. 51.

правительства Закавказья, министр иностранных дел А. Чхенкели беспокоился исключительно относительно целостности Грузии, при этом совершенно не считаясь с общезакавказскими интересами и судьбой единой территории.

Турецко–германскую ориентацию Г. Караджян назвал «политическим нахальством» и признал «исключительно ориентированность на великую русскую революцию»⁴³⁴. Он связал вопрос о назначении Чхенкели с принципиальным партийным и гуманным подходом. «Это человек, позволивший себе такие преступные шаги вопреки воле закавказской демократии, решениям Сейма и правительства,— возмущался Г. Караджян,— за что его следует пригвоздить к позорному столбу и исключить из партии. Партия, (С.–Д. меньшевики — В. М.) Сейм и другие демократические партии вместо того, чтобы возложить на него ответственность за это, напротив, передали ему ответственную должность премьер–министра и вручили ему в руки судьбу страны в этот судьбоносный момент. Чхенкели — значит турецко–немецкая ориентация, Чхенкели — это победа «Мусават»»⁴³⁵.

И стало быть, в новое правительство вошли следующие лица. 1. Министр–председатель и министр иностранных дел — Акакий Чхенкели. 2. Министр внутренних дел — Ной Рамишвили. 3. Министр финансов — Александр Хатисян. 4. Министр связи — Худадат–бек Мелик–Асланов. 5. Министр юстиции — Фатали–хан Хойский. 6. Военный министр — Григорий Георгадзе. 7. Министр сельского хозяйства — Ной Хомерики. 8. Министр народного просвещения — Насиб–бей Усуббеков. 9. Министр торговли и промышленности — Мамед Гасан Гаджинский. 10. Министр продовольствия — Аветик Саакян. 11. Министр государственного призрения — Ованес Каджазну-

⁴³⁴ См. «Пайкар», 10 апреля 1918 г., № 76.

⁴³⁵ См. там же, 11 апреля, № 77.

ни⁴³⁶, 12. Министр труда — Арамаис Ерзникян, 13. Государственный ревизор (контролер) — Ибрагим Гайдаров⁴³⁷.

Программу и тактику нового правительства представил А. И. Чхенкели.

В качестве первого и предопределяющего положения он выделил суверенитет и независимость Закавказской Федеративной Демократической Республики, о чем сообщил правительствам всех держав сразу же — в следующую после 9 апреля ночь. На самом деле даже эта тонкость свидетельствует о том, что по крайней мере с этого дня А. Чхенкели оставил за собой роль главы правительства. Он подчеркивал важность установления «дружеских, сердечных» отношений с «международным союзом», со всеми державами и особенно с ближайшими соседями, приверженность защите и соблюдению принципа равноправия всех народов, проживающих на территории Закавказской республики, в особенности — «трудящегося русского народа»⁴³⁸.

Далее А. Чхенкели представил приоритетные задачи и цели:

а) укрепление государственного строя Закавказья на основе конституции вновь образованной республики (эту работу осуществить немедленно). Что же касается формирования комиссии по разработке и созданию конституции Закавказской республики, то последняя была образована только в начале мая⁴³⁹.

Председателем комиссии стал А. Чхенкели, были избраны по 5 членов от Национальных Советов трех основных народов Закавказья: грузин, армян и мусульман. В качестве специалистов правительство пригласило проф. З. Авалова и Гамбаряна, председателя Союза юристов Джапаридзе, председателя Кавказского юридического общества Грузенберга, присяжных поверенных Рцхиладзе и Расулзаде.

⁴³⁶ Имена представлены согласно источникам.

⁴³⁷ См. Закавказский Сейм, там же, с. 1.

⁴³⁸ См. там же, с. 2–3.

⁴³⁹ См. «Оризон», 10 мая 1918, № 85.

Первое заседание комиссии состоялось 4 мая. По выражению А. Чхенкели, комиссия должна была выработать такой *modus vivendi*, благодаря которому каждый народ будет обеспечен предоставленными ему максимальными возможностями для свободного развития и самоопределения. В комиссию от национальных советов вошли: из грузин — Арсенидзе, Гвазава, Месхиев, Сагварелидзе; из армян — Пападжанян, Пирумян, Тигранян, Хондкарян, Шаххатунян; из мусульман — Гаджинский, Джафаров, Хасмамедов, Сафикюрдский, Хойский. Также был избран и президиум: во главе с А. Чхенкели и с заместителями — Х. Хойским, С. Тиграняном, Г. Рцхиладзе.

Второе заседание состоялось 5 мая и было посвящено вопросу о желаемой, предпочтительной форме и типе государства.

Сразу же наметились два направления: одно представляли сторонники централизации, федерации, а другое — конфедерации, за которую стояли сепаратисты. Представители Мусульманской национальной ассамблеи подняли вопрос о правах отдельных государств, согласно которому присоединение каждой национальной единицы, входящей в конфедерацию, должно основываться на сецессии — праве выхода из конфедерации. 7 мая состоялось очередное заседание, на котором были определены вопросы для следующего заседания 11 мая⁴⁴⁰.

Конституция Закавказья так и не была принята, а затем начался «парад независимостей».

Была и другая проблема — территориального обособления народов Закавказья. По его же формулировке речь шла **об установлении точных границ отдельных частей Закавказской федерации свободных народов**⁴⁴¹ (выделено нами — *В. М.*). С уверенностью можно заключить, что, хотя это началось давно (с ноября–декабря 1917 г. — *В. М.*), но 13 апреля, в конце концов, грузинский меньшевизм в лице А. Чхенкели во весь

⁴⁴⁰ См. там же.

⁴⁴¹ См. там же, с. 3.

голос провозгласил об уже назревшей, императивной необходимости создания независимых национальных государств.

Наша историография не затрагивала этот принципиальный вопрос. Заседания Сейма 9 и 13 апреля фактически подводят черту под проблемой о создании независимых республик. После грузинского национального съезда этот этап был, пожалуй, важной переходной вехой на пути — доказывающей, что до знаменитого заседания сейма 26 мая грузинский меньшевизм (и не только эта партия) уже решил для себя вопрос. Еще в конце декабря 1917 года радикальная грузинская газета «Чвени Республика» («Наша Республика») высказала мнение, что совершенно очевидно, что создание Закавказского комиссариата или Закавказской республики не нужно, что это лишнее. «Для нас, — писала газета, — в Закавказье существуют или должны быть созданы три суверенных национально-территориальных союза: Грузия, Азербайджан и Армения — суверенные республики, в границах которых будут находиться остальные национальности, и они будут защищены законодательством той суверенной республики, в которой они будут жить»⁴⁴². Самым убедительным доказательством этого стала сдача Карса туркам, что было свидетельством заранее выбранной, определенной военно-политической ориентации. Все остальные разговоры об объединенном Закавказье были лишь предлогом и способом отдать территорию Турции и ее союзникам на общем блюде, но чтоб в ближайшее время был реализован именно вопрос независимости Грузии.

б) Вопрос о выходе из войны: А. Чхенкели пообещал, что правительство сделает все, чтобы остановить боевые действия, но в то же время организовать военное дело края. С последним он напрямую связывал вопрос о природе власти и навязывал от имени правительства, что вся власть должна быть сосредоточена в руках тех органов, которые в свою очередь образуют общую систему государственного устройства Закавказской республи-

⁴⁴² См. «Оризон», 24 декабря 1917, № 271.

ки. «Многовластие недопустимо»,— восклицал А. Чхенкели,— потому что во время русской революции оказалось, что многовластие означает просто анархию»⁴⁴³. Этот вывод А. Чхенкели являлся откровенной фальшью и демагогией. Фальсифицировались роль и миссия двоевластия во время Февральской революции, не говоря уже о политике Временного правительства, которую целиком и восторженно восхваляли грузинские меньшевики. Характер пропагандируемого «многовластия» был временным: истинная цель состояла в том, чтобы организовать законное правительство законным путем — путем созыва Учредительного собрания. Под «многовластием» А. Чхенкели, разумеется, надо понимать национальные советы, национальные воинские части, командование русской армии, Бакинскую коммуны и т. д., которые, по их мнению, были серьезными препятствиями на пути к независимости.

В связи с этим считаем необходимым отметить то обстоятельство, что Ал. Хатисян в своих мемуарах совершенно не коснулся этих базовых, важных вопросов и упомянул только общие — в данной ситуации даже неинтересные программные положения, такие как вопросы аграрной реформы, улучшения положения рабочего класса, создания самостоятельной финансовой системы, регулирования продовольственного дела, восстановления каналов связи, приведения правительственных учреждений в соответствие с новым порядком и т. д.⁴⁴⁴. В конце концов, их даже нельзя считать программными положениями нового правительства, поскольку весь этот пакет считается обязанностью правительства.

Как бы то ни было, фракции партий Сейма выступили с комментариями своих наблюдений. Новых, каких-то особых мнений не прозвучало, все выразили поддержку новому правительству и его декларации, в качестве общего лейтмотива на первый план выдвинулся антибольшевизм.

⁴⁴³ См. там же, с. 4–5.

⁴⁴⁴ См. Хатисян Ал., указ. соч., с. 60, так же Зак. Сейм, там же, с 5.

Открытая ненависть М. Расул-заде к Ст. Шаумяну была понятна, но полна противоречий. Утрируя понятие «государственная территория» объединенного Закавказья, он выразил сожаление по поводу того, что у этого государства отняты Баку и Сухум, а кроме законных органов власти, «на нашей территории находятся **иностранные агенты**, именующие себя чрезвычайными комиссарами Закавказья»⁴⁴⁵ (выделено нами — *В. М.*). Возможно, он имел в виду фактор большевиков — как проводников германской политики, однако, на наш взгляд, меньшевиков края, эсеров и мусульманских социалистически и даже большевистски настроенных организаций в этом контексте также можно было считать «агентами» России и Турции, особенно «Мусават» и «Гуммет». Лучшим доказательством сказанного была в очередной раз его неотступная пантюркистская просьба–предложение присоединить Дагестан к Закавказью: «Мы хотим, чтобы новое правительство восстановило единую сильную власть и распространило эту власть на всю территорию государства, в которую, конечно же, входит и Дагестан»⁴⁴⁶. Помимо скамеек фракции «Дашнакцутюн», овации раздавались по всему залу.

От имени фракции с.-д. меньшевиков И. Церетели выразил полную поддержку декларации первого правительства Закавказской независимой республики. Его речь была целиком построена на критике антибольшевизма, особенно краевого большевизма. В контексте переосмысления современной политической истории, оценка И. Церетели выраженная в 1918 г., безусловно, представляет собой ценность. «Мы знаем,— отмечал он,— что в смертельной борьбе народов (имеется в виду Первая мировая война — *В. М.*) было открыто применено множество чудовищных средств уничтожения врага, много неслыханных способов — от удушающих газов до межэтнических столкновений, однако самым страшным оружием было то, которое впервые применила Германия против России. Это

⁴⁴⁵ См. Зак. Сейм, там же, с. 6.

⁴⁴⁶ См. там же, с. 7.

оружие должно было стимулировать анархию и беспорядки в России, чтобы расколоть ее. Не случайно возникшее в России правительство, которое не было принято народами России, первым было признано империалистической Германией»⁴⁴⁷. Однако спорно, когда И. Церетели даже положил на алтарь один из основных постулатов своей партии — принцип «интернационалистской демократии», защищающей интересы наций и являющейся исключительный пример политической конъюнктуры.

Между двумя внешними силами — Турцией и большевизмом, он видел в большевизме главную силу, толкающую Закавказье к независимости, причем во время турецкого вторжения. Его вывод о том, что «из многочисленных преступлений одно преступление большевиков не будет забыто историей, был совершенно неприемлем. «Власть большевиков в революционной России нанесла смертельный удар **государственному организму** наций»⁴⁴⁸. Даже если принять, что с Февральской революцией Временное правительство дало возможность национальным районам страны развиваться самостоятельно и строить национальную общественную жизнь (но никоим образом не формировать государство), то о каком же тогда «государственном организме наций» вообще могла идти речь, особенно в среде татар–мусульман?

Более того, нельзя не учитывать, а тем более забывать, то чрезвычайно важное обстоятельство, что мусульманские социалистические партии, в том числе и «Мусават», проявляли подчеркнуто умеренное, а иногда и дружественное отношение к этой «антигосударственной» силе — большевизму, пока последний (в лице советской власти в Баку и влиятельных армянских большевиков) окончательно не превратился в могущественную региональную политическую силу.

А вот М. Расул–Заде, а теперь еще и И. Церетели, стали забывать, что с февраля 1917 года по февраль 1918 года, до

⁴⁴⁷ См. там же, с. 11.

⁴⁴⁸ См. там же, с. 8.

турецкого вторжения и попытки Ст. Шаумяна осуществить план советизации края, до мартовской обороны Баку, ни одна политическая партия в Закавказье не поднимала идею национальной государственности и, как известно, все они ограничивались требованием автономии в составе федеративной демократической республики России.

Именно в этом была причина того, что в данный момент опасность, угрожающая вымышленной объединенной республике Закавказья, а именно — альтернатива большевистского правительства, приводила грузино–татарский союз в ужас. Этим и объяснялось возмущение И. Церетели, выраженное против кадета Ю. Семенова, который в сложившейся ситуации выступил и, как выше заметили, даже представился защитником большевизма в Баку.

Совершенно неприемлемой была концепция И. Церетели о том, что «если исчезнут внутренние силы, на которых до сих пор базировалась демократия, если будет разрушено внутреннее единство народов Закавказья — мы будем уничтожены»⁴⁴⁹. Нам не хотелось бы повторяться, но мы уверены, что сам И. Церетели также знал, что такого единства нет и не могло быть — в рамках событий, потрясавших Закавказье в последние месяцы, и уж особенно в контексте турецко–татарских антиармянских беспорядков в Ереванской губернии.

Выражая поддержку политическому плану, Х. Карчикян выделил три вопроса, направленных на его реализацию: а) внушение доверия к закавказской демократии; б) заключение мира; в) создание закавказской территориальной единицы.

Внутри партии были и другие мнения⁴⁵⁰.

⁴⁴⁹ Там же, с. 14.

⁴⁵⁰ В 1917 г. АРФ «Дашнакцутюн» имела 14 партийных органов, 6 из которых выходили в свет в провинциальных центрах: 4 — в Тифлисе, 1 — в Баку, 3 — за рубежом и один — газета «Молот» на русском языке, «Труженик», 1918, 4 января, № 2.

В статье, опубликованной в газете «Ашхатавор», В. Хорени считал, что «объявление Закавказьем «независимости» уже было первым несчастьем для его политического будущего»⁴⁵¹.

В качестве угроз он ожидал «железного кольца турецко–германского империализма», феодальной и антиреволюционной партии «Мусават», руководствующейся турецкой ориентацией, а также всевозможных грузинских «национал–демократов», общесоюзного государственного устройства (конфедерации). «Нелегко будет Закавказью стать Швейцарией», — заключил автор⁴⁵².

Совершенно иную позицию заняла ереванская газета АРФД «Ашхатанк» («Труд») в статье «Опасность, угрожающая Закавказью». В отличие от подхода В. Хорени и газеты «Ашхатанк», «Ашхатавор» полностью игнорировал опасности — немецкие, турецкие, мусульманские бандитские бунты, почему–то и персидские, взамен представляя свои: а) разное понимание народами Закавказья своих национальных интересов; б) нецелевое распространение продовольствия и боеприпасов; в) пораженческий дух армянского народа — дух «покинутого»; г) дух раболепства, покорности⁴⁵³.

И как мы видим, резкая разница в подходах проистекала из тактики Ереванского национального совета, Совета безопасности, тактики А. Манукяна и его коллег, которые опирались на концепцию «опоры на собственные силы». В противовес им Тифлисский ЦК АРФД считал провозглашение независимости необходимостью⁴⁵⁴.

Об отношении Советской России к независимости Закавказья говорит небольшой отрывок из разговора Минас Берберяна и Григор Чалхушиана (АРФД). Г. Чалхушиан сообщал из Ростова–на–Дону, что «присоединение армян к резолюции о Всекавказской независимости весьма дурно сказалось на отношении

⁴⁵¹ См. «Ашхатавор», 1918, 12 мая, № 42.

⁴⁵² См. там же.

⁴⁵³ См. там же, 1918, 28 марта, № 90.

⁴⁵⁴ См. «Ашхатавор», 1918, 30 марта, № 33.

властей ростовских советов к армянам: у всех богатых армян Ростова отобрали золото»⁴⁵⁵.

А. Кантемиров от имени Мусульманской социалистической группы выделил роль «восточной мусульманской демократии», а также выдвинул тезис о «защите безоружного Востока» (в смысле материальной отсталости)⁴⁵⁶.

В очередной раз особой агрессивностью отличилось выступление представителя Национально–демократической партии Грузии Г. Гвазавы. С самого начала он обвинил закавказские власти, с одной стороны — в подавлении демократии, а с другой стороны — в переговорах с большевиками, когда провозглашение независимости Закавказья в этом случае невозможно⁴⁵⁷. А затем уже Г. Гвазава обвинил меньшевиков в подчинении государственности (приоритетного вопроса) классовой борьбе. Он заявил, что закавказское правительство опоздало, что в успех он не верит, уверяя, что, если бы это правительство начало действовать на месяц раньше, Батуми не был бы сдан. Понятно, что этого грузинского национал–демократа интересовал отнюдь не Карс, и в контексте сказанного он всего лишь защищал тезис о пангрузинизме.

Представителя партии «Иттихад» Э. Мамедбекова интересовала исключительно судьба Дагестана. «Дагестан никогда не отделялся от Закавказья,— считал он,— пусть новообразованное правительство призовет дагестанскую демократию к участию в управлении новой страной — Нашим Закавказьем»⁴⁵⁸.

На этом заседании единственное негативное отношение высказал представитель левого крыла фракции эсеров Н. Тарханян, который объяснил неудачу нового кабинета не столько тем, что он был сформирован под влиянием внешнего давления, сколько в основном его составом. По его словам, «социалистический политический состав» этого правительства

⁴⁵⁵ См. «Оризон», 1918, 30 (17) апреля, № 81.

⁴⁵⁶ См. Зак. Сейм, с. 17–18.

⁴⁵⁷ См. там же, с. 20.

⁴⁵⁸ См. там же, с. 21.

не может гарантировать выполнение плана председателя правительства. «Если независимость Закавказья была провозглашена для того, чтобы защитить его физическое существование и добиться мира,— сказал он,— то этот мир может быть достигнут только путем активной обороны»⁴⁵⁹. Он также смело указывал, что наступающий турецкий империализм поддерживается внутренними силами Закавказья, т. е. татаро–мусульманами⁴⁶⁰.

Правое крыло эсеров в лице Ив. Лордкипанидзе выразило поддержку плану правительства и в то же время охарактеризовало как легкомыслие распространенное мнение о том, что если провозглашена независимость, то можно вызвать турецкие войска и турецкими штыками защитить Закавказье от идущего с севера большевизма — «это не означает быть защитниками независимости Закавказья»,— заверил оратор⁴⁶¹.

Воодушевленность и в то же время страх перед турецким вторжением дошли до того, что с.–д. меньшевики и правое крыло социалистов–революционеров основали совместную организацию «Закавказское армяно–турецкое социалистическое бюро», целью которой было «способствовать развитию политического самосознания трудящихся масс обеих наций, сближению армянской и турецкой демократии и братской солидарности»⁴⁶².

Этой встрече в газете «Пайкар» («Борьба») сразу две статьи посвятили Г. Караджян и М. Дарбинян.

Собрание состоялось 23 марта 1918 года в Белом зале Воронцовского дворца в Тифлисе. Присутствовали около 70 представителей армянских и татарских с.–д. и с.–р. партий — под председательством А. Зурабяна. Был избран центральный организационный орган в составе 7 человек — бюро. В состав этого бюро вошли Г. Караджян (с.–д.), Элбакян (с.–д.), Тигран

⁴⁵⁹ См. там же, с. 22.

⁴⁶⁰ См. там же, с. 24.

⁴⁶¹ См. там же, с. 26.

⁴⁶² См. «Оризон», 1918, 26 (13) апреля, № 78.

Мушегян (с.–р.), Туманян (с.–р.), Джафаров («Гуммет» — с.–д.), Касим Джамалбегов («Гуммет» — с.–д.), Шарифов («Гуммет» — с.–д.), Мария Сундукян (с.–р.), Гейдар–Али Таги–Заде («Гуммет» — с.–д.)⁴⁶³.

Г. Караджян был полон надежды, что эта «*idée fixe* закавказской социал–демократии» — солидарность и сближение армянских и татарских демократических масс — «какое плодотворное будущее она обещает этой новой армяно–турецкой социалистической организации?»⁴⁶⁴.

Как бы странно это ни было, но в конце этой сессии Ал. Хатисян поднял вопрос о реформировании календаря. Ночь с 17 на 18 апреля было решено установить не как 18 апреля, а как 1 мая, то есть, руководствуясь не юлианским, а григорианским календарем, отныне опережать календарь на 13 дней. Сессия закрылась в 7 часов 20 минут утра⁴⁶⁵.

Есть еще одно более важное несоответствие: Ал. Хатисян в своей работе утверждает, что «когда Чхенкели закончил свое выступление, только тогда мы поняли, что Карс уже сдан туркам. Мы были потрясены этой новостью»⁴⁶⁶. Проблема в том, что на 25–й сессии Сейма 13 апреля А. Чхенкели вовсе не сообщал о сдаче Карса — об этом свидетельствует протокол заседания⁴⁶⁷.

Как бы то ни было, однако сдача Карса стала как следствием, так и причиной всех развернувшихся впоследствии весьма важных военно–политических событий, характерных для края.

«Этот вероломный приказ,— свидетельствовал Ов. Каджазунни,— был дан без нашего ведома и вызвал такое возмущение авторов, что с этого дня могло начаться уничтожение союзной (федеративной — В. М.) Республики»⁴⁶⁸.

⁴⁶³ См. «Пайкар», 1918, 25 марта, № 63.

⁴⁶⁴ См. там же.

⁴⁶⁵ См. там же, с. 24.

⁴⁶⁶ См. там же.

⁴⁶⁷ См. Закавказский Сейм, зас. 25–ое, сс. 1–34.

⁴⁶⁸ Каджазунни Ов., указ. соч., с. 28.

Ал. Хатисян добавлял новые подробности: «И поскольку мы не могли взять на себя ответственность за события, которые произошли в таких неожиданных условиях, Саакян, Каджазнуни и я заявили, что мы берем обратно свое согласие на участие в кабинете министров Чхенкели. И мы ушли с собрания. Я немедленно сообщил о положении дел Карчикяну, председателю фракции «Дашнакцутюн» Сейма. Он немедленно прибыл во дворец и связался с председателем партии меньшевиков Грузии по поводу инцидента»⁴⁶⁹.

В тот же день, в десять часов вечера проходит совещание (с одной стороны, между Н. Жорданием, Е. Гегечкори, Н. Рамишвили и И. Церетели, с другой стороны — Х. Карчикяном, А. Оганджанияном, Ов. Каджазнуни и Ал. Хатисяном), на котором обсуждается вопрос о его праве остаться на посту премьер-министра «после самовольных шагов». Согласно Ал. Хатисяну, «в то же время из Карса или, точнее, из Александрополя, по указанию Назарбекяна был послан запрос Армянскому национальному совету — дал ли он на самом деле приказ о передаче Карса туркам?»⁴⁷⁰.

10 мая 1918 года генерал-майор Григорий Деев, комендант крепости Карс, представил командующему Кавказским фронтом сводный доклад об этапах сдачи (зачистки) Карса. Соответствующие приказы командиров воинских частей и отрядов, оборонявших Карс, приведены на отдельных страницах документа. Среди них: временно исполняющий обязанности начальника отряда Бегли-Ахмеда генерал-майор Вагаршак Тер-Акопов, полковник Николай Морель, начальник штаба подполковник Александр Скляревич, начальник штаба Кавказской армии генерал-майор Александр Вышинский, военный комиссар Микаел Арзуманов, командующий Кавказским фронтом Евгений Лебединский, командир Армянского отдельного корпуса генерал-майор Товмас Назарбекян, генерал-майор Микаел Арешян, командир русского доброволь-

⁴⁶⁹ Хатисян Ал., указ. соч., с. 57.

⁴⁷⁰ Там же.

ческого отряда, подполковник Николай Ефремов, командир Карсского кавалерийского полка, подполковник Даниелбек Пирумян⁴⁷¹. Среди многочисленных фактов заговорщической, вероломной сдачи Карса упомянем здесь только о записи, сделанной 15 мая командиром русского ополчения полковником Н. Ефремовым. В нем подытожено описание боевых действий, имевших место 10 марта — 11 апреля на направлении Карс — Сарыкамыш — Караурган: «11 апреля, когда из Карса вывозили раненых, многие солдаты спрашивали меня, — пишет Ефремов, — правда ли, что они сдали Карс без боя? Почему крепость была отдана туркам, когда последние были разбиты и даже бежали? Во время этих вопросов я часто видел слезы в глазах солдат. Скажу одно — больно, больно, тысячу раз больно за все понесенные жертвы»⁴⁷².

В создавшихся условиях фракция Сейма «Дашнакцутюн» считала премьерство А. Чхенкели неприемлемым и сообщила эту точку зрения грузинским меньшевикам. Они, в свою очередь, ставят в известность, что готовы отозвать кандидатуру А. Чхенкели, не предлагая при этом другой кандидатуры от меньшевиков.

Более того, грузинские меньшевики предлагали кандидатуру Ов. Каджазнуни и заверяли в своей готовности ее поддержать. Ов. Каджазнуни посчитал предложение меньшевиков неприемлемым, оправдывая свой шаг следующим образом: «Теперь все закончено, вопрос исчерпан. Карс уже сдан, и вернуть его невозможно. Следует учитывать реальные факты прошлого. Невозможно взять на себя ответственность за завтрашний день. Если мы примем предложение грузин, это будет означать, что мы бросим вызов мусульманам и пойдем войной на турок. С нашими нынешними силами мы не имеем права на такой шаг»⁴⁷³. Фракция «Дашнакцутюн» отвергает как это, так и повторное (посреди ночи) предложение грузин — «либо

⁴⁷¹ См. НАА, ф. 121, оп. 1, д. 45, л.л. 3–7, 9.

⁴⁷² См. НАА, ф. 201, оп. 1, д. 36, л.л. 126–127.

⁴⁷³ Хатисян Ал., указ. соч..., с. 58.

Чхенкели, либо Каджазуни». Однако в четыре часа утра «Дашнакцутюн» соглашается, принимает кандидатуру А. Чхенкели на пост премьер-министра и входит в состав правительства. А теперь Ал. Хатисян объясняет это решение следующим образом: «Мы знали, что общественное мнение осудит нас за участие в составе правительства Чхенкели. Но превыше всего мы ставим идею и необходимость сохранения солидарности народов Закавказья»⁴⁷⁴.

«Оризон» попытался найти объяснение этой необъяснимой и жалкой ситуации, назвав ее «министерским кризисом» и, в каком-то смысле смягчая действительность, посчитал, что «министры-дашнакцаканы, получив удовлетворение, отозвали свои заявления об отставке и вошли в состав правительства». Еще более неубедительным казался вывод газеты: «Основной причиной ухода министров-дашнакцаканов стал ряд крайне ответственных шагов, которые Чхенкели предпринял самовольно, не ставя в известность других. Следствием тех шагов стали **последние военные события в районе Карса** (выделено нами — В. М.). **Когда министры-дашнакцаканы вернулись в правительство, они получили гарантию, что отныне не будут предприниматься такие шаги, которые могли бы вызвать министерский кризис**»⁴⁷⁵ (выделено нами — В. М.). Возникает вопрос: какое еще решение могло бы быть более роковым, чем решение оставить турецкие войска сначала в Восточной Армении, а затем и в Закавказье?

Этот важный переговорный блиц-процесс подводит нас к ряду выводов, в которых мы будем различать соответственно грузинскую и армянскую позиции, хотя они, конечно, исходили из партийных соображений.

На наш взгляд, шаги грузинских меньшевиков были более понятны и предсказуемы. Возможно, именно это имел в виду Ов. Каджазуни, когда от отчаяния смирился с фактом сдачи Карса и нашел, что со сложившимися реалиями надо считаться.

⁴⁷⁴ Там же, с. 59.

⁴⁷⁵ См. «Оризон», 1918, 27 (14) апреля, № 79.

Что касается грузинского предложения о премьерстве Ов. Каджазнуни, то оно, на наш взгляд, подразумевало разрешение сразу трех проблем: а) когда сразу после передачи Карса туркам они предложили Ов. Каджазнуни возглавить правительство, тем самым они действительно возложили всю ответственность и вину за происшедшее на армянскую национально–политическую силу, б) которая фактически возглавив Закавказскую Объединенную Республику после сдачи армянского Карса, смирилась бы с потерей не только Карса, но и Александрополя и всей Западной Армении, и в) была бы вынуждена, наконец, кротко и покорно вступить в переговорный процесс с турками, чем грузинская сторона обязательно воспользовалась бы в контексте сдачи Карса, то есть, по их мнению, они бы сохранили Батум⁴⁷⁶. Что касается «армянской» позиции в лице Ов. Каджазнуни, а затем и факта его отставки с поста премьер–министра, то можно заметить ряд тактических и даже стратегических упущений, которые нуждаются в серьезном обсуждении.

Прежде всего, ответ на главный вопрос — в частности, почему и при каких именно обстоятельствах был сдан Карс — в армянской историографии не дается. От ответа на этот вопрос уклонились непосредственные участники событий от партии «Дашнакцутюн» — Ов. Каджазнуни, Ал. Хатисян, С. Врацян, Аветик Саакян, А. Оганджаниян, А. Агаронян. Но даже это краткое объяснение Ов. Каджазнуни позволяет раскрыть скобки. Позиция членов фракции «Дашнакцутюн» на заседаниях Сейма однозначно доказывает, что и раньше — в Комиссариаде, а теперь и в Сейме, партия зафиксировала лишь главенство переговорного процесса с турками в составе единого Закавказья и, следовательно — принятие всех возможных и невозможных уступок. Что же касается непосредственно сдачи Карса, то в контексте трапезундского переговорного процесса этот факт следует расценивать как политико–дипломатическое поражение армянской стороны и признание (от безысходности) победонос-

⁴⁷⁶ Спустя несколько дней турки заняли Батум.

ных шагов политического оппонента. Лучшим доказательством этого была сдача Эрзурума этой «единой семьей», когда в отношении армянской освободительной борьбы и политических ориентаций произошло первое серьезное противостояние между проигрышным переговорным процессом и ныне оправданным выбором последовательной вооруженной борьбы.

Примечательно, что меньшевик Г. Караджян называет армянских деятелей трапезундской делегации «наши армянские чхенкели». В данном случае его формулировка оправдана, поскольку Ов. Каджазнуни и Ал. Хатисян в Трапезунде придерживались той же тактики, что и Чхенкели, и дали свое согласие на принятие Брест–Литовского договора. Удивительно и несколько трагично, что эти два деятеля проигнорировали решение Александропольского совещания — ни в коем случае не отдавать туркам Карс и Батум⁴⁷⁷. Эта логика сохранялась даже в дни героических майских сражений — в контексте батумских переговоров.

Затем, Ов. Каджазнуни, «учитывая имевшие место факты», посчитал, что «нельзя брать на себя ответственность за завтрашний день». Если это было твердое и состоявшееся партийное убеждение, то каким образом уже через месяц, в более сложных и опасных условиях, партия взяла на себя ответственность за создание независимой Республики Армения, что, как известно, является залогом гордости и славы АРФД по сей день. Отвергнув предложение грузин, не взяв на себя ответственность за завтрашний день, Ов. Каджазнуни и ядро партийного руководства фактически приняли на себя роль второй скрипки, роль арьергарда, идущего вслед за событиями, и довольно неубедительно все это обосновывали тем, что «это должно означать, что мы бросаем вызов мусульманам и пойдем на столкновение с турками». А что, не соглашаясь на руководящую должность премьер–министра Закавказья, «Дашнакцутюн» избегала этого

⁴⁷⁷ См. Геворг Караджян, политическая жизнь Закавказья в 1918 году, Тифлис, тип. Матиняна, 1919, с. 38.

вызова и реальности войны с турками? Разве оборона Эрзурума не была составной частью войны против турок?

И, наконец, если он был уверен что «нашими нынешними силами у нас не было права идти на такой шаг», то какими силами были осуществлены Майские сражения, разве нельзя было осуществить героический «Май» в феврале 1918 года — на окраинах Ерзнка и Эрзурума?!⁴⁷⁸

Печально, но этому политическому умонастроению подчинились и Армянский национальный совет, и руководство Отдельного Армянского корпуса — генерал Т. Назарбекян, который, не найдя решительной опоры национально-политической базы, свою дисциплинированную закалку почему-то поставил на службу грузинским меньшевикам, использовал в коварных заговорах А. Чхенкели, тем самым соглашаясь на незаконные, а теперь уже и антигосударственные действия грузино-татарского союза. Вполне уместен был вопрос генерала Армянскому национальному совету — «одобрил ли он приказ о передаче Карса туркам?»⁴⁷⁹.

Важно, что осенью 1918 г. в здании Армянского национального совета в Тифлисе благороднейший генерал Т. Назарбекян в присутствии многих свидетелей сообщил, что сдача Карса произошла не как результат приказа Чхенкели, «которому сам Назарбеков мог бы и не подчиниться (буквальные слова генерала), а главным образом вследствие дезертирства войск, которое, по словам генерала, дошло до того, что в Карсе на тот момент в этом районе, еще не достигнув Александрополя, из войска численностью 5000 солдат осталось только 2000 человек»⁴⁸⁰.

Мы полностью разделяем объективное и смелое для того времени мнение Г. Караджяна о том, что дезертирство армии не могло выступать в качестве оправдательного обстоятельства

⁴⁷⁸ См. подробно Меликян В., Общественно-политическая жизнь западных армян в 1917–1918 гг.: Оборона и причины падения Эрзурума, Ереван, 2019.

⁴⁷⁹ См. Караджян Г., там же.

⁴⁸⁰ См. Караджян Г., указ. соч., с. 43–44.

для приказа А. Чхенкели, ибо было совершенно ясно, что в существующих условиях такой приказ главы правительства страны в той или иной степени не мог не повлиять на уже и без того, пожалуй, «подавленное, отвергнутое» настроение генерала — командующего «подавленной, отвергнутой» армией⁴⁸¹.

12 мая Вардгес Агаронян прочитал лекцию на тему «Взятие Карса: причины и последствия», в которой, в частности, пояснил, что «наша армия была боевой, она могла воевать, но не воевала — и не по своей вине, а по причине целого ряда неблагоприятных обстоятельств». Неблагоприятными обстоятельствами были отсутствие какой-либо дисциплины, задержка и затягивание призыва, бездарность, беспомощность нашей интеллигенции и руководящих кругов Тифлиса»⁴⁸².

Предательское поведение А. Чхенкели разоблачается также в телеграмме Т. Назарбекяна № 1216 от 30 марта, адресованной Национальному совету Армении. «В телеграмме председателя Закавказской мирной делегации Чхенкели о переговорах последний заявляет: «Ардаган взят. Судьба Карса решится в эти дни». Считаю своим долгом выразить протест против столь голословного заявления депутата Чхенкели и уверен, что судьба Карса не только не решится в эти дни, но и туркам будет нелегко взять эту крепость, для обороны которой комендант крепости принял все необходимые меры. Мы покинули Сарыкамыш из военных соображений, а не под давлением врага. Уверен, что через короткое время войска вверенной мне армии будут представлять столь серьезную силу, что противнику придется с ней считаться»⁴⁸³. В то же время следует отметить, что Карс во всех случаях был сдан, и в подтверждение, к сожалению, можно привести еще одно сообщение «Оризона» о том, что сдача Сарикамыша также была согласована с закавказским правительством. «На последнем заседании Объединенного

⁴⁸¹ Там же, с. 44.

⁴⁸² См. «Ашхатавор», 1918, 14 мая № 43.

⁴⁸³ «Оризон», 1918 г., 1 апреля, № 69.

центра,— говорилось в нем,— на вопрос о Сарыкамьше министр—председатель Гегечкори ответил, что оставление Сарыкамьша может произойти потому, что оборона страны будет опираться на Карс и Батум, последний из которых обеспечен как людскими, так и техническими силами»⁴⁸⁴. Как видим, есть и косвенное упоминание о сдаче Карса.

Сдача Карса грузинскими меньшевиками, в частности — стараниями А. Чхенкели, полностью раскрывается благодаря сообщениям главнокомандующего Кавказским фронтом генерал—майора Евгения Лебединского. В то же время на поверхность всплывают также некоторые обстоятельства сдачи Батума и преступного бездействия административных воинских частей.

В первую очередь он дает оценку роли Кавказской армии в сложившейся ситуации, отмечая, что «в настоящее время задача Кавказской армии состоит в том, чтобы обеспечить деятельность делегации Сейма в Трапезунде силой оружия»⁴⁸⁵.

В то же время, 27 марта он высказывал недовольство председателю Закавказского правительства тем, что «те переговоры держались от него в полной тайне», что лишало его возможности согласовывать отдельные боевые задачи разных частей фронта с требованиями политической ситуации⁴⁸⁶. Совершенно очевидным образом прочитывается коварный почерк А. Чхенкели.

В другом сообщении — от 15 марта, также адресованном Е. Гегечкори, он подчеркивал стратегическое значение Александрополя, особенно в случае наступления турок на направлениях Сарыкамьша и Джульфы, и в случае возможного падения Карса — максимальное превосходство, достигнутое

⁴⁸⁴ Там же, 27 марта (9 апреля), № 64.

⁴⁸⁵ См. РГВИА (Российский Государственный Военно—исторический архив), ф. 200, оп. 1, д. 1127, л. 115.

⁴⁸⁶ См. там же.

последними, как единственного пункта, ведущего в центр Закавказья⁴⁸⁷.

Раскрываются также новые примечательные подробности о Батуме.

7 марта Е. Лебединский сообщил председателю Комиссариата Е. Гегечкори, что, получив 25 февраля предложение Вехипаши о сдаче Батумского, Карсского районов и Ардаганского округа, а также учитывая намерение членов правительства оказать сопротивление силой оружия, он решил лично посетить Батум, дабы выяснить возможные способы защиты города и государственной границы от турецкого вторжения.

Е. Лебединский сообщал, что в Батуме не только не проводилась подготовительная работа, но и наблюдались явные пораженческие настроения, главным виновником которых был полковник Иаков Мухелов, командующий артиллерией Михайловской крепости в Батуми. Подчиненным ему русским офицерам он внушал то умонастроение, что «Батуми более не нуждается в их услугах», а так как все опытные офицеры крепостной артиллерии были русскими, то их уход из города лишит крепость артиллеристов.

Главнокомандующий Кавказской армией заключил: «Вопрос об охране границ Закавказья не внушает надежды». В другом сообщении А. Чхенкели от 26 марта Е. Лебединский добавил, что «заслуживает всяческого сожаления поведение 4-го Грузинского полка, вероломно открывшего туркам дорогу, проходящую через Аджарис–Цхали. Полагаю, что этот случай должен быть опубликован в печати. Что касается назначения генерала Мухелова⁴⁸⁸, то это сделано по настоянию бывшего комиссара по делам Морского министерства В. Гобечии, **чему я также противопоставил одно обстоятельство — полное несоответствие этого офицера, которое проявилось еще когда он занимал ту же должность в крепости Карс. Мне**

⁴⁸⁷ См. РГВИА, ф. 2100, оп. 1, д. 1127, л. 117.

⁴⁸⁸ В этом документе Мухелов дважды упоминается как генерал: это объясняется в эпилоге материала.

сообщили, что назначение Мухелова должно состояться непременно, потому что обстоятельства требуют, чтобы на высокие должности в Батуми назначались только грузины» (выделено нами — *В. М.*). Прохаживаясь в очередной раз по Батуми, я смог лично убедиться, что дело артиллерийской обороны крепости не в надежных руках. Генерал Мдивани был того же мнения. Однако присвоение полковнику Мухелову звания генерала за «очевидные заслуги» поставило меня и коменданта крепости в неловкое положение. В настоящее время положение осложняется тем, что турки захватили Ардаган, откуда они могут легко добраться до Тифлиса при поддержке своих эмиссаров (Омар Неманзаде), работающих в Ахалцихе. Резервных сил у меня нет, так как 2-я грузинская дивизия до сих пор еще не сформирована, а воинские части русского корпуса, получив ничтожное количество винтовок, отправлены на фронт»⁴⁸⁹.

Еще более важен его доклад от 15 марта, направленный тому же адресату. «12 марта,— отметил генерал,— я просил вас, господин председатель Совета министров, принять чрезвычайные и исключительные меры к прекращению хаотичного состояния обороны страны, грозящего отдать всё Закавказье в руки противника в течение 2–3 недель: либо освободите меня от занимаемой мной должности, огромную ответственность которой я больше не могу нести, потому что у меня нет реальной власти»⁴⁹⁰. Главнокомандующий обосновывал сказанное следующим образом: «Мои тяжелейшие предсказания сбываются быстрее, чем я ожидал»⁴⁹¹. В чем же заключалась проблема? Выясняется, что Исполнительный комитет р. и с. депутатов Тифлиса, т. е. Н. Жордания и другие, ответил отказом — вопреки просьбе Е. Лебединского предоставить вооружение русской воинской части в Ардагане и другим воинским частям, охраняющим направление Олти. Все это привело к тому, что Ардаганс-

⁴⁸⁹ См. РГВИА, там же, л. 16.

⁴⁹⁰ См. там же, л. 84.

⁴⁹¹ Там же.

кий район был захвачен курдами, а в 25 милях западнее Карса и в 40 милях севернее Сарыкамыша появился сильный турецко–курдский отряд, в результате чего Ардаганский и Карсский районы фактически попали в руки противника⁴⁹².

По мнению генерала, такое положение создавало страшную опасность для Батума, а также для железных дорог Батум–Тифлис и Карс–Тифлис. И снова раздается беспомощный крик последнего. «Я выступаю как сторонний наблюдатель, которому не позволено выполнять свой долг»⁴⁹³. В результате Е. Лебединский решил подать в отставку. «Эта ситуация неприемлема,— обратился он к Е. Гегечкори,— потому что страна думает, что кое–кто делает кое–что для обороны, а на самом деле это не так, и по моему глубокому убеждению, то, что происходит сейчас, ведет к развалу обороны. Не в силах смириться с этим положением, прошу передать Закавказскому правительству мою просьбу о немедленном освобождении меня от должности Главнокомандующего»⁴⁹⁴.

14 мая 1918 года уже само правительство Закавказской республики командующим войсками Закавказской республики вместо Е. Лебединского назначает генерал–майора Георгий Квинитадзе. Впрочем, в то же время Е. Лебединский сохранил за собой пост главнокомандующего Кавказским фронтом до ликвидации всех общероссийских воинских частей и различных учреждений Кавказского фронта⁴⁹⁵.

Все эти факты свидетельствуют о том, что в условиях Брест–Литовских переговоров не только устанавливалось и функционировало большевистско–турецкое сепаратное сотрудничество, но и реально складывался турецко–грузинский пока еще тайный союз, который преследовал цель отделения Закавказья от России при поддержке турок и немцев, причем непосредственными пострадавшими и жертвами процесса были бы армяне и

⁴⁹² См. там же.

⁴⁹³ См. там же.

⁴⁹⁴ См. там же.

⁴⁹⁵ См. там же, л. 113.

армянские территории. Весьма существенно то обстоятельство, что в условиях турецкого вторжения руководство Закавказского сейма осуществляло в основном политические решения, лучшим свидетельством чего были мертворожденные переговоры в Трапезунде. Именно об этом говорил генерал Е. Лебединский, который все еще наивно и честно полагал, что задача Кавказской армии — надавить на турок в Трапезунде. На практике так и должно было быть, однако одно только признание генерала о том, что он и штаб Кавказской армии не знали о деятельности делегации Сейма, доказывает, что Кавказский фронт в основном был передан туркам в результате политического решения. Так что цепочку всех позорных сдач Ерзнка–Эрзерум–Сарыкамыш–Карс–Александрополь следует считать результатом этой заговорщической сделки. Политическое решение, в свою очередь, под предлогом переговорного процесса, привело к пораженческому поведению, дезертирству и отчаянным шагам, что проявилось не только в армянской, но и в грузинской действительности, когда Батум сдался без боя — как и Карс. В обоих случаях имело место также дезертирство.

Непосредственным продолжением этой омерзительной сделки является высокомерная телеграмма, отправленная Вехиб–пашой 5 мая А. Чхенкели и высказанный в том же тоне ответ последнего Т. Назарбекяну о «зверствах армян против турок» после падения Карса.

Командующий Карским фронтом докладывал Вехиб–паше, что «армянские войска, отступавшие из Карса, грабили и вырезали села Каракёзи, Хараб, Викаур, Угуглу, Берехли, Алсджа»⁴⁹⁶.

Курьёзно звучит следующая формулировка полководца: «Мусульмане спаслись бегством, они смогли сохранить свое имущество»⁴⁹⁷.

Вехиб потребовал от Чхенкели осуществить чрезвычайные меры, а также сохранить жизнь 4000 турецким военнопленным,

⁴⁹⁶ См. РГВИА, ф. 2100, оп. 1, д. 692, л. 4–8.

⁴⁹⁷ Там же.

которые были переведены сначала в Александрополь, а затем в другое место. «Если верить достоверным сведениям,— писал Вехиб-паша,— эти пленные умерли от голода и жажды или были убиты армянами»⁴⁹⁸.

14 мая заместитель председателя правительства Закавказья Н. Рамишвили получает телеграмму от Т. Назарбекия и тайно передает ее содержание А. Чхенкели. Отсюда получается, что, во-первых, в ответ на просьбу Вехиб-паши по желанию Т. Назарбекия командир турецкого корпуса Карса Шевки-паша командирует в Каракилис турецкого офицера — для решения проблем вышеупомянутых турецких пленнх. После этого становится ясно, что Т. Назарбекия имел в виду пленнх мусульман, собравшихся в Каракилисе — подданных Закавказья, а не Западной Армении, о чем последний сообщил А. Чхенкели. Исходя из этого, Н. Рамишвили принимает решение «запретить въезд турецкому офицеру в Каракилис, так как (опять же, по его словам) Т. Назарбекия приглашал местного офицера-мусульманина, а не офицера Османской империи»⁴⁹⁹.

Эпизод, прямо совпадающий с нашей современностью, содержит очередной посыл нам — серьезно относиться к урокам истории...

А на деле...

Ущерб, нанесенный турецкими войсками и татарскими бандами армянскому населению в этот исторический период, обрисовывается в следующей картине: в Ереванской губернии пострадало 116 сел, 32 960 хозяйств, соответственно в Елизаветполе — 72 и 9173, в Ахалкалакском уезде — 67 и 8467, в Бакинской губернии — 29 и 4277, в Карсской области — 103 села и 5859 дворов⁵⁰⁰.

В 1918 году во время турецкого нашествия турецкая армия, проникнув в Закавказье примерно на 600 км, в частности, в Армении, также осуществляла беспрецедентное разграбление

⁴⁹⁸ Там же.

⁴⁹⁹ См. НАГ, ф. 1818, оп. 2, д. 276, л. 30.

⁵⁰⁰ См. Институт истории НАН РА, фонд Лео, ф. 1, оп. 1, д. 253, л. 1.

железнодорожного имущества. Ежедневно в Карс–Сарыкамыш отправлялось 10–14 груженных поездов без возврата порожних вагонов⁵⁰¹.

Комиссар Кромер телеграфировал 2 июня из Екатериновки (Борчалийский уезд) в Германский Национальный совет: «Вчера сюда из Болнис–Хачена прибыли армянские солдаты и беженцы — 485 человек, бежавших из Каракилиса, где турки их окружили, разоружили, а часть из них вырезали. Остальных турки вырезали сегодня при переправе в Екатериновку. На данный момент из раненых освобождено 100 человек, все они ограблены»⁵⁰².

В этом контексте исключительное значение приобретают два примечательных письма Х. Карчикяна.

В первом письме Х. Карчикяна, датированном 30 марта⁵⁰³, обратившись к Т. Назарбекяну, дальновидный политик связал исключительно с военными победами и оправдание деятельности фракции «Дашнакцутюн» в Сейме, и задачу спасения региона от разрушения. Сообщив генералу о провале делегации Сейма в Трапезунде и вынужденном принятии Брестского мира, министр финансов Х. Карчикян писал: «Понятно, что правительству и Сейму придется ратифицировать соглашение, если не произойдет кардинальных изменений на нашем фронте. Я думаю, что в этот ответственный момент, если нам удастся, даже с большим риском, начать наступление и отбросить врага за Сарыкамыш, это обстоятельство сыграло бы огромную политическую роль. Искренне прошу Вас, с учетом ситуации, сделать все возможное для создания в правительстве Сейма соответствующей, отвечающей нашим интересам атмосферы»⁵⁰⁴.

⁵⁰¹ См. Сагратян А. Т., История железных дорог Закавказья, 1856–1921, Ереван, 1970, с. 174.

⁵⁰² См. «Оризон», 1918, 4 июня, № 106.

⁵⁰³ Оригинал, на русском.

⁵⁰⁴ НАА, ф. 45, оп. 1, д. 28, л. 24.

Одного только этого документа достаточно, чтобы окончательно выбросить из сознания историков и нашего общества обвинение против Х. Карчикяна, состоящее в том, что именно он злоупотребил положением главы фракции АРФ «Дашнакцутюн» и сдал Карс туркам. Как известно, именно это «обоснование» и используется, когда речь идет о заговорщическом покушении на него в декабре 1918 года.

Второе письмо — от 5 апреля, было адресовано «Конференции национальных организаций Армении», которая должна быть созвана в Александрополе⁵⁰⁵.

Не имея возможности присутствовать на заседании, намеченном на 6–8 апреля, Х. Карчикян выразил свое мнение в письменной форме. Его комментарии в контексте передачи Карса своей актуальностью, остротой и смелостью ничуть не уступают предыдущему документу, и к тому же проливают определенный новый свет на этот сложный общенациональный вопрос.

Прежде всего, Х. Карчикян был убежден, что на данный момент недопустимо было принятие Брест–Литовского договора, которым были прекращены боевые действия. «Это не освободит нас от продвижения Турции, от полного завоевания Закавказья,— писал он,— вопреки всем уверениям турок, завоевание Кавказа есть политический план и необходимость для Турции. Взятие Карса и Батуми было первым этапом...»⁵⁰⁶.

Развивая свою мысль, Х. Карчикян заверял, что новое турецкое наступление защитит последнюю от «будущей опасности России», для чего и требовалось провозглашение независимости Закавказья. Он был против этой независимости, дальновидно исходя из того, что «Россия не должна смириться с потерей Закавказья и сегодняшнее отделение должно быть воспринято не как осуществление идеи независимости, а как акт насилия, которому Закавказье было невольно подвергнуто под давлением Турции»⁵⁰⁷. Он считал, что даже в ближайшие

⁵⁰⁵ См. НАА, ф. 222, оп. 1, д. 122, л. 1–4.

⁵⁰⁶ См. НАА, ф. 222, оп. 1, д. 122, л. 1–4.

⁵⁰⁷ См. НАА, ф. 222, оп. 1, д. 122, л. 2.

месяцы Россия попытается войти на Кавказ. В этом вопросе Х. Карчикян опирался на факт существования Бакинской коммуны.

И, наконец, еще в двух вопросах он позволил себе высказывать нестандартные и смелые мнения: во-первых, Х. Карчикян выразил сомнение в том, что в случае продолжения войны вооруженные силы Армении будут способны воевать, а также в том, что в этом судьбоносном вопросе Грузия окажет поддержку⁵⁰⁸.

В первом случае явно видно объективное и жесткое отношение дашнакского деятеля к тактике, принятой его собственной партией, а именно — «переговоры и непротивление», а во-вторых, в этом контексте очевиден скептицизм по отношению к объединенному правительству и особенно к армяно-грузинскому политическому и военному сотрудничеству.

В то же время совершенно непонятны (после первого отказа) отступление перед грузинским напором и факт вхождения в правительство А. Чхенкели. Возникает вопрос, на какое развитие событий рассчитывали армянские официальные лица при первом отказе — что можно вернуть Карс? Или, как сказал Ал. Хатисян, «превыше всего мы ставим идею сохранения солидарности народов Закавказья»? Неужели настолько мощным был шантаж грузинских меньшевиков и даже политический расчет вручения премьерского портфеля Ов. Каджазнуни.

Возникает и другой вопрос: действительно ли Каджазнуни и другие думали, что, взяв на себя политическое руководство регионом, они окажутся в изоляции? Разве они не видели эту откровенную изоляцию с ноября, даже с Февральской революции 1917 года?

Проблема в следующем, они действительно позаботились о том, чтобы даже после вступления на пост премьер-министра

⁵⁰⁸ См. там же, л. 3.

ни Ов. Каджазунни, ни фракция «Дашнакцутюн», даже имея косвенную поддержку русских кадетов и левых эсеров, не могли принять в этом Сейме проармянских решений, они всегда были бы в меньшинстве.

Тем не менее мы считаем, что выполнение этой миссии в сложившейся ситуации и при проармянском правительстве в Баку и с армянскими вооруженными силами, численность которых доходила до 40 тысяч, во всяком случае сейчас могла быть выполнена совместная программа Шаумяна, «Дашнакцутюн» и других армянских национально–политических деятелей.

Иначе как еще объяснить вторую запоздалую попытку защитить Баку и Коммуну летом 1918 года?

Сдав Карс и Батуми, а затем и Александрополь, неужели не стало ясно, что отныне только армяне будут сопротивляться турецкому нашествию? Есть еще один важный довод: по состоянию на апрель 1918 года, даже после деморализации Эрзерума, армянские вооруженные силы превосходили грузинские и татарские воинские части, и особенно — своей боеспособностью.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ ЭТАП ПРОЦЕССА ОБРЕТЕНИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ (9 АПРЕЛЯ — 26 МАЯ 1918 Г.)

3.1. АКТИВИЗАЦИЯ ИДЕИ ВОЗМОЖНОГО ВОЗНИКНОВЕНИЯ НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ В КОНТЕКСТЕ БРЕСТ–ЛИТОВСКОГО ДОГОВОРА.

В январе 1918 года, после разгона большевиками всероссийского Учредительного собрания, единственный связующий фактор Закавказья с Россией продолжал оставаться вопрос войны и мира.

В контексте протурецкой ориентации Сейма, в условиях турецкого нашествия, Трапезундских бесплодных, а для армян пагубных переговоров, сдачи Карса и эта фиктивная связь оборвалась.

Известно, что Брест–Литовский договор большевистское руководство России подписало с Германией вынужденно, уступило 800 тыс. квадратных километров имперских территорий с одной главной целью — сохранить власть.

Перелом, произошедший после заключения перепошного Брест–Литовского договора, закавказское правительство пыталось защитить использовать в свои интересы — путем прямых переговоров с Турцией и военным сопротивлением.

По словам З. Авалова, «закавказская демократия выступила против турецкого империализма»⁵⁰⁹, но также известно, какие последствия это имело для армянской стороны.

По этому поводу генерал–майор Лионель Денстервиль в своих мемуарах приводит примечательный дополнительный

⁵⁰⁹ См. Авалов З., Независимость Грузии в международной политике, 1918–1921 гг., Воспоминания, Очерки. Paris, 1924, с. 27.

материал. Это относится к активизации роли Великобритании в регионе с января 1918 года, что, вполне понятно, прямо противоречило германо–турецким интересам.

Краткий геополитический анализ Денстервиля сводится к следующему.

Довоенный план Германии по достижению мирового господства предусматривал захват Малой Азии, углубление в Азию путем строительства железной дороги Берлин–Багдад. Когда в марте 1917 г. Багдад был захвачен англичанами, и стало ясно, что туркам его не отвоевать, немцы изменили свой план углубиться в Азию и выбрали маршрут Берлин–Баку–Бухара.

«А отсюда,— пишет Денстервиль,— Закавказье, Баку и Каспийское море должны были сыграть заметную роль, поэтому мне поручили воспрепятствовать появлению в тех краях немцев и турок»⁵¹⁰. Описывая процесс распада Кавказского фронта и сопротивление армянских сил на «родине армян», начиная с Эрзерума, он подчеркивает, что перенос театра военных действий из района главных операций (от Багдада до Баку — 800 миль) не позволял направить туда большое количество сил.

Единственный возможный и целесообразный план, согласно Денстервилю — делегирование британской миссии в Тифлис. Цель этой миссии заключалась в реорганизации пока еще расшатанных русских, армянских и грузинских воинских частей и восстановлении фронта против турецкого вторжения. «Честь выполнения этой заманчивой и практической миссии,— отмечает генерал,— была возложена на меня, и в январе 1918 года я покинул Багдад с головным отрядом».

Однако, как известно, до Тифлиса отряд так и не дошел. Причиной тому была активность Германии и грузинско–германское сближение. Понятно, что этот процесс был поддержан Османской империей путем турецкого нашествия. Денстервиль весьма метко охарактеризовал турецкие намерения. «Победы

⁵¹⁰ См. Генерал–майор Денстервиль, Британский империализм в Баку и Персии, 1917–1918, (Воспоминания), Тифлис, 1925, Советский Кавказ, с. 2.

падали, как спелые сливы с дерева, прямо в рот турок, — отмечал он, — кроме того, турки могли наконец проявить свою ненависть к армянам и воспользоваться перспективой разграбления больших городов»⁵¹¹.

Заслуживают упоминания и свидетельства Денстервиля о различных действиях, проводимых британскими офицерами в Иране. «Майор Вагстафф может рассказать о своих приключениях среди шахсеванов Джанджан–Миана, майор Старнес поведает о своих операциях против курдов в районе Бичара, майор Маккарти — о вербовке военачальников в Персии, полковник Мэтьюз — об опытах в районе Решта, полковник Кейворт — о Бакинской операции (имел в виду события сентября 1918 г. — В. М.) и, наконец, полковник Стокс доложит о своей работе в революционной армии»⁵¹².

Автором предисловия к русскому изданию книги Денстервиля был большевик Погос Макинцян, который резюмировал (конечно, с большевистской точки зрения, к тому же в 1925 г.), что целью английского генерала было одно — установить свое господство в Закавказье, на Северном Кавказе и в Туркестане, то есть прибрать к рукам Каспийское море, бакинскую нефть и туркестанский хлопок. «Этот жадный зверь, — пишет П. Макинцян, — даже признается, что, пойдя на интервенцию в отношении Баку, он фактически ввязался в авантюру, но, по его собственным словам, нефть стоит того, чтобы рискнуть пойти на авантюру»⁵¹³.

Активизации Англии в регионе также посвящено предисловие, написанное Гурко–Кряжиным в 1929 г. к книге М. Кемалья «Путь Новой Турции»⁵¹⁴.

Последний разделяет вмешательство Англии в региональные процессы на два этапа и объясняет его наличием следующих

⁵¹¹ Там же, с.3.

⁵¹² См. там же, с.1.

⁵¹³ См. там же, с.1–2.

⁵¹⁴ См. Мустафа Кемаль, Путь Новой Турции, 1919–1927, Москва, Литиздат, 1929, Предисловие, с. 2–3.

факторов. Февральская революция дала англичанам возможность отменить русские посягательства на черноморские проливы.

Действительно, по наблюдению Гурко–Кряжина, сначала Милюков, а затем Терещенко были изолированы от обсуждения Восточного вопроса, российская экспансия на Ближнем Востоке была фактически остановлена, что и открыло дорогу действиям англичан. Временно они ограничивались только районом оккупированных восточных вилайетов (Эрзерум — Трапезунд — Ван), которые, по сравнению с проливами, до поры до времени имели второстепенное значение, а позднее уже стали играть для Англии более значимую роль.

Второй фактор активизации Англии на Ближнем Востоке был связан с заметным военно–политическим и экономическим ослаблением Османской империи уже в том же — 1917 году.

Третьим фактором стало достижение небывалой военной мощи Англии во второй половине мировой войны и, таким образом, увеличение удельного веса над другими союзниками Антанты. Фактически ликвидация русских фронтов — Кавказского и Персидского, и отказ советского правительства от всех империалистических амбиций на Ближнем Востоке открыли англичанам дорогу. По оценке царского министра иностранных дел Н. Покровского, «накануне мирных переговоров Англия создала для себя выгодное положение на географической карте войны»⁵¹⁵.

Сепаратная война Англии против Турции должна была закончиться заключением одностороннего перемирия между этими государствами. Чтобы правильно оценить характер и масштабы политики Англии в 1918–1919 гг., не следует ограничивать интересы англичан только проливами, Анатолией, иными словами — исходить только из узко локального, географического положения Турции. Корни этой политики были гораздо глубже: тысячью нитей они были связаны с

⁵¹⁵ См. Записки министра иностранных дел Н. Покровского (переписки Трюмера) от 21/II 1917 г.), по М. Кемаль, с. 3.

Закавказьем, Туркестаном, Персией, Афганистаном, Индией, но больше всего — с Советской Россией. Во избежание провала англичанам нужно было уничтожить антибританский фронт, разбить его на отдельные, не связанные между собой звенья. Этим и объяснялась английская интервенция в Баку и Закаспийскую область в 1918–1919 годах, а также ее агрессивная политика в Персии, а затем в Турции⁵¹⁶.

Дабы оправдать свое вмешательство, англичанам нужен был повод, и в условиях продолжавшейся войны он должен был носить политико–стратегический характер. Такой повод подвернулся — это была немецко–турецкая угроза, которая, по их мнению, возникла в начале 1918 года. Гурко–Кряжин совершенно справедливо не обошел вниманием «маниакальную» пантюркистскую одержимость младотурок, в частности, план Энвера, который после фактического завоевания всего Закавказья (кроме Баку) мечтал о выходе на Астрахань, оттуда по казачьим степям — на Центральную Азию, а затем об окончательном объединении «тюркских народов Азии» под гегемонией Турции⁵¹⁷. «Оставим англичанам жалкую, бесплодную пустыню арабов,— насмеялся Халил–паша,— и направимся в Туркестан, я создам там империю для моего маленького Чингиза (его старшего сына)»⁵¹⁸.

Для полноценного представления британской политики на Востоке и в частности на Кавказе, обратимся к интересной беседе члена Палаты общин парламента Бекстона с писателем Ованесом Туманяном. На вопрос Бекстона о том, почему О. Туманян всегда защищает идею русского господства на Кавказе и услышав доскональное обоснование последнего, он обобщает: «Вы правы, вы должны держаться за Россию. Никогда не верьте, что Англия будет вашим защитником. Она имеет больше интересы, связанные с мусульманским миром. Мы друзья армянского народа, однако в британском парламенте

⁵¹⁶ См. Мустафа Кемаль, там же с.4–6.

⁵¹⁷ См. там же.

⁵¹⁸ Там же.

мы очень часто избегаем выступать защитой этого народа, чтобы не дать повода для мечтаний, что якобы Англия является защитником его интересов, мечты, которые могут ему дорого стоить»⁵¹⁹.

Один из ближайших офицеров генерала Томсона добовлял, что англичане не могут вести никаких изменений в настоящей ситуации Кавказа⁵²⁰.

Кстати, после провала в марте 1918 года Турция уже сама последовательно, всеми способами пыталась захватить Баку. Озабоченность руководства Бакинской коммуны свидетельствовала об активном участии Германии и Англии в турецких планах в Закавказье. В конце мая 1918 года во время радиосвязи с меньшевиком–интернационалистом Арамаисом Ерзнкяном Григорий Корганян — военный комиссар Коммуны и правая рука Ст. Шаумяна, сообщал: «Закавказье превратилось в арену борьбы между английским и немецким империализмом. Это грозит его уничтожением. Мы всячески препятствуем въезду англичан, а меньшевики и дашнаки, наоборот, допускают турок и немцев в Закавказье. По нашей информации, англичане угрожают перебросить свои войска из Персии в Закавказье во время вторжения в Закавказье турецко–германских войск»⁵²¹.

Армянская и зарубежная историография о Брест–Литовском договоре и Трапезундских переговорах оставила солидное научное наследие, и мы никоим образом не преследуем цель еще раз детализировать хронологию и последствия этих процессов.

Остановимся только на некоторых политических оценках, которые в полной мере отражают ожидания и настроения своего времени, а также непосредственно связаны с вопросом возникновения как Закавказья, так и будущих независимых национальных государств.

⁵¹⁹ НАА, ф. 441, оп. 1, д. 66, л. 1.

⁵²⁰ См. там же.

⁵²¹ См. «Оризон», 24 мая 1918 г., № 97.

21 января 1918 г. в Петрограде состоялось заседание русско–турецких делегаций. Подчеркнем вопрос Хакки–паши, главы турецкой делегации, адресованный Троцкому. «До сих пор мы знали,— сказал он,— что Кавказ принадлежит России. Если бы мы признали кавказское правительство независимым, то и не имело бы смысла заявление, которое мы представили здесь от имени турецкой делегации господину Троцкому, потому что в том заявлении мы просим русское правительство выполнить свой долг. Но если Троцкий захочет сказать, что на Кавказе есть самостоятельная власть, неподвластная русскому правительству, то получится новая ситуация, которую нам надо будет еще обдумать»⁵²².

За очередным турецким шантажом следует оправдание Льва Троцкого по поводу «вывода российских войск с армянских территорий»: «Так же, как мы уже выводим свои войска из Персии, мы выведем их из Армении, и это уже началось»⁵²³.

25 марта в газете «Ашхатавор» был опубликован призыв ЦК партии социалистов–революционеров по поводу «брестского предательства», в котором, отстаивая интересы мусульманского населения Закавказья, грузин и армян, а также исходя из антибольшевистской политики партии эсеров, подчеркивалось, что «если Россия потонет, то потонет и ее драгоценная жемчужина — Кавказ»⁵²⁴. Советский государственный деятель В. Воровский, по его же собственным словам, видел всестороннюю экономическую эксплуатацию России как возможное следствие сделки–примирения «немецкий Брест»⁵²⁵. Оценка генерала А. Деникина также была заострена на предательстве российских национальных и государственных интересов. «Основной порочный недуг Советской власти заключался в том, что эта власть не была национальной.

⁵²² «Арев», 3 февраля 1918 г., № 26.

⁵²³ См. там же.

⁵²⁴ См. «Ашхатавор», 25 марта 1918 г., № 31.

⁵²⁵ См. Воровский В. В., Сочинения, т. III, М., 1933, с. 375–376.

Никогда еще в русской истории после татарского ига представитель страны, какими в дни величайшего её падения явились последовательно господа Иоффе, Бронштейн и Бриллиант⁵²⁶, не подвергли большему унижению, чем на Брест–Литовской конференции.

Никогда ещё, вероятно, к жизненным интересам государства «полномочные послы» его не относились с таким грубым невежеством или презрением, как те лица, которые говорили от имени русского народа»⁵²⁷.

В дни уже начавшегося турецкого нашествия газета «Молот» — орган АРФ «Дашнакцутюн», в своей редакционной статье выражала надежду, что «как народы Закавказья, так и население Турции с глубоким волнением устремили взор на Трапезунд, где должны решаться вопросы мира и войны»⁵²⁸.

Перед Закавказским комиссариатом новые перспективы (по его мнению) намечал бывший военный министр эсер Дмитрий Донской. 7 марта он писал Е. Гегечкори из Петрограда, что ратификация Брест–Литовского договора «вызвала резкий протест: сдача Батуми и Карса расстроила их же самих — большевиков. Влиятельные наркомы непублично выражали намерение относительно отделения Кавказа, непризнания мира, организации сопротивления, даже подписания сепаратного, более выгодного мира с турками. Возможна финансовая государственная поддержка без ультимативного, окончательно признания большевистского правительства»⁵²⁹.

Более невероятным и в каком–то смысле провокационным было заявление А. Иоффе: «Закавказью, ожидающему помощи в борьбе с турками, представитель Совнаркома Иоффе отвечает, что Советы предлагают Закавказью прежде всего признать Брест–Литовский договор, а если после признания турки снова двинутся вперед и пересекут условные границы, то Совнарком

⁵²⁶ Бронштейн (Троцкий), Бриллиант (Сокольников).

⁵²⁷ Деникин А. И., Очерки русской смуты, Москва, 1991, с. 112.

⁵²⁸ «Молот», 1918, 25 февраля, № 40.

⁵²⁹ См. НАГ, ф. 1818, оп. 2, д. 249, л. 60.

не остановится в вопросе предъявления соответствующей ноты Турции»⁵³⁰.

Что касается турецкой стороны, то отношение последней частично отражают слова вице-спикера парламента Османской империи Хусейна Джавид-бея, который дал интервью немецкому журналисту. «Это примирение,— говорит он,— открывает новые горизонты для Турции». В течение двух с половиной столетий Турция была жертвой и лакомым куском империалистической алчности царизма. Россия хотела раздавить нас, чтобы присвоить наши проливы, а ведь это равносильно тому, чтобы лишить нас жизни. В этих условиях наши отношения с Россией оставались чрезвычайно натянутыми. С падением царизма и созданием Украинского государства Турция избавилась от вечной угрозы. Ничто не мешает нам отныне дружить с Россией. Будущее Турции — на Востоке. Большинство населения Кавказа составляют мусульмане, среди них немало и турок. Территории, заселенные тюркскими племенами, тянутся вплоть до Китая не прерываясь, сплошной линией. И есть другие племена, живущие на Северном Кавказе, с которыми, я надеюсь, мы достигнем отличного соглашения. Мы не преследуем никаких экспансионистских целей относительно этих земель»⁵³¹. На наивность Джавид-бея корреспондент газеты «Новая жизнь» ответил оценкой графа Равенлофа, что со взятием Карса и Батума перед Германией через Константинополь открывается дорога от Берлина до Персии, Афганистана и Индии»⁵³².

С.-д. меньшевик Аркомед (Г. Караджян), подвергнув критике А. Чхенкели — одного из лидеров своей партии, за «своеобразное миролюбивое настроение», пришел к заключению: «В настоящий чудовищный момент, когда враг после Батуми угрожает столице Кавказа (имеет в виду Тифлис —

⁵³⁰ См. там же, л. 185.

⁵³¹ См. там же, л. 211.

⁵³² См. там же.

В. М.), вполне возможно, произойдет новый кризис правительства»⁵³³.

Ранее, в феврале 1918 г., Аркомед, подчеркивая немецкий фактор в реализации планов Турции, написал: «Турции теперь может дать опору и поддержку имевшее место соглашение о мире. Отныне у нее есть такой защитник вампир, под острыми клыками которого находится ныне довольно обессиленная Россия — и все из-за власти Петрограда»⁵³⁴. Меншевик Аркомед свидетельствовал, что «5-е условие германского мира сформулировано так: «Россия сделает все, что в ее силах, чтобы немедленно вернуть Турции ее восточно-анатолийские границы, а также принимает отмену турецкой капитуляции»⁵³⁵.

На Брест-Литовский договор, заключенный «предательским правительством», Аркомед также обратился в своей статье «Продажа Закавказья»⁵³⁶.

Как известно, турецкая делегация в Трапезунде при закулисном участии германских дипломатов требовала точного выполнения Брест-Литовского договора и немедленного освобождения Карса, Ардагана и Батума закавказскими войсками. В то же время турки, всячески затягивая процесс переговоров, ставили окончательные условия примирения в зависимости от четкого заявления закавказской делегации о характере, форме, политическом и административном устройстве Закавказской республики. Противоречие заключалось в следующем: если Закавказье и дальше остается в государственных отношениях с Советской Россией, то выполнение Брест-Литовского договора должно быть для него обязательным. И это в конечном итоге привело к провозглашению независимости Закавказья.

⁵³³ «Пайкар», 1918, 7 апреля, № 74.

⁵³⁴ «Пайкар», 1918, 16 февраля, № 33.

⁵³⁵ Там же.

⁵³⁶ См. там же, 21 февраля, № 37.

Здесь необходимо подчеркнуть, что накануне падения Батуми, 31 марта (13 апреля), турецкая сторона потребовала от членов закавказской делегации провозгласить независимость⁵³⁷.

«Турок добился своего,— писал позднее Герсам Агаронян, один из теоретиков с.-д. партии Гнчакян,— сначала вынудил Сейм отделиться от России, затем принудил к роспуску и самого Сейма»⁵³⁸.

В контексте Бреста и независимости Закавказья Степан Сапах-Гюлян — другой теоретик из партии Гнчакян, редактор газеты «Еритасард Айастан» («Молодая Армения»), признавая большевистское правительство, считал, что «наша судьба решается в Брест-Литовске прямо сейчас, на первом ее этапе»⁵³⁹.

Характерно то обстоятельство, когда А. Чхенкели согласился вести переговоры с Турцией уже на основании Брест-Литовского мира, и когда сдача Батума уже стала реальностью, в Сейме началось непонятное буйное ликование — этакое анахроническое бряцание шпагами.

В статье «Вот где наше спасение» газета «Ашхатанк» дает точную оценку, раскрывая последовательную политику грузинского меньшевизма в Армянском вопросе: «полномочный Чхенкели, не обращая внимания на умоляющие взгляды окружающих его армянских манекенов, отдал Турции Карс и Ардаган, а город Батум, Ардвинский округ, северная часть Ардагана «останутся у нас...» Вот социал-демократ Чхенкели, который является одним из лидеров и заправил партии, столь оппозиционному национализму «Дашнакцутюн», посмотрите, как он придиричиво и педантично относится к границе Грузии, и кроме того, если бы турки захотели еще и Александрополь или Ереван, то я не думаю, что представитель Грузии предпримет

⁵³⁷ См. Ставровский Ал., Закавказье после октября, с. 23.

⁵³⁸ Агаронян Герсам. На пути к большой мечте, Бейрут, 1964, печ. Атлас, с. 110.

⁵³⁹ См. «Еритасард Айастан» («Молодая Армения»), Чикаго, 1918, 23 февраля, № 78.

какие-то особые усилия для ее защиты⁵⁴⁰. Помимо основного вопроса, выделим одну — осторожно, но вполне уверенно звучащую между строк мысль, касающуюся понятия «Грузия» и ее границ, причем в марте месяце. Получается, что даже еще до объявления независимости Закавказья и передачи Карса мысль о возможном возникновении национальных государств поднималась не только в грузинских, но и в армянских кругах. И в этом контексте, казалось бы, искреннее (на первый взгляд) признание Н. Жордания, что «вина демократии в том, что она вовремя не собрала армию» — чистейшей воды фарисейство⁵⁴¹.

У Армянской демократии имелась армия, и, возможно, он имел в виду бездействие грузинской армии, в данном случае — преступную деятельность последней внутри единого государства.

17 декабря 1918 года, уже во время армяно-грузинской войны, А. Чхенкели посылает письмо от имени социал-демократии Грузии в Международное социалистическое бюро и, в частности, дневник войны между Грузией и Арменией.

Вновь переоценивая роль грузинского меньшевизма и пролетариата Закавказья в управлении краем, и особенно в надуманном вопросе недопущения гражданской войны и преувеличенных посланий Европе, А. Чхенкели оправдывал создание Сейма, «провал политических отношений с Россией», непосещение Бреста, спасительную поддержку Германии, «опасность» русской армии и, конечно же, «армяно-татарскую вражду», подрывающую солидарность народов Закавказья.

Все это преследовало одну цель: оправдать отделение Закавказья от России⁵⁴².

На наш взгляд, наиболее беспомощно звучит ответ «Оризона» в статье «Необходимость сотрудничества», где одновременно выдвигается требование создать государство. «Кто в последнюю секунду сотворит судьбу нашего несчастного народа,—

⁵⁴⁰ «Ашхатанк» («Труд»), Ереван, 1918, 31 марта, № 91.

⁵⁴¹ См. Жордания Н. Н., За два года, с. 91.

⁵⁴² См. НАГ, ф. 1831, оп. 1, д. 6, л. 1–2.

говорилось в ней, — кто напишет последнюю страницу старой черной истории нашего многострадального народа? Или первую светлую главу новой истории? Кто? **У нас нет правительства, у нас нет своей государственной структуры и готового аппарата, которому можем придать силы, которому можем доверять, на который можем опереться. У нас его нет, но мы должны создать его. И сделать это мы должны быстро, буквально с лихорадочным напряжением сил, с отчаянной изобретательностью и искусством»**⁵⁴³ (выделено нами — В. М.).

Лидер «Рамкаваров» (либерал–демократическая партия) Артак Дарбинян также считал, что «хотя душа кавказских армян достаточно сильна, чтобы защитить отнятую у турок турецкую Армению, однако тело слабо»⁵⁴⁴.

Во всяком случае, позиция главной армянской политической силы проявляется даже в атмосфере общей неуверенности — в середине марта 1918 года, когда турецкие войска вновь завоевали Западную Армению: это была проблема создания своего — армянского правительства.

В то же время газета «Ашхатавор», орган Тифлисского ЦК АРФД, в статье «Имейте хотя бы совесть промолчать» поставила радикальные вопросы.

Газета требовала объяснений по ряду спорных и неясных вопросов о «славном» падении Батуми: «1. Что заставило Ферик–Вехиб–Мехмеда «просить» коменданта Батумской крепости прекратить боевые действия 29 марта, а 30 марта предъявить ультиматум? 2. Почему и в качестве кого Чхенкели от своего имени «просил» коменданта крепости прекратить боевые действия? 3. Учитывалось ли при заключении перемирия общее положение фронта, особенно положение в Карсе? Учитывалось хотя бы мнение главнокомандующего или штаба наших кавказских войск или нет? 4. Если нет, то кто и когда

⁵⁴³ «Оризон», 13 марта 1918, № 53.

⁵⁴⁴ Дарбинян Артак, В дни армянского освободительного движения, Ереван, 2003, с. 221.

наделил Чхенкели полномочиями вмешиваться в боевые действия со своими «проблемами», давать приказ о прекращении боевых действий и или сдать крепость? 5. Что это за «серьезные соображения», которые заставили председателя делегации отдать приказ «добровольно опустошить батумские крепости...»?⁵⁴⁵. Газета также задавала вопросы относительно сдачи Карса: 1. «Что вынудило, от чьего имени, кто уполномочил, с кем посоветовался министр–председатель, после чего «немедленно приказал принять условия турок»»? 2. Принимая эти условия, было ли предварительно выслушано мнение генерала Назарбекия и коменданта Карсской крепости? А если нет — то почему? 3. И опять тот же вопрос: кто и когда санкционировал, и в какой это стране принято, чтобы председатель правительства (особенно если его пока нет) вмешивался и управлял военными делами, не спрашивая ничего мнения? 4. Неужели боялся, что наши войска не смогут остановить «несколько преждевременное» нападение турок? Впрочем, так и произошло, и они напрасно открыли вам дверь для «недоразумений»⁵⁴⁶.

Возвращаясь еще раз к провозглашению независимости Закавказья, отметим обоснование лидера грузинского меньшевизма Н. Жордании. Официально об этом было объявлено 13 апреля 1918 года на объединенном заседании Краевого центра Исполкома Советов р., с. и к. депутатов, а также р. и с. депутатов, а именно: в постановлении «Провозглашение независимости Закавказья, осуществленное компетентным представительством всего населения Закавказья, то есть Сеймом, признать исторически необходимым актом и единственным выходом из создавшейся для всей страны военно–политической ситуации, что вытекает из необходимости отстаивать независимое существование, как от грозящего с

⁵⁴⁵ «Ашхатавор», 1918, 16 мая, № 45.

⁵⁴⁶ Там же.

юга империализма, так и от активнейшего, самого действенно-го анархизма с севера»⁵⁴⁷.

Считаем необходимым остановиться на важных вопросах, поднятых 11 апреля на заседании Исполкома Совета р. и с. депутатов в Тифлисе. Речь Н. Жордания в основном зиждилась на вопросе турецкого вторжения, в частности, на точках пересечения турецко–закавказских, закавказско–советских отношений. Во–первых, было опасение, что несмотря на существование Брест–Литовского мирного договора, и у Турции, и у Германии все еще не исчезла цель продвигаться вперед, а также то, что дальнейшие шаги Турции и ее союзников в Закавказье были обусловлены первоначальной формулировкой независимости последнего. Н. Жордания, опять же исходя из чисто грузинских интересов, заявил, что получив эту информацию, краевой комитет начал искать союзников в борьбе с Турцией — таких, как Центрофлот (Батумский Черноморский флот — *В. М.*), российское Центральное правительство (Совнарком — *В. М.*) и Северный Кавказ (антисоветские правительства — *В. М.*). И получается, что в контексте Брест–Литовского договора Центрофлот не имел права проводить какие–либо действия без разрешения Германии, хотя и не принимал этот договор. Что касается Советской России, то Совет народных комиссаров предлагал Закавказью признать Брест–Литовский договор, утверждая при этом, что этот шаг не остановит наступление турок, как не остановил он и нападение Германии. Если бы Закавказье признало власть Совета Народных Комиссаров, последний обязался бы направить в Германию дипломатическую жалобу — в случае нарушения Турцией Бреста⁵⁴⁸.

На наш взгляд, ряд существенных противоречий содержит позиция Н. Жордания, иными словами — грузинский меньшевизм. Во–первых, совершенно незачем было искать союзников за границей, в правовом и фактическом смысле «союзники» уже были в Закавказском сейме, а также в независи-

⁵⁴⁷ Жордания Н. Н., указ. соч., с. 93.

⁵⁴⁸ См. Жордания Н. Н., указ. соч., с. 88.

мой республике. Армяне больше, чем союзники, пытались защитить Кавказский фронт, а теперь и Восточную Армению — ценой перенапряжения собственных сил. Закавказский сейм и правительство были обязаны не только предоставить войска, оружие и боеприпасы, но и дать бой и остановить продвижение турок в Закавказье. Во-вторых, в высказываниях Н. Жордания мы выделим ту часть, касающуюся России, согласно которой даже если Закавказье признает условия Брест–Литовска, это не остановит турецкое вторжение. Это обстоятельство, на наш взгляд, осталось вне внимания советской и постсоветской армянской историографии, ибо возникает вопрос: если Брест–Литовск не играл решающей роли в Закавказье, то в таком случае, почему же были присоединены именно армянские территории — Карс, Ардаган, а также «грузинский» Батум? И в-третьих, едва ли не самое актуальное на тот момент: Закавказье, не признающее Советскую власть, и особенно грузинский меньшевизм и Н. Жордания, как и почему не обратилось к поддержке большевиков центра и почему единое краевое правительство не обратилось к помощи Бакинской Коммуны? Ведь на основании решения 7-й апрельской конференции партии большевиков 1917 года, согласно которому «вопрос о праве отделения наций недопустимо смешивать с вопросом о целесообразности отделения той или иной нации в тот или иной момент, и партия должна решать вопрос в каждом случае по-своему»⁵⁴⁹, закавказские большевики были против как вообще отделения Закавказья от России, так и раздела его между местными народностями. Правительство Советской России, в отличие от признания Финляндии и Украины, отвергло идею Закавказской независимости, оправдывая существование советской власти в Баку и Абхазии⁵⁵⁰.

⁵⁴⁹ См. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, часть 1-ая, Москва, 1954, с.345–346.

⁵⁵⁰ См. Маилян Бениамин, Вопрос статуса Абхазии, 1917–1921 гг., Ереван, 2008. с. 34–35.

Подчеркнем также тот факт, что на совместном заседании закавказского правительства и фракций сейма фракция меньшевиков выступила против турецкого ультиматума. В сложившейся ситуации все мусульманские фракции заявили о своем выходе из правительства. Стало совершенно очевидно, что они вполне ожидаемо выйдут и из Сейма и провозгласят независимость Азербайджана⁵⁵¹. «Братоубийственная война между нами и мусульманами становится неизбежной,— заявил Н. Жордания,— нам стало известно, что она неизбежно связана с турецким вторжением и турки обязательно воспользуются нашими противоречиями. Поступила информация о том, что турки и, возможно, местные татары занимают стратегические пункты в Ахалцихском районе. В целом мусульманское население крайне обеспокоено, поэтому в тылу возможны серьезные осложнения»⁵⁵². Таким образом Н. Жордания объяснял «эксперименты» делегации Сейма во время переговоров в Трапезунде и известные уступки, которые в основном касались сдачи туркам территорий Кавказского фронта, то есть — Западной Армении. За этим последовало провозглашение независимости Закавказья и формирование нового правительства. В связи с активизацией исламского фактора меньшевистская газета «Пайкар» («Борьба») заявила: «Отставка кабинета Е. Гегечкори и приход к руководству последним А. Чхенкели, подписавшего Брест–Литовский договор (имеется в виду соглашение — *В. М.*), означает крупную победу партии «Мусават» и других националистических элементов»⁵⁵³.

Получается следующая картина: сначала идея независимого государства активно поднималась с первой декады марта 1918 года — как в рамках грузинского меньшевизма и АРФД, так и после первой декады апреля, когда А. Чхенкели и грузинские меньшевики только что сдали Карс туркам и провозгласили

⁵⁵¹ См. Жордания Н. Н., указ. соч., с. 89.

⁵⁵² См. там же.

⁵⁵³ Аркомед С. Т., Материалы по истории отпадения Закавказья от России, 1923, с. 68.

независимость Закавказья, непонятно почему, по указке меньшевиков, первым должен был объявить независимость «Азербайджан». Непонятно также и то, что термин «Азербайджан» смело продвигался грузинскими меньшевиками, которые еще раньше начали переговоры с Германией по этому вопросу.

3.2. ФАКТОР ПОДДЕРЖКИ ГЕРМАНИИ В ДОСТИЖЕНИИ НЕЗАВИСИМОСТИ: ГРУЗИЯ И АЗЕРБАЙДЖАН

ГРУЗИЯ

В контексте турецкого нашествия и особенно после захвата Карса, Ардагана и Батуми, Германия серьёзно обеспокоилась чрезмерной экспансией Османской империи в Закавказье. Одновременно, в данной ситуации союзников сблизил геополитическая задача — в Малом Ближнем Востоке, в частности в Иранской Атропатене (Атрпатакан) предотвратить активизацию Британии.

Что касается статье Брест–Литовского договора касательно Закавказья, которую турки в Трапезунде пытались навязать Сейму, Германия выразила свою озлобленность относительно сопротивления Сейма, в том числе фракции АРФД. Считались неприемлемыми, с одной стороны, призывы армянских кругов к сопротивлению против турков, а с другой стороны к упованию содействия англичан или третьей силы. По мнению Ашота Айруни, для создания «мирного порядка» в регионе Германия считала необходимым, чтобы армяне отказались от сопротивления, стремлений к независимости, и чтобы пошли на встречу мирным предложениям турков. Одновременно, знаток германской политики А. Айруни уверен, что несмотря на то, что Германия не принимая сверхмиролюбивую позицию, всё-таки не намеревалась силой оружия предотвратить зверства турок по отношению к армянам⁵⁵⁴.

⁵⁵⁴ См. Айруни Ашот, Армянский вопрос в Германской внешней политике в 1918 году, Ереван, 2013 (на арм. яз.), сс. 8, 13.

27 апреля 1918 года, перед тем как будущее грузинское правительство пригласило немецкие войска в Грузию, немцы вынудили турок подписать в Константинополе секретный договор о разделе сфер влияния в Закавказье. По этому соглашению Турции передавались уже занятые последней территории в Грузии и почти вся Армения, а в остальной части Закавказья, то есть в Восточном Закавказье, должна была действовать Германия.

Однако Германия не могла осуществить этот план немедленно по некоторым причинам: в первую очередь, из-за недостаточности военной силы, а также из-за того, что учитывала и Брест-Литовскую сделку, и факт противодействия Советской России — в лице Бакинской Коммуны. Необходимо было действовать дипломатическим путем. Поэтому для защиты германских интересов, регулирования судоходства в Черном море и организации нормальных торговых отношений с причерноморскими районами германское правительство поставило задачу — создать в регионе широкую сеть представителей и агентуры с целью сбора информации⁵⁵⁵.

Завоевание Грузии для Германии, по мнению Е. Лудшувейта, должно было стать прелюдией к образованию грузино-армянской федерации под покровительством Германии, а затем и к завоеванию всего Закавказья. Колонизированную территорию должен был возглавить сын Вильгельма II — Иоахим. Этот план призван был способствовать завоеванию Среднего Востока и Индии⁵⁵⁶. Н. Жордания быстро согласился с главой германской военной миссии в Закавказье Отто фон Лоссовом, который предложил, чтобы «Грузия вышла из Закавказской федерации и объявила о своей независимости»⁵⁵⁷. Кстати, Е. Лудшувейт отмечает по поводу мнения Аркомед, что автор приписывает

⁵⁵⁵ См. Пипия Г. В., Политика Германии в Закавказье в 1918 году, Сборник документов, Тбилиси, 1971, с. 10.

⁵⁵⁶ См. Лудшувейт Е. Ф., Турция в годы Первой мировой войны 1914–1918 гг., Военно-политический очерк, Москва, 1966, с. 199.

⁵⁵⁷ См. Аркомед С. Т., указ. соч., с. 74–75.

себе то, что он первым упомянул об этих переговорах в советской литературе, тогда как ранее это сделал С. Хейфец в статье «Закавказье в первую половину 1918 г. и Закавказский Сейм»⁵⁵⁸.

Германия брала обязательство признать де-факто независимое правительство Грузии и подписать с ним соглашение о принятии покровительства.

В армянской действительности, независимо от Грузии, также искали поддержки Германии. Об этом свидетельствует телеграмма фракции АРФД в Сейме от 18 мая, адресованная Закавказской мирной конференции (имеются в виду батумские переговоры — *В. М.*)⁵⁵⁹. Однако Германия была более осторожна по отношению к армянской стороне, так как пока напрямую поддерживала Турцию и на юге Закавказья — в Атропатене, и в вопросе железной дороги Тифлис–Баку, и особенно на Ближнем Востоке, в Персии — в контексте политики против Англии.

Поскольку тайные грузино–германские переговоры и «делка о независимости» имеют прямое отношение к процессу распада Федеративной Демократической Республики Закавказья и возникновению национальных государств, представим краткую хронологию развития событий.

28 апреля 1918 года Турция, по требованию Германии, объявила о начале переговоров с закавказским правительством, но они начались только 11 мая в Батуми. Германия взяла на себя роль посредника. Представители Закавказья (ясно, прежде всего, грузинские меньшевики) не были против, ибо считали, что «нахождение немцев в Батуми есть обстоятельство, сдерживающее Турцию»⁵⁶⁰.

Турки, однако, отвергают посреднические услуги немецкой делегации, и немцы начинают тайные переговоры с грузински-

⁵⁵⁸ См. Хейфец С. Я., Закавказье в первую половину 1918 г. и Закавказский Сейм, «Былое», Петроград, 1923, № 1.

⁵⁵⁹ См. Документы и материалы по внешней политике Грузии, Тифлис, 1919, с. 283–284

⁵⁶⁰ См. Авалов З., указ. соч., с. 60.

ми меньшевиками. Этот процесс закончился тем, что 14 мая Национальный совет Грузии принял решение просить покровительства Германии.

Определенный интерес представляют предложения Национального совета Грузии. Так, НСГ (Национальный совет Грузии — *В. М.*) попросил Отто фон Лоссова, чтобы: а) немецкие войска продолжали движение в направлении Северного Кавказа и подошли по возможности настолько близко к границам Грузии, чтобы установить с ними непосредственный контакт и обеспечить безопасность Грузии от внешних угроз; б) фон Лоссов поддержал возвращение грузинских военнопленных на родину в военном порядке; в) просить фон Лоссова, насколько это возможно, дольше продержать немецких пленных и офицеров в Грузии, иными словами, сформировать немецкую воинскую часть, чтобы при ее поддержке правительство Грузии имело возможность охранять правопорядок внутри страны и бороться против анархии⁵⁶¹.

Теперь в интересах Германии было иметь три «независимые» республики вместо единого закавказского государства. Эту проблему облегчал тот факт, что Турция, в свою очередь, тайно от Германии вела переговоры с мусаватистами⁵⁶².

В ходе переговоров в Батуми Турция сознательно ставила такие условия, принятие которых было равносильно утрате суверенитета Закавказской Федеративной Республики. При этом, ведя переговоры, турки не прекращали вторжение и оккупировали в основном армянские территории.

8 мая командующий турецким 1-м армейским корпусом генерал Кязим Карабекир получил приказ захватить Александрополь и наступать по железной дороге в направлении Александрополь–Джюльфа. 10 мая турки форсировали Ахурян, 11 мая начались переговоры в Батуми, 14-го мая закавказской делегации был предъявлен ультиматум, а 15-го мая командую-

⁵⁶¹ См. Хачапуридзе Г. В., Борьба за пролетарскую революцию в Грузии, Очерки, 1917–1921, Тбилиси, 1936, с. 129.

⁵⁶² См. Пипия Г. В., указ. соч., с. 11–13.

щему отдельным Армянским корпусом и Кавказским фронтом генералу Т. Назарбеяну был вручен ультиматум — освободить Александрополь, дав на этот процесс всего час времени⁵⁶³. 26 мая турецкая делегация выдвинула требование о совершенно новых территориях, среди которых были отдельные районы Шарур–Даралагызской, Ереванской, Нахиджеванской, Эчмиадзинской, Ахалкалакской губерний и Александрополя.

В ультимативной форме они требовали также права беспрепятственного передвижения турецких войск по всем закавказским железным дорогам и даже обеспечения их продовольствием. Ответ должен был быть дан через 72 часа. Это был последний удар по Закавказской республике, и в этот момент немцы уже были полностью готовы оккупировать Грузию⁵⁶⁴.

За это время, 15 мая происходит прямой телеграфный разговор А. Манукяна и Драстамата Канаяна с С. Врацяном и К. Газазяном — о ходе батумских переговоров и, в частности, о роли Германии. Из Тифлиса сообщали, что «немецких войск нет: немецкие депутаты сообщили, что выступают за независимое Закавказье в составе трех штатов: Грузии, Армении и **Атрпатакана**» (подчеркнуто нами — *В. М.*)⁵⁶⁵. Ереван (иными словами, Арам и Дро), выражает свою точку зрения, что «нужно совершенно искренне идти навстречу требованиям немцев»⁵⁶⁶. С. Врацян и К. Газазян ответили из Тифлиса, что они придерживаются того же мнения: «Мы примем любые условия, лишь бы они обеспечивали наше физическое существование»⁵⁶⁷. Отправной точкой стало принятие брестских условий.

25 мая турецкая 5–я Кавказская дивизия под командованием Нури–паши, двигаясь в направлении Казах–Акстафа, должна была войти в Елизаветполь и соединиться с местными

⁵⁶³ См. Лудшувейт Е. Ф., указ. соч., с. 182–185.

⁵⁶⁴ См. Пипия Г. В., указ. соч., с. 11–13.

⁵⁶⁵ Манукян Арам, сборник документов и материалов, Ереван, 2009, с. 305.

⁵⁶⁶ См. там же.

⁵⁶⁷ Там же.

мусульманскими отрядами, а дальше уже в качестве отдельной кавказской Мусульманской армии нанести лобовой удар по советской власти в Баку. В тот же день, 25 мая, в Елизаветполь вошли авангардные полки этой дивизии, а уже 27-го прибыл и сам Нури-паша.

Командиром «Дикой дивизии» был назначен полковник царской армии, перешедший на службу Мусульманскому национальному совету Гянджи (Елизаветполь), грузинский князь Леван Магалов (Магалашвили)⁵⁶⁸, который в 1918 г. во время мартовско-апрельского мусаватистского мятежа потерпел сокрушительное поражение от Бакинского совета и армянских вооруженных сил.

Оккупировав Армению и Восточное Закавказье, Турция намеревалась в противовес плану Германии по созданию армяно-грузинской федерации, противопоставить создание армяно-азербайджанского союза — под своим господством.

По завершении батумских переговоров, 22 мая, Н. Жордания отправился в Тифлис, а немецкая делегация под руководством Отто фон Лоссова 25 мая выехала из Батуми в Поти. В тот же день в Поти из Крыма с целью оккупации Грузии прибыли две немецкие роты — 300 солдат и офицеров. В Поти О. фон Лоссов и посол Германии в Грузии граф фон дер Шуленбург начали переговоры с А. Чхенкели — на тот момент уже находившегося в статусе министра иностранных дел Демократической Республики Грузия, провозгласившей независимость 26 мая⁵⁶⁹.

Из секретного сообщения начальника генерального штаба германского военного командования, датированного 25-ым мая 1918 года раскрывается чрезвычайно важный и примечательный факт: в Батуми, а позднее и в Тифлисе, должна была располагаться ставка Главного штаба Верховного главнокомандования германских сухопутных войск и Военного министерства — для Кавказа. Майор Хейн, выполнявший эту функцию,

⁵⁶⁸ См. Лудшуйейт Е. Ф., указ. соч., с. 210.

⁵⁶⁹ См. Лудшуйейт Е. Ф., указ. соч., с. 200–201.

имел почтовый адрес, соответственно именовавшийся «Офицер германского Генерального штаба в Батуми»⁵⁷⁰.

Важно то обстоятельство, что главной его задачей было обеспечение экономических интересов Германии **в новых кавказских государственных образованиях** (выделено нами — *В. М.*)⁵⁷¹.

Сотрудник Института российской истории РАН А. Иголкин, ссылаясь на труд Э. Дэвенпорта и С. Кука «Нефтяные тресты и англо–американские отношения», опубликованный в 1925 г. в Москве, в точности повторяет тезис авторов о том, что Грузия представляла интерес для немцев как единственно возможный путь транспортировки нефти. Он добавляет, что в 1918–1919 гг. независимую Грузию иронично называли «Грузинской нефтепроводной республикой»⁵⁷².

Получается, что 25 мая — за день до знаменитого заседания Сейма 26 мая, не только в официальных немецких кругах, но и среди грузинских деятелей уже был известен и подготовлен факт провозглашения независимости.

28 мая 1918 года в Потти между германским имперским правительством в лице баварского генерал–майора Отто фон Лоссова — с одной стороны, и правительством Грузии в лице министра иностранных дел Акакия Чхенкели — с другой стороны, было заключено предварительное соглашение. Формально оно опиралось на принципы Брест–Литовска, но фактически превратило Грузию в германскую колонию. В соответствии со 2–ой статьей, грузинское правительство разрешило четырем союзникам Четверного союза использовать железные дороги в пределах границ Грузии для перевозки войск и военного снаряжения. В связи с этим в Тифлисе создается военная комиссия под руководством Германии, которая, по

⁵⁷⁰ См. Пипия Г. В., указ. соч., с. 31–32.

⁵⁷¹ См. там же.

⁵⁷² См. Девенпорт Е. Г., Кук С. Р., Нефтяные тресты и англо–американские отношения, Москва, 1925, с. XXVI, по А. Иголкин, Независимое Закавказье: урок, 1917–1921 гг., <http://www.karabah88.ru/history/karabah/39>

согласованию с грузинским правительством, берет на себя эксплуатацию железной дороги. Статья 3-я предусматривала создание дипломатических миссий в обеих странах. В этот же день подписываются еще шесть соглашений: об обмене военнопленными, регулировании валютного эквивалента, о первом и втором дополнительных соглашениях временного соглашения и о передаче Германии всех кораблей, находящихся под контролем Грузии⁵⁷³. Понятно, что все эти корабли принадлежали российскому Черноморскому флоту.

И наконец, 8 июня в Поти прибыла новая воинская часть в составе 3000 немецких солдат и нескольких подводных лодок. Основная часть войск вошла в Тифлис, и 13 июня грузинское правительство объявило, что оно пригласило немцев для защиты границ страны.

Потийское соглашение также содержало секретное письмо Отто фон Лоссова, адресованное правительству Грузии. В тот же день, 28 мая, немецкий генерал взял на себя обязанность добиться, «чтобы германское правительство заявило о своей готовности поддержать Грузию во время переговоров с русским правительством»⁵⁷⁴. Речь шла о выходе Грузии из состава Российской империи и после этого отделения — о признании Грузии свободным и независимым государством. Немецкий полномочный представитель также принимал на себя обязательство помогать Грузии в вопросах отношений и границ с соседями. В том же письме было дано общее определение территории Грузии: границы последней должны были включать бывшие Тифлисскую и Кутаисскую губернии и Сухумский округ.

На основании Брест–Литовского договора Батумская область оставалась за пределами Грузии, в то же время, в контексте Батумских переговоров, фон Лоссов игнорирует новое требование Турции на Ахалцихскую и Ахалкалакскую губернии, иными

⁵⁷³ См. Пипия Г. В., указ. соч., с. 34–41.

⁵⁷⁴ См. Авалов З., указ. соч., с. 68.

словами, было вполне возможно, что они останутся в пределах Грузии⁵⁷⁵.

З. Авалов приводит еще одну примечательную оговорку из этого письма — относительно будущей Абхазии. Согласно этому, Сухумская область (включая Гагры) будет частью Грузии до тех пор, пока Грузия не станет отдельным государством в границах Кавказа.

Если бы была образована конфедерация кавказских народов с участием Грузии, то населению Сухумского округа был бы предоставлен выбор в решении вопроса среди кавказских стран. Иными словами, население Абхазии имело бы возможность сделать выбор: либо присоединиться к Грузии, либо войти в состав Союза горских народов, либо войти в состав Кавказской Конфедерации в качестве особого государства — в статусе кантона⁵⁷⁶.

Становится ясным, какое значение придавалось политическому объединению кавказских народов, и это в тот момент, когда распад закавказского союза — Независимой Республики, стал необходимостью. Ясно также, что союз должен был быть направлен в первую очередь против Советской России.

И, наконец, секретное письмо Отто фон Лоссова заканчивалось записью о прибытии немецких войск в Поти, на котором мы остановились выше.

АЗЕРБАЙДЖАН

Провозглашение «независимости Азербайджана» было напрямую продиктовано Турцией.

Правящим кругам младотурок было наиболее выгодно, чтобы именно внутри «Азербайджана» разыгралась «комедия независимости», а местные власти выступили инициатором приглашения турецких войск. Это также в какой-то степени удовлетворяло и международное общественное мнение,

⁵⁷⁵ См. там же.

⁵⁷⁶ См. Авалов З., указ. соч., с. 68–69.

поскольку намного лучше было представить, что турецкие власти действовали в роли поддерживающей стороны, скрывая таким образом свой завоевательский план.

Цитируя Энвер–пашу, М. Расул–заде сказал, что «Азербайджан, имея общую границу с Турцией, может установить более узкий союз с Османской империей, вплоть до подобия австро–венгерского союза»⁵⁷⁷.

Что же касается мусаватистов, то они, в свою очередь, писали Энверу, что, несмотря на пожелание, чтобы области с мусульманским населением в Закавказье были полностью ассимилированы с Турцией, они согласны поддерживать политику турок и быть пока независимыми и сильными⁵⁷⁸.

А относительно мусульманских фракций Сейма следует отметить, что они ограничились заявлениями о поддержке Закавказского правительства, подчеркнув при этом особое положение кавказских татар по отношению к Турции. Представитель «Мусават» Ш.–бек Рустамбеков отметил невозможность участия кавказских татар в военных действиях против Османской Турции, объясняя это их статусом невоеннообязанных и религиозной связью с Турцией⁵⁷⁹.

Несмотря на утверждения азербайджанских историков о том, что политические силы кавказских татар всегда были верны идее независимости Закавказья, их реальной целью было добиться распространения влияния Османской Турции в Закавказье, что в свою очередь привела бы к установлению татарского господства в регионе. Об этом свидетельствует тот факт, что уже в январе 1918 г. образованный в Елизаветполе Национальный комитет мусульман принял решение направить в Турцию делегацию во главе с Наги Кейкуруном (Шейхзамали) — одним из влиятельных деятелей национального движения, и

⁵⁷⁷ См. Сургуладзе А. Н., Закавказье в борьбе за победу социалистической революции, Тбилиси, 1971, с. 129.

⁵⁷⁸ См. Известия ВЦИК РСФСР, № 62, Москва 1918.

⁵⁷⁹ См. Балаев А., Азербайджанское национальное движение в 1917–1918, Баку, 1998, с. 156–157.

просить военной помощи в захвате Баку. Примечательно, что в ходе встреч с турецким руководством Н. Кейкурун подчеркивал: «Азербайджанское население является несомненно тюркским — и по языку, и по традициям... Деморализованная русская армия не смогла противостоять вооруженным силам нашего народа, а созданные в разных уголках страны национальные комитеты положили конец анархии»⁵⁸⁰. Под «анархией» он имел в виду, конечно, зверские расправы над отступающими русскими воинскими частями на участке Баку–Тифлис Закавказской железной дороги и особенно на станциях Елизаветполь–Акстафа–Шамхор.

Этой проблеме мы посвятили три монографии⁵⁸¹.

В кратце представим суть вопроса. Большевистский переворот и большевизация Кавказской армии с весны 1917 г. придали процессу массовую дезертирства организованный, мощный характер. Конечно, решающую роль сыграл приказ Ленина и Троцкого от 10-го декабря 1917 г., по которому уже большевизированные деятельностью С. Шаумяна части Кавказской армии немедленно отзывались на Северный Кавказ и в Россию, с целью защиты хрупкой Советской власти. И так как новоиспеченный Закавказский комиссариат не признал советскую власть, поэтому присутствие этих частей на фронте и в Закавказье стало политическим фактором и в качестве руководящей роли Бакинского совета рассматривалось в контексте альтернативы власти.

Именем некоего Гранёнича, 11-го февраля 1918 г. из Баку была получена телеграмма, где в частности сообщалось, что «Исполнительный комитет совета р. и с. депутатов Баку на железнодорожных узлах и в портах осуществляет конфискацию

⁵⁸⁰ См. Князьян Д., Кавказская политика Азербайджанской Демократической Республики, 1918–1920 гг. Ереван, 2008, с. 21–22.

⁵⁸¹ См. Меликян В. Г., Проблема власти в Закавказье: Деятельность Закавказского комиссариата (ноябрь 1917 г. — февраль 1918 г.), Ереван 2010 (на арм. яз.), Борьба за Баку (ноябрь 1917 г. — апрель 1918 г.), Ереван, 2018, (на арм. яз.), Борьба за Баку (ноябрь 1917 г. — апрель 1918 г.), Ереван 2019.

разных интендантских (тыловых) товаров, создатёт должность особого комиссара по снабжению, с целью обеспечения товарами Персидский фронт и Бакинские учреждения. **Магазин контролируется солдатами Армянского полка. Всё надёжно.** (Выделено нами — *В. М.*)⁵⁸².

Теперь же в лице «армии освободителя» закавказское правительство и партии увидели армию «предателя» и «врага», которая покидая край забирала с собой оружие и боеприпасы, необходимые по мнению грузинских меньшевиков для вооружения национальных частей и для сопротивления ожидаемому турецкому нашествию. Развитие событий в период с декабря 1917 г. по март 1918 г. свидетельствует о том, что это вооружение в первую очередь было необходимо для грузино–татарского тандема, чтобы покончить с проармянской советской властью в Баку. Армянская фракция, т. е. АРФД в составе Комиссариата не участвовала в погромах безоружных русских солдат. Более того, в основном, и только армянские национальные формирования защищали фронт–родину и далее Восточную Армению. Благодаря Караклисской (Ванадзор) самообороне в мае 1918 г. Тифлис смог оградить себя от турецкого завоевания, отодвинуть план захвата Баку.

Уместно сослаться на новообнаруженный нами документ, согласно которому отправленный Закавказским комиссариатом в Акстафу командир бронипоезда Абхазава, 16–го февраля 1918 г. докладывал Н. Жордании, что большевистские руководители, Джапаридзе (Ст. Шаумян также доехал до Елизаветполя и Шамхора — *В. М.*), выезжая из Баку, через Гаджикабул доехали до Евлаха. «Когда доедут,— писал он,— они мною будут арестованы. Я прибегну ко всем средствам, чтобы спасти бронепоезд, приеду в Тифлис, чтобы взять на себя обеспечение Карсской линии. Я вас уверяю, что этим эшелонам нельзя доверять: ведь они арестовали представителя члена Исполнительного комитета (имеется виду краевой Исполнительный

⁵⁸² См. НАГ, ф. 1969, оп. 1, д. 674, л. 18.

комитет совета р. и с. депутатов Тифлиса, т. е. грузинских меньшевиков — *В. М.*), ведь они же подлые существа»⁵⁸³.

Важно именно обстоятельство защиты Карсской линии, что свидетельствует о факте грузино–турецкого сотрудничества, и вследствие этого сдан Карс туркам, что на деле подготовливалось еще с февраля 1918 г.

Вернёмся к нашему материалу.

«Азербайджанский народ рассчитывает на вашу помощь,— продолжил Н. Кейкурун, помогите нам стать независимыми. Не пытайтесь доминировать над нами. Дайте нам стать сильными и твердо стоять на ногах. Не посылайте в Азербайджан большую армию. Нам нужны военные инструкторы и офицеры»⁵⁸⁴.

10 февраля 1918 года, в день открытия Сейма, как мы уже упоминали, отсутствовал почти весь состав фракции «Мусават», члены которой, по свидетельству современника событий журналиста С. Хейфеца, на местах занимались подготовительной работой по объединению «Азербайджана» с Турцией⁵⁸⁵. В свою очередь, турецкое руководство осознавало, что национальное движение кавказских татар, в отличие от национальных движений армянского и грузинского народов в частности, находится на низком уровне развития, не имеет ни исторического пути, ни традиций, и без серьезной политической, военной и материальной поддержки не может серьезно способствовать продвижению турецкой армии в Закавказье и Баку.

«Азербайджан чего–то ждет,— отмечает участник Бакинского похода 1918 года, турецкий историк Сурей Айдемир,— османская армия придет, прольет кровь в боях и освободит азербайджанских братьев. После этого Азербайджанское государство — на основе одного языка, одной культуры, одной религии и одной родины заняло бы свое место в истории»⁵⁸⁶.

⁵⁸³ См. НАГ, ф. 1969, оп. 1, д. 672, лл. 26–28.

⁵⁸⁴ См. там же, с. 22.

⁵⁸⁵ См. там же.

⁵⁸⁶ См. там же.

Перед отправкой делегации на переговоры в Батум один из мусульманских лидеров Н.–б. Усуббеков, будущий председатель правительства Азербайджана, так представил в своем докладе ситуацию в Закавказье: «Страшная анархия, охватившая не только нас, азербайджанских тюрков, но и все Закавказье, не может быть преодолена только нашими собственными усилиями: ситуация усугубляется тем, что с востока наступают большевики, которые в союзе с нашим извечным врагом (Ставровский отмечает, что Усуббеков имеет в виду армян и события марта–апреля 1918 года в Баку — *В. М.*) **несут с собой уничтожение и окончательную гибель тюркских народов** (выделено нами — *В. М.*). В нашем столь беззащитном состоянии мы не видим иного выхода, кроме иностранного вмешательства. В настоящий момент мы можем радоваться тому счастливому стечению обстоятельств, что прибывающая иностранная держава является нашим другом и братом — это Турция. Нашим соседям это может не нравиться, но иного выбора у нас нет. Настало время, когда наша делегация должна отправиться в Батум и **от имени тюрков Восточного Закавказья** (выделено нами — *В. М.*) просить помощи у Османской империи. Конечно, мы не можем настаивать на том, чтобы турки немедленно ввели войска, мы должны только попросить, но при всем этом нельзя игнорировать идею существования свободного Азербайджана»⁵⁸⁷.

Взятие Батума и последующее стремительное наступление турок показали закавказскому правительству, что у него нет настоящей единой армии, реальной военной силы для борьбы с врагом. При этом все важнейшие вопросы края обсуждались и решались вне Сейма.

«Размахивание картонными шпагами» в Сейме, как свидетельствует один из летописцев вопроса Ал. Ставровский, подчеркнуло неспособность демократического правительства объединить внутренние силы Закавказья. Представители этого правительства говорили хорошие, добрые слова, но, несомнен-

⁵⁸⁷ См. Ставровский Ал., указ. соч., с. 50–51.

но, относились друг к другу враждебно и за спиной точили кинжалы. «Грузинские меньшевики, ставшие националистами, когда дело доходило до Грузии, готовы были предать и пожертвовать Арменией,— писал он,— только лишь ради того, чтобы спасти себя. Армянские дашнаки, ненавидя мусульман Закавказья, и точно так же — в качестве соплеменников турок, ненавидели и грузин, и мусульман, мусаватистов, пребывавших в ожидании прихода турок и мечтавших отомстить армянам и покарать грузин, а затем стать правящим народом Закавказья»⁵⁸⁸.

Понятно, что Ал. Ставровский ставит знак равенства и пытается на одном и том же уровне комментировать степень взаимной ненависти, но тут же противоречит сам себе, ссылаясь на диалог депутата Сейма Гаджинского с Энвер-пашой. «После прерывания Трапезундской конференции,— писал позднее Гаджинский,— важным событием был приезд Энвер-паши в Трапезунд и Батум, а также наша встреча, во время которой мы хотели сохранить вековую дружбу между тюркскими народами и грузинами и удержать грузин от того враждебного отношения к Турции, какое было у армян, что и подчеркивал Энвер-паша»⁵⁸⁹.

Подчеркивая эту искреннюю дружбу, в контексте очередного турецко–грузинского сближения и сославшись на Геноцид армян, Энвер преподал следующий урок: «Трагический конец бредовой армянской политики удержит грузинский народ от подобного отношения к Турции, которая обещает и гарантирует Грузии все блага свободного сосуществования и хочет сделать ее своим надежным соседом»⁵⁹⁰. Энвер-паша не только признал организацию Геноцида армянского народа, но и пытался напугать грузин его повторением, в каком-то смысле максимально обострив грузино–армянский политический конфликт, целью чего было исказить перспективу армяно–грузинского вооруженного сотрудничества против турецкой угрозы, чтобы окончательно реализовать заложенный в 1917 г. грузино–та-

⁵⁸⁸ См. там же, с. 34–35.

⁵⁸⁹ См. там же.

⁵⁹⁰ См. Ставровский Ал., указ. соч., с. 35.

тарский антиармянский союз, в результате которого, как свидетельствовали Батумские переговоры, за счет армянских территорий в Закавказье должны были образоваться республики Грузия и Азербайджан, но не Армения.

Как бы то ни было, А. Чхенкели телеграфирует Вехиб-паше, что Закавказское правительство одобрило заявление делегации от 28 марта (10 апреля) о принятии Брест–Литовского договора и выражает готовность возобновить переговоры на основе последнего уже в Батуми.

Таким образом, после сдачи Карса и провозглашения Закавказья независимой республикой положение внутри правительства и вокруг него, на наш взгляд, можно выделить как отдельный переходный этап на пути к провозглашению независимых государств.

Он характеризуется, главным образом, тем, что у грузинских меньшевиков и азербайджанских мусаватистов вопрос о независимости ставился намного более четко, определенно и смело, а в армянской среде, исходя из объективных условий — с более тревожной и робкой формулировкой.

Примечательна статья Т. Сорокина, опубликованная в 1918 г. в первом июльском номере тифлисского журнала «Русская Дума». Он считал, что все важнейшие политические события, происходившие после провозглашения независимости Закавказья, имели место вне Сейма или «при его молчании». «Представительское учреждение, а именно Сейм,— писал он,— почти окаменело, замолкло в своих стенах, не выражая ничего из того, что происходило вне стен, и это происходило в самый бурный и болезненный период закавказской действительности». Чувствовалось, что самые важные дела происходили снаружи, за кулисами, у каждой партии и группы — по-своему, без возможности делать что-либо вместе. И что было делать, когда никто не знал, что будет завтра, когда жизнь народов Закавказья с каждым днем становилась все более зависимой от внешних сил»⁵⁹¹.

⁵⁹¹ Ставровский Ал., указ. соч., с. 49.

В этом смысле интересную позицию встречаем в мемуарах поручика Сибирской роты Алексея Колмакова⁵⁹². «Нам трудно сознавать,— писал он,— что в закавказском Сейме враги Армянского народа своё поганое дело творят. Более того, со стороны грузин и татар осуществлялись какие-то тёмные дела, захватывалось оружие, что очевидно было направлено против армян»⁵⁹³.

Добавим, что в подтексте слов А. Колмакова весьма очевидно раскрывается замысел программы Ст. Шаумяна по ликвидации Сейма и содействующий осуществлению данного плана фактор Андраника.

А. Колмаков свидетельствует: «Нужно было уничтожить Закавказский сейм — гнездо предательства. О нашем решении сообщили Андранику. Спустя четыре часа должны были осуществить наше решение»⁵⁹⁴.

К сожалению, нам недоступны другие подробности, однако известный факт о том, что когда летом 1918 года Андраник освободил Нахичевань от турецкой оккупации и свою дивизию предоставил лично Ст. Шаумяну и Бакинской коммуне, говорит о многом, хотя бы о содействии и о согласованных действиях.

Сдача Карса туркам стала переломным моментом в вопросе о том, что мусульманское население прифронтовой полосы активизировало свои выступления против немусульманского элемента, особенно против армян.

Так, генерал Т. Назарбекян доложил о ситуации в Ахалкалакском уезде главнокомандующему Кавказского фронта, сославшись на телеграмму командира Ахалкалакского армянского стрелкового полка подполковника Арама Аракело-

⁵⁹² В Декабре 1917 г. в Армению прибыла «Сибирская» рота, в составе которой служили 210 западноармянских воинов. В начале 1918 г. они пополнили «Отдельную ударную дивизию» Андраника Озаняна. В сентябре 1918 г. А. Колмаков возглавил пулемётную батарею дивизии Андраника и прошёл с ним до конца последний этап деятельности полководца.

⁵⁹³ Поручик Алексей Колмаков, Историческая Армянская рота, Ереван, 2018 (на арм. яз.) с. 34.

⁵⁹⁴ См. там же, с. 35.

ва: «Во время встречи моих офицеров и делегатов на границе и при обмене пленными татары заявили, что **они не считают себя российскими подданными и что они не были уведомлены турецким правительством о мирных переговорах или прекращении военных действий, поэтому они не желают возвращаться к мирному труду и мирному сосуществованию с соседними народами: они считают себя находящимися в состоянии войны с армянами**»⁵⁹⁵ (выделено нами — *В. М.*). За этим последовала довольно оптимистичная и наивная просьба армянского офицера к Назарбекяну, а именно: повлиять на турецкое правительство и остановить враждебные действия татар. Немного отклоняясь от нашего основного вопроса, отметим, что Т. Назарбекян, снискавший славу «исполнителя приказов», исходя из уроков вероломной сдачи Карса, приказывает посланным туда А. Аракелову и генералу Андранику подавить эти беспорядки силой оружия⁵⁹⁶.

Мы подчеркиваем этот факт еще и потому, что несколько решающих сражений Андраника позволяют опровергнуть распространенное заблуждение, будто полководец Андраник бездействовал после падения Эрзурума и во время героических майских сражений⁵⁹⁷.

3.3. ПОСЛЕДНИЙ ЭТАП ПРОЦЕССА ОБРЕТЕНИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ В КОНТЕКСТЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ РАЗВИТИЙ: 11–26 МАЯ

Последний, решающий этап на пути к независимости мы можем начать с начала переговоров в Батуми — 11 мая. «Железной пятой стоя на берегу моря», турецкая дипломатия, будучи слишком сильной по сравнению с дипломатами новоявленной независимой союзной республики Закавказья,

⁵⁹⁵ Ставровский Ал., указ. соч., с. 62–63.

⁵⁹⁶ См. там же, с. 63.

⁵⁹⁷ См. Melikjan Vahan, Important Episodes from General Andranik's Aktiviti, Fundamental Armenology, History Institute of NAS RA, Issue 2, Erevan, 2022.

превратила Батумскую конференцию в процесс не менее унижительный для Закавказья, чем Брест–Литовск для России.

Работа делегаций в Батуми постоянно прерывалась новыми территориальными требованиями и ультиматумами, предъявляемыми закавказской делегации. Учитывая это обстоятельство и освещая деятельность Закавказской республики на данном этапе, ее можно разделить на два направления: одно — то, что происходило за пределами Батуми, и второе — собственно работа конференции.

Второе как раз относительно исследовано⁵⁹⁸, и мы обратимся к нему в контексте рассматриваемой проблемы.

Первые впечатления от Батуми выразил С. Вращян в своем письме, датированном 8 мая и адресованном Ав. Саакяну. «Из различных неофициальных разговоров и сообщений выясняется, что турки сейчас используют другой язык, не тот, что в Трапезунде,— отметил он,— тон у них резкий и решительный»⁵⁹⁹.

Так, в Батуми Турция предложила членам закавказской делегации подписать договор, специальную конвенцию по военным вопросам, а также особое соглашение о «добрососедстве». Закавказская делегация отреагировала на эту схему: основное соглашение о мире и дополнительную конвенцию следует заключать не только с Турцией, но и со всеми государствами Четверного союза, а остальное возможно и с Турцией (Меморандум Закавказской делегации от 13 мая). 15 мая турки выступили против этого предложения с довольно резким и бескомпромиссным ответом: «Не ваше дело комментировать, какие вопросы являются общими для четырех союзников, а какие — для одного из них и Республики Закавказья. Оставьте нам решать это, между собой — союзниками»⁶⁰⁰.

Именно здесь и выразилось политическое предательство А. Чхенкели, которое он практиковал со времени последнего

⁵⁹⁸ См. История Армении, т. IV, книга первая, Институт истории НАН РА, Ереван, 2010, с. 11–26.

⁵⁹⁹ См. НАА, ф. 222, оп. 1, д. 24, ч. 1, л. 306–307.

⁶⁰⁰ Авалов З., указ. соч., с. 45.

раунда Трапезундских переговоров, а также создавало впечатление, что между Сеймом и Закавказским правительством — Комиссариатом, существуют разногласия. Речь шла о навязанных Сеймом пунктах Брест–Литовского договора и, в частности, о передаче Турции Карса, Батуми и Ардагана, что, по мнению турецкой стороны, привело к новым территориальным претензиям.

Зураб Авалов пытался дать этому процессу черты дипломатической борьбы. Он считал, что при поддержке Германии предъявляемые требования можно несколько смягчить. Но надеяться, что Закавказье удастся вывести из войны и превратить в нейтральное государство, не представлялось возможным. Железные дороги региона были необходимы воюющим сторонам. Железнодорожная сеть Закавказья, провозгласившего независимость, но еще зависимого от всех, призвана была усилить тово, кто первым наложил бы на нее лапу.

Все преимущества были на стороне германской коалиции, потому что с апреля 1918 года, захватив Карс и Батуми, турки уже держали в руках один конец железной дороги, соединив, таким образом, турецкий и персидский театры войны. Эта железная дорога также вела к бакинской нефти и туркестанскому хлопку. Путь в Персию пролегал через армянские провинции, где турки уже производили резню армянского населения.

З. Авалов считал, что само по себе передвижение турецких войск по железной дороге Александрополь — Джульфа является не такой уж сложной проблемой, что, по мнению Вехиб–паши, было направлено против британских вооруженных сил, а это еще больше обостряло противоречия закавказской и турецкой делегаций⁶⁰¹.

В этом контексте становятся более определенными и новые перспективы отношений между Советской Россией и Германией и геополитических процессов. Советская власть присутствовала в Закавказье в лице Бакинской Коммуны, действующие же

⁶⁰¹ См. Авалов З., указ. соч., с. 49.

на Северном Кавказе антисоветские правительства были хоть и не совсем устойчивые, однако являлись препятствием для распространения большевизма в Закавказье. Германия была чрезвычайно заинтересована в установлении хотя бы временно-го равновесия на Востоке, на это были направлены Брест–Литовский и Бухарестский договоры, политика в отношении германских «периферийных государств» от Балтики до Черного моря. Еще и именно поэтому Германия пыталась каким–то образом примирить интересы Турции и независимого Закавказья.

В бурный период Батумской конференции, в середине мая, Германия, имея целью «примирить» Закавказье и Советскую Россию, выступила с соответствующим предложением в Москве. В ответ на предложение, представленное графом Вильгельмом фон Мирбахом, последовало заявление наркома иностранных дел России об участии русского представителя в Батумской конференции и одновременно был сделан акцент на самопровозглашенном характере «так называемого закавказского правительства».

15 мая 1918 года Г. Чичерин сообщил А. Иоффе — представителю РСФСР в Берлине: «Сегодня мы отправили графу Мирбаху следующее официальное письмо: «В ответ на сделанное вчера германским послом графом Мирбахом предложение о том, что он готов выступить посредником со стороны германского правительства в отношении так называемого Закавказского правительства, посему просит передать наши требования и пожелания в письменном виде. По этому вопросу Комиссариат указывает, что, по его мнению, необходимо также участие полномочного представителя русского правительства в переговорах между германским и османским правительствами и так называемым Закавказским правительством в Батуми. Во многих местах Закавказья власть так называемого закавказского правительства не признается... на многочисленных митингах принимаются резолюции, которые обвиняют Сейм в узурпации власти и настоятельно требуют проведения

всенародного голосования (референдума). В резолюциях подчеркивается, что члены Сейма избирались по случаю Всероссийского Учредительного собрания для закрепления завоеваний революции, что они не имели и не имеют полномочий решать вопросы отделения от России»⁶⁰². Особенно примечателен факт акцентирования внимания на армянской стороне: «Армянские города и села с большей настойчивостью требуют проведения референдума, решительно настаивая на выходе своих депутатов из Сейма... Народный комиссариат подчеркивает, что **российское правительство не намерено признавать так называемое закавказское правительство, что оно не оставляет за собой права признавать договор, заключенный без его ведома.** Чичерин (выделено нами — *В. М.*)»⁶⁰³.

Только четыре раза подчеркивалось, что Закавказская республика является «так называемой».

19 мая закавказское правительство отвергает подход большевиков, который явно не воспринимался всерьез самими советскими комиссарами. Советское правительство не преминуло принять ходатайство Германии о признании Россией независимости Закавказья, поэтому 21 мая Отто фон Лоссов добавляет, что собирается информировать Мирбаха в Москве о большевистских угрозах Закавказью, в частности, идущих из Сухуми и Баку. Германия последовательно настаивала на том, чтобы Советы воздерживались от нападения на Закавказье.

Май 1918 года для такой атаки был не подходящим временем, поэтому советский представитель не участвовал в Батумской конференции⁶⁰⁴. В то же время при посредничестве Германии была достигнута договоренность о том, что Мачабели, представитель Закавказья, вступит в переговоры с Советским правительством где-нибудь на территории федерации, недалеко

⁶⁰² См. НАА, ф. 1022, сп. 3, д. 252, л 1–2.

⁶⁰³ Там же.

⁶⁰⁴ Авалов З., указ. соч., с. 52–53.

от Закавказья, хотя бы во Владикавказе (Киев, предложенный Германией, был отвергнут Чичериным)⁶⁰⁵.

В силу событий эта идея также не осуществилась, однако впервые был поднят вопрос о признании Советской Россией независимости Закавказья. Выяснилось также, что в 1918 г. в данный период времени ключ к этому признанию находился в Берлине и непосредственно исходил из логики Брест–Литовского договора.

Большинство представителей закавказского правительства и Сейма считало, что нужно крепко ухватиться за предложение О. фон Лоссова. Однако во время совещания делегации выяснилось, что делегаты–мусульмане опасались, что, приняв посредничество Германии, они обидят турок. По словам М. Гаджинского, затягивать переговоры не было необходимости. «Необходимо положить этому конец,— сказал он,— разногласия по поводу восточной части Закавказья несущественны»⁶⁰⁶. Эти разногласия были чрезвычайно важны для Армении и Грузии, и теперь они очевидно встали перед водоразделом: «один пойдет с турками, другой нет»⁶⁰⁷ (имеются в виду грузины и армяне — *В. М.*). Во всяком случае, предложение Отто фон Лоссова было принято. Переломный момент неотвратимо приближался.

З. Авалов, конечно, преувеличивал, отмечая, что «победившая Турция, как мощный реактив, вызвала распад сотрясаемой войной и переворотом слабой, еще не сформировавшейся агломерации — Закавказья»⁶⁰⁸.

Естественно, что от нее оторвался мусульманский будущий Азербайджан. По словам З. Авалова, «голос вида, был сильнее вековых предрассудков шиитов–суннитов, особенно среди образованных слоев, чье стремление к шиизму было заметно притуплено влиянием русско–европейских культур»⁶⁰⁹. Для

⁶⁰⁵ См. «Оризон», 29 мая 1918 г., № 101.

⁶⁰⁶ См. Авалов З., указ. соч., с. 54.

⁶⁰⁷ См. там же.

⁶⁰⁸ Там же.

⁶⁰⁹ Авалов З., указ. соч., с. 54.

закавказских мусульман принцип ведения единой внешней политики исключался полностью. Для грузин это стало совершенно ясно, когда турки завоевали весь мусульманский район Грузии — от Батуми до Боржоми, и тем самым раскрыли свою неувядающую мечту о выходе к Каспийскому морю.

«Быть этапом, фазовым коридором для «армии ислама», — от имени грузинской стороны сказал З. Авалов, — нас не соблазняет, даже временно. Мы не можем убрать турок силой. Единственный выход — это «намордник» германской политики, а для этого нужно «появление независимой Грузии, соглашение с Германией и определенная поддержка Германии»⁶¹⁰.

24 мая генерал Отто фон Лоссов сообщил грузинской стороне о провале своего посредничества. 25 мая председатель закавказской делегации получил от фон Лоссова письмо, в котором сообщалось, что, согласно известиям, надвигающийся распад Закавказской республики и резкое изменение ситуации вынуждают его установить прямую связь со своим правительством, поэтому он решил покинуть Батуми на пароходе *Minna Horn*. Вечером немецкая делегация действительно выехала из Батуми.

В тот же день этот вопрос был поставлен перед фракциями Сейма, особенно когда все узнали, что грузинские фракции ведут секретные переговоры с грузинской делегацией в Батуми — по прямой телефонной линии, и в то же время готовят провозглашение независимости Грузии⁶¹¹. Вечером на заседание мусульманских фракций пришли лидеры меньшевиков — председатель Сейма А. Чхеидзе и члены Сейма И. Церетели и Е. Гегечкори.

Взяв слово, И. Церетели сделал заявление, которое уже никого не удивляло: «Социал-демократическая фракция Сейма и весь грузинский сектор пришли к тому убеждению, что лозунг объединения народов Закавказья вокруг независимости провалился, и развал единого Закавказья неизбежен. Об отсутст-

⁶¹⁰ Там же.

⁶¹¹ См. указ. соч., с. 56.

вии этого единства стало известно, в частности, уже во время переговоров с Турцией. Наша сторона была отвергнута — как сторона меньшинства, и мы вынуждены провозгласить независимость Грузии. На завтрашнем заседании Сейма мы зафиксируем распад Закавказской республики»⁶¹². Потом, якобы с сожалением, заговорили с А. Чхеидзе и Ф. Хан-Хойский. Последний оправдывался следующим образом: если на то воля грузинского народа, то они не имеют права вмешиваться или помешать, и «азербайджанским тюркам не остается ничего иного, кроме как принять соответствующее решение»⁶¹³. Фатали Хан-Хойский также сообщил, что из беседы с членом Сейма и правительства Х. Карчикяном ему стало известно, что армянский сектор Сейма также намерен объявить независимость Армении в случае отделения Грузии⁶¹⁴.

В последний день существования Закавказского сейма, 26 мая, закавказская делегация в Батуми получила ультиматум Турции, в котором были выдвинуты новые требования в пользу Турции. Давалось всего 72 часа. На момент получения ультиматума Закавказской республики уже не было, а независимость Грузии была провозглашена в Тифлисе ровно за 4 часа до этого. Ряд деталей раскрывает стремительное развитие событий, начиная с 21 мая. Эти события касались территориальных и пограничных споров между тремя народами, которые, разумеется, были продиктованы турецкой агрессией и представляли собой отдельный (и тоже завуалированный) пакет действий грузинской стороны. Утром 21 мая Н. Жордания и Николадзе представили на карте границы, необходимые грузинам. В крайнем случае грузины были готовы «уступить» Закатальский район. Новые пересмотры границ и территорий в пользу Азербайджана считались недопустимыми. Несмотря на турецкое требование, грузинская сторона считала, что Ахалцих и Хертвиси должны остаться в составе Грузии.

⁶¹² Ставровский Ал., указ. соч., с. 77–78.

⁶¹³ См. там же, с. 78.

⁶¹⁴ См. там же.

В тот же день во второй половине дня состоялось грузино–татарское совещание относительно взаимной границы. Грузин представляли Жордания, Николадзе, Сургуладзе и Авалов, азербайджанцев — Хан–Хойский, Хасмамедов, Сафикюрдский, Пепинов, Усуббеков, Джафаров.

С одной стороны, хронолог событий З. Авалов⁶¹⁵ представляет состав грузино–татарского совещания, однако с другой стороны отмечает, что «армяне отказались от части Елизаветпольской губернии (Карабах)»⁶¹⁶. Можно только догадываться, что в заседании участвовала и армянская делегация. Мусульмане на этом совещании согласились на создание в Закавказье «особого армянского кантона», который, по свидетельству З. Авалова, должен был включить «земские мечты о недавнем прошлом, то есть, в частности, схему Александропольской губернии»⁶¹⁷.

Отнюдь не проармянски настроенный автор отмечает, что «они (армяне — *В. М.*) не прочь отобрать у нас части Сгнахской, Тифлисской и Борчалинской губерний (представьте, что об этом слышат захороненные в Мцхете цари!), **но договоренность в этом вопросе возможна: они уступят**»⁶¹⁸ (выделено нами — *В. М.*). А относительно Ахалциха Пепинов предложил предоставить последнему автономии — при условии присоединения к Турции. «В целом,— свидетельствует З. Авалов,— наши друзья–мусульмане уверяли, что защитят идею «триединого» Закавказья, но что делать, если турки не откажутся от своих требований и одного из запланированных «кантонов» не будет. В таком случае они хотели бы сохранить Закавказье «двуединым». Мы ответили (имеет в виду совещание — *В. М.*), что если в Батуми по Закавказью будет нанесен подобный удар,

⁶¹⁵ Авалишвили Зураб (Авалов), (1876–1944), грузинский дворянин, дипломат, юрист, член Учредительного собрания России, один из авторов германской ориентации Грузии, главный советник по иностранным делам РГ, в 1919 г. представлял Грузию в Парижской мирной конференции.

⁶¹⁶ Авалов З., указ. соч., с.57.

⁶¹⁷ См. там же.

⁶¹⁸ См. там же.

то мы будем считать себя свободными от обязательств, и каждая сторона должна позаботиться о себе сама»⁶¹⁹. И, наконец, поздно ночью генералы И. Одишелидзе и Гаврил Корганов (Корганян) вместе с двумя турецкими офицерами подготовили текст особого военного соглашения⁶²⁰. Независимо ни от чего, эта консультация проясняет также очень важный вопрос, а именно: следуя за эволюцией турецких непримиримых требований и притязаний, которые в основном касались армянских территорий, продолжающийся грузино–татарский тандем не исключал, что в новом Закавказье могут образоваться только два, как они выразились, кантона — грузинский и татаро–мусульманский. Таково было турецкое требование в Батуми.

И всего лишь через неделю, особенно после героического сражения при Каракилисе, Вехиб–паше и турецкой делегации в Батуми пришлось смириться с идеей создания армянского государства.

Следующий день, **22 мая**, по свидетельству того же З. Авалова, был решающим с точки зрения необходимости провозглашения независимости Грузии. Он отмечает, что А. Чхенкели и другие соглашаются с его (как консультанта) схемой, давно уже представленной, а именно: независимость и территориальная целостность Грузии гарантируется Германией, **Восточное Закавказье** (выделено нами — *В. М.*) получает свободу действий и организуется с помощью турок, а армяне в таком случае тоже должны провозгласить свою независимость. «Главная их забота,— добавляет З. Авалов,— заключалась в том, чтобы обеспечить безопасность населения от турецких методов и приемов»⁶²¹ (имеется в виду геноцид и массовые убийства — *В. М.*). Как ему казалось, армяне также пытались заручиться поддержкой Германии, и он не исключал, что они ее

⁶¹⁹ Там же.

⁶²⁰ См. там же, с. 58.

⁶²¹ Авалов З., указ. соч., с.58.

получат. «Позже,— говорит он,— и они, и мы можем надеяться на более справедливую демаркацию границы с Турцией»⁶²².

В этот день З. Авалов пишет текст типового проекта декларации независимости Грузии, который удостоился одобрения Чхенкели, Николадзе, Жордании и Сургуладзе. Жордания лично доставил проект из Батуми в Тбилиси. З. Авалов признает, что копии последнего не сохранилось, поэтому не совсем ясно, использовали ли они этот документ при составлении «Акта о независимости Грузии». «Как бы то ни было,— пишет З. Авалов,— Жордания, наверное, приготовил последний акт спектакля, и оставалось всего лишь дернуть шнур занавеса»⁶²³.

23 мая грузинская сторона готовит проект грузино–германского соглашения, в частности, проект соглашения о предоставлении Германии имеющегося в грузинских портах тоннажа Временным правительством Грузии⁶²⁴.

24 мая были зачитаны окончательные **варианты** проекта, поздним вечером З. Авалов с представителем Германии Везендонком составляет историческую телеграмму за подписью Чхенкели, которая отправляется в Тифлис генералу Г. Квинитадзе в ночь с 24 на 25 мая. Генерал И. Одишелидзе лично зашифровал телеграмму: «Сообщите председателю Национального совета Грузии нижеследующее: дальнейшее промедление с провозглашением независимости приведет к непоправимым последствиям. Попытка германского посредничества провалилась. Остается одно: турецкому вторжению противопоставить независимую Грузию, которую поддерживает Германия. Ее представителем в грузинском правительстве будет граф Шуленбург, которого следует немедленно признать... готов к подписанию ряд временных соглашений с Германией... Жду срочного сообщения об акте⁶²⁵ (провозглашении независимости

⁶²² Там же.

⁶²³ Там же.

⁶²⁴ См. там же, с. 59.

⁶²⁵ Там же.

— В. М.)». «И чего вы добились, генерал?!— восклицал З. Авалов,— но ничего, он был рад»⁶²⁶.

25 мая закулисная работа заканчивается: немцы покидают Батуми. Поздно ночью приходит депеша из Тифлиса: «Независимость будет провозглашена завтра, 26 мая. Вопрос обсуждался на всех уровнях, только татары просят отложить»⁶²⁷.

З. Авалов признавался, что «закулисная работа прошла незаметно: никто, кажется, не сомневается в том, что произойдет сегодня и завтра»⁶²⁸.

Его оценка—прогноз относительно очереди независимостей была более чем реалистичной. «Другого пути нет: мы организуем независимость. Германия ухватится за подол турок, взамен воспользуется некоторыми нашими вещами. Азербайджан пока будет находиться под влиянием Турции. Армения — под давлением Турции, присоединенная к нам в присутствии немцев»⁶²⁹.

3.4. ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ НЕЗАВИСИМОСТИ ГРУЗИИ

Провозглашение независимости Грузии было организовано с исключительной торжественностью: 26 мая в 1 час дня в Белом зале бывшего дворца российских царских наместников было созвано чрезвычайное заседание Закавказского сейма⁶³⁰.

В ложах сидели начальник германских войск граф Шуленбург, немецкие офицеры, митрополит Тифлисский Леонид со своей свитой, грузинские офицеры. Над дворцом, где проходило заседание Национального совета Грузии, вместо снятого красного флага развевался грузинский флаг⁶³¹.

⁶²⁶ Там же.

⁶²⁷ Там же, с. 60.

⁶²⁸ См. Авалов З., указ. соч., с. 60.

⁶²⁹ См. там же, с.60.

⁶³⁰ См. А—До, Рождение армянства, Ереван, 2019, с. 426., также Ставровский А., указ. соч., с. 91.

⁶³¹ См. Аркомед С. Т., указ. соч., с. 77.

Из выступлений выделим ряд мыслей Н. Рамишвили и И. Церетели, подтекст которых раскрывает в основном грузинские версии причины распада Закавказской Объединенной Республики, «дальновидное фарисейство» грузинских деятелей.

Н. Рамишвили главной причиной развязки рассматривал провал деятельности объединенной делегации на переговорах в Батуми и, полностью вуалируя протурецкую позицию грузинской стороны, возлагает всю вину на «посланных турок без чинов и регалий, которые своими несвязными заявлениями и требованиями ослабляли и сводили на нет заявления и требования нашей делегации»⁶³².

И. Церетели в преамбуле двух своих объемных речей⁶³³ фактически признавал провал не только Батумской, но и предыдущей делегации Закавказья на переговорах в Трапезунде, легкое продвижение турок объяснял отсутствием государства, откровенной симпатией татар–мусульман к туркам.

В лице И. Церетели проступает ложь грузинского националистического меньшевизма и вместе с ним и политического грузинского руководства Сейма, которая выражается в следующем: «Сегодня большая часть Закавказья находится под прямой или опосредованной властью врага,— отмечал он.— Армяне, которые сделали все, что могли, подавлены силой оружия и значительную часть своих территорий вынуждены были отдать противнику, а мусульманство... оно фактически против нас и на стороне врага, и в этих обстоятельствах понятно, что Закавказский союз — одна лишь фикция. Нужно говорить все до конца. Еще остается сила, способная противостоять врагу — это Тифлисская и Кутаисская губернии, грузинский народ. Однако этот народ остался один, ибо от него отделились армяне и добровольно турки. Искусственная независимость

⁶³² См. А—До, Рождение армянства, с. 427.

⁶³³ См. Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии, с. 317–330.

Закавказья мешает ему свободно двигаться, прилагать силы для защиты своей независимости»⁶³⁴.

Получается, что «независимость Закавказья», сдача Карса и Западной Армении туркам в начале апреля 1918 года были нужны грузинской политической элите, а провалившиеся и, по их логике, антиармянские переговоры в Трапезунде и Батуми и сдача Батума туркам в данном случае дают право И. Церетели заявить, что «армяне подавлены силой оружия» и что спасителем края являются грузины, сдавшие Батум. Вынуждены напомнить историкам, мыслящим подобно И. Церетели, что по поводу Майских сражений армянского народа Вехиб–паша признался: «Армяне доказали, что могут быть лучшими воинами мира». Н. Жордания также признался, что «нет, наши не вояки», когда из Тифлиса с ликованием провожали на фронт армянские полки. И вообще, за этой самодовольной, чванливой, бравурной и высокомерной позицией стояла лишь поддержка Германии...

Интересно, что в изданной в 1920 году в Тифлисе «Красной книге» Петра Гелешвили, выступавшего под псевдонимом Гариби. автор также поддерживал этот подход: «И в этот тяжелый час только Грузия осталась на поле боя. Закавказские татары, как и ожидалось, испытывали восторг от появления аскяров и сами обогащали их ряды, Армения была разбита наголову и лежала под ногами врага. И только Грузия должна была встать грудью против турок. И вся Грузия встала на ноги»⁶³⁵.

Свою речь И. Церетели завершает по заранее продуманному сценарию: «К сожалению, нет больше единства Закавказья и фактически нет единого представительного органа»⁶³⁶. Поэтому Сейм, по его мнению, должен заявить, что он отказывается от взятых на себя полномочий, и распускается.

⁶³⁴ Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии, с. 322–323.

⁶³⁵ Кариби, Красная книга, Тифлис, 1920, с. 158.

⁶³⁶ Документы и материалы..., с. 232.

С речами выступили также Ш. бек Рустамбеков — от имени мусульманских партий, Ю. Семенов — от русских кадетов, Смбат Хачатрян — от АРФД, Николай Березов — от эсеров и в завершение — вновь И. Церетели. Председательствующий на заседании Н. Чхеидзе, в последний раз обращаясь к Сейму, зачитал резолюцию, предложенную партией с.-д. меньшевиков: «Учитывая, что в вопросе войны и мира среди народов, составляющих независимую Закавказскую республику, появились коренные разногласия, из-за чего стало невозможным выступать от имени Закавказья, Сейм констатирует распад Закавказья и складывает свои полномочия»⁶³⁷.

Весь состав Сейма, при двух голосах против, принял резолюцию, и председатель объявил о роспуске Сейма. В тот же день министрам иностранных дел 18 стран мира, в том числе и в Москву, была направлена циркулярная телеграмма о провозглашении независимости Грузии⁶³⁸. Н. Рамишвили незамедлительно сообщил об этом председателю делегации уже Грузинской республики в Батуми: «26 мая в 3 часа дня Закавказский сейм объявил себя распущенным. В тот же день в 5 часов Национальный совет Грузии провозгласил независимость Грузии и сформировал правительство»⁶³⁹.

Из протокола заседания президиума Закавказского Сейма, разделительной комиссии по экономике и Грузинского национального совета от 6 июня становится ясно вопрос о сдаче дворца царского наместника⁶⁴⁰, а 25 июня — о роспуске канцелярии Закавказского Сейма⁶⁴¹.

Не секрет, что эта поспешность объяснялась и ультимативными турецкими требованиями в Батуми, которые 26 мая, сразу после отъезда Отто фон Лоссова, были представлены председателю делегации А. Чхенкели. Об этом свидетельствует вторая

⁶³⁷ См. там же, с.330.

⁶³⁸ См. там же, с.331.

⁶³⁹ НАГ, ф. 1818, оп. 2, д. 276, л. 40.

⁶⁴⁰ См. НАГ, ф. 2, оп. 1, д. 8, л. 29.

⁶⁴¹ См. там же, л. 30.

часть сообщения Н. Рамишвили, согласно которой 27 мая в 9 часов вечера от имени Оттоманского императорского правительства был направлен ультиматум правительствам Грузинской республики и Закавказской республики.

Поэтому он просил председателя грузинской и особенно турецкой делегации в Батуми уточнить, касается ли ультиматум Грузинской республики⁶⁴².

31 мая, в 11 часов 55 минут по тифлисскому времени, был получен ответ Халил-бея: «Честь имею сообщить Вам следующее: поскольку провозглашение независимости каждого государства от состава Конфедерации Закавказской Федеративной Республики не меняет ни одного из условий вышеупомянутой ноты от 26 мая, имперская делегация считает, что она, естественно, относится и к Грузинской республике. По истечении срока действия ноты, прошу прислать мне ответ — не позднее 12 часов вечера этого дня»⁶⁴³.

31 мая следует ответ Н. Рамишвили по следующим пунктам: Грузинская республика желает установить добрососедские отношения с Османской империей, с целью удовлетворения интересов которой согласна:

«1. Для продолжения войны предоставить ей железные дороги Грузии. 2. Южная граница Грузии должна определяться по Брест–Литовскому договору и 3. Сохранение порядка на территории Грузии касается исключительно Республики Грузия и ее внутренних дел, любое вмешательство иностранной державы будет рассматриваться как посягательство на национальный суверенитет, и это не оправдывается положением Грузии»⁶⁴⁴.

Мы станем очевидцами того, что особенно Батумским ультиматумом турок было обусловлено также провозглашение независимости Армении.

«Граждане,— говорит Н. Жордания,— сегодня вы стали свидетелями исторического и одновременно трагического акта.

⁶⁴² См. НАГ, ф. 1818, оп. 2, д. 276, л. 40.

⁶⁴³ Там же, л. 43.

⁶⁴⁴ Там же, л. 46.

В этом зале умерло одно государство, и сейчас в этом же зале закладываются основы другого государства»⁶⁴⁵. Представитель «желтого Интернационала», как называли меньшевиков большевики, в основу своего выступления положил принцип солидарности с нациями, в частности с соседями. «Мы хотим,— отмечал он,— установить дружественные отношения с народами, живущими в нашей стране и за ее пределами. С особым вниманием мы будем относиться к глубокой трагедии народа, часть которого живет на нашей территории, а другая — за нашими границами. Это армянский народ. Современные грузины помнят древний завет, и армянский народ найдет у нас ту же защиту, которую он находил у грузинских царей. Мы хотим быть в добрососедских отношениях с мусульманами, составляющими значительную часть населения Закавказья. Мы хотим, чтобы они последовали нашему примеру, основали свое государство и протянули нам руку объединения»⁶⁴⁶. В качестве третьего внешнего соседа Н. Жордания хочет видеть конфедеративное объединение Кавказа, которое, по его формулировке, восстановит разрушенное государство⁶⁴⁷. Удар, конечно, был направлен в сторону России. «И тогда может осуществиться то, что не смог создать Сейм,— восклицает Н. Жордания,— осуществится единство Закавказья»⁶⁴⁸.

Завершая свою речь, председатель Исполнительного комитета Национального совета Грузии Н. Жордания представил заранее подготовленный акт о независимости Грузии.

Считаем целесообразным представить этот документ полностью, поскольку в случае провозглашения независимости Армении подобный правовой акт опубликован не был. Считаем важным то обстоятельство, что процесс прекращения существования объединенной республики Закавказье и, таким образом,

⁶⁴⁵ Документы и материалы..., с. 332–333, а также Ставровский Ал., указ. соч., с. 90–91.

⁶⁴⁶ Документы и материалы..., с. 333.

⁶⁴⁷ См. Ставровский Ал., с. 93.

⁶⁴⁸ Документы и материалы..., с. 334.

возникновения независимых национальных республик начался именно по инициативе грузинских с.-д. меньшевистских деятелей и партий.

Иное дело, что эта активная инициатива была подвергнута критике со стороны партий и в целом дисквалифицирована как недемократический шаг и процесс. Ознакомление с актом дает возможность также сравнить особенности властей и систем управления Грузии и других республик.

Акт о независимости Грузинской Демократической Республики провозглашал: «На протяжении многих веков Грузия существовала как свободное и независимое государство. В конце 18-го века (имеется в виду Георгиевский пакт 1783 г. — *В. М.*), будучи окружена и притесняемая врагами со всех сторон, Грузия добровольно присоединилась к России с условием, что она обязуется обеспечить защиту Грузии от внешних врагов.

Во время Великой русской революции (имеется в виду и Февральская революция 1917 года, и Октябрьский переворот — *В. М.*) в России был установлен порядок, который привел к развалу всего фронта и освобождению Закавказья от российских войск. Оставленная на собственные силы Грузия, а вместе с ней и все Закавказье, взяла в свои руки управление собственной судьбой: были созданы соответствующие органы, но давление внешних сил привело к распаду союза народов Закавказья и краху его политической целостности. Нынешнее положение грузинского народа императивно диктует Грузии необходимость создания собственной государственной организации, чтобы спасти нас от порабощения вражеских сил и заложить основы свободного развития.

Согласно этому, Национальный совет Грузии, избранный 22 ноября 1917 года Национальным собранием Грузии, ныне публично заявляет:

1. Отныне грузинский народ является носителем суверенных прав, а Грузия—полноправным независимым государством.

2. В качестве политической структуры Грузии формируется Демократическая Республика.

3. В случае международных конфликтов Грузия всегда нейтральна.

4. Грузинская Демократическая Республика стремится установить добрососедские отношения со всеми субъектами международного общения, особенно с соседними народами и государствами.

5. Грузинская Демократическая Республика в пределах своих границ гарантирует гражданские и политические права всех граждан без национальной, религиозной, социальной, половой дискриминации.

6. Грузинская Демократическая республика предоставит всем народам, населяющим ее территорию, широкие возможности для свободного развития.

7. До созыва Учредительного собрания Грузией будет управлять Национальный совет, образованный представителями национальных меньшинств, и Временное правительство, ответственное за Национальный совет.

26 мая 1918 года)⁶⁴⁹.

После утверждения акта был представлен состав Временного правительства: председатель правительства и министр внутренних дел Ной Рамишвили (с.-д. меньшевик), министр иностранных дел Акакий Чхенкели (с.-д. меньшевик), военный министр Григорий Георгадзе (с.-д. меньшевик), министр торговли, промышленности и финансов Георгий Журули (национал-демократ), министр народного просвещения Георгий Ласхишвили (грузинский социалист-федералист), министр сельского хозяйства и труда Ной Хомерики (с.-д. меньшевик), министр юстиции Шалва Месхишвили (грузинский социалист-федералист), министр связи Иван Лордкипанидзе (с.-д. меньшевик)⁶⁵⁰.

⁶⁴⁹ Документы и материалы..., сс. 336–338.

⁶⁵⁰ См. Ставровский Ал., указ. соч., с. 96, а также Документы и материалы..., с. 335.

Национальный совет утвердил состав и был распущен.

Статус высшего законодательного временного органа присвоил себе НСГ, председателем которого был избран с.-д. меньшевик Н. Чхеидзе. Позднее в состав НСГ вошли представители национальных меньшинств Грузии: армянам было выделено 10, абхазам — 5, татарам — 4, русским — 3, осетинам и евреям — по 2, грекам и немцам — по 1 депутатскому месту⁶⁵¹.

По данным переписи 1917 года на территории Грузии (территория будущей республики — *В. М.*) проживало 2 402 230 человек. Из них: грузины — 1 615 216 (67,2%), армяне — 279 975 (11,6%), русские — 116 775 (4,8%), осетины — 95 587 (3,9%), тюрки — 85 149 (3,6%), абхазы — 40 393 (1,8%), другие национальности (немцы, греки и др.) — 169 145 (7,1%). Процентное соотношение представителей отдельных наций в Восточной Грузии было следующим: грузины составляли 44,6%, армяне — 21,5%, русские — 8,5%, осетины — 7,9%, тюрки — 10,5%, представители других национальностей — 7,0%⁶⁵². Получается, что в Грузии с ее пестрым национальным составом нацменьшинства составляли 30% от общего населения.

Город Тифлис, в частности, в 1916–1922 гг. был в основном населен представителями армянской (43,1%), русской (26,5%) и грузинской (10,8%) национальностей.

Территория, находящаяся в пределах реальной власти правительства ДРГ, в 1918 году включала две провинции (16 уездов) и два административных района. Официальный Тифлис постепенно (апрель 1919 г.) подчинил себе северо-западную часть Ардаганской области, а также Батумскую область (март–июль 1920 г.).

На Парижской мирной конференции грузинская сторона предъявила новые территориальные требования. Около 93

⁶⁵¹ См. Маилян Бениамин, Национальный вопрос и положение армян в Республике Грузия (1918–1921 гг.), Ереван, 2016, с.15.

⁶⁵² См. Хачапуридзе Г. В., Борьба за пролетарскую революцию в Грузии, Очерки, 1917–1921, Тбилиси, 1936, с. 288.

тысяч. кв. км территории в Закавказье она считала своей «неоспоримой» частью⁶⁵³.

Эльде в своей книге «Закавказье и единая Россия» отмечал, что «львиная доля захваченного русского добра досталась грузинам. Достаточно сказать, что в течение двух лет они существовали за счет провизии, которой хватило бы на содержание трех полноценных государств с их армиями. До сих пор (1919 г. — *В. М.*) Грузия продает русские пушки, и это не считая огромных запасов, которые Турция и Германия вывозили в течение нескольких месяцев через порты Батума и Поты. Одного только сахара Германия забрала несколько десятков тысяч пудов, «военный сахар» и русские пушки до сих пор обеспечивают счастливую Грузию — в обмен на бакинскую нефть, азербайджанский хлеб и кубанскую пшеницу»⁶⁵⁴.

29 мая в Тифлисе на заседании Исполкома Совета р. и с. депутатов по предложению Н. Жордания была принята следующая резолюция: «Исполнительный комитет, заслушав доклад о провозглашении независимости Грузии, постановил: продолжать работу на почве объединения всей демократии Закавказья под знаменем интернационализма и всемерно поддерживать новое правительство Грузинской Республики в противодействии внешнему врагу и защите революционных завоеваний»⁶⁵⁵.

Сделаем три замечания по поводу Акта о независимости: примечательно, что грузинские меньшевики, используя термин «Великая русская революция», отождествляли и ставили знак равенства между Февральской революцией и Октябрьским переворотом. Можно догадаться, что после достижения вожаемой независимости, как в случае с Грузией, отделившейся от России, эта Россия и ее политический строй отошли на второй план.

⁶⁵³ См. Маилян Б., указ. соч., с 23–24.

⁶⁵⁴ См. Эльде, Закавказье и единая Россия, Ростов на Дону, 1919, с. 7.

⁶⁵⁵ См. Жордания Н. Н., Доклады и речи, с. 94–95.

Второе наше замечание касается следующего: в преамбуле акта причиной распада Закавказской Демократической Федеративной Республики рассматривался только «напор внешних сил», то есть турецкое вторжение. Фальсифицируется роль решающего фактора начавшихся и развернувшихся с Февральской революцией внутренних, межнациональных, острых и непримиримых политических и военных интересов.

И третье соображение: по мнению авторов, пункт 4 акта от 26 мая отражал тот изначальный принцип, который был принят за основу организации жизни вновь созданного государства в случае провозглашения независимости. Он заключался в том, что «Грузинская Демократическая Республика стремится к установлению добрососедских отношений со всеми членами международного сообщества, особенно с соседними народами и государствами».

1 декабря 1918 года по случаю полугода со дня провозглашения независимости Грузии спикер парламента А. Чхеидзе заявил, что Грузия никогда не участвовала ни в каких захватнических авантюрах и что она неизменно отстаивала свою независимость, не претендуя на чужое добро⁶⁵⁶.

Вскоре началась грузино–армянская война...

Помимо развития политических событий, в грузинской действительности регулярно и последовательно обсуждался факт независимости Грузии.

С. Гвазава в брошюре «Грузия с точки зрения международного права», еще 25 сентября 1917 г., то есть до большевистского переворота, пришел к заключению, что: а) свобода Грузии и ее территориальная целостность были гарантированы по Георгиевскому договору 1783 года и б) Грузинский вопрос в целом является международным вопросом, а не вопросом внутренней политики России⁶⁵⁷. Оба вопроса и оба вывода, на

⁶⁵⁶ См. Из истории армяно–грузинских отношений, 1918 год, Тифлис, 1919, с. 3.

⁶⁵⁷ См. Гвазава Г., Грузия с точки зрения международного права, Тифлис, 1917, с. 32.

наш взгляд — это проявления фальсификации. Первое: по Георгиевскому договору под покровительство России перешла «Грузия», занимавшая в то время только территорию Картли–Кахетинского царства. Республика Грузия, провозглашенная 26 мая 1918 года, претендовала на территории сегодняшней Грузии, то есть — на Аджарию с Батумом, Абхазию с Сухумом, Северную и Южную Осетию, Ахалцих и Ахалкалаки, всю Тифлискую и Кутаисскую царские губернии, преимущественно не грузинские и даже не населенные грузинами населенные пункты. Второе: с намерением противодействовать Армянскому вопросу — как признанному вопросу международной дипломатии, Г. Гвазава придумал термин «грузинский вопрос», как бы оправдывая право на существование будущей гигантской, многонациональной, искусственно рожденной Грузии. Подчеркнем: эти мысли были опубликованы в период демократической реальности Февральской революции, когда Временное правительство предоставило народам бывшей Российской империи право на самоопределение в рамках будущего демократического федеративного единого государства.

Получается, что хотя бы в лице этого деятеля, у грузинских национал–демократов, еще до победы большевизма явно выдвигалась идея отделения от России и независимости.

А представив «Грузинский вопрос» в качестве международного вопроса, Г. Гвазава, вероятно, имел в виду прогерманскую ориентацию многих грузинских деятелей — как в 1914 году, так и в 1917–1918 гг. Их твердая последовательность в этом вопросе не поддается оспариванию.

На той же политической идеологической основе пытался осветить вопрос и проф. А. Цагарели в своей книге «Непрерываемые права Грузии». По его мнению, целью написанной в 1919 г. «данной работы» было дать историко–правовое обоснование права Грузии на обретение независимости и, что более важно, «права Грузии на восстановление своих государственных границ». Автор также подчеркивает, что этот процесс «желателен для всех грузинских партий, правительства и формы

управления государством»⁶⁵⁸. Добавим, что мнение всех народов Грузии почему-то было «забыто».

В связи с этим весьма примечательны воспоминания З. Авалова — в плане бесед с германской миссией после подписания Батумского договора. Среди участников с немецкой стороны были О. фон Лоссов, Ф. Розенберг, Кульман, Симмонс, Хепперт, Йоханнес Ф. Везендонк и др. Грузинскую сторону представляли А. Чхенкели, Николадзе, З. Авалов, М. Церетели, Г. Мачабели и Эр. Бернштейн (немец по происхождению, подданный Грузии)⁶⁵⁹. К тому продолжительному диалогу, главной целью которого было избавление от унижительных условий в Батуми, мы обратимся ниже, а теперь вернемся к обоснованию создания независимого грузинского государства.

Согласно З. Авалову, А. Чхенкели, оставаясь верным себе, настаивал на историческом праве независимости Грузии — на трактате 1783 года, который, кажется, автоматически «воскрес» после «ухода русских». «Хепперт скептически отнесся к этим утверждениям,— отметил З. Авалов и вместо этого рекомендовал обратиться к варианту референдума об отделении от России, чтобы создать более практическую (он имеет в виду правовую — *В. М.*) основу»⁶⁶⁰. Немцы также рекомендовали, чтобы нефтепромышленный район Баку не был полностью отрезан от России. По их мнению, России было бы проще признать Грузию. На первый взгляд создается впечатление, что немецкая дипломатия практически пыталась установить компромисс между правительствами Москвы и Тифлиса, отчетливо понимая, что большевистское правительство не согласится на факт потери «своих территорий» — хотя бы на ближайшее время. Конечно, это не понравилось и А. Чхенкели. «Россия и так должна нас признать,— сказал Чхенкели,— мы были независимым

⁶⁵⁸ См. Цагарели А. А., Непререкаемые права Грузии, Тифлис, 1919, с. 3.

⁶⁵⁹ См. Авалов З., указ. соч., с.84.

⁶⁶⁰ Там же, с.85.

государством, мы не были завоеваны, как другие провинции Кавказа»⁶⁶¹.

Понятно, кого имеет в виду Чхенкели, причем Армению назвав провинцией.

По крайней мере странно и противоречиво звучат размышления глашатая идеи независимости Грузии, дипломата З. Авалова в парижской эмиграции, в 1924 году. По его мнению, «грузинская демократия в 1918–1921 гг., выступая по-своему как социал-демократическая диктатура — диктатура правого крыла марксизма, явилась подготовительным этапом к победе советской диктатуры в Грузии. При всем содержании социальной политики, по ее духу, эта демократия, несомненно, в противовес пробуждающемуся внутри народному сознанию, на самом деле была направлена на Москву, а не на Европу. Благодаря этому образовалось радикальное противоречие с европейской ориентацией ее внешней политики, за которую Грузия крепко держалась до лета 1920 года»⁶⁶².

Мы полагаем, что взгляды Зураба Авалова следует воспринимать как проявление прогосударственной грузинской идеологии. Февральскую революцию в России он также считает началом практического возникновения и применения идеи независимости. «Государственное самоуправление народов Кавказа,— говорит З. Авалов,— еще вчера бывшее несбыточной мечтой, вдруг показалось делом заранее решенным и однозначным... с другой стороны, ни Грузия, ни какая-либо другая территория Кавказа в то время вообще не помышляли об отделении от Российской империи»⁶⁶³. Мы разделяем наблюдение автора о том, что хотя императора уже не было, но империя с ее традиционным экспансионистским содержанием и целями все еще продолжалась. Имея в виду национальную политику Временного правительства, то есть объединение на основе приятных и выгодных для всех принципов, в том числе и единство с Россией,

⁶⁶¹ Авалов З., указ. соч., с.85.

⁶⁶² См. Авалов З., указ. соч., с.14.

⁶⁶³ Авалов З., указ. соч., с.3.

З. Авалов как бы оправдывал себя и осторожно заключал, что «так следует понимать заявления о независимости Грузии, звучавшие в Грузии и за ее пределами с марта 1917 года»⁶⁶⁴. Хотя эти призывы и не имели прямого и практического смысла в начальный период, однако благодаря этим постоянным заявлениям естественным образом и происходила политическая кристаллизация общественного мнения как в грузинской, так и в армянской действительности. В основе этой кристаллизации лежала идея независимой Грузии, то есть создание собственной государственно-правовой системы, но — как члена всероссийского государственного союза.

Такое постановление было принято еще в марте 1917 года, на общем собрании грузин, проживающих в Петрограде, где с речью выступил историк И. Джавахишвили. По мнению З. Авалова, грузинские меньшевики вместе со сторонниками грузинской автономии боролись за «централизацию». Более того, эта позиция, естественно, сохранялась в течение всего времени существования Временного правительства, пока русские меньшевики, чьими «политическими последователями и пайщиками были также грузинские меньшевики», занимали руководящее положение в революционном правительстве. В этот период грузинские меньшевики «не особо одобряли успех призыва к независимости Грузии и других частей России. З. Авалов по праву усматривал общую тенденцию в вопросе сближения всех остальных национальных регионов. Об этом свидетельствовали и знаменитые совещания в Петрограде в августе–сентябре 1917 г., где в унисон звучали мнения сторонников федеративного переустройства империи»⁶⁶⁵. В этих совещаниях непосредственно продолжалась идеологическая основа совещания «автономистов» 1905–1906 гг., правда, при условии отсутствия монархии.

А вот после большевистского переворота лозунг автономии почти автоматически преобразился в лозунг независимости.

⁶⁶⁴ См. там же, с. 6–4.

⁶⁶⁵ См. Авалов З., указ. соч., с. 4–5.

Мы не можем согласиться с З. Аваловым в том, что это произошло и в Грузии, и в Закавказье, и в других областях. Грузинская политическая реальность, на наш взгляд, отличалась хотя бы от армянской как минимум тем, что видела в большевистском перевороте возможность вообще отделиться от России — полностью и окончательно. Грузинские меньшевики пытались осуществить это политикой Закавказского комиссариата, который, в отличие от Озакома, созданного Временным правительством, последовательно дистанцировал Закавказье от Советской России, трактуя ее с чисто политической, партийной точки зрения.

С этого момента З. Авалов считал отделение от России и создание «особой Закавказской республики» просто «формальным» и был убежден, что это отделение «зависело исключительно от внешних обстоятельств»⁶⁶⁶.

Мы не разделяем многократно озвученную «грузинскую» точку зрения, на которой теперь настаивал З. Авалов. Здесь же добавим только, что эти внешние обстоятельства (иными словами — турецкое вторжение) были продиктованы большевистским переворотом, вследствие чего вопрос о политических отношениях с Бакинским Советом — опорой советской власти, установившейся в Закавказье, был не совсем четко обозначен в политических кругах края⁶⁶⁷.

Даже после разгона Всероссийского Учредительного собрания З. Авалов искусственно пытался отстоять свою закостенелую точку зрения и выражал надежду, что «возможно, путь к поглощению Россией Закавказья и прочной союзной связи с Россией лежит через отделение от самой России»⁶⁶⁸. С цивилизованной точки зрения и теоретически этот идеальный сценарий не мог решаться и так и не решился в контексте

⁶⁶⁶ Там же.

⁶⁶⁷ См. подробнее: Ваан Меликян, Проблема власти в Закавказье, деятельность Закавказского комиссариата (ноябрь 1917 г. — февраль 1918 г.), Ереван, 2010, Борьба за Баку (ноябрь 1917–апрель 1918 г.), Ереван, 2019.

⁶⁶⁸ См. Авалов З., указ. соч., с. 12.

российско–закавказских отношений не только в течение 1917–1918 гг., но и на современном этапе.

Хотя точка зрения грузинских большевиков относительно независимости не отличается оригинальностью, необходимо также представить характеристику большевика Филипа Махарадзе: «Сначала создание Закавказского комиссариата, затем Сейма и, наконец, Национального совета Грузии, который потом каким–то чудесным образом превратился в «парламент» Грузии — все это было совершенно против принципов демократии. Грузинские меньшевики все уши нам прожужжали о том, что сначала провозглашение независимого Закавказского государства, а затем и «независимого» Грузинского государства были якобы продиктованы волей грузинского народа, и в этих актах якобы нашло отражение волеизъявление закавказских народов — и особенно Грузии. Более наглого, циничного издевательства над народом, чем эти акты, история не знает — ни в прошлом, ни в настоящем»⁶⁶⁹.

Классические партийные и принципиально антинациональные идеологические подходы к большевистско–меньшевистскому конфликту в случае с Ф. Махарадзе максимально разоблачают политическую непристойность двух грузинских крыльев общероссийской социал–демократии на данном этапе, в частности — в вопросе «народного волеизъявления». Создается впечатление, что большевистский переворот в Петрограде был проявлением народной воли и демократии. В то же время грузин Ф. Махарадзе подтверждает нашу точку зрения, что после большевистского переворота грузинские меньшевики, занимая руководящие посты в закавказских органах власти и умело используя антибольшевистские настроения других национальных партий, подвели Закавказье к неизбежной логике турецкого вторжения и к неминуемой логике унижительных антиармянских переговоров в Батуми. «Кто на самом деле решал эти важные для народа вопросы?— продолжал Ф. Махарадзе.— Их

⁶⁶⁹ Махарадзе Ф., Диктатура Меньшевистской партии в Грузии, Тифлис, 1921, с. 15.

решали меньшевистские вожди вместе с ханами и беями, и даже рядовые меньшевики узнали о декларациях независимости Закавказья, а затем и Грузии случайно и неожиданно. Проблема в том, что как одна, так и другая «независимость» навязывалась самим меньшевикам — с поражением на фронте, в качестве ультиматума турецко–германских империалистов. Именно таково было желание меньшевиков во главе с Н. Жорданием⁶⁷⁰. В этом вопросе неоспорима разница между независимостью Грузии, «гарантированной» Германией, и независимостью, в частности, Армении.

Главный вывод Ф. Махарадзе состоит в том, что «как и прежде, сегодня также грузинские меньшевики притворяются «социалистами» только на словах»⁶⁷¹. Да и на самом деле их социализм преимущественно был направлен против большевизма и Советской России и имел более выраженную национальную направленность, что в итоге и стало причиной острых армяно–грузинских противоречий — как в плане немецко–турецкой политической ориентации, так и в других вопросах. Более того, большевистский социализм грузинского большевика Ф. Махарадзе также носил националистический характер. Вспомним еще раз его мягко говоря «антибольшевистскую» позицию и решение не направить в Тифлис Карсский полк, а затем и большевистские воинские части Сарыкамыша, чтобы свергнуть власть Комиссариата и советизировать Закавказье, тем самым полностью нейтрализовав роль грузинского фактора в Закавказье. Большевик Ф. Махарадзе и краевой комитет запретили въезд Ст. Шаумяна в Тифлис — фактически солидарно с политическим решением Комиссариата и Сейма. И совершенно напрасно Ф. Махарадзе оправдывается заметно большим влиянием большевизма в Грузии. По его мнению, в политическом смысле единого Закавказья не было с самого начала, а с апреля 1918 г., после установления Советской власти в Баку, «Грузия стала освобождаться от меньшевистской дрёмы,

⁶⁷⁰ Махарадзе Ф., указ. соч., с. 15–16.

⁶⁷¹ См. Махарадзе Ф., указ. соч., с. 16.

и в некоторых местах, как, например, в Лечхумской провинции Кутаисской губернии и Горийской провинции Тифлисской губернии, большевики подняли восстание против меньшевистских узурпаторов с целью установления советских порядков в Грузии»⁶⁷². Ф. Махарадзе убежден, что этот процесс провалился в результате вторжения турок в Батуми и Карс, меньшевистской пропаганды, представлявшей большевиков турецкими агентами, с вводом немецких войск в Тифлис, Кутаиси и Потти. Более того, он уверен, что «меньшевики оказали значительную услугу турецкому вторжению в Баку в августе 1918 года»⁶⁷³.

Чтобы еще раз обосновать наш тезис, обратимся к мнению идеолога армянского меньшевизма Геворга Караджяна (Аркомед): «Подавляющее большинство грузин и армян, а также солидная часть турок проголосовали не за то политическое устройство и статус, которые были созданы в нашей стране после 9 апреля и 26 мая 1918 года. Так диктовали стране наши внешние враги, так желали только правящие реакционные классы и националистические силы нашей страны»⁶⁷⁴. Как бы ни пытался Геворг Караджян защищать родных для него грузинских меньшевиков, на деле оказывается, что именно они и были те самые «реакционные, националистические» силы. 26 мая в Сейме «из грузинских социал-демократов против независимостей высказался только Гегечкори, но вскоре и он во время голосования после протеста Церетели поднял палец в пользу независимости Грузии»⁶⁷⁵.

А меньшевики были готовы решительно отстаивать обретенную независимость, а значит и свою власть.

16 мая правительство Закавказья приняло решение, согласно которому российскоподданные офицеры и солдаты «не имели права менять подданство», что фактически означало, что они должны были покинуть край. Постановление означало также

⁶⁷² См. Махарадзе Ф., указ. соч., с.16.

⁶⁷³ См. там же.

⁶⁷⁴ См. Караджян Геворг, Политическая жизнь Закавказья, 1918 год, с. 52.

⁶⁷⁵ Там же, с.49.

неприемлемым назначением иностранцев на должности военачальников, военных министров, их помощников (заместителей), начальников штабов, генерал-квартирмейстеров, начальников казарм, дежурных генералов, снабженцев.

Военному министру было поручено заменить освободившиеся должности «своими полномочиями»⁶⁷⁶.

На следующий день, 17 мая, Сейм претворил в жизнь одно из своих главных решений. Опираясь на решение правительства, был заслушан вопрос о деятельности Объединенного комитета, то есть вопрос о ликвидации всех общероссийских военных учреждений, действовавших на Кавказском фронте и в Закавказье. Министру внутренних дел поручено было принять меры по приостановлению деятельности комитета⁶⁷⁷.

28 мая 1918 г. Генштаб «Красной гвардии», находящийся в подчинении Центрального комитета Совета р. и с. депутатов Тифлиса, сообщил Н. Рамишвили — председателю Совета министров уже независимой Грузии, что состоявшееся в тот же день заседание Совета обороны Генерального штаба Красной гвардии постановило незамедлительно объявить в Тифлисе осадное положение. «Официально объявить,— говорилось в документе,— что оборона всего государства сосредотачивается в руках Совета обороны. Все приказы последнего должны безоговорочно подчиняться всем. Любое сопротивление будет наказываться по законам осадного положения, вплоть до смертной казни»⁶⁷⁸.

Примечательно, что параллельно с присутствием Германии и гарантиями, данными турками, новое грузинское правительство было встревожено турецкими угрозами и все еще неуверенным поведением Советской России.

Так, в конце мая или, возможно, в первых числах июня 1918 г., после поражения в районе Ларса, большевики получили вспомогательную силу в составе нескольких тысяч солдат и 7

⁶⁷⁶ См. «Мшак», 18 мая 1918 г., № 92.

⁶⁷⁷ См. НАГ, ф. 2, оп. 1, д. 11, л. 35.

⁶⁷⁸ См. НАГ, ф. 1861, оп. 2, д. 1, л. 65.

орудий и предприняли новое наступление. Газета «Возрождение» сообщила со станции Казбек на Военно–грузинской дороге, что «грузинская воинская часть Дарьяла вновь отбросила назад большевиков, из которых было убито более 100 человек»⁶⁷⁹.

В этом отношении интересна и публикация статьи в московской газете «Известия», и ее перепечатка в газете АРФД «Оризон» 24 сентября 1918 года⁶⁸⁰. Речь идет об объяснении по поводу визита члена советской делегации Ларина в Берлин. Целью визита было заключение дополнительного соглашения между Россией и Германией по Брест–Литовскому договору. Как известно, Брестский мирный договор был подписан 3 марта 1918 года и уже был ратифицирован.

По дополнительной 14 статье раздела «Кавказ» 6–ой главы договора Германия гарантировала, что турки не войдут в Баку — при условии, что Россия продаст немцам четверть бакинской нефти⁶⁸¹. Немцы признали, что Донская область принадлежит России, и обязались не вмешиваться в меры, предпринимаемые Советской Россией в этом районе. «Это касалось,— говорится в материале,— вообще всех новоиспеченных «республик»: «Северо–Кавказской», «Красновской», «Кубанской», «Дагестанской», «Азербайджанской», «Армянской», «Крымской»»⁶⁸². Что касается «Грузинской» республики, то немцы не должны были стать препятствием для ее присоединения к России после

⁶⁷⁹ См. «Оризон», 2 июня 1918 г., № 105.

⁶⁸⁰ См. «Оризон», 24 сентября 1918 г., № 192.

⁶⁸¹ Без фактического обоснования трудно, конечно, утверждать, но логика событий подсказывает, что советская Россия, В. Ленин фактически не согласились продать Германии четверть бакинской нефти, в результате чего, возможно, турки беспрепятственно вошли в Баку в сентябре 1918 года. В июне 1918 года Ленин предлагал немцам вывозить нефть из подконтрольного Москве Баку через оккупированную Грузию в неограниченном количестве. Единственным условием было предотвращение нападения турок на Баку. Иголкин Ал. По — Зайончковский А., Мировая война. 1914–1918 гг., Общий ист. очерк, М., 1924, с. 385.

⁶⁸² «Оризон», 1918, там же.

войны. И в то же время, по свидетельству Ларина, Германия в этот момент настаивала на том, чтобы в свою очередь Россия, не признавая независимости Грузии, не мешала немцам признать Грузию независимой. К стати, по 13–у пункту того же договора Россия объявила о своем согласии на то, чтобы Германия признала Грузию «как самостоятельный государственный организм»⁶⁸³. Статья 4 главы 2 Брест–Литовского договора (Стремления к выходу из состава Российского государства) гласит: «Поскольку в соглашении о мире и в этом дополнительном соглашении ничего иного не определено, то Германия никоим образом не будет вмешиваться в отношения между Российским государством и отдельными его областями, следовательно, не будет ни мешать, ни помогать образованию самостоятельных государственных организмов в этих регионах»⁶⁸⁴.

«Что же касается Ереванской и Гандзакской губерний,— говорилось в статье,— которые в настоящее время оккупированы турками (выделено нами — *В. М.*), Россия, по словам Ларина, имеет полное право депортировать турок из этих мест силой оружия, потому что турки оккупировали те губернии, что противоречит Брестскому договору. Но вторжение русских войск в Батум и Карс было бы враждебным актом также против Германии»⁶⁸⁵. А говоря о том, что в июне 1918 г. турки оккупировали Ереванскую и Гандзакскую губернии, он, наверно, имел в виду фактор турецких воинских частей, дислоцированных на территории РА.

2 (15) июня 1918 года на заседании Национального совета Грузии рассматривался вопрос об организации Национальной гвардии: этот законопроект был предложен фракцией с.–д. меньшевиков, затем с некоторыми изменениями был одобрен Военной комиссией совета.

⁶⁸³ НАГ, ф. 276, оп. 1, д. 13, л. 212.

⁶⁸⁴ Там же.

⁶⁸⁵ Там же.

Докладчик Н. Жордания, напомнив собравшимся о миссии красногвардейцев в деле борьбы с большевизмом, в подавлении «большевистских эксцессов» пробольшевистского Карсского полка Кавказской армии, передвигавшегося с фронта в Тифлис, воинских частей Сарыкамыша — фактически о провале проармянского плана Ст. Шаумяна, удивлялся, что «Красная гвардия» не была сформирована в Баку, Елизаветполе и Ереване. Удивляться, собственно, было нечему, ведь в Баку действовала Красная гвардия, бывшая в подчинении Бакинского социалистического совета, которая в марте–апреле 1918 г. вместе с армянскими воинскими частями подавила мусаватистский мятеж, поэтому и Баку, и Елизаветполь, и Ереван не видели в то время никакой опасности и необходимости защищаться от большевизма, наоборот, на данный момент считали план советизации Шаумяна общенациональным планом. Просто Красную гвардию, находившуюся в то время в прямом подчинении грузинских меньшевиков, теперь переименовали в «Национальную гвардию» — с той аргументацией, что известный пункт Батумского договора, по которому должны были быть ликвидированы «разбойничьи шайки, банды», по мнению Н. Жордания, турки используют в свою пользу, расформировывая эти воинские части как «Красная гвардия»⁶⁸⁶. Получается, что турки собирались расформировать меньшевистско–рабочие воинские части и допустить существование национальной, фактически антитурецкой воинской части. Кстати, тот же пункт относился и к дивизии Андраника. Добавим, что Национальная гвардия должна была подчиняться премьер-министру, а в его отсутствие — председателю Национального совета, то есть Ною Жордания. Последний отмечал, что «Национальная гвардия создается не в ущерб регулярной армии, а в качестве ее помощника: это переходный этап к созданию народной милиции»⁶⁸⁷.

⁶⁸⁶ См. Жордания Н. Н., Доклады и речи, с. 95.

⁶⁸⁷ Там же, с. 95–96.

Представим также отношение русского кадетства, в лице Бориса Байкова, к независимости Грузии. Он выделяет три основных побудительных мотива. Первым мотивом, по его мнению, была традиция сепаратистских идей грузин, особенно процветавшая среди части руководства грузинской интеллигенции и политических кругов еще до войны 1914 года⁶⁸⁸. «И как бы ни бесило грузин то, что некоторые их руководители во время войны вели тайные переговоры с Турцией, в фактическом союзе Турции и Грузии против России», — пишет Б. Байков, — это был неоспоримый факт, подтвержденный и в грузинской прессе. Среди грузинской интеллигенции еще задолго до войны 1914 г., когда отмечался 100-летний юбилей присоединения Грузии к России, раздавались голоса о том, что Россия в свое время вероломно нарушила права грузинского народа, что подтверждалось актом о воссоединении Грузии с Россией (имеется в виду Георгиевский договор 1783 г. — *В. М.*)⁶⁸⁹. В качестве второй причины он называет турецкое вторжение в Закавказье и Грузию, в результате которого Грузия, опираясь на Германию, объявила о своей независимости от России. Грузию весьма беспокоил тот факт, что, продолжая оставаться неотделимой частью России, она окажется в невыгодном для нее замкнутом кольце толкования Брестского договора. В качестве третьего, наиболее серьезного, фактора Б. Байков рассматривает победоносную идеологию грузинской с.-д. меньшевистской партии⁶⁹⁰.

3.5. ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ НЕЗАВИСИМОСТИ АЗЕРБАЙДЖАНА

В истории возникновения череды национальных государств провозглашение независимости Азербайджанской Республики

⁶⁸⁸ См. Байков Б., Воспоминания о революции в Закавказье (1917–1920), Архив русской революции, Берлин, 1923, с. 192.

⁶⁸⁹ См. Байков Б., указ. соч., с. 192.

⁶⁹⁰ См. там же.

представляет собой один из тех процессов, которые большого научного интереса не представляют. С политической и культурологической точки зрения его можно причислить к ряду классических примеров возникновения искусственного государственного образования — без исторического прошлого. В этом смысле рассматриваемый случай уникален, процесс создания государства из ничего, на пустом политическом поле, интересен и поучителен.

Основным военно–политическим и идеологическим обеспечением возникновения государства «Азербайджан» является пантюркизм. Без контроля Российского государства, начиная с Февральской революции, единственной гарантией самоорганизации закавказских татар была реализация пантюранизма. Кавказские татары с нетерпением ждали и осуществляли действия, в основном беспорядки, способствовавшие ожидаемому турецкому нашествию, нарушили внутреннюю этническую и политическую жизнь Закавказья. Турция же, понимая традиционную слабость национального движения закавказских татар и всячески поддерживая их, стремилась завоевать Баку, весь край, словом, добиться реализации первого этапа пантюркизма и, почему бы и нет, отомстить за «победу» России, занявшую Западную Армению на Кавказском фронте Первой мировой войны.

«Чвени Республика» («Наша Республика») — орган грузинского радикально–демократического крестьянства, писал против азербайджанцев: «Азербайджанцы просто сказали нам, что они принимают Закавказскую республику, ее правительство и Сейм только в той мере, в какой эти институты способствуют их протурецким целям... Сказано: «Требуйте землю по ту сторону реки, чтобы хотя бы земля по эту сторону осталась в ваших руках». Эту мудрую поговорку представители Азербайджана умело использовали в своих интересах»⁶⁹¹.

⁶⁹¹ См. «Оризон», 1918, 13 марта, № 53.

В ультиматуме турецкой делегации от 26 мая, выдвинутой закавказской делегации в Батуми, указывалось, что сто тысяч турок и мусульман в Баку и его окрестностях находятся под игом головорезов, так называемых революционеров, и бедствие, грозящее им, становится все более неизбежным⁶⁹². Конечно, они имели в виду разгром мусаватистского мятежа в Баку и губернии армяно–большевистскими силами Бакинского совета в марте–апреле 1918 года, что обеими сторонами провалило и на время отдалило победу пантюркизма⁶⁹³.

В ультиматуме также подчеркивалось, что турецкое и мусульманское население в других районах Кавказа также подвергается насилию, и Османская империя не может оставаться равнодушной к анархии на Кавказе, так как это угрожает положению населения, имеющего близкое расовое и религиозное родство с народом Османской империи⁶⁹⁴.

В нескольких предложениях содержится три факта типичной турецкой фальсификации: во–первых, «турецко–мусульманское» население Кавказа, включая город Баку и всю губернию, вовсе не находилось под игом террористов–революционеров. Последнее высказывание, разумеется, было направлено не только против советской власти в Баку, но и против Советской России. Во–вторых, это самое «турецкое, мусульманское» население нисколько не подвергалось насилию, даже наоборот: как раз именно оно было инициатором и исполнителем антиармянских беспорядков в Ереванской губернии, антирусских погромов вдоль Закавказской железной дороги, случаев антирусской, антиеврейской и антинемецкой резни в Елизаветпольской губернии. И, наконец, третье: провозглашая неясную связь родственной, религиозной, расовой, делалась попытка вместить ее в заведомо ложный термин «народ Османской

⁶⁹² См. См. НАА, ф. 200, оп.23, л.7.

⁶⁹³ См. подробнее: Ваан Меликян, Борьба за Баку (ноябрь 1917 г. — апрель 1918 г.), Ереван, 2018 г., на арм. яз., издание на русском, Ереван, 2019 г.

⁶⁹⁴ См. НАА, ф. 200, там же.

империи». Этнические турки в этой империи и по сей день составляют меньшинство.

Но как бы то ни было, 27 мая, на следующий день после исторического заседания Сейма 26 мая, внеочередная сессия депутатов–мусульман Сейма «единогласно приняла решение взять на себя управление Азербайджаном, провозгласив себя Временным Национальным Советом Азербайджана»⁶⁹⁵.

Подчеркнем, что два Армянских национальных совета были образованы в 1917 году — в мае и октябре, грузинский же — в ноябре, что свидетельствует о бурном оживлении напряженной общественной и политической жизни страны. А «азербайджанский» национальный совет, как мы видим, создавался в последний момент, когда надо было придать легитимность провозглашению независимости. Председателем Национального совета был избран М. Расулзаде, а председателем исполнительного органа последнего — Фатали Хан–Хойский. 28 мая, на первом заседании Национального совета, 27 членов один из лидеров партии «Мусават» Х. Хасмамедов предложил немедленно объявить «Азербайджан» независимой республикой. Несмотря на предложение Ф. Хан–Хойского воздержаться от провозглашения независимости до выяснения некоторых вопросов на месте и пока довольствоваться созданием полноценного азербайджанского правительства с целью ведения мирных переговоров с державами, Национальный совет 24 голосами «за» и 2 голосами «против» провозгласил независимость «Азербайджана» и опубликовал «Акт о независимости Азербайджана»⁶⁹⁶. «Разъяснение некоторых вопросов» утаивало тот факт, что в тот же день, 28 мая, партия «Мусават» обратилась к османскому правительству с просьбой о присоединении

⁶⁹⁵ См. Балаев А., указ. соч., с. 204.

⁶⁹⁶ См. From the Relations of reindpendent Armenia and the newly established state of Azerbaijan (1918–1920), Materials and documents, volume 1, Through the diligent ebborts of Vladimir Harutunyan, Erevan, 2024, pp. 40–417. Князьян Д. В., Кавказская политика Азербайджанской Демократической Республики в 1918–1920 гг., Ереван, 2008, с. 23.

Азербайджана к Османской империи. В Стамбуле эту просьбу приняли вполне благосклонно⁶⁹⁷.

В предисловии к декларации говорилось: «...Нынешнее положение Азербайджана, связанное с ликвидацией войны, возникшей между Россией и Оттоманской Империей, а также небывалая анархия внутри страны повелительно диктуют Азербайджану, состоящему из Восточного и Южного Закавказья, необходимость создания собственной государственной организации, дабы вывести народы Азербайджана из того тяжелого внутреннего и внешнего положения, в котором они оказались. На основании этого Мусульманский Национальный совет Азербайджана, избранный всенародным голосованием, ныне всенародно объявляет:

1. Отныне народы Азербайджана являются носителями суверенных прав и Азербайджан, состоящей из Восточного и Южного Закавказья — полноправным, независимым государством.

2. Формой политического устройства независимого Азербайджана устанавливается Демократическая республика.

3. Азербайджанская демократическая республика стремится установить добрососедские отношения со своими членами международного общества, а в особенности с сопредельными народами и государствами.

4. Азербайджанская Демократическая республика гарантирует в своих пределах гражданские и политические права всем гражданам без различия национальностей, вероисповедания, социального положения и пола.

5. Азербайджанская Демократическая Республика всем народностям, населяющим ее территорию, предоставит широкий простор для свободного развития.

6. До созыва Учредительного Собрания, во главе управления всем Азербайджаном, стоит Национальный совет, избранный

⁶⁹⁷ См. Токаржевский Е. А., Из истории иностранной интервенции и гражданской войны в Азербайджане, Баку, 1957, с. 82–83. Также: Иголкин Ал., там же, с. 7.

народным голосованием, и Временное Правительство, ответственное перед Национальным Собранием⁶⁹⁸.

В тот же день был утвержден и состав правительства Азербайджана: премьер-министр и министр внутренних дел — Фатали Хан-Хойский; министр финансов и народного просвещения — Насиб-бек Усуббеков; министр иностранных дел — Мамед Гасан Гаджинский; министр связи, почты и телеграфа — Худадат-бек Мелик-Асланов; министр юстиции — Халил-бек Хасмамедов; министр земледелия и труда — Акпер Ага Шейхулисламов; военный министр — Хосров-бек Султанов; министр торговли и промышленности — Мамед Юсуф Джафаров; министр государственного контроля — Джамо бек Гаджинский⁶⁹⁹.

Мамед Эмин Расулзаде охарактеризовал Азербайджан как первую республику в мусульманском мире и первое государство во всем тюркском мире, поскольку «все остальные государства тюркского происхождения в своем формировании основывались в основном на религиозной платформе, а Азербайджанская республика основана на современной базе национально-культурного самоопределения, на тюркской национально-демократической почве»⁷⁰⁰.

Фактически, с первого же дня возникновения Азербайджана как государства, под диктатом и идеологическом руководстве Османской Турции, начался последовательный процесс фальсификации истории кавказских татар, тем самым фальсифицируется история соседних народов и государств — Ирана, Армении и Грузии.

18 октября 1991 г. был принят конституционный акт Азербайджанской республики о восстановлении государствен-

⁶⁹⁸ См. Азербайджанская Демократическая Республика (Сборник статей, посвященный 90-летию Первой Республики), Москва, 2008, с. 3. Swietochowski T., *Russia Azerbaijan. 1905–1920, the Shaping of National identity a Muslim community*, Cambridge, 1985, по Князьян Д., указ. соч., с. 23–24.

⁶⁹⁹ См. Князьян Д., указ. соч., с. 24.

⁷⁰⁰ См. Балаев А., указ. соч., с. 69.

ной независимости, где, в частности отмечается выдвинутый нами тезис: «18 мая 1918 года,— говорится там,— Национальный совет Азербайджана принял декларацию о независимости, **возобновив тем самым многовековые традиции государственности азербайджанского народа...**» (Выделено нами — *В. М.*).

И почему—то в наши дни, исходя из данного акта, днем провозглашения независимости в Азербайджане отмечают 28—го мая.

Что касается названия этого государства, отметим, что в какой—то период муссировалось идея назвать новую страну «Восточно кавказской мусульманской республикой», но в конечном итоге остановились на «Азербайджане». Бытует также необоснованный тезис о том, что республика стала называться «Азербайджаном» после принятия Декларации 27—го апреля 1920 г. то есть за день до советизации. Если оставим на стороне все известные контраргументы, то, по нашему мнению, достаточен лишь факт, связанный с нотой Персии от 28—го августа 1918 года, направленный послом Персии в Стамбуле Османскому правительству.

В отличие от декларации независимости Грузии, как мы видим, политическая элита Азербайджана четко и ясно обозначила свои территориальные амбиции — Восточное и Южное Закавказье, кстати дважды подчеркивая это обстоятельства. Первоочередной задачей провозглашалось обеспечение общей границы с Османской Турцией, а также осуществление этой прямой территориальной связи за счет армянских территорий.

В связи с этим газета «Кавказское Слово» писала, что **ссылка на Восточное и Южное Закавказье, видимо, означала, что в состав Азербайджана должно войти все, что не вошло в состав Грузии**⁷⁰¹ (Выделено нами — *В. М.*).

⁷⁰¹ См. Кавказское Слово, 1918, № 110, 1 июня, по Князьян Д., указ. соч., с. 25.

Однако заметим, что Декларация не дает никакого обоснования для присвоения под названием государства «Азербайджан» так называемых Восточного и Южного Закавказья. История края не ведаёт под такими понятиями не географической территории, не административной единицы не этнической общности⁷⁰². Фальсифицируется также факт образования Азербайджанского мусульманского Национального совета якобы избранного путем всенародного голосования. Напомним, что совет был создан лишь 27-го мая, накануне провозглашения акта независимости, на внеочередной сессии депутатов — мусульман Сейма, провозгласив себя «Временным национальным советом Азербайджана», более того — в день принятия декларации. Кроме того, что за день невозможно организовать «всенародный» референдум. Абсурдным представляется и то, что данный референдум не прошёл бы в крайне пёстрой этической среде армян, русских, немцев, евреев, татов, удийцев и т. д. И самое главное, среди этих народов и народностей не существовала этническая группа под названием «азербайджанец».

С провозглашением независимого Азербайджана было положено начало 100-летнему курсу азербайджанской антиармянской политики и фальсификации истории. Важно также отметить, что эту самую большую фальсификацию зафиксировали и современники.

Особенно примечательны замечания Б. Байкова, которые рассматриваются этим русским деятелем кадетом, в основном, в контексте процесса выхода Закавказья из состава России.

Он отмечает, что «если у Армении и Грузии и могли быть более или менее веские причины для ухода от России и провозглашения независимости, то у азербайджанских татар никогда не было, да и не могло быть решительно ни одного достойного уважения повода, чтобы действовать по примеру Грузии и Армении.

⁷⁰² См. Сборник документов Лиги Наций по республике Армения (1919–1920), на арм. яз., Ереван, 2023, с. 40.

В состав Азербайджана вошли Елизаветпольская и Бакинская губернии с их чрезвычайно пестрым населением. Сельское хозяйство было в руках русских и армян. Виноградарством и садоводством занимались армяне, а хлопководством — русские. А о нефтепереработке в данном случае можно и не упоминать.

У азербайджанских татар не было причин, как у Грузии и Армении, ревностно относиться к своему историческому прошлому, потому что **в истории не было государства, которое объединило бы татарское население территории, что и было сделано в 1918 году, в виде независимой Азербайджанской республики.**

Эта территория и народ, населявший ее, до своего включения в состав Российской империи **представляли собой ряд отдельных вассальных провинций Персии**⁷⁰³ (выделено нами — *В. М.*). Кстати 28 августа 1918 г. посольство Персии в Стамбуле предъявило письмо, в котором выражалась нота протеста Персии в связи созданием государства с названием «Азербайджан».

Б. Байков выделяет еще два вопроса: во-первых, татарское население Баку и двух названных выше губерний не имело причин быть более недовольным прежней политикой российских государственных властей, чем, скажем, коренное население других регионов России. Другими словами: деятель, проживший среди татар 25 лет, пытается обосновать, что в их среде не было замечено антирусских, антигосударственных настроений. При этом Б. Байков избегает вспоминать непосредственную, практическую роль царского правительства в организации страшных армяно-татарских погромов и неприкрытой поддержке татар в течение 1905–1906 годов.

Можно с уверенностью констатировать, что армяно-азербайджанский конфликт с несколькими этапами своего «развития» начался и полностью развернулся в годы первой русской революции — как способ отвлечения от основных

⁷⁰³ См. Байков Б., указ. соч., с. 192–193.

проблем революции через межэтнический конфликт, и авторы его были высокопоставленные царские чиновники и сам монарх.

Вторая проблема заключалась в том, что в свою очередь Б. Байков также, переосмысливая историю, считал, что в прошлом азербайджанские татары не проявляли сочувствия к тюркам Турции, и, по его словам, такое отношение началось во время Первой мировой войны⁷⁰⁴.

Не углубляясь в проблему, отметим лишь, что с 80-х годов 19-го века, по крайней мере, с начала 20-го века, а особенно с младотурецким переворотом 1908 года, последовательными усилиями Османской империи и Германии Бакинская и Елизаветпольская губернии превращались в очаги пантюркизма.

В основном разделяя мнение Б. Байкова о том, что «основы сепаратизма Азербайджана были заложены опытными руками турок», мы не согласны с ним в вопросе о том, что «на счастье России и самого Азербайджана, сепаратизм Азербайджана не очень глубок»⁷⁰⁵.

21 мая 1918 года, когда турецкие войска заняли станцию Сардарapat, газета «Оризон» опубликовала статью «Против независимости», в которой утверждалось: «Как известно, **во многих местах будущего Азербайджана о независимости Закавказья и слышать не хотят и требуют немедленного присоединения мусульманских государств Закавказья к Турции в качестве ее обычных губерний.** Для осуществления этого намерения некоторые из многочисленных татарских делегатов, присланных в Батуми из Гандзакской губернии (Елизаветпольская губерния), заявили во время одной частной беседы в Тифлисе, что мусульманские массы, стремящиеся присоединиться к Турции, не собираются слагать оружие, пока не достигнут своей цели. **Они даже не стеснялись признать, что анархия Гандзакского района преследует эту цель и не**

⁷⁰⁴ См. там же, с. 193.

⁷⁰⁵ См. там же, с. 194.

может закончиться до тех пор, пока Гандзакская и Бакинская губернии не перейдут к Турции» (выделено нами — *В. М.*)⁷⁰⁶.

Эльде, в свою очередь, отмечает, что «татарам было дано право занять Елизаветпольскую губернию и Баку»⁷⁰⁷.

Позднее, 13 июля 1918 г., когда турецкие войска вошли в Елизаветполь, «армянская часть города, несмотря на свои укрепленные позиции и наличие гарнизона в 1000 человек, сдалась туркам без единого выстрела. Елизаветполь официально сменил название на Гянджа»⁷⁰⁸.

Автор написанной в марте 1922 года статьи, также предсказывал, что «воссоединение России и Закавказья — вопрос не столь уж отдаленного будущего»⁷⁰⁹, имея в виду, конечно, объединение Закавказской федерации с Советской Россией. В общем смысле, целью Б. Байкова было доказать, что в 1917–1918 годах в действительности у закавказских народов не было оснований, чтобы стремиться к независимости⁷¹⁰.

В июне 1917 г. правительство АДР переместило свою резиденцию из Тифлиса в Елизаветполь (Гандзак–Гянджа), а в сентябре 1918 г. после захвата Баку турецкой армией, правительство мусаватистов переместилось в Баку. По поводу нарекания новообразованной республики «Азербайджаном», Малая советская энциклопедия (Москва, 1954 г.) отмечала: «Мусаватисты следовали туркам и созданная ими государство было пантюркистским. Предполагалось, что именование областей Арана и Мирвана на Кавказе Азербайджаном исходит из турецкой политики и требования. Турки, которые неоднократно нападали на Иранскую Атропатену и не смотря на осуществленных ужасных погромов, всегда встречали сопротивления народа Атропатены, поэтому и выбрали другой путь — во первых объединить Кавказ и Азербайджан под

⁷⁰⁶ «Оризон», 1918, 21 мая, № 94.

⁷⁰⁷ См. Эльде. Закавказье и единая Россия, Ростов на Дону, 1919, с. 14–21.

⁷⁰⁸ См. там же.

⁷⁰⁹ См. Байков Б., указ. соч, с. 194.

⁷¹⁰ См. там же, с. 190.

единым названием «Азербайджан», а потом эти две области соединить к своей земле»⁷¹¹.

Это название сохранилось после советизации Азербайджана.

Исследователь иранской истории Энаятоллах Реза в своей статье «Как Аран называли Азербайджаном», основываясь на концепции Василия Бартольда, писал: «Название Кавказского Азербайджана вошло в обиход только после революции (имеется введу февральская революция 1917 г. в России) и название «Азербайджан» для новой республики предположительно было выбрано потому, что утверждением Республики Азербайджан будут объединены Иранская Атропатена и Республика Азербайджан. Когда будет надобно выбрать одно название, которое охватило бы всю Азербайджанскую республику, в этом случаи можно остановиться на имени Аран»⁷¹².

Турадж Атабаки с своей книге «Азербайджан в современном Иране», анализируя роль Советского Союза в вопросе переписывания истории, отмечал: «Использования терминов Северный и Южный Азербайджан в некоторых кругах интеллигенции Иранской Атропатены и бывшего советского Азербайджана — один из примеров попыток того, как можно на примере разделения северных и южных областей реки Аракс» использовать географические термины в целях создания исторической законности⁷¹³.

3.6. ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ НЕЗАВИСИМОСТИ АРМЕНИИ

Во время российских революций, в период с февраля 1917 г. по январь 1918 г., на армянском политическом поле, в отличие от грузинских и татарских реалий, не было ни предложения, ни требования независимости. Несмотря на некоторые частные и

⁷¹¹ См. Мкртчян Саркис, Пантюристские течения в современном Иране, Ереван, 2019, с. 32.

⁷¹² См. указ. соч., с. 33.

⁷¹³ См. там же, с. 34.

эпизодические проявления, не только вопрос независимости Закавказья и Армении, но вопрос выхода из состава даже большевистской России на уровне армянских фракций в трех закавказских правительствах, и политических партий в Армянском национальном совете не поднимался.

Летом 1917 года на панисламских съездах, проходивших в Москве и Казани, в ноябре — на Грузинском национальном конгрессе, впервые прозвучало понятие «Азербайджан», был поднят грузинский национальный флаг, и даже больше — были предприняты немалые практические шаги в направлении отделения от России. Эти шаги полностью противоречили обещанным призывам и лозунгам Закавказской объединенной власти и правительств к совместной работе в рамках Комиссариата и Сейма, к солидарности, к совместному противостоянию турецкому вторжению и проведению справедливого административно-территориального деления границ. Нам известно только заявление Ал. Хатисяна, сделанное в мае 1917 г. — «ясно, что мы идем к независимости», что было следствием, главным образом, всеобщего воодушевления, энтузиазма Февральской революции и обещанного Временным правительством лозунга самоопределения наций. Все армянские партии, разумеется, кроме большевиков, с февраля 1917 г. по январь 1918 г., вплоть до роспуска Учредительного собрания, последовательно поддерживали идею Объединенной Демократической Федеративной Республики России, возможно, также вопрос о самостоятельном армянском национальном образовании или автономии в ее составе. Это, в свою очередь, в основном было обусловлено гарантированным фактором Армянского вопроса, обороны Кавказского фронта и Западной Армении.

В 1918 году с турецким нашествием начался сложный и трагический период политических потрясений и потерь, происходивший в контексте «логической» цепочки Трапезунд–Брест–Батум.

Газета грузинских социал-федералистов «Сахалхо Сакме» («Дело народа») убежденно считала, что «армяне ищут и видят

свое спасение в централизме, в крайнем случае, они защищают федерацию, но отделение для них — это смерть». Если случится так, что все Закавказье попадет в руки какого-либо, даже диктаторского государства, армянские социалисты тоже не будут возражать против этого, потому что этого требуют интересы их нации»⁷¹⁴.

Это привело сначала к возникновению независимого Закавказья, а затем и национальных государств.

Пожалуй, первые «официальные» высказывания и мысли о независимости в армянской действительности прозвучали во время Александропольского совещания.

6–8 апреля 1918 года в здании Чрезвычайной комиссии в Александрополе приступило к работе экстренное совещание армянских членов Закавказского сейма, правительства, Армянского национального совета, представителей партий, губернских комиссаров Карсской и Ереванской губерний и других приглашенных лиц⁷¹⁵.

Цель созыва экстренного совещания проясняет выступление С. Врацяна, а именно: обсуждение проблемы отказа Сейма от Брест–Литовского договора и соответствующего требования Турции, отзыва сеймской делегации из Трапезунда, обсуждение новой военно–политической обстановки, создавшейся в результате падения Батуми, и новые условия мира с Турцией⁷¹⁶.

Конечно, созыв экстренного совещания в первую очередь был связан с неудачами армянских вооруженных сил на Кавказском фронте от Эрзурума до Карса.

Нельзя игнорировать и тот факт, что сразу же после окончания совещания, 9 апреля, Сейм и А. Чхенкели сдали Карс туркам. Беспокойство АРФД заключалось в том, что значительная часть партии «Дашнакцутюн», хотя и безмолвно, но, созвав экстрен-

⁷¹⁴ См. «Оризон», 1918, 13 марта, № 53.

⁷¹⁵ См. НАА, ф. 222, оп. 1, д. 122 л. 1–4, д. 123, л. 1–20, а также: Всеармянские совещания (1912–1920 гг.), сборник документов и материалов, Ереван, 2004, с. 307–332.

⁷¹⁶ См. Всеармянские совещания..., с. 307.

ное совещание, признала провал переговорного процесса с Турцией. Примечательно также, что, несмотря на собственное присутствие, в своей работе «Республика Армения» С. Врацян про Александропольское совещание вообще не упоминает. В другой своей книге — «Дорогами жизни», он представил диалог Гамбашидзе и члена правительства Закавказья Ов. Каджазуни, состоявшийся в начале мая. «Мы щепки, попавшие в водоворот,— говорил Ов. Каджазуни,— куда вода поведет, туда мы и попадем»⁷¹⁷. На замечание Гамбашидзе, что и в водовороте есть своя логика и она «в определенном смысле подводит нас к Батуму (к новым переговорам — *В. М.*)», ответил уже С. Врацян, который, кстати, был согласен с подходом Гамбашидзе. «Мы знали, что ситуация чрезвычайно тяжелая, но стоило ли отчаиваться? Нет такой ситуации, которой не было бы альтернативы. Да, мы должны были подписать все, что от нас требовали турки, но почему мы заранее думали, что воля турок окончательна и бесповоротна? Была воля даже намного выше, чем воля турецкая»⁷¹⁸.

Затруднительно понять, о какой именно воле в условиях реальной потери Западной Армении и сдачи Карса говорит С. Врацян, который охарактеризовал диалог этого деятеля как «философские, бессодержательные, подобные Каджазуни–Гамбашидзе»⁷¹⁹.

Возвращаясь к Александропольскому совещанию, отметим, что инициатива принадлежала Восточному Бюро АРФД. 4 апреля 1918 года Восточное Бюро АРФ «Дашнакцутюн», в лице С. Врацяна, сообщало армянскому Национальному совету, что «по инициативе Восточного Бюро АРФ «Дашнакцутюн» 7 апреля в Александрополе состоится чрезвычайное совещание по вопросу войны и мира»⁷²⁰. На этом совещании обсуждались

⁷¹⁷ Врацян С., Дорогами жизни. События, лица, переживания (на арм. яз.), т. 4, Бейрут, 1965, с. 109.

⁷¹⁸ Там же.

⁷¹⁹ См. Врацян С., указ. соч, с. 194.

⁷²⁰ См. НАА, ф. 201, оп. 1, д. 36, л. 149.

вопросы, связанные с положением на фронте, о мире, армянских вооруженных сил⁷²¹.

Первое упоминание **о независимости** было сделано на втором заседании 7 апреля. Ссылавшийся на Трапезундское совещание член делегации Ал. Хатисян, в своем докладе воспроизвел требование турецкой делегации в Трапезунде: «Вы должны принять Брест–Литовский договор (речь идет о требовании Турции — *В. М.*), отвести войска, не претендовать на территорию, объявить независимость, а мы признаем вас суверенным государством. Мы с радостью поддержим вас в создании собственного государства, что созвучно нашим интересам — против России. Вместо этого мы поможем вам, в чем вам угодно: например, ради вас пошлем войска против большевиков. Это нужно и для Армянского вопроса — здесь мы поможем формированию армянской территории на границе Кавказа. Дашнаки, как и социал–демократы были против независимости»⁷²². Ал. Хатисян представляет также подход армянской делегации Сейма к решению Армянского вопроса, то есть проблемы Западной Армении. Соответственно, выдвигалось требование автономии, которая, по словам Ал. Хатисяна «вплотную приближается к независимости», «всего лишь воздаст дань Турции»⁷²³. Тут, немного отвлекшись, считаем необходимым процитировать признание турецкой стороны от имени главы делегации Рауф–бея относительно осуществления Геноцида армян и других жизненно важных вопросов:

«Весь армянский народ предает Турцию, внутри каждого армянина сидит русский шпион, и в результате было вырезано 600 тысяч армян... давайте оставим прошлое, разберемся в настоящем. Мы хотим, чтобы армяне вернулись в Турцию, мы говорим это не для них, а с точки

⁷²¹ Акопян А. ошибочно полагает, что инициатива созыва Совещания принадлежит Армянскому национальному совету. См. Акопян, Парламент Армении и политические партии (1918–1920), Ереван, 2005, с. 37.

⁷²² Всеармянские совещания..., с. 310.

⁷²³ См. там же, с. 311.

зрения наших интересов — они хорошие мастера и хорошие налогоплательщики. И курды нам не нужны, а от греков противоядие — армяне: сейчас в Месопотамии 30 000 армян, 300 000 были перемещены в начале. В Константинополе 80 000 армян, во всей Турции — армян насчитывается около 400 000. Если мы соберем всех армян (и переселенцев), у нас будет 700 000 армян на территории Турции, это число для нас не опасно. Мы должны выполнить свое историческое призвание (имеется в виду пантюркизм — *В. М.*). Если сейчас армяне заставят нас, чтобы Кавказ воевал против нас, то мы будем беспощадны, грузины и мусульмане для нас не опасны. Если будете продолжать бороться — за последствия мы не отвечаем»⁷²⁴ (выделено нами — *В. М.*)

В нескольких строчках обозначены многие актуальные внутренние и геополитические вопросы и даны ответы на них. Два из них для нас наиболее важны.

Во-первых, это совещание армянские политические силы должны были созвать еще в ноябре 1917 года или самое позднее — в феврале 1918 года, когда началось турецкое вторжение. Мы имеем в виду проблему политической ориентации и вопрос о власти в Закавказье. Лучшим доказательством является проармянское сотрудничество АРФД и Бакинского совета в марте–апреле 1918 года, план Ст. Шаумяна по советизации Закавказья. Ведь сами турки признаются, что главную опасность для себя видят в большевизме. Мы попытались осветить эти — наиболее важные проблемы, в наших двух работах⁷²⁵, поэтому в данном случае полагаем, что наша точка зрения лежит вне плоскости «если».

Кстати, на той же встрече Ов. Каджазнуни думал, «почему Брест–Литовский договор для нас сравнительно наименьшее

⁷²⁴ Там же.

⁷²⁵ См. Меликян В., Борьба за Баку, Ереван, 2018, 2019. Его же: Запдноармянская общественно–политическая жизнь в 1917–1918 гг. Оборона Эрзерума и причины его падения в 1918 г., Ереван, 2019 г.

зло»⁷²⁶. Не принимая обоснования Ов. Каджазнуни, А. Зурабян считал, что в лице «Армении» Турция пытается создать буферное государство между ней самой и Россией, но поскольку буферное государство не может быть суверенным, последнее должно быть подчинено одному из соседних государств. «Цель Турции,— подчеркивал он,— заключается в том, чтобы отделить нас от России и подчинить себе». Но можем ли мы оставить Россию, а также ориентацию на север? Нет. Ведь одной из причин резни армян в Турции было именно это — что они обратили свой взор на север»⁷²⁷.

Вторая серьезнейшая проблема. Здесь вполне оправдано преимущество в тот момент вооруженной борьбы с турками, а не переговорного процесса, что и стало причиной основных разногласий внутри закавказских правительств и даже отдельными деятелями АРФД.

На третьем заседании член Армянской Народной партии и Национального совета Степан Мамиконян считал, что турки прямо угрожают истребить и восточных армян, поэтому нет другого выхода, кроме как защищаться и продолжать войну. «Мы должны продолжать организовывать наши силы, активнее продвигать военную мобилизацию,— сказал он,— опыт последних двух месяцев показывает, что организовать силы можно. Обвинять только народ и армию было бы ошибкой, большая часть ответственности ложится на нас — руководителей. Падение Эрзерума и Сарыкамыша — вина не армии, это мы не способствовали ее обороне и... турецким обещаниям тоже верить не стоит»⁷²⁸.

Слово вне очереди было дано К. Газазяну, который зачитал телеграмму, полученную от члена Армянского национального совета, члена АРФД Х. Карчикяна, в которой говорилось, что 7 апреля на заседании представителей Сейма и правительственных фракций представители мусульман заявили, что выходят из

⁷²⁶ См. Всеармянские совещания..., с. 312.

⁷²⁷ Там же, с. 318.

⁷²⁸ Всеармянские совещания..., с. 317–318.

правительства и, вероятно, в ближайшие дни провозгласят независимость Азербайджана⁷²⁹. Поскольку 7 апреля Закавказье еще не провозгласило свою независимость, можно сделать вывод, что это было очередным проявлением согласованного и использованного Турцией и татарами–мусульманами шантажа, который ускорил бы процесс провозглашения независимости, пока — провозгласив Закавказье независим.

Х. Карчикян обосновывал сказанное тем, что «для них (имеется в виду Армянский национальный совет Тифлиса — *В. М.*) стало ясно, что меньшевики и дашнаки не хотят провозглашать независимость Закавказья, что они хотят остаться в границах России». Меньшевики считают, что единственный выход из положения — это создание союзов с отдельными правительствами и оборонительного союза двух сторон»⁷³⁰. Х. Карчикян считал, что нынешнее собрание должно избрать временное правительство, и это было, по нашему глубочайшему убеждению, первым шагом на пути к провозглашению независимости. А заблуждение его состояло в том, что меньшевики будут и впредь защищать закавказские рубежи⁷³¹.

Можно только представить, какое напряжение царило на заседании 7 апреля, особенно после информации Х. Карчикяна. Например, один из лидеров Армянской народной партии и член Армянского национального совета Самсон Арутюнян считал, что в новой ситуации продолжать дальнейшие обсуждения в Александрополе бессмысленно, «поэтому завтра же конференция в таком составе должна будет переехать в Тифлис, где можно будет немедленно поговорить с нашими соседями». В конце концов было принято решение выехать с этой группой в Тифлис — в час ночи⁷³² (конечно же, никто не выехал — *В. М.*). Весьма примечательно и то, что доклад Т. Назарбекияна и А. Вышинского, согласно которому армянские войска взяли

⁷²⁹ См. там же, с. 318.

⁷³⁰ См. там же.

⁷³¹ См. там же, с. 318–319.

⁷³² См. там же, с. 319.

обратно оставленные ими позиции, но в случае с Карсом, если не будет «человека, винтовки, еды»⁷³³, то об успехе не может быть и речи. Еще один важный вопрос. Акоп Завриян (Завриев) считал, что необходимо искать пути прекращения войны. «Пусть правительство решает,— сказал он,— получить помощь от немцев или большевиков. Кроме того, надо спасти Баку, без которого Азербайджан — ничто. Можно ли отделиться от грузин и вести отдельную войну?»⁷³⁴. Как видим, видный представитель АРФ «Дашнакцутюн» не только не проигнорировал, а после подавления мартовского мятежа мусаватистов в 1918 году в Баку намекал на план Ст. Шаумяна, а именно — советизацию Закавказья, как проявление самостоятельной армянской стратегии в сложившейся ситуации. Отвергая фактор большевизма и поддержку грузин, член Армянской народной партии Микаел Пападжанян считал, что «народ поймет, что возвращение Карса является необходимостью». И в своем выступлении, между прочим, отмечает, что «**У независимой Армении должна быть армия**»⁷³⁵. Во-первых, выясняется, что Армянская народная партия в начале апреля 1918 г. выступала за провозглашение независимой Армении, затем последовало ужасное известие о сдаче Карса: фактически за два дня до 9 апреля армянская сторона (во всяком случае, в лице одного из лидеров Армянской народной партии — М. Пападжаняна) была согласна на сдачу Карса, иными словами, у нее была явно пораженческая, якобы дальновидная тактика. Лидер той же партии С. Арутюнян главным вопросом дня назвал «организацию самообороны страны»⁷³⁶. Интересно, что в ходе консультаций регулярно поднимался вопрос независимости Азербайджана и в связи с этим — создания новой ситуации, и в то же время намерения Грузии не упоминались вообще. Неужели армянская политическая элита, находившаяся в ежедневных контактах и

⁷³³ Там же.

⁷³⁴ Там же.

⁷³⁵ Там же, с. 321.

⁷³⁶ Там же, с. 322.

переговорах со своими грузинскими коллегами — в рамках Трапезундских переговоров, Сейма и правительства, не знала и не догадывалась о шагах грузинских меньшевиков? И только 8 апреля, на заключительном — 5-ом заседании, когда была принята основная резолюция Александропольского совещания, «именно в этот момент из Тифлиса поступает телеграмма о том, что Грузинский национальный совет принял решение объявить независимость»⁷³⁷. После этого, действительно, решено рассмотреть вопросы независимости и власти в Тифлисе.

Как это ни прискорбно, однако даже этот факт свидетельствует о непоследовательной, неединодушной тактике наших политических сил, партий, АНС, которые лишь следовали развитию событий и действиям соседей. Это признавал и член АРФД Ваан Навасардян. «Армянский народ до сих пор не знает,— считал он,— кто ему ближе, роднее, какое правительство для нашего народа непредательское. Доказательство тому — авторитет Армянского национального совета среди нашего народа»⁷³⁸. Так думал и Ованес Туманян. Он предлагал создать единую волю и власть, «а то у нас две власти — Национальный совет и АРФ «Дашнакцутюн», именно это обстоятельство и действует разрушающе на нашу работу»⁷³⁹. Кстати, еще 10 марта 1918 г. приказом председателя правительства Закавказья Е. Гегечкори и военного министра Ов. Туманяну было поручено вложить все средства в установление добрососедских отношений между народностями Борчалу и Казаха⁷⁴⁰. На еще одно «разрушительное» обстоятельство указывает и негодует председатель Совета безопасности Ваан Папазян (АРФД), но только в самый последний момент последнего заседания. Только тогда выясняется, что на совещание не были приглашены представители Западноармянского национального совета и Совета безопасности⁷⁴¹. Раскол между восточными и западными

⁷³⁷ См. там же, с. 331.

⁷³⁸ Там же, с. 327.

⁷³⁹ Там же.

⁷⁴⁰ См. НАА, ф. 4033, оп. 2, д. 908, л. 1.

⁷⁴¹ См. там же, с. 331.

ми армянами не переставал углубляться даже в этот судьбоносный момент.

Мы придаем особое значение мнению Хачатура Карчикяна, записанному 5 апреля в Тифлисе. Оно было зачитано на заседании 7 апреля. Хотя в нем речь главным образом идет о проблеме независимости Закавказья, однако в подтексте затрагивается и идея независимой Армении. Мнение Х. Карчикяна, его размышления и зачастую прогнозы, по нашему глубокому убеждению, отличаются широтой взглядов, трезвыми оценками, современным звучанием вопросов. Есть здесь и значимые открытия, которые не освещались исследователями.

Попробуем кратко представить их.

Во-первых, он был единственным, кто ясно понимал реальное существование и опасность пантюркизма, поэтому решительно выступал против принятия Брестского мира и, следовательно, прекращения войны. «Это не освободит нас и не обеспечит как от продвижения Турции,— говорил Х. Карчикян,— так и от полного завоевания Закавказья. Вопреки всем заверениям турок, завоевание Кавказа является политическим проектом и необходимостью для Турции. Захват Батуми и Карса — это первый этап, облегчающий задачу. Турция должна стремиться, пользуясь подходящим моментом, немедленно и навсегда обезопасить себя от будущей опасности России, которая в недалеком будущем может вновь реально угрожать границам Турции»⁷⁴².

Мы полностью разделяем мнение Х. Карчикяна, согласно которому, завоевав Батуми и Карс, Турция по праву обезопасит себя, но при условии, что по соседству с ней будет независимое Закавказье, отделенное от России. В данном случае Турция была независима в своих заверениях, когда утверждала, что не имеет намерения оккупировать Закавказье — в той мере, в какой связывала реализацию своего плана с условием «независимого Закавказья».

⁷⁴² См. НАА, ф. 222, оп. 1, д. 122, л. 1.

«После сдачи Карса и Батума провозглашение Закавказья независимым равносильно самоубийству армянского и грузинского народов»,— утверждал он⁷⁴³ (выделено нами — В. М.).

Согласно Х. Карчикяну, после принятия Брестского договора, возможны три ситуации: 1) либо Турция, игнорируя договор, немедленно продвигается вперед и оккупирует Закавказье; 2) либо останавливается в определенных границах и заставляет Закавказье объявить независимость и превратиться в вассала Турции; 3) либо оккупирует Кавказ — в случае если Сейм отказывается объявить Закавказье независимым и остается в составе России⁷⁴⁴.

Как видим, все три предсказания дальновидного политика были вполне реалистичны. Завоевав Карс, Сейм сразу объявил Закавказье независимым: отсюда вытекает второй пункт, о вассалитете, что выражалось в унижительных переговорах в Батуми. Что же касается третьего пункта, то он так и остался бы среди неблагоприятных прогнозов, если бы не героические Майские сражения армян.

К сожалению, весь процесс Александропольского совещания и логика выступлений сводилась к тому, что армянский народ не был готов бороться за существование.

Х. Карчикян даже предвидел отвоевание Россией будущей независимой Армении или объединенного независимого Закавказья. «Россия не должна смириться с потерей Закавказья, и сегодняшнее отделение должно означать не реализацию идеи независимости, а акт насилия, которому невольно подвергся Кавказ под давлением Турции»⁷⁴⁵.

Подтекст сказанного заключался в том, что в будущем Армения, уже советизированная, будет возвращена России. Конечно, пока он такого предложения не делает, но в данном вопросе он ошибочно полагал, что «даже сегодняшняя Россия

⁷⁴³ Там же.

⁷⁴⁴ См. там же, с. 2–3.

⁷⁴⁵ Там же, л. 2.

попытается в ближайшие месяцы войти в пределы Кавказа»⁷⁴⁶. Х. Карчикян не вполне представлял себе разрушительную роль Брест–Литовска для России в этом вопросе, когда, уступив почти 1 миллион квадратных километров территорий Германии — а значит, и Турции, ленинско–большевистская группировка решала до поры до времени лишь одну сверхзадачу — удержание власти.

Главный вывод Х. Карчикяна был следующий: **«Именно по этой причине я считаю совершенно провальными Брестский договор и окончание войны ценой отдачи Карса»**⁷⁴⁷ (выделено нами — *В. М.*). Кстати, одним из сторонников этой точки зрения был также Ваан Навасардян, который предлагал «бороться только за Карс, без Батуми. «Грузин свою кровь за Карс не прольет»⁷⁴⁸. Предложение Ваана Навасардяна получило всего 4 голоса и было отклонено.

Более чем пророческими звучат размышления Х. Карчикяна о росте армянской военной мощи и боевого духа. «Мне кажется, что наша военная мощь по отношению к Турции — это определенный залог уже сейчас, и она в дальнейшем будет развиваться и укрепляться, а Турция — уменьшаться и ослабевать. Прежде всего следует иметь в виду, что **наш народ уже испытывает ужас перед опасностью, и готовность к самопожертвованию только–только зарождается** (выделено нами — *В. М.*). В сознании борющихся масс все глубже пускает корни потребность в дисциплине. А войска противоположной стороны, отдалившись от своих основных баз и лишившись беспроблемного снабжения, после первого же похода почувствуют большую усталость и потребность в отдыхе, особенно если нам только удастся остановить их на некоторое время и удержать под ударами»⁷⁴⁹.

И в завершение он полагал, что прекращение войны самоубийственно для армян, **«а наши бесконечные колебания**

⁷⁴⁶ Там же.

⁷⁴⁷ Там же, л. 3.

⁷⁴⁸ См. Всеармянские совещания..., с. 331.

⁷⁴⁹ НАА, ф. 222, оп. 1, д. 122, л. 4.

и агитация различных общественных фракций и органов в пользу Брестского договора весьма сильно ослабляют силы нашего сопротивления, внушают недоверие бойцам и вызывают разложение в тылу»⁷⁵⁰. (выделено нами — В. М.).

Понятно, что выступление Х. Карчикяна было адресовано фракции АРФД в Сейме, Армянскому национальному совету и сторонам, признавшим поражение.

Добавим также, что в этом контексте еще до созыва совещания в Александрополе, 30 марта, Х. Карчикян направил письмо Т. Назарбеяну и, кстати, выражает сожаление, что его не будет в Александрополе в связи с неотложным отъездом в Тифлис.

Он сообщил командиру отдельного Армянского корпуса, что делегация Сейма приняла условия Брестского мира, а потому прекратила сопротивление. Следует главный вопрос Х. Карчикяна: **«Думаю, — писал он, — что в этот решительный момент, если удастся, хотя бы и ценой большого риска, можно осуществить наступление и отбросить неприятеля от Сарыкамыша, то это обстоятельство сыграло бы огромную политическую роль»**. С учетом создавшихся условий надо сделать все возможное, чтобы в правительстве и Сейме была создана атмосфера защиты наших интересов, чтобы спасти территорию от разрушения и порабощения»⁷⁵¹ (выделено нами — В. М.).

Известно, что 14 ноября 1918 года член АРФД Егор Тер-Минасянц застрелил министра призрения Республики Армения однопартийца Хачатура Карчикяна: обвинение было смехотворным — якобы Х. Карчикян сдал Карс⁷⁵². Представленное на Александропольском совещании мнение Х. Карчикяна, а также предложение захватить Сарыкамыш опровергают подобный подход. Более того, Х. Карчикян, наряду с Мовсесом Силикяном, Т. Назарбеяном и другими деятелями, был одним из тех

⁷⁵⁰ Там же.

⁷⁵¹ См. НАА, ф. 45, оп. 1, д. 28, л. 24.

⁷⁵² См. НАА, ф. 210, оп. 1, д. 112, лл. 16–18.

немногих представителей АРФД, которые не приняли Батумский договор и выступали за продолжение военных действий, а сразу после Сардарапата — за освобождение Карса.

На 4-м заседании Александропольского совещания 8 апреля более четко выражаются мнения за и против независимости. Важно отметить отсутствие единого партийного подхода к этому вопросу.

Принимая во внимание заявление мусульман–татар, **Никол Агбальян** (представитель АРФД, член Армянского национального совета) посчитал, что для ведения войны необходима идея создания совместного «армяно–грузинского правительства» и «отдельных правительств для Грузии и Армении»⁷⁵³. Подход **Аветика Шаххатуныяна** из АРФД основывался на жизненных интересах армянского народа в данный момент. По его словам, создание независимого армянского правительства привело бы к разделу Закавказья на три части, и это было бы выгодно Турции, которая «имела бы дело с тремя отдельными странами». **В. Навасардян** (АРФД) был за независимость. «Наряду с закавказским общим правительством должно быть создано национальное правительство». Подход **С. Врацяна** был довольно расплывчатым: по его мнению, проблема отдельных правительств не имела ничего общего с провозглашением независимости Закавказья. «Отделение больше всего навредит нам, армянам, в таком случае мы заведомо останемся изолированными, отрезанными от внешнего мира и неизбежно проиграем»⁷⁵⁴. Армянские меньшевики, главным образом, Ар. Ерзнкян, Ов. Бекзадян, К. Казарян, А. Зурабян выступали против независимости. Весьма дальновидно и реалистично подошел к вопросу также Ованес Туманян, справедливо считавший, что «отделение Закавказья означало бы борьбу с отдельными частями, борьбу не только с Турцией, но и с Азербайджаном и Грузией, и не следует допускать создания отдельного

⁷⁵³ См. Всеармянские совещания..., с. 326.

⁷⁵⁴ См. там же с. 327.

правительства». Против были также эсер Аршам Хонджарян, большевик Баграт Гарибджанян, от АНП — Самсон Арутюнян⁷⁵⁵.

Предложено было 6 резолюций: социал-демократов, Народной партии, С. Врацяна, Арш. Хонджаряна, Вагана Хорени (Тер-Геворгияна), В. Навасардяна⁷⁵⁶. Одну из них решено было принять за основу, и в качестве таковой принимается резолюция В. Навасардяна — с 17 голосами «за» и 8 — «против».

Совещание в конечном итоге приводит к принятию актуальной резолюции дня. «Заслушав доклады мирной делегации и военного командования, Александропольская конференция решает, что необходимо продолжать оборону страны всеми императивными средствами. Конференция поручает надлежащим органам в возможно кратчайшие сроки принять соответствующие меры для заключения достойного и прочного мира, обеспечивающего свободу народов Закавказья⁷⁵⁷.

На следующий же день после сдачи Карса, деятели, отстаивающие абсурдное стремление к единству закавказских народов, окажутся в цейтноте, а фракция АРФД в Сейме временно выйдет из состава единого правительства. И только Сардарпатское чудо скажет свое решающее слово: Республика Армения будет создана, и, к сожалению, господствующее на Александропольском совещании умонастроение в конце концов приведет к пораженческому Батумскому договору.

И опять возникает вопрос: если в апреле 1918 года, на волне военных неудач, фракция АРФД Сейма вышла из состава правительства, так неужели нельзя было сделать это в ноябре 1917 года? или в начале победного бакинского апреля? Разве грузино-татарская сделка не сработала в конце 1917 года или в марте 1918 года, когда грузинскую прессу наводнили статьи о том, что русская демократия потерпела поражение, и это равносильно тому, что большевики окончательно победили?

⁷⁵⁵ См. там же с. 327–328.

⁷⁵⁶ См. НАА, ф. 222, оп. 2, д. 123, л. 18–20.

⁷⁵⁷ См. Всеармянские совещания..., с. 331.

Это было ясно даже в 1918 году, уже в январе, когда Учредительное собрание было распущено.

Таким образом, фактически:

1. Хотя последовательная антисоветская политика Закавказского комиссариата с ноября 1917 г. положила начало процессу отделения края от России и существовавшим, в частности, грузинским сепаратистским устремлениям, прорывным стал в фактор турецкого нашествия 1918 г., когда взамен будущей национальной независимости от Сейма потребовалось отделение России и провозглашения независимости Закавказья.

2. Оказывается, если еще в середине мая 1918 г. татаро–мусульмане были против независимости — даже Закавказья, и ставили вопрос о союзе с Османской Турцией, то уже в начале апреля они решительно выступили за независимость Азербайджана.

3. В течение 6–8 апреля 1918 года, накануне сдачи Карса, Александропольское совещание вполне однозначно подняло идею независимости Закавказья и Армении. Поэтому серьезно и коренным образом пересматривается точка зрения, связывающая эту независимость только с майскими героическими сражениями. Другое дело, что эти победы создали реальную гарантию и основы государственности.

4. Совещание выявило наличие разногласий армянских партий, особенно отсутствие однородности и единообразия подходов «Дашнакцутюн» присутствие разногласий с АНС, и даже полярные разногласия по вопросам продолжения войны, организации сопротивления, переговоров и независимости.

5. В ряде выступлений, особенно членов АРФД, поднимались вопросы политической ориентации и альтернативы власти, в том числе содействия советского правительства в Баку в лице Ст. Шаумяна, что равносильно ориентированию армянской политики против грузино–татарского союза. Вопрос об отдалении от грузинского меньшевизма был поставлен ребром.

6. Стало ясно, что сдача Карса была не только и прежде всего результатом заговорщической сделки грузинского меньшевизма, но и следствием последовательного и опасного бездействия

части армянской политической элиты, то есть переговорного процесса и слепо отданной дани антибольшевизму.

7. Совещания сыграло хоть и запоздалую, но решающую роль в организации последующего сопротивления.

Опять же чрезвычайно точна оценка Лео (Аракел Бабаханян): «Иным было положение армянского народа. Он прекрасно понимал, что русская ориентация для него самая реалистичная и что без России ему не найти покоя на исторической родине. Вот почему грузины и турки ненавидели армян, ведь именно и исключительно армян они обвиняли в том, что они привели русских в Закавказье и дали им завоевать край. Однако армянский народ, будучи изолированным и достаточно слабым, не мог занять самостоятельную позицию в вопросе отделения от России. И «Дашнакцутюн», чтобы спасти идею объединения кавказских народов, стал сторонником меньшевистско–мусаватистского соглашения, хотя существовал большой вопрос, почему армянский народ предпочел меньшевистский социализм большевистскому социализму. Три национальности якобы объединились. Они были уверены, что объединиться — это ситуация, когда трое сидят в комнате вместе. Но дело не в общем помещении, а в том, что ведущие партии трех национальностей были националистами до мозга костей и не могли ничего забыть или уступить. Самыми большими врагами союза были те, кто сидел рядом и говорил, что они едины»⁷⁵⁸.

Армянский национальный совет изначально выступал против независимости Закавказья. «Не желая брать на себя предстоящую тяжелую ответственность», АНС 15–18⁷⁵⁹ апреля 1918 г. созвал в Тифлисе внеочередные сессии исполнительного органа АНС — Национального собрания⁷⁶⁰. Участвовали

⁷⁵⁸ См. Лео. Из прошлого. Ереван, 2009, с. 336.

⁷⁵⁹ В среду, наступившую после 12 часов ночи 17–18 апреля 1918 г., на территории Закавказья считалось 1 мая. Юлианский календарь был заменен новым — григорианским (См. «Оризон», 1918, 30 (17) апреля, № 81).

⁷⁶⁰ См. НАА, ф. 4033, оп. 2, д. 908, л. 1.

представители АРФД (15 человек), по 5 представителей из социалистов–революционеров, социал–демократов меньшевиков, Армянской народной партии и один специальный представитель армянской общественности Нового Нахичевана⁷⁶¹.

После трехдневных дискуссий, во время которых почти повторялись противоречивые вопросы, атмосфера и логика александропольского совещания, Национальное собрание приняло решение: «Считать аннулированным решение Национального совета об объявлении в печати о том, что оно против провозглашения независимости Закавказья»⁷⁶². Проще говоря, Национальное собрание заставило Национальный совет признать независимость Закавказья свершившимся фактом.

В контексте выбора новой политической ориентации заслуживает упоминания попытка принять германскую ориентацию⁷⁶³. Были сформированы две делегации: в состав одной, по инициативе Национального совета, вошла группа, сформированная из представителей АРФД и Армянской народной партии, а именно: Аршак Джамалян, Липарит Назарянц (АРФД) и Геворг Мелик–Карагезян (АНП). Другая группа была создана по инициативе АНП и АРФД, и согласованная группа Армянского Национального Совета — в представительском составе, которая была наделена мандатом Католикоса Всех Армян Геворга 5–го Суреняна⁷⁶⁴.

Не вдаваясь в подробности, остановимся еще раз на позиции немецкой политической элиты в отношении независимости Закавказья, которая наиболее вопиющим образом высвечивает несостоятельность решения о новой армянской ориентации.

Прежде всего, в тот же период Александропольского совещания делегация АНС встречалась в Москве с И. Сталиным, Л. Троцким, Г. Чичериным и Л. Караханом. Примечательна позиция Л. Троцкого: выступая против линии Ленина на Брест–Литовских

⁷⁶¹ См. там же, л. 1.

⁷⁶² Там же, л. 8.

⁷⁶³ Подробнее см. Г. Аветисян. Армянский вопрос в 1918 году, с. 175–188.

⁷⁶⁴ См. Г. Аветисян, указ. соч., с. 176.

переговорах, он выдвинул лозунг «ни войны, ни мира». В контексте последнего он посоветовал армянским организациям «активнее протестовать против пакта и призвать европейское общественное мнение прийти на помощь армянскому народу»⁷⁶⁵.

Получается, что Советская Россия, в данном случае — сторонники В. Ленина, чтобы сохранить власть, подписала этот антироссийский, антигосударственный договор, уступив также Карс, Ардаган и Батум, а Л. Троцкий посоветовал армянам повернуться к Европе, в том числе и к Германии.

Что же касается Германии, то в результате традиционных, на первый взгляд — энергичных дипломатических переговоров, наконец, начиная со 2 мая, собрание депутатов Рейхстага провело дискуссии по армянскому вопросу⁷⁶⁶. Результат был более чем ожидаемым: уведомив делегацию о создании 22 апреля независимой Закавказской республики и начале новых переговоров в Батуми, исполняющий обязанности министра иностранных дел Германии барон фон Буше сообщил: **«Впредь выражать их (армян — В. М.) пожелания и предложения относительно их интересов в Карсе, Ардагане, Батуми через Закавказское правительство, которому они принадлежат»**⁷⁶⁷ (выделено нами — В. М.).

Тем самым, в первую очередь, выясняется, что миссия армянской делегации в Берлине была завершена, а также, что делегация АНС не считалась официальной стороной, и наконец, и это самое главное, что Германия, как союзник Турции, открыто поддерживала политику последней в Закавказье. Более того, подчеркивая фактор закавказского правительства, она дала понять армянской делегации, что Германия поддерживает политическое руководство того правительства, то есть грузинских меньшевиков, которые, в конце концов и реализовали независимость Закавказья. Ведь независимость Закавказья в первую очередь была направлена против России.

⁷⁶⁵ См. там же, с. 177.

⁷⁶⁶ См. «Оризон», 1918, 9 мая, № 84.

⁷⁶⁷ См. Г. Аветисян, указ. соч., с. 177, 184.

Как мы видели выше, грузино–германское соглашение уже стало реальностью. Даже в этом вопросе армянская сторона следует за событиями, на наш взгляд, совершенно неоправданно имитируя грузинскую позицию и, к сожалению, демонстрируя полную неосведомленность в вопросе продолжающегося германо–турецкого союза, в частности событий на Ближнем Востоке и в Баку.

В целом прочерченные нами особенности последнего этапа процесса независимости, связанные со сдачей Батума и Карса и провозглашением Закавказья независимой республикой, вне зависимости от конфликта национальных интересов, характерны для каждой из трех будущих республик.

Новые события вытекают из логики Брест–Литовского договора, из процесса реализации последнего, который, естественно, Турция нарушила, когда 15 мая угрожала Александрополю, а затем и всему Закавказью, в направлении Тифлис–Баку–Ереван.

Примерно такую мысль высказала грузинская социал–демократическая газета «Эртоба» («Единство», № 91), с ней согласился и орган Восточного бюро АРФД «Оризон». Отмечалось, что значительная часть населения Закавказья решительно поддерживает турецкую ориентацию. Согласно «Эртобе», за кавказскими татарами последовали также русские, грузины, армяне и другие народы, которые были приверженцами восстановления старой правовой системы (имеется в виду монархия — *В. М.*). «И вместе с большевиками они образовали достаточно мощную силу против нашей правовой системы», — писала газета (имея в виду демократию — *В. М.*). **Это обстоятельство подготовило почву для провала Батума и выдвинуло на первый план добровольную сдачу Карса. Таким образом, мы оказались бессильны ликвидировать последствия позорного мира, заключенного в Бресте руками большевиков, и обеспечить существование могучего Закавказья. Вот почему батумские мирные переговоры**

ведутся на основе Брестского договора и заключены в рамки этого договора»⁷⁶⁸ (выделено нами — *В. М.*).

Недавний турецкий шантаж заключался в обещании защитить политическое руководство края, в данном случае — армянские и грузинские силы, от «нападений северян».

Из первого номера газеты «Батум» от 10 мая «Оризон» процитировал часть выступления министра юстиции Турции: «Мы пришли сюда, искренне желая заключить мир с кавказской демократией на таких условиях, чтобы допустить в свои пределы многих наших единоверцев Северного Кавказа и чтобы они вместе с кавказскими народами могли защищаться от будущих нападений или притеснений со стороны северян»⁷⁶⁹. Примечательно, что Османская империя уже сейчас, из страха перед большевистской Россией, заблаговременно, налаживала мост диалога и дружбы с «кавказской демократией», то есть грузинским меньшевизмом, с азербайджанскими мусаватистами и с «Дашнакцутюн».

15 мая, когда комиссар Армянского корпуса Саркис Манасян телеграфировал в Армянский национальный совет о том, что «турки нарушили перемирие и без предупреждения открыли артиллерийский огонь по всей длине Арпачая (Ахурян — *В. М.*), и население в панике бежит», в тот же вечер в Тифлисе на заседании исполкома р. и с. депутатов Н. Жордания, докладывая об Александропольских событиях, в присутствии ему стиле многослойного построения высказывания говорил, что «сложилась ситуация, при которой уже завтра свершившимся фактом может стать то, что сегодня кажется невозможным. Поэтому следует иметь холодную голову и быть готовым к любой неожиданности. И не стоит впадать в панику»⁷⁷⁰. Нелишне отметить, что в панику впало и бежало население не только Ереванской губернии, но и Тифлиса. Возможно, «неожиданностью» для Н. Жордания стало нарушение турками

⁷⁶⁸ См. «Оризон», 1918, 12 мая, № 87.

⁷⁶⁹ «Оризон», 1918, 14 мая, № 848.

⁷⁷⁰ «Оризон», 1918, 17 мая, № 91.

брестских условий. Именно это имел в виду и Х. Карчакян — в своем письме Александропольскому совещанию, говоря, что большевистская Россия не потерпит этого обмана и скоро войдет в Закавказье.

Кратко представим паническую ситуацию в Александрополе, явившуюся одним из наиболее острых выражений перспективы, с которой столкнулась армянская действительность. Накануне бомбардировки 15 мая турецкое командование запросило у начальника станции четыре эшелона для переброски войск в Джульфу. Управляющий попросил время, чтобы сообщить в соответствующие органы, но турки не согласились и в 5 утра начали обстрел станции. Все станционные служащие сели в уже готовые составы поездов и убежали. Паника была невообразимой — настолько, что люди попадали под поезд, были пострадавшие, жертвы. Вагоны были битком набиты — так, что люди полезли на крыши вагонов, которые не выдерживали такой тяжести, в результате один из вагонов просто сломался. Город не пострадал. Жители Александрополя бежали в Каракилис, откуда небольшая их часть перебралась в Тифлис.⁷⁷¹

В этот же день в 5 часов вечера турки уже были в Ортакилисе, захватив правое крыло, и двинулись на Джаджур. На левом крыле они захватили Малый Каракилис (Азатан) и продвинулись в тыл, в Александрополь. Условиями сдачи крепости города были: 1) сдать все оружие и оставить его в городе; 2) в город должна войти часть турецкой армии — для поддержания порядка, остальные же продолжают наступление на восток; 3) армянские войска были обязаны удалиться от Арпачая на 25 верст; 4) вокзал, склад, депо, локомотивы и все в городе и в крепости должно остаться как есть. Турецкие воинские части дислоцируются на позициях восточнее города⁷⁷². Далее следует ультиматум командующего корпусом Шевкета-паши: «В случае любого проявления недружественного отношения к

⁷⁷¹ См. «Оризон», 1918, 18 мая, № 92.

⁷⁷² См. там же.

процессу передвижения войск, мы будем вынуждены наступать в пехотном порядке и не сможем обеспечить полного спокойствия населения со стороны продвигающихся войск»⁷⁷³.

В этой чудовищной ситуации «Оризон» также упоминает три курьезных эпизода: согласно рассказу Тадевоса Геворкяна, члена Александропольского продовольственного ведомства, турки, которые до этого составляли свои официальные заявления на французском — международном дипломатическом языке, на этот раз предъявили ультиматум на персидском языке, дав всего три часа на выполнение своего требования. «Поскольку во всем городе не было ни одного, кто умел бы читать на персидском, то таким образом, отведенное время закончилось раньше, чем удалось ознакомиться с его содержанием, и турки начали бомбить город»⁷⁷⁴.

Другая история состоит в том, что турки сформировали в Александрополе из местных жителей меджлис, председателем которого был коммерсант и школьный попечитель Левон Саркисян.

И третье: 17 мая уполномоченные представители правительства Северного Кавказа передали правительству Турции извещение, в котором сообщалось, что Северный Кавказ отделился от России⁷⁷⁵.

Добавим только, что впереди был Сардарапат...

Проблемы, с которыми столкнулись армяне наряду с военно-политическими реалиями, были, конечно, несравнимыми и небывалыми — по своей сложности, противоречиям и трагизму.

В эпицентре больших опасностей была угроза надвигающегося геноцида. И в результате случилось то, что случилось: углубляющаяся деморализация, массовое дезертирство, сдача Ерзнка и Эрзерума, разрозненные и несогласованные действия армянских политических сил привели к потере Западной Армении.

⁷⁷³ Там же, 9 мая, № 84.

⁷⁷⁴ Там же, 18 мая, № 92.

⁷⁷⁵ См. «Оризон», 1918, 22 мая, № 95.

Часть АРФД, Армянский национальный совет, военное командование, цепляясь за идею исключительно переговорной политики с турками, провалили антиармянские переговоры в Трапезунде, в вопросе потерь понадеялись на заведомо провальную философию «наименьшее из зол» в Брест–Литовске, и теперь, кругом и полностью обманутые, оставив Карс, понадеялись, что в составе единого Закавказья, возможно, у них появится шанс избежать катастрофы, и в итоге они встали перед фактом провозглашения независимости Грузии.

Это признал и «Оризон»: «Чем дольше это продолжается, тем больше туч сгущается на нашем политическом небосклоне. **Беспощадное колесо истории привело нас к независимости и снова, как и столетия назад, бросило нас на произвол судьбы. И внешние силы, несравнимо более сильные, чем мы, даже не спрашивая нас, начали ковать основы и формы нашей будущей жизни, ставя нас перед уже свершившимся фактом.** И мы словно не можем смириться с этой правдой и продолжаем говорить о нашем будущем государственном устройстве и договариваться о разделе наших границ. Мы рассматриваем вопросы так, как будто от нас зависит задача нашего самоопределения... На первый план выходит тот беспощадный факт, что армянский народ отделяет Азербайджан от Анатолии являясь препятствием и для пантюркизма, и для панисламизма. Поэтому конфедерация больше нравится турецким националистам. Такого же умонастроения придерживаются и грузинские националисты, вне зависимости от того, под каким именем они прячутся⁷⁷⁶ (выделено нами — В. М.).

АРФ «Дашнакцутюн» и армянские с.–д. меньшевики приняли свои резолюции о независимости Закавказья.

14 и 17 апреля Объединенное собрание членов Тифлисского представительского и участкового комитетов АРФД, заслушав доклад Х. Карчикяна, приняло следующую резолюцию: «В создавшихся условиях провозглашение независимости было

⁷⁷⁶ «Оризон», 1918, 18 мая, № 92.

политической необходимостью. В то же время мы признаем, что это было сделано напрасно, это было результатом не победы революционной демократии, а ее поражения. Признавая, что это наименьшее из зол, которое может с наименьшей опасностью отвратить нас от этого, собрание одобрило шаг, сделанный фракцией Сейма АРФ «Дашнакцутюн», в то же время она настаивало на том, что жизненно необходимо немедленно создать боеспособную народную армию и обеспечивать жизнь людей всеми возможными способами — во избежание негативных и потенциально опасных последствий независимости и предотвращения всевозможных неожиданностей⁷⁷⁷.

А армянские меньшевики, солидаризировавшись с грузинскими коллегами и следуя их решениям, принимают резолюцию, большинство пунктов которой являются анахронизмом и даже вызывающим гнев пустозвонством. Среди них были: 1. Независимость Закавказья принимается как факт. 2. Мы укрепляем фронт общей демократии, углубляя демократические силы всех народов, борясь с разногласиями. 3. Мы боремся с реакцией, и так далее⁷⁷⁸. Это тоже абсолютно пораженческие и бессмысленные тезисы: позволительно ли было так оторваться от реальности в тех обстоятельствах — в период с марта 1917 года по апрель 1918 года, не говоря уже об осознании реальности армянского интереса?!

Последний пункт резолюции единственный из области реализма. «Стремясь к миру, в то же время мы организуем боевые силы нашей страны для защиты страны от различных неожиданностей⁷⁷⁹. Сюрпризы стучали в двери Армении давно, было уже поздно: в плане достижений оставалась надежда на выживание. Следует также отметить, что среди этих резолюций окончательно понятыми и принятыми пунктами вооруженной борьбы были также резолюции Александропольского совещания и, в частности, результаты последовательной борьбы и работы

⁷⁷⁷ «Оризон», 1918, 11 мая, № 86.

⁷⁷⁸ См. «Оризон», 1918, 11 мая, № 86.

⁷⁷⁹ См. там же.

Х. Карчикяна. Об этом заявляли многие другие деятели, генерал Андраник и его сторонники — еще со времен Февральской революции 1917 года, это подсказывала победа беспрецедентного военно–политического сотрудничества Баку в марте–апреле.

Даже в создавшихся условиях ЦК АНП в мае 1918 г. выступил с обращением к армянскому населению Тифлиса о том, что **«нынешний ужас вызван, во–первых, преувеличенными и несостоятельными слухами; во–вторых, является результатом какой–то провокации; в–третьих, известие о турецкой мобилизации еще официально не подтверждено.** Наконец, тот факт, что наша мирная делегация продолжает свою работу в Батуми, что Вехиб–паша и генерал Коргянян уехали в Александрополь, что генерал Назарбемян приглашен для определения линии разграничения, **может служить доказательством того, что еще не все потеряно... События Александрополя и Батума показывают, что османские войска до сих пор не причиняли вреда местному населению»**⁷⁸⁰ (выделено нами — *В. М.*).

Комментарии считаем излишними.

Та же логика господствовала в петиции, представленной Армянской организацией социалистов–революционеров и с.–д. меньшевиками после выступления Н. Агбаляна на 5–ом заседании Армянского национального совета (май)⁷⁸¹. Когда турецкие войска уже были на подступах к Араратской долине, армянские социалистические деятели приняли резолюцию: 1. Недоверие к социализму и революционной международной демократии. 2. Недоверие к закавказским народам и 3. Угроза новой политической авантюры как форма защиты политических прав армянского народа⁷⁸². Последнее было заявлением откровенно провокационным и непонятым.

⁷⁸⁰ См. НАА, ф. 4033, оп. 7, д. 13, л. 1.

⁷⁸¹ См. там же, т. 39, л. 1.

⁷⁸² См. там же.

Есть также телеграмма командира отдельного Армянского корпуса генерала Т. Назарбекяна от 8.30 часов вечера 20 мая, адресованная ново назначенному командующему Кавказским фронтом Квинитадзе (вместо Лебединского — *В. М.*) и Армянскому национальному совету. «Ситуация ухудшается день ото дня,— сказал Т. Назарбекян,— как я докладывал из Каракилиса, войск почти не осталось, все разошлись по домам. Как следует из сегодняшнего сообщения генерала Силикова, такая же картина и в Ереванской губернии (имеется в виду ереванская группировка войск во главе с М. Силикяном — *В. М.*). **В таких условиях я считаю наше положение безвыходным, поэтому дальнейшее продолжение войны невозможно. Обстоятельства требуют немедленного заключения мира. Необходимо объявить демобилизацию и в случае дальнейшего нападения турок прекратить всякие боевые действия»**⁷⁸³ (выделено нами — *В. М.*).

После первой Сардарпатской победы настроение резко изменилось, когда не только М. Силикян, но и Т. Назарбекян выступили против подписания Батумского договора и потребовали продолжить победоносное сопротивление и наступать на Карс.

В то же время известны серьезные проявления самоорганизации: Тифлисский Центральный совет Земляческих союзов, заслушав на состоявшемся 8 мая общем собрании заявление полковника Артема Овсеяна о самообороне в областях, принял решение обратиться ко всем союзам, чтобы каждый из них позаботился о самообороне в своих уездах⁷⁸⁴.

Решение Сейма объявить Закавказье независимым, как и предыдущие поворотные события, стало причиной, а может быть, и поводом, значительного брожения на армянском политическом поле. Речь в основном идет об углубляющихся разногласиях между партиями и Армянским национальным советом.

⁷⁸³ См. НАА, ф. 1022, оп. 3, д. 253, л. 1.

⁷⁸⁴ См. НАА, ф. 222, оп. 1, д. 24, ч. I, л. 301.

30 апреля и 2 мая 1918 года четыре члена Армянского национального совета — Тигран Бекзадян, Рубен Тер-Минасян, Аргашес Бабалян (АРФД) и Самсон Арутюнян (АНП), покинули Армянский национальный совет, а позднее, 30–го июня, на заседании Малого совета АНС, покинул этот общенациональный орган и Ованес Туманян⁷⁸⁵. Обоснования трех этих известных деятелей, с одной стороны, дополняют причины решения, с другой же — приводят к разного рода выводам. В этом ряду самое развернутое — оправдание Тиграна Бекзадяна. Знакомство с их содержанием само по себе приводит к важным политическим раскрытиям: добавим также, что факт отставок в армянской историографии освещается впервые.

Т. Бекзадян отмечал: «Имея в виду, что в адрес Армянского национального совета выдвигается ряд упреков и обвинений в отношении нескольких крупных политических актов, совершенных в последнее время, тем не менее Национальный совет совершенно не участвовал в таких деяниях, как: 1. Деятельность Трапезундской мирной делегации. 2. Принятие Брест–Литовского договора. 3. Сдача Карса туркам.

Каждая из них является несчастьем и бедствием для армянского народа. Имея в виду, что в существующих условиях общую политику Закавказья проводит Сейм, как высший государственный орган, к которому не может быть прикреплен еще другой высший орган, который будет проводить армянскую национальную политику; имея в виду, что лично я бессилен в этих условиях добросовестно решать все вопросы, связанные с внутренними делами; в связи с тем, что Национального совета здесь нет и не может быть властью», и все ее шаги встречают со стороны правительства огромные препятствия и зачастую даже саботаж; имея в виду, что **по своему глубокому убеждению я против как кавказской независимости, существования Сейма и нынешней действительно бессильной анархии и погромов, но деятельности против Армянского националь-**

⁷⁸⁵ См. НАА, ф. 441, оп. 1, д. 11, л. 3.

ного совета, могучего правительства и наконец, имея в виду, что Армянский национальный совет либо не хочет, либо не может при сложившихся обстоятельствах принять какие-либо решительные меры по управлению положением своего народа (выделено нами — *В. М.*), прошу Армянский национальный совет освободить меня от занимаемой должности с 1 мая»⁷⁸⁶.

Согласно Р. Тер-Минасяну, политическая жизнь армянского народа протекала совершенно независимо от воли Национального совета. Он подчеркнул, что не согласен с мнением большинства фракции АРФД в Сейме, а также «считаю неудобным оставаться членом Национального совета и на должности заместителя военного отдела»⁷⁸⁷.

Член АНП С. Арутюнян в свою очередь подчеркивал «те неестественные правила, которые сложились в различных управлениях Национального совета по финансовым вопросам (выделено нами — *В. М.*), поэтому я подаю в отставку с должностей начальника финансового управления, а также начальника отдела питания и попечительства, и я представляю в ближайшие дни заявление о моей отставке и отказе от членства в Национальном совете»⁷⁸⁸.

21 мая 1918 года, когда турки заняли станцию Сардарapat, орган Восточного бюро АРФД «Оризон», опубликовал передовицу «Армянский национальный совет», фактически в защиту АНС. Упоминается, что с 1917 года миссии Национального совета как «высшего политического органа армянского народа» препятствуют закавказские власти — Комиссариат, Сейм. 21 мая автор статьи выразил сожаление, что «не удалось тесно соединить народы Кавказа, всех трудящихся, что сегодня армянский народ, как и вся закавказская демократия, стоит перед крахом своих надежд и ожиданий, сплоченная армия закавказских народов так и не сформировалась.

⁷⁸⁶ См. НАА, ф. 222, оп. 1, д. 24, ч. I, л. 301.

⁷⁸⁷ См. там же, л. 303.

⁷⁸⁸ См. там же, л. 305.

Мы побеждены и разочарованы»⁷⁸⁹ (выделено нами — *В. М.*). Как бы то ни было, но «Оризон» был совершенно убежден, что Национальный совет должен и дальше продолжать свою деятельность по трем направлениям: а) предметом его заботы должно стать обеспечение физического существования армянского народа, б) он должен энергично вести переговоры с внешними силами и соседями и усердно работать с ними над поиском «способа мирного сосуществования», в) предотвращать панику среди людей и стихийность миграции, г) удовлетворять «море нужд» беженцев»⁷⁹⁰.

В этой статье, чрезвычайно уникальной по своему содержанию, примечательно послание ее автора С. Вращяна уже нашему современнику — ученому–историку. В этой судьбоносной для народа ситуации, фактически принимая ошибки, совершенные после октября 1917 года, он выразил надежду, что «ученый–историк в будущем скажет свое авторитетное слово. **Как нам думается, возможно, он будет просто вынужден во имя истины указывать на ошибки в деятельности Национального совета и тех или иных организаций, но можно не сомневаться, что он будет искать корни наших неудач глубже. Он также напомнит о великих потрясениях, вызванных мировой войной, потрясениях, последовавших за русской революцией, о большевизме и Брест–Литовске, и прежде всего — об уникальных условиях и исторических событиях Закавказья, заглянет в самые темные уголки нашей новейшей истории и вообще армянской действительности. И везде зоркий глаз ученого будет прослеживать разветвления корней наших неудач»**⁷⁹¹ (выделено нами — *В. М.*).

Бросая взгляд из дали наших дней, из независимой Армении, попробуем для начала ответить на реалии 21 мая 1918 года умозаключениями тех же изданий — «Оризона» и грузинского

⁷⁸⁹ «Оризон», 1918, 21 мая, № 94.

⁷⁹⁰ Там же.

⁷⁹¹ Там же.

«Сакартвело» («Грузия»). По мнению части АРФ «Дашнакцунтун», «если такие малые народы Закавказья, какими являются особенно армяне и грузины, будут полагаться исключительно на свое оружие — никаких хороших результатов они не добьются. Работать мирным путем и сохранять физическое существование нашего народа путем мирных переговоров — главная задача нашей демократии»⁷⁹² (выделено нами — В. М.).

Вопрос С. Врацяну из той же столетней дали истории: неужели весной 1918 года антиармянские турецко–курдские беспорядки в Ереванской губернии были подавлены путем переговоров? Неужели в марте борьба в Баку разрешилась путем переговоров с «Мусават»? И наконец, неужели Майские героические бои не являются лучшей доказательством и аргументом против разрушительного поражения переговорной тактики? В конце концов, именно переговоры Трапезунда и Батума поставили всех перед этим фактом — Арменией с территорией в 9000 верст.

Надо было поступить хотя бы как грузинские меньшевики, то есть отложить в сторону понятия «социализм», «демократия», «дружба народов», «революционные идеалы», «учредительное собрание» и прочие узкопартийные и политические категории, и руководствоваться только интересами своего народа, как это было сделано в Баку — в виде сотрудничества АРФД и Ст. Шаумяна.

Теперь давайте рассмотрим, как реализовало эту самую стратегию «Сакартвело»: **«Понятно, что вся тяжесть сопротивления ложится на армян, — писала газета, — но и Грузия понесет большие потери, если сейчас не захочет и не создаст границы своего государства, если сейчас не начнет мечтать об этом».** Эти границы станут демаркационной линией во время событий, которые будут происходить между Турцией и Арменией. Не может быть никаких сомне-

⁷⁹² «Оризон», 1918, 21 мая, № 94.

ний в том, что армяне не откажутся от своих интересов без войны. Закавказская республика уже вела войну с Турцией. Грузия проиграла в той войне. Если и армяно–турецкая война неизбежна — Грузия опять проиграет, если не объявит о своей независимости, потому что иначе ей придется ввязаться в войну. А освобождение и независимость Грузии избавят нас от этой проблемы»⁷⁹³ (выделено нами — *В. М.*).

Именно благодаря этому расчету Ахалкалак и Ахалцих достались Грузии — посредством Германии.

Еще один ответ уважаемому Симону Врацян: 22 мая, в день «Сардарapatского чуда», газета «Оризон» опубликовала редакционную статью «Хватит!...», в которой все еще продолжала говорить о закавказской демократии, об уничтожении завоеваний революции. **«Мы хотим узнать, наконец, что против нас стоит не «друг», который сидел за одним столом с нашими министрами и в то же время разрушает нашу страну»**⁷⁹⁴ (выделено нами — *В. М.*). Неужели это не было ясно уже в феврале — после падения Ерзнка и Эрзурума?

Турецкими обещаниями и чисто турецкой политикой подкладывания мягкой подушки были сильно обмануты не только армянские, но и грузинские политические силы.

Послание правительства от 21 мая было посвящено информации Т. Назарбекяна о том, что турки продвигаются в сторону Каракилиса и Тифлиса. Ответ был следующим: «Если то, что сообщил генерал Назарбекян, подтвердится, это угрожает Тифлисскому району. Правительство немедленно направило доклад Назарбекяна мирной делегации в Батум и потребовало немедленно остановить наступление турецкой армии, **если оно действительно имеет место быть»**⁷⁹⁵ (выделено нами — *В. М.*).

⁷⁹³ «Оризон», 1918, 21 мая, № 94.

⁷⁹⁴ Там же.

⁷⁹⁵ См. «Оризон», 1918, 22 мая, № 95.

23 мая газета «Оризон» Грузиняна–Врацяна еще печатала цитаты из романа Льва Толстого «Война и мир», сравнивала ситуации, писала, что «при угрозе опасности люди, как правило, либо торопятся, либо опаздывают. Некоторые люди видят угрозу и опасность там, где нет даже тени ее, и убегают, не раздумывая»⁷⁹⁶. А в этот момент уже звонили колокола армянских церквей в Араратской долине... не случайно «Оризон» публиковал небольшую колонку с заголовком «Сардарапатское чудо», которая вышла только в июне 1918 года⁷⁹⁷.

Не в пользу деятельности некоторой части АРФД и Армянского национального совета есть еще один момент факт: это факт подчёркивания отсутствия телеграфной связи в Майские дни. Отметим, что 21 мая «Оризон» пишет: **«Телеграфная связь между Тифлисом и Ереваном, как и между Тифлисом и Каракилисом работает»**⁷⁹⁸ (выделено нами — *В. М.*). 4 июня, в день подписания Батумского договора, «Оризон» вновь «оправдывался», что «в течение последних 5–6 дней внезапно прервалась телеграфная связь с Каракилисом и Ереваном. **«Теперь мы узнаем из батумских турецких источников, что именно в эти дни между нашими и турецкими войсками в Каракилисе произошло большое сражение, продолжавшееся 4 дня»**⁷⁹⁹. Во–первых, бой длился 6 дней, 24–29 мая. И главное: это «удивительное» игнорирование, в частности, судьбоносных событий, развернувшихся в Араратской долине, лишний раз обосновывает наш тезис о том, что и Армянский национальный совет, и фракция АРФД в Сейме, и большинство АРФД были настроены только на переговорную тактику...

Возвращаясь к сложному и противоречивому диалогу вокруг сдачи Карса, упомянем показания А. Хатисяна, который здесь выступает фактически сторонником вооруженной борьбы и

⁷⁹⁶ См. «Оризон», 1918, 23 мая, № 96.

⁷⁹⁷ См. «Оризон», 1918, 21 мая, № 94.

⁷⁹⁸ См. там же.

⁷⁹⁹ См. «Оризон», 1918, 4 июня, № 106.

выражает свою поддержку действиям Т. Назарбекия. «Вехиб-паша в своем сообщении обвинил генерала Назарбекия в том, что **армянский командующий подверг турецкие войска пушечному обстрелу** — то есть тому, что противоречило условиям капитуляции. А генерал Назарбекян указывал на то, что в нормальных условиях крепость могла бы обороняться еще целый месяц, однако известие мире и встрече посланников убило дух сопротивления в войсках и среди народа⁸⁰⁰. «Мшак» — глашатай идей АНП, также затронул этот вопрос в статье под названием «Кризис Национального совета». Считая, что «Национальный совет не принимает активного участия в решении всех капитальных вопросов, относящихся к делам нашей страны и, следовательно, армянского народа», газета сообщила, что Аветис Агаронян и Степан Мамиконян также собираются покинуть национальный орган, что согласно «Мшаку», достоверно еще неизвестно⁸⁰¹.

Теперь обратимся к вопросам о том, какое отношение сформировалось в армянских политических кругах, в частности, в партии «Дашнакцутюн», в период подготовки и провозглашения независимости Грузии.

Началом этого процесса можно считать 11 мая, когда в ходе переговоров в Батуми Халил-бей передал председателю делегации Сейма А. Чкенкели «запечатанный конверт с условиями мира»⁸⁰², иными словами — турецкий ультиматум.

Эти условия позже легли в основу Батумского договора от 4 июня. По своей форме они представляли собой предложение о мирных переговорах, но по существу это был ультиматум. «Армянам остались Ереван, Нор-Баязет и Эчмиадзин, — пишет С. Врацян, — всего 11 000 квадратных километров территории. Озеро Севан было оставлено армянам как одолжение. “Морское государство” — поддразнивали наши друзья»⁸⁰³.

⁸⁰⁰ Хатисян Ал., Возникновение и развитие Республики Армения, с. 59.

⁸⁰¹ См. «Мшак», 1918, 5 мая, № 83.

⁸⁰² См. Врацян С., Дорогами жизни, с. 114.

⁸⁰³ См. Врацян С., указ. соч., с. 115.

Примечательны впечатления С. Врацяна по поводу переживаний Ов. Каджазуни: «Каджазуни, с мертвецки бледным лицом, не произнеся ни единого слова, встал с места и вместе со мной поднялся в комнату. Я пытался с ним поговорить, он не отвечал. Он разделся, тихо лег в постель, натянул на голову одеяло и так и лежал неподвижно. Вечером мы с Хатисяном пытались заставить его встать, чтобы посоветоваться, что нам делать дальше — безрезультатно.

Наши соседи проводили собрания. На следующее утро мы также присоединились к совещанию. Но... какое совещание? Что мог сделать маленький чёлн в бурном океане? Каджазуни без конца повторял в адрес Халила: «Сукин сын! Вот сукин сын!»⁸⁰⁴ Затем следует ужасающее, уже ставшее привычным выражение С. Врацяна: **«Нам оставалось только следить за развитием событий. Мы были отрезаны от Тифлиса и от фронта: известий ниоткуда не получали»**⁸⁰⁵ (выделено нами — *В. М.*).

Мы попытались выяснить из разных источников, звучало ли у наших соседей на том роковом, судьбоносном этапе это — «не получали известий». Не нашли. Можно, конечно, возразить, что у татар–мусульман не было проблемы на фронте, а грузинские меньшевики, сдав Батум, просто занимались дипломатической работой с немцами и турками. На наш взгляд, трудно возразить, потому что не было известий даже во времена Сардарапата и Каракилиса, хотя при сдаче Ерзнка и Эрзерума «вести» поступали, а вот помощь не поступала, причем в регулярном порядке. Постоянно не было новостей.

«Из Армении нет никаких новостей. Мы полностью отрезаны от всякого рода отношений», — писал 22 марта 1918 года Аветик Исаакян из Женевы в Американский центральный комитет АРФД⁸⁰⁶. Говоря о прибывшей в Батум «большой мусульманс-

⁸⁰⁴ Там же.

⁸⁰⁵ Там же.

⁸⁰⁶ Материалы для истории АРФ «Дашнакцутюн», том 13, Бейрут, декабрь 2019, редактор — Ерванд Памбукян, с. 424.

кой делегации», которая просила и требовала от Турции «быть решительнее в вопросах, касающихся Кавказа», «оккупировать весь Кавказ и создать кавказскую федерацию под властью турок», С. Врацян вспоминает, что «мы получили известие, что Александрополь уже взят... Ждать дальше становилось невыносимо»⁸⁰⁷.

Достоин упоминания еще одно наблюдение С. Врацяна, еще раз свидетельствующее о несогласованности и медлительности действий ведущих политических структур Армении.

Решением армянской делегации в Батуми С. Врацян должен был отправиться в Тифлис, чтобы представить в Армянский национальный совет отчет о работах в Батуми и «привезти сведения и указания Национального совета», как вспоминал и сам С. Врацян. Нетрудно догадаться, что такими темпами нельзя было решить серьезные вопросы. Более того, С. Врацян сказал, что **«в Тифлисе оказалось, что турки якобы вели мирные переговоры, а на самом деле продолжали войну»**⁸⁰⁸ (выделено нами — *В. М.*).

Как принято говорить, здесь можем отложить перо.

На основании доклада С. Врацяна, как мы увидели выше, Национальный совет принял решение направить в Германию делегацию в составе Амо Оганджяна и Аршака Зурабяна. По выражению С. Врацяна, «Тонуций в море хватается за змею». Он предположил, что «вероятно, у грузин было взвешенное решение». И наконец, С. Врацян специальным поездом, предназначенным для Н. Жордании, вместе с А. Оганджяном и А. Зурабяном, возвращается в Батуми. Его диалог с Н. Жорданием также раскрывает важные подробности. «Было видно, что наши соседи грузины втайне от нас что-то замышляют. В конце концов из воспоминаний проф. Авалова мы узнали, что грузины тайно готовились к провозглашению независимости Грузии»⁸⁰⁹.

⁸⁰⁷ См. Врацян С., указ. соч., с. 116.

⁸⁰⁸ См. Врацян С., указ. соч., с. 116.

⁸⁰⁹ См. там же, с. 117.

Получается, что армянская сторона узнала об этом процессе только в 1919 году, когда были изданы мемуары З. Авалова, и не знала о подписанном в Поти грузино–германском соглашении, уж не говоря о том, что совсем не была проинформирована о грузино–германском сближении.

Но не отразились ли идея и предварительные шаги этого грузино–германского сближения в закавказских властных органах, в выступлениях Н. Жордании и др. — в присутствии армян? Наконец, разве АРФД не была информирована о грузино–германском «секретном» соглашении в 1914 году?

Ведь сдача Карса во главе с Чхенкели подразумевала сделку с германо–турецкой группировкой, «смену» политической ориентации и принятие отдельной и самостоятельной политики.

Согласно С. Врацян, тенденцию к ухудшению армяно–грузинских отношений Н. Жордания объяснил объективными причинами и прежде всего тем, что «армянское судно вот–вот пойдет ко дну»⁸¹⁰.

Это же признание Н. Жордания более ярко представлено Ал. Хатисяном. На аргумент Н. Жордания, что в сложившихся условиях грузинам ничего не остается, кроме как объявить независимость, Ал. Хатисян восклицает: «Как это ничего не остается, ведь мы с вами вместе на войне, на общей войне против врага! Как вы можете оставить нас, когда мы все еще проливаем кровь? Это честное дело?» — «Честно то, что полезно для народа», — ответил Н. Жордания. — «Да, ну а мы?», — спросил я. — «Мы не можем утонуть вместе с вами», — ответил Н. Жордания»⁸¹¹. Есть и другой — еще более циничный ответ Н. Жордания: «Когда армянские представители обратились к лидеру грузинских меньшевиков Н. Жордания, почему Грузия подписывает сепаратное соглашение с Германией и отдает армянский народ на истребление «тюрко–бекским палачам», он ответил: **«Армянский народ привык к угнетению**

⁸¹⁰ См. там же.

⁸¹¹ Хатисян Ал., указ. соч., с. 81–82.

и резне, а нам надо спасти свой народ, который к этому не привык»⁸¹² (выделено нами — *В. М.*).

За этими вопросами следует ответ С. Вращяна и большей части АРФД: «Увы, мы слишком поздно поняли «объективизм» Н. Жорданини. Мы по-прежнему верили в принцип «жить вместе и умереть вместе»»⁸¹³.

Армянские члены «объединенной» делегации в Батуми были практически изолированы от закавказских дел. «Если хотите, не осталось даже общей делегации. Мусульмане думали о себе, грузины — о себе. В конце концов выяснилось, что мусульмане пытались убедить турок в том, что армянские провинции должны быть разделены между ними и грузинами. «Армении капут», — как выразился редактор газеты «Батум»⁸¹⁴.

Теперь проследуем за публикациями, изданными 23–30 мая в газете «Оризон», в которых, с одной стороны, отражались отклики грузинской националистической прессы на обоснования «Дашнакцутюн», а с другой — попытки АРФД сориентироваться на столь остром переходном этапе. Проявилась также антиармянская атака со стороны ультранационалистической грузинской газеты «Эртоба» («Единство»). Считаем необходимым представить материалы — хоть и объемные, но на наш взгляд весьма и весьма важные, так как с их помощью сначала формируется, во-первых, живой, реальный образ времени, а во-вторых, мысли и планы оппонента в экстремальной ситуации — зачастую резкие, но полные фальши.

21 мая «Эртоба» писала: «Армяне, чья демократия не менее подчинена влиянию армянской националистической партии (имеется в виду АРФД — *В. М.*), используют все свои силы для ведения войны против турок. Они так и не смогли найти другого пути и других связей, чтобы сохранить свое существование. Даже революционная буря не смогла изменить их исторически

⁸¹² Борьян Б. А., Армения, международная дипломатия и СССР, М.–Л., 1929, ч. 1-ая, с. 46–47.

⁸¹³ Вращян С., указ. соч., с. 117.

⁸¹⁴ Там же.

сложившийся **путь беспощадной националистической борьбы, взаимной бойни и восстаний, организованных на основе обещаний иностранных государств.** Правда, армянские националисты не могут примириться с турками, но они и не хотят идти по пути демократии. По этой причине **их антитурецкая политика часто противоречит сама себе и служит Турции — ее собственным желаниям. Это дает Турции возможность найти повод для вторжения в нашу республику»**⁸¹⁵ (выделено нами — *В. М.*).

Газета грузинского меньшевизма, уверенная, что «большая часть грузинского народа идет за социал-демократией», обвинила армянскую сторону в «беспощадной национальной борьбе, взаимной резне», отождествив, по сути, армянское освободительное движение и борьбу за выживание, с турецко-курдскими антиармянскими мятежами в Ереванской губернии, Геноцидом армян, фактом потери Западной Армении. Более того, недовольствовалась и обвиняла армян в том, что, по их мнению, это именно антитурецкая борьба армян положила начало турецкому вторжению в 1918 году.

Иными словами, армянам советовали просто, подобно им — грузинам, сдать туркам и получить независимость за счет огромных армянских территорий и жертв. 26 мая А. Чхенкели получил телеграмму-ультиматум от Халил-бея, согласно которой Турция требовала отказаться от Нахичеванской губернии (кроме Ордубадской и прилегающей к ней несущественной полосы), от половины Шарур-Даралагязского уезда, от половины Ереванской губернии, от всей области Сурмалу, от всего Эчмиадзинского уезда — вместе с городом Эчмиадзин, от большей части Александропольского уезда — вместе с городом Александрополь, а также от Ахалкалакского и Ахалцихского уездов⁸¹⁶.

⁸¹⁵ «Оризон», 1918, 23 мая, № 96.

⁸¹⁶ См. «Оризон», 1918, 28 мая, № 100.

Все эти жертвы имели и другую, весьма немаловажную сторону — финансовую: например, 24 мая правительство Сейма выделило 20 миллионов рублей на защиту Тифлиса от турок⁸¹⁷.

Утром 26 мая 1918 года Армянский национальный совет созвал заседание, на котором в основном обсуждался вопрос выражения отношения к провозглашению независимости Грузии и к вытекающим из этого последствиям.

Партии и деятели, представляющие АНС, по-разному подходили к проблемам, которые мы частично затронули. Мнения варьировались от поддерживающих и приветствующих до обвинения в предательстве.

Степан Мамиконян, например, признал, что «грузины до сих пор тянули нас за собой, а теперь бросают нас, а это измена. Но, в конце концов, надо учитывать и психологию нашего народа, который инстинктивно считает этот шаг антиармянским. Лучше быть с далекой Россией, чем со смертельно опасными Грузией и Азербайджаном»⁸¹⁸.

Наконец, независимость Грузии была принята как факт. Что касается отношения к армянским провинциям, иными словами — к независимости Восточной Армении, то были приняты следующие противоречивые резолюции, что само по себе было проявлением неуверенности и объективного беспокойства на армянском политическом поле.

На вопрос «независимость Армении» последовал ответ «никто этого не хочет». 7 голосами принята известная формулировка Левона Туманяна о том, что «Армянский национальный совет временно берет на себя административные функции по отношению к армянским провинциям Армении»⁸¹⁹.

На вечернем заседании был заслушан доклад Т. Назарбеяна, содержание которого можно выразить двумя словами —

⁸¹⁷ См. там же, 26 мая, № 99.

⁸¹⁸ См. Провозглашение независимости Армении и формирование центральных органов власти (май–июль 1918 г.), сборник документов и материалов, составитель — А. Сукиасян, Ереван, 2009, с. 19–20.

⁸¹⁹ См. там же, с. 21.

«положение критическое». В своем выступлении генерал Т. Назарбекян предлагал **«заключить договор независимо и спасти что еще возможно»**⁸²⁰ (выделено нами — *В. М.*).

«Мшаковские» круги Тифлиса были озабочены тем, что, приняв ультиматум, не будет ли Турция и дальше предъявлять новые требования, и потом — если она удовлетворится этим, то каковы будут дальнейшие шаги Армении? В связи с этим «Мшак» представил три наиболее распространенных предложения: **1. Армянский национальный совет «объявит оставшиеся армянские провинции независимыми и станет временным правительством; 2. Заключит договор с соседними татарами и присоединиться к Азербайджану; 3. Оставит эти губернии как части бывшей России»**⁸²¹ (выделено нами — *В. М.*).

29 мая, когда армянская делегация выехала из Тифлиса в Батум, чтобы объявить о принятии ультиматума, было не совсем ясно, какое решение примет АНС: последний ждал новостей из Батума.

Армянская народная партия в лице «Мшака» заверяла своих читателей, что сложилось общее мнение относительно смены армянской политической ориентации, поэтому необходимо, чтобы «нынешний Национальный совет ушел с арены, или же он был уже не в том составе, который имеет сейчас, то есть «дашнакское» большинство». Эту пропаганду продвигала Армянская народная партия, которую, как утверждал «Мшак», поддерживают широкие слои общества и различные течения. Подобное решение Народная партия однажды уже приняла — на представительском собрании 26 мая, и в этом направлении уже начались переговоры с Армянским национальным советом. «Есть надежда, что АРФ «Дашнакцутюн», почувствовав всю серьезность и опасность момента, смирится с этим»⁸²².

Еще одно замечание относительно дат провозглашения независимости.

⁸²⁰ См. там же, с. 24.

⁸²¹ См. «Мшак», 1918, 31 мая, № 100.

⁸²² См. там же.

На вечернем заседании 28 мая Микаел Пападжянн отмечает, что «Осталось только нам провозгласить независимость. Турки объявят уже завтра»⁸²³ (выделено нами — В. М.).

Прежде всего, выясняется, что в известная и озвученная в Армянском национальном совете возвание Ов. Каджазунни относительно независимости Армении остается подвешенной, да и к тому же Азербайджан провозгласил свою независимость 29 мая, а не 28 мая. Но известно, что это было 27-го.

Что касается формы провозглашения независимости, отметим, что **на утреннем заседании 30 мая было зачитано известное заявление председателя АНС, которое в документе названо «Призыв к армянскому народу»⁸²⁴ (выделено нами — В. М.).** Это обстоятельство осталось вне внимания нашей историографии. Получается, что наша декларация о независимости имеет статус «призыва».

Нам кажется по меньшей мере странным, что 28 мая «Оризон» еще размышлял о том, что «опыт прошедших месяцев показал многочисленными фактами, что самостоятельной закавказской ориентации не существует, ибо жители некоторых районов Закавказья предпочитают этой независимости османскую ориентацию»⁸²⁵.

В тот же день — 28 мая, «Оризон» уже констатировал, что отделение Азербайджана — это свершившийся факт. Почти во всей Гандзакской губернии, а также во многих губерниях Баку и Еревана наши комиссары уволены и на их место назначены турецкие чиновники⁸²⁶.

Печально, однако в тот же день, ставший уже историческим, газета АРФД заявила, что «нам, армянам, очень трудно разорвать связи с общероссийской демократией, а сегодня — с нашей соседней демократией», как будто до нее только сейчас дошло,

⁸²³ См. Декларация о независимости Армении, с. 28.

⁸²⁴ См. там же.

⁸²⁵ См. «Оризон», 1918, 28 мая, № 100.

⁸²⁶ Там же.

и она с большим трудом принимала ту действительность, что **«наш народ вынужден сам распоряжаться своим состоянием, рассчитывая только на свои собственные силы»**⁸²⁷ (выделено нами — *В. М.*).

Историк Лео представил панические настроения АРФД следующим образом: «Взятие Александрополя и последовавшие за ним бедствия партия «Дашнакцутюн» справедливо считала своим крахом и впала в немыслимую панику... возьмите передовицы майских номеров «Оризона» за 1918 год... какой вселенский плач, как они бьют себя в грудь... «мы исчезаем!», «мы умираем!», «мы готовы признать свою ошибку, согласиться с турками». И эти слова произносились только сейчас. Но было уже поздно, слишком поздно»⁸²⁸.

Решение о провозглашении независимости в политической среде Армении не имело того четкого и последовательного облика решения, который мы наблюдали в случае с нашими соседями.

26 мая 1918 года в Тифлисе состоялось представительское собрание АРФД, на котором председательствовал Иперик Чолахян, а секретарем был Аршам Хондкарян. Об этом Армянскому национальному совету сообщили в редакции газеты АРФД «Ашхатавор». Принятая собранием резолюция легла в основу решения, принятого уже на следующем заседании⁸²⁹. Скорее всего, 28 мая в Тифлисе состоялось очередное совместное заседание представительского собрания партии «Дашнакцутюн» и членов участковых партийных комитетов⁸³⁰.

Ип. Чолахян выступил с докладом — о создавшейся ситуации, роспуске Сейма, провозглашении независимости Грузии. Была принята следующая резолюция:

1. Признавая независимость Грузии как свершившийся факт, представительское собрание поручает членам партии проявлять

⁸²⁷ Там же.

⁸²⁸ Лео. Из прошлого, Ереван, 2009, с. 368.

⁸²⁹ См. НАА, ф. 201, оп. 1, д. 36, л. 119.

⁸³⁰ См. «Оризон», 1918, 29 мая, № 101.

лояльное отношение к грузинскому государству и поддерживать его в самоорганизации на демократической основе. Собрание считает необходимым, чтобы армяне, татары и другие национальности, проживающие в пределах границ Грузии, пользовались всеми правами, которыми будут обладать граждане грузинского происхождения.

2. Имея в виду, что после самороспуска Закавказского Сейма и провозглашения независимости Грузии будет распущено и Закавказское правительство, а армянский народ будет оставлен на произвол судьбы, **представительское собрание считает необходимым, чтобы Армянский национальный совет, усилив свой состав, действовал в центре армянства** (имеется в виду Ереван — *В. М.*), взяв на себя государственные функции и будучи наделенным диктаторскими правами — над всеми явлениями и делами армянской жизни⁸³¹. (выделено нами — *В. М.*).

На наш взгляд, на основе этой резолюции были построены как речь Ов. Каджазнуни от 28 мая, так и заявление Армянского национального совета от 30 мая. Немаловажную роль сыграла и резолюция, принятая в те дни, вероятно, 27 мая в Тифлисе, собранием армянской молодежи, сгруппировавшейся вокруг газеты АРФД «Ашхатавор». Заседание вел К. Газазян, а в резолюции, принятой собранием единогласно, требовалось немедленно объявить Армению независимой и перенести Армянский национальный совет и новое правительство в Ереван⁸³².

Согласно Ал. Хатисяну, день провозглашения независимости — 28 мая. Цепь событий он представляет следующим образом.

Вернувшись в Тифлис 27 мая, Ов. Каджазнуни и Ал. Хатисян направились в здание Армянского национального совета⁸³³. Их

⁸³¹ См. «Оризон», 1918, 29 мая, № 101, также НАА, ф. 201, оп. 1, д. 36, л. 119.

⁸³² См. Врацян С., Дорогами жизни, т.4, с. 118–119.

⁸³³ Армянский национальный совет работал в огромном особняке Микаела Арамянца на пересечении Головинского проспекта и Барятинской улицы.

общее впечатление было таково, что представители армянских партий, входящих в состав Совета, не сходились во мнении — принять ультиматум и провозгласить независимость. В конце концов ультиматум был принят и возник спор по поводу того, «кто именно принимает ультиматум: Армянский национальный совет или иной орган — правительство Армении, которое будет сформировано Национальным советом?»⁸³⁴

Рассмотрим предложения сторон по партиям.

АРФД представляли С. Врацян, Ов. Каджазнуни, Рубен Тер–Минасян, Ал. Хатисян, Т. Бекзадян, С. Мамиконян.

С. Врацян и Ал. Хатисян напрямую связывали вопрос об ультиматуме с независимостью.

Примечательно следующее выражение Ал. Хатисяна: «**Мы должны воспользоваться моментом и теоретически объявить Армении независимой. Мы уже невольно становимся независимыми.** Национальный совет должен объявить себя Временным правительством»⁸³⁵ (выделено нами — *В. М.*). Ов. Каджазнуни предлагает прочесть их послание туркам — о принятии на себя государственных функций Армянского Национального совета. Р. Тер–Минасян также считал, что Национальный совет сам по себе уже является правительством, нужно только изменить его состав. С. Мамиконян считал, что армянские провинции являются частью России, поэтому АНС следует только объявить об этом.

Армянскую народную партию представляли М. Пападжанян, С. Арутюнян, Минас Берберян. Самсон Арутюнян же предложил объявить Национальный совет Временным правительством, а также «своего рода парламентом — без определения границ. Необходимо передать руководство правительством одной партии, ей же поручив сформировать правительство»⁸³⁶.

См. Хатисян Ал., указ. соч., с. 83.

⁸³⁴ См. НАА, ф. 222, оп. 1, т. 120, л. 59–60.

⁸³⁵ Там же.

⁸³⁶ Там же.

В. Буниatian максимально обостряет вопрос: «Как бы ни была наша земля мала, мы непременно должны определиться: либо сказать, что мы независимы, либо мы — часть России»⁸³⁷.

Армянских с.-д. меньшевиков представляли Ар. Ерзнкян, О. Бекзадян. Господствующую неопределенность лучше всего отразил в своем выступлении О. Бекзадян: «Мы провозглашаем независимую Армению, но какое содержание вложено в эту Армению, неизвестно. От имени какого органа посылаются наши делегаты, примут ли их турки? **Давайте будем осмотрительны. Назовем Национальный совет правительством — без провозглашения независимости. Совет уже является правительством, наш глава по иностранным делам может вести переговоры. Но не от независимой Армении**»⁸³⁸ (выделено нами — *В. М.*).

Аршам Хондкарян, теоретик армянской организации **партии эсеров**, выделял в «Дашнакцутюн» два крыла с двумя разными взглядами. Первое из них, которое он условно назвал «кружок Национального совета», придерживалось того мнения, что Национальный совет следует усилить, сделать его фактическим правительством армянского народа и «из-под руки», то есть не принимая во внимание власть Комиссариата и Сейма, руководить политической жизнью армянского народа. Второе крыло, «кружок Сейма», будучи не против усиления деятельности Армянского национального совета, в то же время придерживалось того мнения, что необходимо поддерживать «определенные контакты» с грузинами и азербайджанцами, избегать с ними конфликтов, но и «продолжать сохранять существование Сейма и единого правительства Закавказья»⁸³⁹.

А. Хондкарян также считал, что мнения по поводу принятия Акта о независимости от 30 мая 1918 г. разделились не по партиям, а по образовавшимся новым группировкам, в каждую

⁸³⁷ Там же.

⁸³⁸ Там же.

⁸³⁹ См. Аршам Хондкарян, *Оппозиция в Республиканской Армении*, ВЕМ, Париж, № 3, январь–февраль 1934 г., с. 76.

из которых вошли представители разных партий. Он считал, что члены Национального совета от АРФД разделились на эти два крыла⁸⁴⁰.

Как мы видим, в целом между тремя сторонами и соответствующими фигурами царил неуверенность — паника, возникшая в контексте турецкого ультиматума, и императив принятия поспешного решения. Медлительность армянской стороны, опасения резкого ухода из России — все это совершенно отличалось от процесса принятия решения соседней и в то же время выходило за рамки логики турецкой политики, а уж тем более ультиматума. Объявление независимости стало неизбежным...

Вечером они отчитываются о работе конференции в Батуми. И в тот же день Армянский национальный совет постановил: поручить своим членам на сегодня разойтись и представить вердикт своих партий к 10 часам следующего дня. На следующий день, 28 мая, стороны выразили Армянскому национальному совету согласие на провозглашение независимости и сразу же после этого приступили к созданию резолюции о провозглашении. Текст документа редактировали А. Агаронян, Н. Агбальян, Ов. Каджазнуни и Ал. Хатисян. В конце концов, во второй половине дня 28 мая Армянский национальный совет принял историческую резолюцию, которая была опубликована 30 мая Армянским национальным советом как провозглашение независимости Армении⁸⁴¹. Правительство РА решением от 24 мая 1920 года постановило «считать 28 мая точной датой провозглашения независимости»⁸⁴².

Поскольку срок действия турецкого ультиматума истек в 8 часов вечера 29 мая, в этом смысле провозглашение независимости 28 мая становится вполне понятным. Современная турецкая историография ссылается на это обстоятельство,

⁸⁴⁰ См. там же, с. 79.

⁸⁴¹ См. Хатисян Ал., указ. соч., с. 84.

⁸⁴² См. Республика Армения 1918–1920 гг. Политическая история, сборник документов и материалов, Ереван, 2000, с. 398.

отмечая, что возникновение Армянского государства является «подарком» Турции, то есть вырабатывается установка на то, что армянская сторона должна была действовать в виде государственной структуры, чтобы подписать Батумское соглашение, иначе Армении бы не было. Турки подразумевают под этим, что они якобы специально не оккупировали Армению, чтобы дать ей возможность сформировать государственность. Подчеркнем еще раз: на заключительном этапе батумских переговоров турецкая делегация отнюдь не собиралась мириться с существованием армянского государства, даже если бы оно занимало незначительно малую территорию. Они приняли это в результате Майских побед и особенно — в результате обороны Каракилиса. Гарегин Нжде (Тер-Арутюнян) был уверен, что «без битвы при Каракилисе у нас не было бы не только сегодняшней Армении, но и живущих сегодня на этой земле армян. Трехдневная героическая битва⁸⁴³ при Каракилисе спасла араратских армян от полного уничтожения и заложила основу Армянского государства».

К сказанному С. Врацян добавляет еще одну подробность, заключающуюся в следующем: турецкая делегация представила условия ультиматума 11 мая трем новым независимым республикам — как «новый» ультиматум. «28 мая, заслушав доклад Ов. Каджазнуни и Ал. Хатисяна, Армянский национальный совет решил принять турецкий ультиматум, **предварительным условием которого была независимость Армении, и направить в Батум делегацию — с целью подписания соглашения с турками. Тем самым, по сути, 28 мая стало днем провозглашения независимости Армении**»⁸⁴⁴ (выделено нами — *В. М.*).

30 мая Армянский национальный совет заявил: «В связи с новой ситуацией, сложившейся в результате ликвидации Закавказской политической целостности и провозглашением независимости Грузии и Азербайджана, Армянский Националь-

⁸⁴³ Сражение продолжалось с 24-го по 29-ое мая.

⁸⁴⁴ Врацян С. Дорогами жизни, т. 4, с. 120.

ный Совет объявляет себя высшим и единоличным органом власти армянских уездов. По ряду веских причин оставив на ближайшее время формирование Национального правительства Армении, Армянский национальный совет временно берет на себя все государственные функции по осуществлению политического и административного управления армянскими уездами⁸⁴⁵.

Это и есть официальное провозглашение независимости Армении, а значит и правовая основа возникновения Республики Армения, конечно, не в классическом понимании. По этой причине следует еще раз отметить, что независимая Армянская республика символически родилась 28 мая, а юридически 30 мая⁸⁴⁶.

В фондах № 121 и 222 Национального архива Армении есть документы, представляющие довольно странную хронологию. Даже старые и новые летосчисления роли в этом вопросе не играют.

Уполномоченный по военным делам Армянского национального совета Ст. Мамиконян проинформировал командира Армянского корпуса Т. Назарбеяна о том, что «в результате распада Закавказья и провозглашения независимости Грузии, что равносильно полному отделению от России, 25 мая Национальный совет был вынужден объявить себя Временным правительством областей Армении и взял на себя функции единого, полномочного и компетентного государственного органа». **31 мая** между Армянским национальным советом и османскими делегациями было подписано соглашение о мире — при условии, что оно подлежит ратификации в Константинополе в годичный период»⁸⁴⁷ (выделено нами — *В. М.*).

Мы также считаем важной редакционную статью «Оризона» от 30 мая. В день провозглашения независимости орган

⁸⁴⁵ См. «Оризон», 1918, 31 мая, № 103. Ал. Хатисян, указ. соч., с. 84, также — С. Врацян. Дорогами жизни, т. 4, с. 120.

⁸⁴⁶ См. НАА, ф. 121, оп. 1, д. 50, л. 51.

⁸⁴⁷ См. НАА, ф. 121, оп. 1, д. 50, л. 5, также: ф. 222, оп. 1, д. 24, ч. 2, л. 341.

Восточного бюро АРФД в лице С. Врацяна, делает безнадежные и крайне пессимистичные выводы. Большинство из них были констатацией и признанием ошибок. «Победа Ереванской группировки войск,— говорилось в редакционной статье «Наше положение»,— полностью перевернула ситуацию. **Нашим народом, как нам думается, движет не надежда на окончательную победу, а желание умереть в сражении и с честью. Мы чувствуем себя обязанными сказать, что мы побеждены,** потому что:

Точно так же мы считаем важной редакционную статью «Оризона» от 30 мая. В день провозглашения независимости орган Восточного бюро АРФД в лице С. Врацяна, делает безнадежные и крайне пессимистичные выводы. Большинство из них были констатацией и признанием ошибок. «Победа Ереванской группировки войск,— говорилось в редакционной статье «Наше положение»,— полностью перевернула ситуацию. **Нашим народом, как нам думается, движет не надежда на окончательную победу, а желание умереть в сражении и с честью. Мы чувствуем себя обязанными сказать, что мы побеждены,** потому что:

1. Против нашей воли, не имея даже негласного согласия наших органов управления, даже без их ведома, врагу была преподнесена наша самая мощная крепость — Карс.

2. Будучи связанными с нашими соседями и не желая разрывать нашу связь с демократией соседних народов, а равно и подорвать единство демократического фронта, мы ко многому притерпелись и многим пожертвовали, и таким образом потеряли большую часть нашей военной силы.

3. Неожиданным заговором, во время перемирия, во время мирных переговоров, турки ограбили нас, вырвали из наших рук Александрополь с его большими запасами.

4. За нами независимый Азербайджан с его турецкой ориентацией, если не сказать больше, а совсем рядом с нами — независимая Грузия, которая, согласно официальному заявлению правительства, хочет покончить всякие счета с

Турцией путем примирения, а потому вынуждена будет поддерживать нейтралитет — если мы будем сражаться.

Да, мы можем только умереть с честью, но не победить и спастись»⁸⁴⁸ (выделено нами — *В. М.*).

Мы можем с уверенностью заключить, что в этих четырех пунктах АРФ «Дашнакцутюн» фактически приняла свои ошибки, которые партия допустила в период с декабря 1917 года по 30 мая 1918 года, и свою политическую недалекость. Разумеется, все это, как всегда, прикрывалось вероломной, заговорщической политикой трех соседей — Турции, Грузии и Азербайджана.

На все эти четыре вывода мы можем ответить вполне обоснованными вопросами:

а) мы бы могли не сдать Карс, и не только Карс, но и Эрзерум и всю Западную Армению, если бы вели самостоятельную политику;

б) если соседи не ценили альянс объединенного демократического фронта, Сейма, Союза закавказской республики, почему армянское руководство из-за этой «верности» и продолжением переговорной тактики сумело отдать в жертву Карин с его огромными арсеналами и вместо Сардарпатского чуда не смогло организовать такую же битву за выживание в районе Ерзнка. Ни для кого не секрет, что в то время армянское воинство считалось самой крупной и боеспособной военной силой в Закавказье;

в) зачем оплакивать взятие Александрополя турками путем «неожиданного заговора», если вы «добровольно» сдаёте Карс;

г) зачем обвинять Грузию в заключении мира с Турцией, если армянская делегация, начиная еще из Трапезунда, а теперь уже и в Батуми, хотела решить армяно-турецкую проблему мирным путем, даже в условиях непрерывных турецких нашествий и массовых убийств мирного армянского населения.

⁸⁴⁸ См. «Оризон», 1918, 30 мая, № 102.

Самое прискорбное и трагичное состоит в том, что в подобных условиях небывалого подъема духа вооруженных сил и населения Армении от славных Майских побед, стратегия сопротивления и борьбы вновь отошла на второй план. Вместо этого общественности преподносился лозунг «мы можем только умереть с честью, но не победить и спастись».

Проблема в том, что армянский народ и здоровые, жизнеутверждающие «сливки» армянского общества уже победили, иначе не появилась бы «Армения 28 мая». Обнадеживает то, что не вся партия Армянская революционная федерация «Дашнакцутюн», Национальный совет и другие национальные органы думали так и действовали так, но... единого армянского фронта тоже так и не образовалось. Противоположные подходы заглушались турецкими ультиматумами, угрозами мира, поражением.

31 мая «Оризон» наводил ужас на своего читателя перспективой «армянской территории»: «Согласно турецкому ультиматуму, территория Армении составляет около 11 000 квадратных верст, с населением 380 000 армян и около 100 000 турок. Эта территория лежит к западу, югу и юго-востоку от озера Севан»⁸⁴⁹.

На наш взгляд, наиболее достоверные данные приводит Микаел Тумаян. Последний в период 1918–1920 годов занимал должность советника полномочного представителя Армении в Грузии, а иногда и замещал полпреда. По его словам, на остатках Нор Баязета (за исключением юго-восточной части Басаргечарской /Варденисской/), Ереванской, Эчмиадзинской и Александропольской губерний, образующих Республику Армения, проживало 230 000 армян, 80 000 (из них 5000 курдов) мусульман, 5000 езидов и 6000 представителей других национальностей — всего 321 000 человек⁸⁵⁰.

⁸⁴⁹ «Оризон», 1918, 31 мая, № 103.

⁸⁵⁰ См. Тумаян Микаел, Дипломатическая история Республики Армения, 1918–1920 гг., Ереван, 2012.

Если отодвинуть в сторону сложные вопросы армянской независимой стратегии и принятия альтернативной власти после большевистского переворота, то... да, действительно, из-за турецкого вторжения и провальной политики Сейма, что опять-таки является следствием вышеизложенных проблем — особенно неприятия Советского правительства, Армения оказалась на пороге Батумского договора.

Примечательные подробности всплывают из переписки от 28 мая между Персидским имперским консульством в Ереване и ереванским Армянским национальным советом.

Консул в Ереване, опираясь на телеграмму Генерального консула Персии на Кавказе, сообщил, что он уполномочен охранять американских и французских подданных и их интересы в Ереванской губернии⁸⁵¹.

Это сообщение косвенно свидетельствует о новом статусе независимой Республики Армения. Чрезвычайно существенны два письма А. Оганджяна Армянскому национальному совету, отправленные из Батуми через Н. Рамишвили 28 мая — в 10:00 часов и в 4:00 часа пополудни.

Первый касается турецкого ультиматума:

В Батуми прибывает Давитханян — с письмом Ал. Хатисяна по поводу ультиматума, после которого А. Оганджяна и Ар. Зурабян встречаются с генералом Отто фон Лоссовом представляют ему ситуацию после его отъезда из Батуми, турецкий ультиматум, затем просят совета. Получается, что ультиматум был принят в двух вариантах. **«Хотя наши войска и могут сопротивляться,— говорилось в послании,— мы не хотим продолжать кровопролитие и соглашаемся на этот ультиматум, но при условии, что в случае ратификации соглашения о разделе одновременно будет дано согласие четырех стран Четверного союза. Необходимо провозгласить независимость Армении без указания четкой границы и вступить в переговоры с Германией через доверенных лиц.**

⁸⁵¹ См. НАА, ф. 222, оп. 1, д. 24, ч.2, л. 324.

Вопрос надо рассматривать так, чтобы после переформирования Кавказ снова разделился на две части: мусульманскую — под протекторатом Турции, и христианскую — под протекторатом Германии»⁸⁵² (выделено нами — *В. М.*).

Второе письмо А. Оганджяна, адресованное Ав. Агароняну и Х. Карчикяну, касается ответа О. фон Лоссова: «Сейчас он не может настоятельно советовать нам объявить независимость,— говорилось в документе,— потому что он плохо знаком с местными условиями. Это может оказаться не очень полезно для нас, ибо Турция может сказать, что раз это независимая страна, то она вольна сама решать, как с этим государством поступать, никому нет до него дела и никто не вправе вмешиваться. Вот почему он говорит, что эту проблему следует немного обдумать, взвесить. По крайней мере, он советует подумать, прежде чем это делать. Во всяком случае, сопротивляться он не рекомендует»⁸⁵³ (выделено нами — *В. М.*).

Этот документ и «совет» О. фон Лоссова определенным образом раскрывают, во-первых, реальность последовательно и антироссийского сближения Грузии и Германии, перспективу практической реализации подписанного соглашения, а также полярное отличие политики Германии в отношении Армении, ее преданность Османской Турции. Об этом и свидетельствуют «рекомендации» Отто фон Лоссова о непротивлении и непредсказуемых действиях Турции. Как союзник Турции, Германия в свою очередь фактически пригрозила армянским делегатам и подчеркнула, что Германия не будет вмешиваться в случае дальнейшего продвижения Турции, иными словами, не станет спасать Армению.

В этих условиях был подписан Батумский договор...

Колебался и Ал. Хатисян, найдя, что «шаг провозглашения независимости был сделан в результате давления внешних сил. Давление этих сил исходит от большевистской России и

⁸⁵² НАА, ф. 222, оп. 1, д. 24, ч.2, л. 326.

⁸⁵³ Там же, с. 325.

внешнего врага. Разве на данный момент — это путь спасения, или же он ведет к верной гибели?»⁸⁵⁴

Получается, что в конце концов давление Советской России, а по мнению Ал. Хатисяна — возможно, влияние Брест–Литовского договора, привело к решению объявить Армению независимой.

Не будем игнорировать умозрительный, но в то же время весьма правомерный вопрос: что было бы с новой независимой Республикой Армения, если бы Турция и ее союзники, нарушившие Брест–Литовский договор и оккупировавшие Александрополь, не потерпели поражение в октябре 1918 года? Разве турки, завоевав Баку в сентябре, не уничтожили бы и Республику Армения? Если нет, то надо принять и смириться с умозрением, что пантюркизм не сработал и в 1917–1918 годах. Еще 12 мая мнение армянской делегации в Батуми заключалось в том, что «необходимо твердо стоять на Брест–Литовском договоре и опираться на подписавших его Германию, Австрию и Болгарию»⁸⁵⁵.

Большинство армянских официальных лиц были в заблуждении уже из-за того, что турки, попирая позиции своей главной опоры — Германии, и подписанный с Советской Россией договор, пошли на реализацию своего плана — политики завоевания Закавказья. В этом и состоит принятие трудного решения не отделяться от России.

Батумский договор был подписан 4 июня 1918 года. Это неоспоримый факт: в нашу задачу не входит повторять условия договора, но считаем необходимым еще раз упомянуть о тех странных датах, которые присутствуют в официальных документах. Документы, подписанные Т. Назарбеяном, касаются текста Батумского договора⁸⁵⁶, циркуляра копии договора, направленного председателю Ереванского национального совета «Араму–паше». В свою очередь, циркуляр,

⁸⁵⁴ Хатисян Ал., указ. соч., с. 59.

⁸⁵⁵ Там же.

⁸⁵⁶ См. НАА, ф. 222, оп. 1, д. 24, ч.2, л. 332–333.

датированный 5 июня, был адресован в Эчмиадзин — генералу М. Силикяну, в Дилижан — полковнику Николаю Багдасаряну, в Нижнюю Ахту — начальнику Первой Армянской стрелковой дивизии, и в Ереван — генералу Павлу Бежанбеку: «Согласно отчету Национального совета, **31 мая** между Временным правительством Армянской Независимой Республики и Оттоманской империей был подписан мирный договор, который через месяц будет ратифицирован в Константинополе. Перед ратификацией договора, учитывая различные возможные осложнения, Национальный совет требует привести воинские части в боевую готовность, чтобы в случае нового вероломства мы не удивлялись»⁸⁵⁷.

Нам остается принять к сведению этот факт. В то же время этот разнобой в указании дат можно связать с фактом принятия турецкого ультиматума и зафиксировать, что речь тут идет о предварительному соглашению.

В связи с этим представим еще один чрезвычайно важный документ, раскрывающий подробности принятия непосредственных и предварительных условий Батумского договора.

2 июня в 13:30 часов адъютант Андраника доложил **Т. Назарбекяну**: «Только что полученное письмо от **Корганова, из Карса**, с указанием адресата: «Дежурный Генерального штаба Закавказской армии, член Военной линии Закавказской армии, член Военной миссии Закавказской Делегации, ведущей мирные переговоры».

Генерал Гаврил Корганов сообщал из Карса. «Сегодня, в 1 час ночи, по телефону из Батуми получил сообщение от Закавказской мирной делегации — о заключении договора и передаче его Вашему Превосходительству. Ваше Превосходительство должно привести его в исполнение:

1. Немедленно приказать войскам, находящимся под вашим командованием, прекратить боевые действия против Оттоманской империи.

⁸⁵⁷ Там же, с. 334.

2. Войска, находящиеся под Вашим командованием, не должны пересекать границу, указанную в пункте 1 соглашения.

3. Войскам, находящимся под Вашим командованием, запрещается открывать огонь по турецким войскам, движущимся из Дилижана в Казах.

4. Все указанное сообщить также и населению.

5. Об этих приказах немедленно сообщить в Ереван.

6. По всем вопросам обращайтесь к Вехиб–паше через Каракилис. Я жду разрешения на поездку в Батуми, где надеюсь быть 3 июня. Член Военной миссии Закавказской правительственной делегации генерал–майор Г. Корганян»⁸⁵⁸.

В 13:45 часов было получено и указание начальника штаба Е. Вышинского относительно пункта 6. Он считал, что в Ереване должна быть немедленно сформирована комиссия, которая по согласованию с Вехиб–пашой выработает «детальные условия немедленного отвода как наших, так и турецких войск от начерченной границы»⁸⁵⁹.

В этот вопрос вносит определенность также телеграмма батумской армянской делегации от 2 июня, адресованная Т. Назарбекяну: «Сообщаю вам, что **вчера** (1 июня — *В. М.*) мы подписали соглашение о мире с Турцией»⁸⁶⁰.

Против Батумского договора произошли ряд протестов, бунтов, в частности — в Ереване.

Первый произошел 5 июня в зале Городского совета Еревана. Место председателя занимал А. Манукян, который помимо своего выступления зачитал письмо от Армянского национального совета Тифлиса о ситуации и причинах подписания вынужденного мира. Собрание приняло решение и уже собиралось разойтись, когда с места встал командующий, руководитель Сардарпатской победы полковник Даниелбек Пирумян и объявил: «Вы решили признать мир, это ваше дело,

⁸⁵⁸ См. НАА, ф. 289, оп. 1, д. 2, л. 14.

⁸⁵⁹ См. там же.

⁸⁶⁰ См. Республика Армения в 1918–1920 гг., с. 35. Речь идет о парафированном договоре.

но послушайте и меня. Я не могу передать это ваше решение моему войску, поэтому, пожалуйста, выберите двух–трех человек из ваших людей, и пусть они пойдут и передадут ваше решение войскам»⁸⁶¹. «Нависло таинственное безмолвие,— представляет свое впечатление А–До,— это был очень трогательный и волнующий момент. У многих на глазах выступили слезы, и наступил трудный, но поистине священный момент. Это был самый внушительный протест против мира»⁸⁶².

Вторая демонстрация состоялась 6 июня перед зданием Национального совета Еревана. Напряженная атмосфера митинга буквально взорвалась, когда офицер 1–й роты батальона обороны Еревана Вардан Аракелян, вручая текст договора, подверг критике фактически пораженческую деятельность Национального совета Еревана. Лишь после нескольких залпов удалось разогнать толпу. В. Аракелян был арестован и предан военному трибуналу⁸⁶³.

Третья демонстрация состоялась 9 июня. Своеобразное выражение протеста было организовано Национальным советом Камарлу (Арташат). Этот орган направил телеграмму в Национальный совет Еревана и потребовал продолжения войны. Аналогичную телеграмму они направили и командиру ереванской группировки войск М. Силикяну. Не удовлетворившись ответом генерала, Национальный совет Камарлу с некоторой долей иронии сообщил 8 июня: «Жители района Камарлу готовы пролить последнюю каплю своей крови и защитить Родину имеющимся у них оружием, пулями, одеждой и куском хлеба»⁸⁶⁴.

Вместе с телеграммой поступило известие, что в Камарлу формируется один батальон, который 9 июня прибудет в Ереван. И действительно, в 10 часов утра все услышали, что «войско

⁸⁶¹ См. А–До, указ. соч., с. 451–455.

⁸⁶² См. там же, с. 454.

⁸⁶³ Вардан Аракелян был оправдан решением заседания парламента РА 10 августа 1918 г.

⁸⁶⁴ См. А–До, указ. соч., с. 456

Камарлу подходит». Возле здания Национального совета собирается батальон численностью более 700 человек, в полном боевом снаряжении, даже с «медсестрами». Арам — Араратский диктатор, произносит речь с балкона, гневно призывая к порядку. Недовольные, но люди все же повиновались авторитету Арама и завоеванной победами дисциплине, и все отправились в казармы⁸⁶⁵.

Так или иначе, эти волнения также не дали никаких результатов, условия мира, конечно, не изменились, война не возобновилась. Но высокий боевой дух не был сломлен, он еще должен был сказать свое слово против нового турецкого коварства. В 1918 году, с 24 июня по 17 июля, армянское население сел в Араратской долине, в окрестностях Еревана, показало немало примеров героизма.

Мы рассмотрим Батумский договор в контексте независимости.

Поговорим о письме Армянского национального совета, недатированном, написанном Ав. Агароняном и Н. Агбалином и адресованном Национальному совету Еревана. В приложенной к письму телеграмме подробно описывались обстоятельства, вынудившие принять ультиматум, а также усилия делегации, приложенные для возвращения 1300 квадратных верст территории, чтобы, как это представил Ав. Агаронян, «расширить немного ворота нашей тюрьмы»⁸⁶⁶. Не вдаваясь в подробности, отметим лишь, что «Елизаветполь, Шуши, Джеваншир и Зангезур остаются в границах Азербайджана и, вероятно, составят особый армянский кантон». Необходимо приложить все усилия, чтобы армяне не мигрировали из оккупированных районов. При этом не надо давать повода, в котором турки могут усмотреть нарушение того или иного пункта ультиматума»⁸⁶⁷.

Фраза о том, что «мы еще не получили ни текста, ни копии мирного договора («наши делегаты привезут его с собой в

⁸⁶⁵ См. там же, с. 457–458.

⁸⁶⁶ См. НАА, ф. 222, оп. 1, д. 24, 2-ая часть, л. 249.

⁸⁶⁷ Там же.

ближайшие дни, а мы пришлем вам копию») определенным образом доказывает, что Батумский договор был уже подписан. **Почему мы подчеркиваем этот факт?**

Проблема в том, что сразу же за этой фразой следует такая мысль: **«На днях Армянский национальный совет провозгласит независимость Армянской Республики, что считается насущной необходимостью, поскольку придаст политическую ценность подписанному нами соглашению о мире»**⁸⁶⁸ (выделено нами — *В. М.*).

У нас на руках имеется также текст телефонного разговора членов батумской армянской делегации — Ал. Хатисяна, М. Пападжаняна и Ов. Каджазуни, адресованный Национальному совету Еревана, то есть Араму Манукяну.

Здесь опять же, М. Пападжанян теперь подчеркивает: **«К нашему возвращению подготовьте Акт о независимости Республики Армения, от имени которой мы подписали соглашение, и это чрезвычайно необходимо»**⁸⁶⁹ (выделено нами — *В. М.*). Учитывая вопросы М. Пападжаняна о том, что «в ближайшие дни в Александрополе ожидается прибытие Энвер-паши, с ним необходимо встретиться — как мы и договорились с Вехиб-пашой и Халил-беем»⁸⁷⁰, можно сделать следующий вывод: наблюдаемое армяно-турецкое сближение на тот момент в каком-то смысле больше рассматривалось как первоочередная цель, нежели провозглашение независимости. Мы имеем в виду прекращение войны и установление мира.

Из этого телефонного разговора и из предыдущего письма также становится видно, что армянская делегация в Батуми не располагала информацией о борьбе армян за выживание и особенно о героической битве при Каракилисе.

«Мы узнали о ваших сражениях от Вехиб-паши, но насколько они достоверны, мы не знаем. Так или иначе, за существование нашей небольшой и бедной, но свободной Армении мы

⁸⁶⁸ Там же.

⁸⁶⁹ Там же, л. 252.

⁸⁷⁰ См. там же.

обязаны самоотверженности нашей армии. **Насколько нам известно, немцы и турки поделили Кавказ между Грузией и Азербайджаном, обеспечив армянам только физическое существование. Следует думать, что именно сопротивление наших войск немало способствовало принуждению их признать также и Армению»⁸⁷¹ (выделено нами — *В. М.*).**

Эти строки мы с большой уверенностью можем рассматривать как свидетельство хотя и запоздалого, но пересмотра политики Армянского национального совета, когда вместо бесполезной переговорной, в данном случае — деструктивной, пагубной политики предпочтение было отдано вооруженной борьбе, настоящей борьбе за существование.

Получается, что сначала **Армянский национальный совет собирался выступить с официальной «Декларацией», потому что речь уже идет не о 28 мая, как и не о 30 мая, а о новом провозглашении, ожидаемом после 4 июня, которое, впрочем, так и не произошло.**

А далее подтверждается тезис о том, что провозглашение Республики Армения практически связано с необходимостью подписания Батумского договора с Турцией, и в этом смысле оно сильно отличается от процесса провозглашения независимости Грузии и Азербайджана.

А теперь представим точку зрения С. Врацяна, в данном случае, довольно противоречивую: «Таким образом, днем провозглашения независимости Армении действительно следовало бы считать 30 мая. Однако, напротив, таковым считается 28 мая — тот самый день, когда Национальный совет принял решение направить в Батуми мирную делегацию. Опосредованно, конечно, но этот день также можно считать началом независимости, ведь провозглашение независимости было обязательным условием мирных переговоров. Приняв это условие турок, Национальный совет тем самым подтвердил

⁸⁷¹ См. там же, д. 24, ч.2, л. 249.

факт независимости. Так или иначе, днем возникновения Республики Армения стало 28 мая⁸⁷².

Эти документы чрезвычайно важны тем, что раскрывают совокупность первоначальных, неоформленных, а порой и эмоциональных и поспешных представлений армянского политического руководства — в лице Армянского национального совета, в частности, в отношениях с соседями и особенно с татаро–мусульманами.

Соответственно, после ухода России и отделения Грузии Армянский национальный совет считал, что армяне и татары, оставшись наедине, попытаются помириться. Такой путь мог бы стать более выгодным для армян. «Благодаря туркам,— отмечалось в письме АНС,— нам удастся заглушить дикие инстинкты татар и обеспечить физическое существование армянского элемента. Многие из нас думают, что если мы наладим дружеские отношения с татарами, то в их лице мы будем иметь более верных союзников, чем грузины. В любом случае необходимо умерить страсти и подумать об обеспечении мира и спокойствия для народа, не ослабляя при этом наших вооруженных сил, чтобы мы были готовы к любой неожиданности»⁸⁷³.

За ним снова следует недалёковидный прогноз. «Если мир будет длительным, то у нас может быть возможность заняться созидательным трудом, а воевать предоставим туркам, татарам, русским и англичанам». Получается, что Германия уже была нашим другом⁸⁷⁴.

Еще 14 апреля 1918 года, в унижительной атмосфере падения Карса, представитель Армянского национального совета, профессор Петроградского университета Никогайос Адонц из Стокгольма направил обращение АНС в Берлин — Министерству иностранных дел Германии и председателю Рейхстага⁸⁷⁵.

⁸⁷² Врацян С., Республика Армения, с. 161–162.

⁸⁷³ См. там же, л. 249.

⁸⁷⁴ См. там же.

⁸⁷⁵ См. Материалы для истории АРФ «Дашнакцутюн». № 1406 — с.169, также Никогайос Адонц, Сочинения в четырех томах, Том 1, Армянский вопрос,

Представляя армяноцидную политику Турции и нарушение ею Брест–Литовского договора, Н. Адонц подчеркнул: «Вся ответственность за будущее армянства находится в руках Германии. Русские войска ушли из армянских губерний. Теперь только немцы могут помешать турецким войскам самозабвенно предаваться их обычным крайностям, их инстинктам разрушения и мести. У армян не должно сложиться впечатление, что такое развитое государство, как Германия, имеющее необходимые средства для влияния на своего союзника Турцию, позволило бы Брест–Литовскому договору послужить порабощению народа против его воли»⁸⁷⁶.

Одним из проявлений принятия турецкой политической ориентации и «доверия» туркам следует считать удовлетворение Католикоса Всех Армян Геворга V, которую он выразил по поводу телеграммы Ферика Вехиб Мехмед–паша.

На следующий день Патриарший совет направляет копию телеграммы, полученной 30 мая, в Национальный совет Еревана⁸⁷⁷. Там, в частности, было сказано: «Подчеркиваю гуманное отношение моей армии к гражданскому населению, возвращающемуся с оккупированных территорий. Приняв их под нашу защиту и предоставив им безопасные условия их жизни и чести, было доказано, что это больше, чем могло быть в Турции. Наша армия свята. Считаю необходимым подчеркнуть тот факт, что чувство ненависти мусульман к армянам, и зародившееся по отношению к мусульманам — в результате осуществленных ими насилия и трудностей на пути из Эрзинджана (Ерзнкá — В. М.) и Игдыра на оккупированные территории в Закавказье, создают непреодолимую бездну между этими двумя народами. Считаю своим долгом заявить Вам, что физическое и моральное существование мирного населения будет обеспечено, если оно не питает ненависти и вражды к мусульманам и турецкой армии, не поддается

Ереван, 1996, с. 63.

⁸⁷⁶ Там же.

⁸⁷⁷ См. НАА, ф. 222, оп. 1, д. 24, ч. 2, л. 337–338.

политическим интригам и подпольным провокациям. Со своей стороны, прошу Вас об обязательстве обеспечить неприкосновенность жизни, чести и имущества мусульман в районах, не занятых моими войсками»⁸⁷⁸.

Печально, но по прошествии 100 лет мы можем констатировать, что форма и содержание турецкой антиармянской пропаганды и фальсификации истории не только не изменились, но и зародились именно с этих времен и с фальсификации разных вехивов. Пренебрегая и игнорируя фактом Геноцида армян, историческую реальность депортации армян из Западной Армении, Вехиб–паша подчеркивает «армянские зверства» под Ерзнка́, что, кстати, было использовано турецкой армией как повод для начала своей кампании в 1918 году.

Так или иначе, но часть армянской политической элиты собиралась вступить в диалог с Вехибом, Энвером, Халилом и другими, особенно в отсутствие России. В этой связи совсем не случайна «душещипательная» телеграмма Вехиб–паши, отправленная Араму Манукяну, который, возможно, разрабатывал приемлемую политику в контексте Батумского договора.

Об этом свидетельствуют также выступления Халил–бея и Ал. Хатисяна, произнесенные перед подписанием Батумского договора. «Правительство Османской империи решительно преодолело свои чувства и поручило мне подписать документ, признающий существование правительства Армении»⁸⁷⁹,— сказал в своем выступлении Халил.

3.7. ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ В КОММЕНТАРИЯХ И РЕШЕНИЯХ ЗАКАВКАЗСКИХ И АРМЯНСКИХ ПАРТИЙ

В предыдущей части нашего исследования, в связи с дискуссиями по отдельным вопросам, уже были отражены

⁸⁷⁸ См. там же, л. 1.

⁸⁷⁹ См. Аветисян О., Победа армянского национального единства в 1918 году, Ереван, 1998, с. 137.

реакции и отношения различных политических деятелей, течений и партий к этому судьбоносному событию.

В этом разделе мы постараемся системно и целенаправленно представить подходы наших соседей и армянского политического поля, партийные дискуссии и решения по вопросу о независимости.

Известный проармянски настроенный генерал Кавказского фронта **Александр Кулебякин** в своем аналитическом труде «Военные проблемы Армении» затронул также вопрос независимости⁸⁸⁰.

Он подошел к существующей проблеме с точки зрения разделения желаемого и возможного. По его словам, ответ на вопрос о желаемом был однозначно «да». «Если спросить народ, вырвавшийся из кровавых лап многовекового угнетателя,— отмечал генерал,— «можешь ли ты начать самостоятельное существование?», он обязательно скажет: «Да, да, да! Я могу! Я хочу! Я по-другому не могу! Я ждал этой возможности целую вечность». Армянский народ только что подошел к порогу своей ограбленной родины. И армянский народ скажет: «Да, я хочу этого, потому что я слишком многим пожертвовал ради освобождения. И мне нужна помощь и защита только потому, что я был обманут, я многое потерял, меня окружают опасности, которые я не могу преодолеть в одиночку».

Желательна ли она для других государств, ближних и дальних (имеется в виду Советская Россия — *В. М.*)? И мы увидим, что в данном случае вопрос поставлен благоприятно. Турция против независимости Армении, но от нее же и освободили Армению, чтобы спасти народ. Вопрос о признании этой независимости другими государствами бывшей германской коалиции теперь автоматически вытесняется...»⁸⁸¹ Во-первых, понятно, что недатированный материал был написан уже после развала Четверного союза. В то же время следует отметить, что факт обретения Арменией независимости

⁸⁸⁰ См. НАА, ф. 196, оп. 1, д. 12, л. 1.

⁸⁸¹ См. НАА, ф. 196, оп. 1, д. 12, л. 1.

прогосударственно мыслящий, а значит, армянолюбивый русский генерал, вероятно, осенью 1918 года, рассматривал пока еще в контексте достижений Февральской революции. Пожалуй, он еще не хочет видеть, что Россия уже не прежняя, она стала большевистской, более того, для царского, патриотически настроенного русского генерала Брестский договор был полной трагедией. Из контекста размышлений А. Кулебякина также можно понять, что Россия никогда бы не отпустила Закавказье и Армению, так что пока «независимость» Армении не представляла большой угрозы дальнейшим перспективам России.

Со взглядами деятеля Российской кадетской партии Б. Байкова мы уже ознакомились в связи с независимостью Грузии и Азербайджана.

Выражая интересы партии российской буржуазии (Конституционно-демократическая партия — кадеты — *В. М.*), Б. Байков безоговорочно утверждал, что у народов, населявших Закавказье, не было оснований для выражения национальных устремлений и самосознания. В качестве первого обоснования своего тезиса он упомянул проблему смешанного расселения кавказских народов, связав с ней вопрос о неиспользовании земств⁸⁸² (органов местного самоуправления — *В. М.*) в крае⁸⁸³.

Он считал, что движение «самоопределения» все равно могло начаться в России — только потому, что эта политика диктовалась из центра, из тех политических органов России, которые играли руководящую роль во время революции. Решающую и роковую роль в этом процессе он приписывал Петроградскому совету, который, провозгласив принцип «самоопределения народов», взвалил его на шею себе и ослабевшему Временному правительству. Отсюда Б. Байков заключал, что «представители политической авантюры различных народов Закавказья, принимая во внимание слабость центральной власти, почувствовали почву под ногами, ибо создание

⁸⁸² См. подробнее Меликян В. Г., Проблема власти в Закавказье..., с. 125–145.

⁸⁸³ См. Байков Б., указ. соч., с. 190.

новых государств представлялось в форме удовлетворения личных амбиций». Была и другая причина отделения государства от России и ликвидации прежней связи. Это эгоистичный разрыв связей с Россией, чтобы застраховать регион и самих себя от последствий политического краха России, большевизма и неизбежного экономического упадка»⁸⁸⁴.

Понятно, что так рассуждает кадет — сторонник централизованного Российского государства, который никогда не принимал идеи самоопределения наций. В то же время его анализ имеет проармянскую направленность, так как инициаторами процесса отделения Закавказья от России он считал грузинских с.-д. меньшевиков⁸⁸⁵.

По мнению Б. Байкова, на протяжении всей русской революции армяне не скрывали своей верности России, видя в ней естественную и единственную защитницу от физического уничтожения. Имея в виду мартовские события 1918 года в Баку, он пришел к выводу, что именно этот инстинкт самозащиты был основой непротivления большевизму, а иногда и сотрудничества с ним.

«Маленькая Армения, эта небольшая страна с населением менее 2 миллионов человек,— отмечает Б. Байков,— окруженная со всех сторон мусульманским миром, отделившаяся от России, да еще после независимости Азербайджана, вынужденно должна была заявить о своей независимости, рассчитывая на поддержку Антанты и Америки»⁸⁸⁶ (выделено нами — В. М.).

Армянская народная партия (АНП) не приняла провозглашения независимости как Закавказья, так и национальных государств.

«Было большой, огромной ошибкой, по крайней мере, для нас, армян, признать независимость Закавказья и отделение его от России, а еще большей ошибкой было принять уничтожение

⁸⁸⁴ См. там же, с.191.

⁸⁸⁵ См. там же.

⁸⁸⁶ См. там же.

этой независимости и разделении Закавказья на три части»⁸⁸⁷, — писала тогда газета «Мшак».

На наш взгляд, Армянская народная партия тоже недальновидно цеплялась за перспективу принятия Брест–Литовского договора, неправильно оценивая фактор вмешательства большевистской России в Закавказье в апреле–июне 1918 года. Все обвинения традиционно (начиная с апреля 1917 года, когда была образована Армянская народная партия — *В. М.*) были направлены против Сейма, АРФД и Армянского национального совета. «Мшак» придерживался мнения, что «руководство делами армянского народа находилось и находится в руках портачей: во время революции (имеется в виду Февральская революция 1917 г. — *В. М.*) мы не смогли выдвинуть политически грамотных, разумных и всесторонне образованных деятелей, мы уничтожили свой народ и свое будущее, и мы получили страну, над которой может смеяться каждый — куцехвостую, одноглазую, одноногую, овшивевшую. Но это и есть та страна, которая должна называться Арменией»⁸⁸⁸.

Сравнивая обретение независимости Армении с этим же процессом в Грузии, Армянская народная партия справедливо выделяла три существенные черты. **Первая:** еще с кануна Мировой войны грузинское политическое поле и политические деятели, независимо от партийной принадлежности, последовательно решали одну сверхзадачу и преследовали одну основную цель: отделить Грузию от России и добиться ее независимости. «Мшак» деликатно замечает, что на этом пути интернационалист, социалист, меньшевик А. Чхенкели в итоге стал председателем парламента Грузии. **Вторая:** своей ловкостью и изворотливостью грузинские деятели смогли «поташить за собой армянских горе–социалистов (имеется в виду АРФД — *В. М.*) и турок»⁸⁸⁹. **Третья:** благодаря тому, что все государственные (русские) учреждения Закавказья были

⁸⁸⁷ См. «Мшак», 1918, 25 июня, № 120.

⁸⁸⁸ Там же.

⁸⁸⁹ См. там же.

сосредоточены в Тифлисе, Грузия смогла захватить их все со всем их имуществом, которое, по словам «Мшака», достигало «может быть, миллиардов»⁸⁹⁰. Наряду со всем этим, Армянская народная партия считала, что «независимость Грузии еще не полностью обеспечена»⁸⁹¹.

Армянская революционная федерация «Дашнакцутюн» как весь процесс, так и вопрос независимости Армении не рассматривала однозначно.

Нелишне представить мнение **Ов. Каджазнуни**: «Надо ли было нам провозглашать независимость, могли ли мы создать свое государство и сохранить его... — пишет первый премьер-министр РА, — это все праздные вопросы. В конце мая 1918 года такие вопросы нельзя было задавать. Выбора не было. История подвела нас к определенной черте. Мы должны были иметь решительность и мужество, чтобы перейти ее, если не хотели погибнуть. Мы должны были стать хозяевами нашей Родины, иначе мы потеряли бы ее — и может быть, безвозвратно. Если бы мы колебались, если бы мы медлили со своим заявлением, то Армения превратилась бы в *res nullius* (никому не принадлежащей) и как таковая досталась бы нашим соседям — туркам, грузинам, азербайджанцам. 28 мая поздно ночью центральный Национальный совет принял решение объявить Армению независимой Республикой, а себя — высшим органом власти Республики. Совет не получил такого мандата от Национального совета, но не остановился перед формальным запретом, а в дальнейшем никто и не думал его обвинять, настолько всем было ясно, что другого выхода нет... Это была новая эпоха в истории армянского народа — возрождение давно утраченной независимой государственной жизни»⁸⁹².

Симон Врацян считал, что «...претерпев тысячу и одно несчастье, 28 мая 1918 года армянский народ отметил рождение Республики Армения. Но для независимости Республика

⁸⁹⁰ Там же.

⁸⁹¹ Там же.

⁸⁹² Каджазнуни Ов., указ. соч., с. 30.

Армения родилась преждевременно. Она не была подготовлена — не было ни объективных условий, ни сознания своей субъектности. Армянский народ вел долгую, упорную борьбу за свободу Армении в Турции, и под свободой понимал реформы или автономию под общим господством Османской империи, но создать Армению в границах России ему и в голову не приходило. И вот в Араратской долине, на земле, подконтрольной России, и в невозможных условиях рождалась Республика Армения. Неудивительно, что армянская мысль была сбита с толку и с трудом воспринимала ситуацию и была не способна определиться в политической позиции... На АРФД была возложена беспрецедентно большая ответственность по закладке основ новорождённого государства, по организации и управлению Армянским государством. Так что, вполне понятна была та нерешительность, которая царила в рядах АРФ «Дашнакцутюн». **Эта нерешительность была очевидна также при провозглашении независимости Армении. Как это ни странно, но против независимости страны проголосовали люди, посвятившие всю свою жизнь освободительной борьбе Армении**⁸⁹³ (выделено нами — *В. М.*).

Мы не разделяем главный вывод С. Врацяна, состоящий в том, что Республика Армения «родилась преждевременно для независимости». На наш взгляд, независимые национальные государства не были поданы народу на блюде. Понятно, конечно, направление мысли С. Врацяна, он, вероятно, имеет в виду ущерб, понесенный армянским народом во время Первой мировой войны, Геноцида армян, потрясений русских революций, турецкого нашествия, антиармянской политики соседей и так далее. В то же время основной гарантией достижения независимости является уверенность в своих силах и самостоятельные действия. Какие гарантии были у финского народа, когда в декабре 1917 года он буквально «выхватил» свою независимость от только что созданного правительства

⁸⁹³ Врацян С., Дорогами жизни, Том 5, Бейрут, 1966, с. 12.

Ленина? Никаких. Только последовательная, героическая борьба и трезвая оценка обстановки. Можно привести десятки примеров. Кстати, у Грузии также не было никаких гарантий... даже у новоиспеченного Азербайджана, который стремился к пантюркизму, и то этих гарантий не было.

Рубену Тер–Минасяну принадлежит спорный тезис о том, что «идею создания Араратской Армении впервые продиктовали турки»⁸⁹⁴ (выделено нами — *В. М.*). На наш взгляд, современная турецкая историография также с готовностью обращается к этому выражению, когда подчеркивает ложный тезис о предоставлении армянам независимости. Р. Тер–Минасян утверждает, что эта идея впервые была высказана Бехаэдином Шакиром, Омаром Начи и Гильм–беями, когда в конце августа 1914 года они прибыли в Эрзерум (Карин) в качестве переговорщиков от Иттихат (партия «Единение и прогресс» — младотурки). Они предложили созданному там комиссии 9–ти от АРФД, объединив некоторые области Западной Армении, создать Армению с центром в Эчмиадзине.

«Практически была предложена единая Армения при условии турок, что мы будем предъявлять претензии к России и станем авангардом в случае кавказского восстания, или начала войны в Закавказье,— отмечает Рубен,**— не пересматривая задним числом эти официальные переговоры, здесь важно подчеркнуть то, что предложение независимой и единой Армении исходило со стороны турок»⁸⁹⁵** (выделено нами — *В. М.*).

Конечно, трудно быть полностью уверенным в том, что имел в виду Рубен. Предложение о создании «Единой Армении» в этом контексте кажется не очень понятным. Вероятно, имелось в виду объединение русской Армении и турецкой Армении в случае «поражения» России в Мировой войне. В любом случае, турки предложили АРФД то же, что и некоторым грузинским

⁸⁹⁴ См. Рубен, Воспоминания армянского революционера, т. 7, Тегеран, 1982, с. 127.

⁸⁹⁵ См. там же, с. 52.

деятелям, то есть чтобы в случае войны они выступили против России, иными словами — стали инструментом в осуществлении пантюркизма.

Примечательно то обстоятельство, что как в реалиях 1914 года, так и в апреле–мае 1918 года та же Турция обещала Закавказью и Армении независимость — при условии антирусского настроения и борьбы. Примерно то же обещало и царское правительство, удовлетворившись обещанием автономии Армении.

В целом, на наш взгляд, свидетельства Рубена вписываются в ряд младотурецких «обещаний» и в настоящее время используется как фактор «предательства турецко-подданных армян», что, по их мнению, косвенно «оправдывает» осуществление Геноцида армянского народа.

Совершенно иную позицию заняла газета «Ашхатанк» («Труд») — орган Ереванской организации АРФД, которая была под влиянием Ереванского национального совета и взглядов А. Манукяна.

16 (29) мая, говоря о победах Сардарапата, Каракилиса в статье «С верой в победу», газета констатировала: «Однако пусть нас не опьяняют эти первые наши победы, и пусть не удручают поражения, которые мы потерпим, и даже те жертвы, которыми мы расплатились — пусть ничто не сломит наш крепкий дух сопротивления, вместо этого давайте удвоим и напряжем силы и будем готовиться к новым битвам и новым победам, **понимая, что противник смог за очень короткое время продвинуться от Ерзика до Александрополя**, причем с очень небольшими силами и только благодаря тому, что мы уступили дорогу... **отныне наши удары должны быть решительными и смертельными, чтобы противник был совершенно измотан и близок к отступлению**»⁸⁹⁶ (выделено нами — *В. М.*).

⁸⁹⁶ См. «Ашхатанк», Ереван, 29 мая, 1918, № 3.

Эти вопросы делают совершенно очевидным наличие внутри «Дашнакцутюн» разногласий и размолвок в вопросе тактики. Таким образом, крыло А. Манукяна было против простого переговорного процесса и выступало за организацию решительного сопротивления.

Армянские социал–демократы меньшевики критиковали путь, по которому Сейм и его фракция АРФД следовали турецкой внешней политике Трапезунд–Брест–Литовск–Батуми, обвиняя их в процессе отделения от России и называли это «залогом мира и благожелательности»⁸⁹⁷.

Теоретик армянского меньшевизма Геворг Караджян справедливо критиковал грузинский меньшевизм и политическую линию его лидеров Н. Жордании, А. Чкенкели, И. Церетели называл националистической, которая на практике полностью отклонилось от политики социал–демократии в национальном вопросе.

Не высказываясь однозначно против независимостей республик, он считал, что «превращение нашей страны в независимые государства вызывает новые опасные осложнения, широко открывает двери для новых бедствий для наших народов»⁸⁹⁸, а также, что эта независимость не могла бы состояться без «диктата и давления внешних и внутренних реакционных сил»⁸⁹⁹, без учета принципа самоопределения наций. Г. Караджян считал, что этой независимости «конечно, могло не быть: подавляющее большинство голосов грузин и армян, а также солидная часть турок не проголосовали бы за то политическое устройство и за тот статус, которые были созданы в нашей стране после 9 апреля и 26 мая 1918 года»⁹⁰⁰.

Позиция армянской организации партии социалистов–революционеров относительно возникновения как независимого

⁸⁹⁷ См. Караджян Геворг (С. Т. Аркомед), Политическая жизнь Закавказья в 1918 году, с. 51.

⁸⁹⁸ См. там же.

⁸⁹⁹ См. там же.

⁹⁰⁰ См. там же, с. 52.

Закавказья, так и национальных независимых государств была отрицательной, хотя, как заявил Аршам Хондкарян, «наша партия была вынуждена приспособливаться к этой новой ситуации»⁹⁰¹.

Весьма примечательны комментарии А. Хондкаряна, с которыми он выступил против и не принял упомянутое нами объяснение Ал. Хатисяна о том, что «Национальный совет провозгласил независимость Армении, и против этого выступили некоторые лица и фракции, особенно армянские социалиты–революционеры»⁹⁰². «Наша оппозиция и самые сильные противники,— говорит А. Хондкарян,— были против акта 9 (22) апреля, **а менее всего — против Декларации Армянского национального совета, датированной 30 мая и опубликованной 31 мая**»⁹⁰³ (выделено нами — *В. М.*).

По его убеждению, для эсеров не было секретом, что вопрос о независимости Закавказья решался элитой фракций Сейма и что их рядовые члены, особенно широкие беспартийные массы, были против этого акта. Что же касается «Дашнакцутюн», то по словам Хондкаряна, АРФД «действовала в этом вопросе не по совести, а по принуждению»⁹⁰⁴.

В реалиях 26 мая, предпочитая позицию грузин, благодаря которой «они отделились от Закавказья, и отделились в своих границах», известный армянский деятель–эсер усмотрел разницу между актами 9 апреля и 26 мая и пришел к выводу: «Как относились наши партийцы, армяне и русские, к этой новой независимости? **Отрицательно**»⁹⁰⁵. Он сосредоточился на нравственной стороне вопроса, которая, на наш взгляд, была в основном военно–политической. Он обосновывал критику эсеров в адрес грузинского меньшевизма «за то подлое, невозво-

⁹⁰¹ См. Аршам Хондкарян, Оппозиция в Республиканской Армении, ВЭМ, («Глыба»), Париж, № 2, ноябрь–декабрь, 1933, с. 79.

⁹⁰² См. Ал. Хатисян, указ. соч., с. 68.

⁹⁰³ Арш. Хондкарян, там же, с. 81.

⁹⁰⁴ См. там же.

⁹⁰⁵ См. там же, с. 84.

лительное, бесчеловечное поведение, который, заняв господствующие позиции во власти Закавказья, трактуя его судьбу как одноколесную и подводя эту страну к воротам гибели, они посчитали себя вправе бросить своих соратников в самый трудный момент и пошли «строить себе хижину» и думать только о спасении своего народа»⁹⁰⁶.

По оценке армянских социалистов–революционеров, заявление Армянского национального совета не 30 мая, а 31 мая, «**безусловно, не было провозглашением независимости Армении**»⁹⁰⁷ (выделено нами — *В. М.*). Было также ясно, что ответственность за предпринятый шаг не ложилась на АНС, ибо его шаг стал неизбежен после решений грузин и татар, так что армянским эсерам тоже больше нечего было возразить против этого акта.

В то же время А. Хондкарян четко определяет разницу между актами независимости.

Мы вернемся к этому вопросу в отдельном разделе.

Позиция **партии «Конституционных рамкаваров»**, согласно нашим источникам, выразилась на заседании Центрального совета патриотических союзов, состоявшемся 21 мая в Тифлисе.

Обсуждая вопрос перспективы Армянского национального совета, Аргак Дарбинян прямо заявил: «**Не может быть и речи о независимости**»⁹⁰⁸. Он придерживался мнения, что АНС **должен строить свою политику на принципе приспособления, избегая агрессивных практик и не обладая государственной властью**⁹⁰⁹. Микаел Карабекян считал, что Армянский национальный совет является органом, который разрабатывает и осуществляет внешнюю политику армянского народа⁹¹⁰.

⁹⁰⁶ См., там же, с. 84–85.

⁹⁰⁷ Хондкарян Аршам, указ. соч., с.86.

⁹⁰⁸ См. НАА, ф. 244, оп. 9, д. 221, л. 18.

⁹⁰⁹ См. там же.

⁹¹⁰ См. там же.

Гариби — грузинский писатель–меньшевик, известный своими экстремистскими и антиармянскими взглядами, в контексте знаменитой басни Крылова упрекал объединение трех народов в Закавказской объединенной республике и последующий процесс независимости, отметив, что «когда белый лебедь русской революции — Церетели, тянул вверх только что созданную республику, армянский рак тянул ее то назад — к анархии посредством большевиков, то к самодержавию посредством Деникина, а азербайджанские щуки тянули всех в мусульманский океан, чтобы потопить Республику и там все национальности»⁹¹¹.

Социал–демократическая партия Гнчакян 31 мая 1918 года в воззвании центрального правления «Граждане армяне» потребовала от Армянского национального совета: 1) отказаться от всех произвольно узурпированных им полномочий и обязанностей; 2) незамедлительно образовать новый Временный национальный совет из равного числа представителей всех политических, революционных и социалистических организаций⁹¹².

В контексте переизбрания, иными словами — роспуска Армянского национального совета, причем 31 мая, Социал–демократическая партия Гнчакян фактически не приняла независимость Армении.

Центральное правление с.–д. партии Гнчакян в Тифлисе, под председательством **Аршака Бабаяна** (А. Еркаг), также высказалось против отделения Армении от России, а именно — провозглашения независимости Закавказья⁹¹³.

Также Центральное правление партии опубликовало свое решение о том, что оно не хочет, чтобы судьба армян была отделена от большевистской России. В то же время «вне Тифлиса, — пишет Г. Егикян, — Гнчакяны во всех местах с радостью и воодушевлением приветствовали независимость

⁹¹¹ Кариби, Красная книга, с. 171–172.

⁹¹² См. НАА, ф. 4045, оп. 1, д. 221, л. 1.

⁹¹³ См. Егикян Григор, Гнчакяне и их попытки объединиться с большевиками, «Айреник», Бостон, № 4, февраль, 1939, с. 142.

Армении»⁹¹⁴. Об этом обстоятельстве еще раз свидетельствует о раздвоении двух крыльев Социал–демократической партии Гнчакян, о раздвоенности их направлений — на местное и иностранное, национальное и социалистическое, а теперь еще и большевистское. Получается, что национальное крыло партии Гнчакян за пределами Закавказья признавало независимость Армении.

Кстати, **А–До** (Ованес Тер–Мартirosян) в «Моих воспоминаниях» датирует заявление Армянского национального совета 31 мая⁹¹⁵.

Одна из оценок **зоравара Андраника** такова: на вопрос о том, как образовалась Республика Армения, генерал отвечает: «В самом прямом значении слова, это было обманом со стороны турок и немцев. Их цель состояла в том, чтобы полностью покинуть Турецкую Армению, вычеркнуть проблему Турецкой Армении из повестки европейской дипломатии и создать Армению в Российской Армении. Если бы Турция и Германия одержали победу, Республику потопили бы в озере Севан. В противном случае, и они прекрасно понимали, судьбу образованной ими Армении будет решать Российское государство»⁹¹⁶. Генерал Андраник имел в виду, конечно, что Советская Россия не уступит Закавказье и рано или поздно вернет его себе.

Мнение **Лео (Аракела Бабахаяна)** было следующим: «Почему бы нам не объявить, что мы представляем собой часть государства, подписавшего Брест–Литовский договор (имеется в виду Советская Россия — *В. М.*)?» Пусть это государство выполнит подписанное им обязательство, и мы можем быть уверены, что турки возьмут только Батуми и Карс и не посмеют наложить свои лапы ни на Александрополь, ни на Ереван, ни на Тифлис»⁹¹⁷.

⁹¹⁴ См. Егикян Г., там же, с. 143.

⁹¹⁵ См. А–До, Мои воспоминания, Ереван, 2015, с. 413.

⁹¹⁶ См. Мигранян А., Как должна быть завоевана турецкая Армения (Мнение зоравара Андраника), Константинополь, 1921, с. 10.

⁹¹⁷ Лео, Из прошлого, с. 368.

На первый взгляд, причем по правовой основе Брест–Литовского договора, так и должно было быть, если бы, конечно, армянские партии и Национальный совет признали Советскую Россию, и — наоборот. Не только армянская сторона, но и Россия — после большевистского переворота, не признали закавказские власти. Другое дело, если хотя бы в апреле 1918 г. на победоносной волне Баку было достигнуто политическое соглашение и осуществлена программа Ст. Шаумяна, направленная на советизацию Закавказья и усиление армянского фактора.

В этом смысле считаем необходимым остановиться на полном архивном пакете важнейшего документа — оригинала...

В начале 1918 года в Армавире был образован Армянский революционный комитет Северного Кавказа. Военный комиссар этого комитета Сирак Григорян 20 апреля, когда Бакинская коммуна уже была образована, обратился в Московский Армянский комитет⁹¹⁸. Главной задачей последнего было изложить ряд существенных деталей, связанных с поддержкой Баку со стороны Северного Кавказа, а также возможной советизацией Закавказья на том этапе.

Во-первых, оказывается, что Сирак Григорян с А. Оганджанияном были в Ростове–на–Дону, потом в Армавире, а через три дня А. Оганджаниян возвращается в Тифлис, а комиссар С. Григорян — в Баку. В Ростове они встретились с Чрезвычайным комиссаром Совнаркома С. Орджоникидзе и провели с ним ряд консультаций.

Здесь и выяснилось, что С. Орджоникидзе организовывал большевистские воинские части на юге России, разумеется, для защиты от антибольшевистских сил и, в частности, Баку от внешних угроз. Грузинский источник утверждает наличие этого процесса. Позднее, 8–го сентября 1918 г. капитан Багратион сообщил отделению разведки Главного штаба, что советская власть Владикавказа готовит почву для наступления на Грузию.

⁹¹⁸ См. НАА, ф. 321, оп. 1, д. 1, л. 51.

Вместе с чеченами, ингушами и лезгинами предусматривалось ударить по трём направлениям: Военно–Грузинской дороге, Дагестана (против Кахета) и Военно–Осетинской дороге. С этой целью в аулы направляются комиссары, которые пропагандируют идею захвата «Контрреволюционной Грузии»⁹¹⁹. С. Григорян считал, что С. Орджоникидзе «не знаком с событиями на Кавказе, но сам он лично очень поддерживает нас (Армянский военный союз, АРФД — *В. М.*) и обещает всяческую поддержку.

Благодаря тому обстоятельству, что в Баку мы вместе с большевиками воевали против турок, и началась очень тесная деятельность с нами и Шаумяном и большевиками, именно это обстоятельство и внушило им большое доверие к нам. Работайте там с Терьяном, Ованнисяном (имеется в виду Ваан Терьян и Ашот Ованнисян — *В. М.*) и Караханом, чтобы они помогали нам и инструктировали Орджоникидзе. За эти два месяца на Северном Кавказе нам удалось наладить хорошие отношения с большевиками: помогают отправлять наши эшелоны... В Баку наши (имеет в виду АРФД и вообще армян — *В. М.*) вместе с большевиками разгромили турок, и теперь там Советская власть. Ее надо поддержать, чтобы помочь Баку из Астрахани»⁹²⁰ (выделено нами — *В. М.*).

Позже Армянский национальный комитет Армавира обратился в Армянский национальный совет, заявив, что они закупили значительное количество пшеницы, которую, согласно приказу Ст. Шаумяна, было запрещено отправлять через Туапсе, поэтому они требовали вмешательства АНС, чтобы Шаумян телеграммой отказался от своего приказа. Также выясняется, что С. Григорян уже был в Москве и стремился получить обещанные Совнаркомом деньги, оборудование и автомобили. Еще раз было подчеркнуто, что отношения Армянского национального комитета Армавира отношения «с большевиками хорошие и чем дальше, тем все больше улучшаются: здесь

⁹¹⁹ См. НАГ, ф. 1969, оп. 2, д. 108, л. 1

⁹²⁰ См. НАА, ф. 321, оп. 1, д. 361, л. 52–53.

они недовольны Закавказьем, где якобы арестованы их делегаты и представители». В конце телеграммы повторялся все тот же вопрос об арестах большевиков: стал известен еще один важный факт о том, что «неделю тому назад Бекзадян выехал из Минеральных Вод в Царицын (Волгоград — *В. М.*) с целью перевозки хлеба в Баку... Связь с Петровском прервана»⁹²¹.

Можно предположить, что если Тигран Бекзадян пытался обеспечить хлебом Баку, то запрет Ст. Шаумяна на ввоз хлеба в Закавказье через Туапсе объясняется тем, что председатель Бакинской коммуны имел серьезные опасения, что пшеница, отправляемая в Закавказье, не дойдет до армян, а будет захвачена по пути Сеймом, грузинскими меньшевиками.

И это не единственный эпизод такого сотрудничества. В разных регионах России — от Харькова до Иркутска, в течение апреля–июля 1918 года были образованы отделения Армянского национального совета и Армянского военного союза, Московского комитета обороны Армении, и они провели огромную организационную работу, главным образом отправке армянских вооруженных сил в Баку и Армению.

Упомянем некоторые из них: 3 мая 1918 года председатель Армянского национального совета Баку Абраам Гюльханданян (АРФД), обращаясь к Армянскому национальному комитету в Москве, сообщил, что «группа армянских добровольцев (45 человек), присоединившаяся к Аштарханской группе (8 человек) во главе с Г. Мазманияном в конце апреля прибыла в Баку»⁹²². Особо подчеркнем следующую мысль: «Мы надеемся, что через небольшое время дороги будут открыты, **и у нас появится возможность перебросить наши воинские части на запад**»⁹²³.

А. Гюльханданян имел в виду осуществление плана Ст. Шаумяна, заключающегося в том, чтобы направить победоносные Бакинские армянские воинские части в Ереванс-

⁹²¹ См. НАА, ф. 201, оп. 1, д. 36, л. 117–118.

⁹²² См. НАА, ф. 321, оп. 1, д. 361, л. 30.

⁹²³ См. там же.

кую губернию, а оттуда — в Западную Армению. В этом отношении чрезвычайно важно письмо Ростом из Баку, адресованное «Тифлис, Палата, Карчикяну»⁹²⁴.

В условиях подписанного в Александрополе перемирия и турецкого ультиматума, Ростом представил сценарий возможного развития событий, акцентировав внимание на ряде примечательных моментов.

По его мнению, турки могут пока не нарушать перемирие, обезопасив свою западную границу — заняв Батуми, Карс, Ардаган, и возможно, могут дожидаться захвата линии Тебриз–Решт–Батуми–Тифлис–Баку–Ростов–Петровск. После того, как все Закавказье оказалось в железном кольце, каждое нарушение перемирия делает невозможным выдвижение новых требований, восстановление порядка и установление сильной власти на Кавказе. «Условие невмешательства само по себе есть первый шаг вмешательства», — писал Ростом⁹²⁵. По его мнению, это привело бы к новой братоубийственной войне, ослабило бы противоборствующие стороны и, опираясь на одну из них, утвердило бы свое господство, как это произошло в Финляндии, Украине, Ростове и других местах. «В сложившихся условиях, — заключал Ростом, — объединение всей демократии Кавказа является особой, императивной необходимостью»⁹²⁶. Далее следуют практические предложения Ростом. Он просил немедленно направить в Баку делегацию Сейма и просил Х. Карчикяна: «Возможно ли на ваши средства восстановить железнодорожное сообщение для армян?»⁹²⁷ Выражая полное доверие и сочувствие Советской власти, понятно — относительно Ст. Шаумяна, Ростом отмечает, что в качестве плодов мартовской победы «советскими войсками были заняты Куба, Дербент, Петровск, Темирхан–Шура, Ленкорань и Сальян. Есть надежда, что в скором времени будет восстановлено железнодо-

⁹²⁴ См. там же.

⁹²⁵ См. там же.

⁹²⁶ См. там же.

⁹²⁷ См. там же.

рожное сообщение на севере»⁹²⁸, то есть будет установлена связь с Советской властью на Северном Кавказе.

Александр Багирян, председатель Армянского воинского союза Харькова, проинформировал начальника Московского отделения АВС, что около 600 армянских солдат из Харькова и окрестных сел были отправлены в Армению, прибыли в Тифлис, и **«у некоторых из них обмундирование и оружие выдано еще советскими властями»**⁹²⁹ (выделено нами — *В. М.*). Оружие и деньги армянским солдатам собирались послать также из Ростова–на–Дону, Екатеринослава.

Армянский военный комиссар Воронежца Богдан Аванесов сообщил, что в соответствии с приказом Московского совета обороны Армении от 19 апреля объявлена обязательная всеобщая воинская повинность армян в возрасте 18–32 лет. Они должны были явиться 14 и 15 мая, а неявившиеся должны были считаться дезертирами и привлечены к ответственности⁹³⁰. И вот 31 мая он сообщил, что **«никто из местных армян не явился»** (выделено нами — *В. М.*) и им удалось только сформировать отряд из 12 человек и направить их по направлению Воронеж–Грязи–Царицын–Астрахань–Баку–Тифлис⁹³¹.

Тот же Б. Аванесов уже 2 июня доложил армянскому военному комиссару в Москве Степану Мебурнутову, что персидскоподданные армяне, находившиеся в Воронеже, заявили о том, что они не являются военнообязанными⁹³².

4 мая председатель Армянского национального совета Иркутска В. Джанлатьян попросил Армянский национальный комитет в Москве сообщить новости о защите Кавказа и особенно Армении⁹³³.

⁹²⁸ См. там же.

⁹²⁹ См. там же, л. 24.

⁹³⁰ См. там же, л. 25.

⁹³¹ См. там же, л. 28.

⁹³² См. там же, л. 26.

⁹³³ См. там же, л. 33.

Он сообщил, что сформированный в Иркутске еще с 20 января 1918 года Национальный совет направил в Тифлис два отряда в распоряжение АВС. Первая группа состояла в основном из западноармянских военнопленных, находящихся в Сибири и в Иркутском военном округе, а вторая группа — из 50 добровольцев, прибывших в Иркутск с Дальнего Востока. В стадии формирования находился также третий отряд. В. Джанлатян от имени Национального совета просил разрешения направить отряд в Москву или непосредственно в Тифлис, в распоряжение АВС⁹³⁴.

Подобные послания были отправлены также от имени глав Армянских национальных советов Харькова⁹³⁵, Нижнего Новгорода⁹³⁶, Сызрани⁹³⁷ — Мкртыча Меликяна, И. Худиняна, Мандельяна.

13 мая в Московскому совету обороны Армении обратился уполномоченный Армянского комиссариата Украины, Крыма и Молдавии комиссар Тоноянц и секретарь военной секции Александр Тер-Даниелянц. Организованный в начале января 1918 года в Киеве Комиссариат объединял территории и военнослужащих Юго-Западного и Румынского фронтов, соответствующих республик, а также имел отделения в городах Яссы, Кишинев, Жмеринис, Бердичев, Симферополь, Харьков.

Они сообщали, что, действуя совместно с грузинским комиссариатом, армянский комиссариат смог завоевать доверие центрального украинского правительства, «несмотря на частые смены и политические потрясения последнего»⁹³⁸. Перед тем как немцы вошли в Киев, в Закавказье были отправлены армянские солдаты с полной экипировкой. За четыре месяца (январь–май) было отправлено 5000 армянских солдат, призвано 4000 человек⁹³⁹.

⁹³⁴ См. там же, л. 34–35.

⁹³⁵ См. там же, л. 39, 61.

⁹³⁶ См. там же, л. 41.

⁹³⁷ См. там же, л. 27.

⁹³⁸ См. там же, л. 38.

⁹³⁹ См. там же.

На примере этого Комиссариата раскрываются функции других армянских национальных органов. Армянский комиссариат Киева решал не только военно–административные, но и политические и национальные проблемы, он брал на себя защиту интересов и имущества армянского населения, проживающего в Украине. Еще одной примечательной деталью является тот факт, что после немецкой оккупации Украины Армянский комиссариат работал «исключительно под национальным флагом»⁹⁴⁰.

25 апреля Армянский национальный комитет Петрограда обратился в Совет обороны Армении и заявил о своей инициативе — создания медико–санитарного отдела для раненных на войне армян. Во главе дела стоял доктор медицины **Левон Орбели**⁹⁴¹, который лоббировал перед Северным фронтом, Всероссийским земским советом выделение на льготных условиях медикаментов, дезинфицирующих средств, белья и так далее⁹⁴².

2 июня исполнительный комитет Армянского земляческого союза Кисловодска под председательством А. Асрибекяна обращается к Армянскому национальному совету. Они считали, что на этом историческом, судьбоносном этапе, (в основном неосведомленные о положении на Кавказе и в Армении) могут совершить «опасные ошибки, поэтому просим вас регулярно информировать о политических и исторических пробелах, вместе с тем давая представление об основных пунктах национальной политики — о любых важных изменениях в вашей политике. С этой целью необходимо посылать гонца раз в неделю»⁹⁴³.

Затем становится известно, пожалуй, самое главное, что в Армянский национальный совет переведены: «Вам непосредственно перевели **господа Левон Манташян — 150 000 рублей,**

⁹⁴⁰ См. там же.

⁹⁴¹ Брат Овсеп Орбели.

⁹⁴² См. там же, л. 31.

⁹⁴³ См. НАА, ф. 201, оп. 1, д. 361, л. 113.

Владимир Мандинян — 25 000 рублей, 83 000 рублей мы перевели в Армавир на миграционные нужды. От части лиц, подвергшихся национальному налогообложению, мы получили также надежные векселя на 1 миллион рублей, которые мы Вам передадим»⁹⁴⁴ (выделено нами — *В. М.*).

Наконец, возвращаясь к нашей основной теме, то есть к проблеме возможной поддержки Советского правительства в антитурецкой борьбе, остановимся на телефонном разговоре Национальных советов между Тифлисом и Армавиром, а также затронутых в них вопросах.

От имени Армянского национального совета выступил секретарь Тер–Арутюнян. Представляя возможные разрушения, грозящие Армении после взятия Александрополя, Тер–Арутюнян пытался узнать у Национального совета Армавира, о чем думает советское правительство: **«Весь армянский народ устремил свой взор на Север»**. Из Армавира отвечают: «Только теперь, с помощью Советского правительства, мы свернули шею нашей буржуазии и думаем вскоре помочь Национальному совету». Довольно примечательно также обоснование провозглашения независимости Армянским национальным советом. «Наше правительство (имеется в виду Сейм — *В. М.*) состоит большей частью из мусульманских беков и ханов и грузинских националистов. Последних в Батуми заверили, что **грузины получают политическую автономию, если введут в Закавказье турецкую ориентацию. Если армянские представители и вошли в это правительство, то только для того, чтобы не разжигать армяно–грузинские противоречия»**⁹⁴⁵ (выделено нами — *В. М.*).

Нам удалось установить личность, представлявшую Армавир. Поскольку он представлялся от имени партии и ее центрального комитета, это позволяет нам сделать вывод, что речь идет о местной большевистской революционной организации — об Армянском революционном комитете Северного

⁹⁴⁴ См. там же.

⁹⁴⁵ См. НАА, ф. 321, оп. 1, д. 1, л. 42–43.

Кавказа и его лидере Сираке Григоряне. Это подтверждается и отношениями между последним и А. Оганджяном. Кстати, в конце беседы он приглашает на следующий день к аппарату А. Оганджяна — для решения ряда вопросов и сообщает, что через два дня вылетает в Москву⁹⁴⁶.

Таким образом, совокупность имеющихся фактов подводит нас к убеждению, что в разгар турецкого вторжения, особенно после падения Карса и Александрополя, Армянский национальный совет и часть АРФД в череде новых политических ориентаций, помимо турецко–германской, в контексте Брест–Литовска пытались использовать также возможность поддержки Советской России. Трудно однозначно оценить возможность положительного результата последнего, несмотря на предпринятые выше шаги. И тем не менее ясно одно: большевистская Россия враждебно восприняла факт независимости Закавказья, а уж тем более — возникновение независимых национальных республик. Тяжелое внутреннее положение России, продолжающаяся упорная борьба за власть и вызванная ею гражданская война не делали пока возможной советизацию Закавказья. Лучшим доказательством этого является то, что ленинское правительство не смогло или «не пожелало» помочь Бакинской коммуне.

3.8. ОТЛИЧИЯ И ОСОБЕННОСТИ В ОБРАЗОВАНИИ, ПРОВОЗГЛАШЕНИИ НЕЗАВИСИМОСТИ И В СТРУКТУРЕ ОРГАНОВ ВЛАСТИ РЕСПУБЛИК ГРУЗИЯ, АЗЕРБАЙДЖАН И АРМЕНИЯ

26–го, 28–го и 30–го мая 1918 года были провозглашены независимые государства Грузия, Азербайджан и Армения.

Три республики Закавказья, которые обрели независимость, подошли к рубежу национального суверенитета в совершенно разных и особых геополитических и военно–политических условиях.

⁹⁴⁶ См. там же.

1. В 1917 году с Октябрьским переворотом большевиков власти Закавказья — Комиссариатат, Сейм, независимая Закавказская Демократическая Федеративная Республика последовательно вели край по пути отделения его от Советской России.

Решающее значение в этом процессе имели Брест–Литовские сепаратные переговоры между большевистской Россией и Германией, подписание договора, турецкое вторжение.

Используя пораженческий, принципиальный подход России «Мир без аннексий и контрибуций», иными словами, политику России по сдаче Османской Турции территорий Западной Армении, Карской области, Батуми, в свою очередь Турция, посредством проведения Трапезундских и Батумских переговоров, а также под давлением военных побед, вынудила Закавказскую объединенную власть окончательно выйти из состава России и принять германо–турецкую политическую ориентацию. Ценой последнего было обещание независимости со стороны Турции.

2. Военно–политические события, которые могли бы принести спасение и обеспечить осуществление национальных стремлений и чаяний грузин и татар–мусульман, для армян в сложившейся ситуации были бесперспективными и опасными.

Грузинская политическая элита и, в частности, с.–д. меньшевики, выйдя из закавказского союза и сформировав при поддержке и покровительстве Германии независимую республику, создавали для будущей Грузии несравнимо более благоприятные условия, чем те, в которых они находились в последний период этой единой власти, особенно в условиях турецкого нашествия.

Прежде всего грузины избавлялись от армян и сложных армянских проблем, союз и содружество с которыми стали обузой, весьма невыгодной и вредоносной для грузин, близких к турецко–немецкому тандему.

Отделившись от армян, они тем самым получали возможность на более легких и выгодных условиях налаживать контакты с

турками, а также завершить войну на более выгодных для себя условиях. С другой стороны, это отделение было условием для получения покровительства немцев. Германия знала, она была уверена, что отделить армянскую сторону даже от большевистской России намного труднее (если вообще возможно), тем более, что в условиях продолжавшейся мировой войны армяне пока были противниками, поскольку по-прежнему выступали союзниками Антанты и России. Более того, антироссийская позиция Грузии была известна Германии еще до начала войны.

Так, армянское имущество и богатства, оставленные русской Кавказской армией и прежними администрациями, сконцентрировались в основном на территории Грузии, в Тифлисе и должны были стать экономической основой если не процветания, то, по крайней мере, перспективного становления независимой Грузии.

Существенным было и то обстоятельство, что 90 процентов грузинского народа проживало в пределах своей родины, и, таким образом, их независимость стала средством максимально полного решения национального вопроса.

3. Татары–мусульмане Закавказья встали на путь национальной идентичности в 1917 году, когда с Февральской революцией им представилась возможность для самоопределения и свободного развития наций. Тогда и появилось понятие «Азербайджан». В результате большевистского переворота, как итог краха экспансионистских устремлений и политики России, татары Кавказа получили возможность полностью обратиться к своей единой, единой Турции, вторжение которой в Закавказье стало для нее основной гарантией стать политическим фактором в этом регионе.

31 марта 1918 года подавление мусаватистского мятежа, организованного против Бакинского совета, стало главным решающим водоразделом, когда очевидным образом проявилась бесперспективность самостоятельной деятельности татаро–мусульман, а также неопровержимость того факта, что осуществление собственных планов для них возможно

исключительно при непосредственной поддержке Османской Турции.

О национальной идентичности и степени национального общественно–политического развития татаро–мусульман говорит и тот факт, что так называемый Национальный совет Азербайджана был сформирован лишь накануне провозглашения независимости, 27 мая, да и то по указанию Турции.

4. К решению объявить Армению независимой, армянская политическая элита подошла, пожалуй, в абсолютно неподготовленном состоянии. Неблагоприятными были как внешние, так и внутренние предпосылки. Отсутствовали имеющиеся у грузин и татар все преимущества для уверенного движения к независимости, в частности, фактор союзнической поддержки.

Если в реалиях Февральской революции 1917 года армяне и армянские политические силы еще пользовались покровительством пока еще общего государства и действительно связывали будущее Армении с образованием Российской Федеративной Демократической Республики, то затем с большевистским переворотом и особенно в составе закавказских правительств, не признающих советскую власть, взяв бразды правления армянской национальной общественно–политической жизнью, АРФД и в ее лице — вся армянская общественность, столкнулись со сложной и противоречивой альтернативой.

С одной стороны, в сотрудничестве с политическими союзниками в закавказских объединенных правительствах, большевистское правительство перманентно не получало признания, с другой стороны, с тем же постоянством не ставился вопрос об отделении от России, как это с решимостью делали грузинские с.–д. меньшевики и азербайджанские мусаватисты. Проблема в том, что, хотя вопрос не задавался прямо, тем не менее деятельность, проводимая в рамках тех же правительств, фактически привела к процессу отдаления от России. Дилемма усугубилась с турецким вторжением, когда в контексте бесплодных, антиармянских переговоров в Трапезунде, сдачи Карса, а

затем и Батумских переговоров армянская политическая элита и «Дашнакцутюн» оказались не то что в одиночестве, а в триедином враждебном турецко–татаро–грузинском окружении. Как это ни прискорбно и трагично, но провозглашение независимости Армении во многом было связано с принятием в Батуме турецкого ультиматума, поскольку в случае отсутствия какой–то национально–государственной единицы, имеющиеся армянские территории были бы разделены между соседями.

Более того, эти территории уже были поделены и продолжали разделяться между Турцией, Грузией и Азербайджаном, а в случае с Азербайджаном в декларации независимости последнего прямо упоминались его претензии на Восточное и Южное Закавказье.

По сути, в этой ситуации Армянский национальный совет взял на себя власть над армянскими провинциями.

5. Исходя из сказанного, постараемся дифференцировать формы провозглашения независимости трех республик, особенности органов власти и их устройства.

Провозглашение независимости **Грузии** было проведено с исключительной торжественностью — в Белом зале Дворца русских наместников (бывшего Озакома, Комиссариата, Сейма) на заседании Сейма, в присутствии командира германских войск. В этом же здании проходило заседание Национального совета Грузии, над дворцом развевался государственный флаг Грузии.

Грузия провозгласила себя государством посредством Декларации независимости.

Декларация независимости **Азербайджана** спорно вписать в рамки международного права, если исходить из принципа историзма.

Азербайджанская Республика была искусственно созданной административной единицей и в этом смысле является ярким примером.

Военно–политический и идеологический «национальный» фундамент последнего — идеологическая программа пантюркизма Османской империи.

Национально–политическая основа Азербайджанского государства — Азербайджанский национальный совет был сформирован только 27 мая 1918 года, на следующий день после роспуска Сейма. Провозглашение независимости Азербайджана также было выражено в форме декларации.

Провозглашение независимости **Армении** является, с одной стороны, следствием распада Закавказской Демократической Федеративной Республики и последовавшим за этим провозглашением республик Грузии и Азербайджана, а с другой — турецкого ультиматума на батумских переговорах.

Заявление председателя Армянского национального совета от 30 мая озаглавлено как «Призыв к армянскому народу». Другими словами, известное объявление независимости Армении имеет статус призыва.

В отличие от двух соседних государств, даже после переезда правительства из Тифлиса Декларации, как таковой, так и не было принято.

6. Территория Грузинской Демократической Республики в Декларации не была четко определена.

Азербайджан четко обозначил свои территориальные претензии в отношении Восточного и Южного Закавказья, хотя эти понятия не имеют под собой географической, административной, этнической базы. Цель состояла в том, чтобы обеспечить общую границу с Османской империей.

В заявлении Армянского национального совета его права на армянские провинции обозначались довольно неопределенно.

7. Руководство Грузией до созыва Учредительного собрания должно было осуществляться Национальным советом, дополненным представителями национальных меньшинств, и через Временное правительство, подотчетное Национальному совету.

Различия в составе правительства следующие: а) Премьер–министр также возглавлял Министерство внутренних дел, б) Министерство торговли, промышленности и финансов, в) Министерство сельского хозяйства и труда. Всего министерств было 8.

Форма государственного устройства Азербайджана была полностью скопирована с грузинской декларации, а именно — Национальный совет и Временное правительство.

Премьер–министр совмещал также координацию работы Министерства внутренних дел. Было объединенное министерство финансов и народного просвещения, а также должность министра госконтроля, всего 9 министерств.

Формирование органов государственной власти Республики Армения, особенно правительства, было непосредственно связано с вопросом выбора политической ориентации.

Правительство РА возглавлял премьер–министр. Состав правительства был утвержден только 24 июля, после переезда Армянского национального совета из Тифлиса.

Первоначально было 5 министерств.

БИБЛИОГРАФИЯ

а) Архивы

Национальный архив Армении — НАА

1. НАА, ф. 45, оп. 1, д. 28.
2. НАА, ф. 121, оп. 1, д. 45.
3. НАА, ф. 121, оп. 1, д. 50.
4. НАА, ф. 196, оп. 1, д. 12.
5. НАА, ф. 200, оп. 2, д. 23.
6. НАА, ф. 200, оп. 2, д. 168.
7. НАА, ф. 201, оп. 1, д. 36.
8. НАА, ф. 201, оп. 1, д. 361.
9. НАА, ф. 210, оп. 1, д. 112.
10. НАА, ф. 222, оп. 1, д. 24, ч. 1.
11. НАА, ф. 222, оп. 1, д. 24, ч. 2.
12. НАА, ф. 222, оп. 1, д. 120.
13. НАА, ф. 222, оп. 1, д. 122.
14. НАА, ф. 222, оп. 1, д. 141.
15. НАА, ф. 244, оп. 9, д. 221.
16. НАА, ф. 289, оп. 1, д. 2.
17. НАА, ф. 321, оп. 1, д. 1.
18. НАА, ф. 441, оп. 1, д. 11.
19. НАА, ф. 441, оп. 1, д. 66.
20. НАА, ф. 1022, оп. 3, д. 252.
21. НАА, ф. 1022, оп. 3, д. 253.
22. НАА, ф. 4033, оп. 2, д. 908.
23. НАА, ф. 4033, оп. 7, д. 13.
24. НАА, ф. 4045, оп. 1, д. 221.

Институт истории НАН РА

25. Фонд Лео, ф. 1, оп. 1, д. 253.

Национальный архив Грузии — НАГ

26. НАГ, ф. 1, оп. 2, д. 7.
27. НАГ, ф. 1, оп. 2, д. 223.
28. НАГ, ф. 2, оп. 1, д. 5.
29. НАГ, ф. 2, оп. 1, д. 8.
30. НАГ, ф. 2, оп. 1, д. 11.
31. НАГ, ф. 2, оп. 1, д. 141.
32. НАГ, ф. 276, оп. 1, д. 13.
33. НАГ, ф. 1818, оп. 2, д. 12.
34. НАГ, ф. 1818, оп. 2, д. 249.
35. НАГ, ф. 1818, оп. 2, д. 276.
36. НАГ, ф. 1831, оп. 1, д. 6.
37. НАГ, ф. 1861, оп. 2, д. 1.
38. НАГ, ф. 1861, оп. 2, д. 23.
39. НАГ, ф. 1864, оп. 2, д. 233.
40. НАГ, ф. 1969, оп. 1, д. 672.
41. НАГ, ф. 1969, оп. 1, д. 674.
42. НАГ, ф. 1969, оп. 2, д. 108.

Российский Государственный Военно–исторический архив — РГВИА

43. РГВИА, ф. 200, оп. 1, д. 1127.
44. РГВИА, ф. 2100, оп. 1, д. 692.
45. РГВИА, ф. 2100, оп. 1, д. 1127.

б) Периодическая печать

1. «Азатамарт», («Борьба за свободу»), Тифлис, 1918.
2. «Айастан», (Армения) Тифлис, 1917.

3. «Арев», (Солнце) Баку, 1917.
4. «Арев», (Солнце) Баку, 1918.
5. «Ашхатавор» (Рабочий), Тифлис, 1918.
6. «Ашхатанки дрошак», («Знамя труда»), Тифлис, 1918.
7. «Еритасард Айастан» («Молодая Армения»), Чикаго, 1918.
8. «Знамя труда», Баку, 1918.
9. «Кавказское Слово», Тифлис, 1918.
10. «Молот», Тифлис, 1918.
11. «Мшак» («Труженик»), Тифлис, 1917.
12. «Мшак», Тифлис, 1918.
13. «Оризон», (Горизонт), Тифлис, 1917
14. «Оризон», (Горизонт), Тифлис, 1918.
15. «Пайкар», (Борьба), Тифлис, 1918.
16. Известия совета рабочих и солдатских депутатов гор. Тифлиса, Тифлис, 1917.

в) Сборники документов

1. Закавказский Сейм, Стенографический отчет, Тифлис, 1918 г.
2. Земельные законы Закавказского правительства, Тифлис, 1918.
3. Известия ВЦИК РСФСР, Москва, 1918.
4. Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии, Тифлис, 1919.
5. Из истории армяно–грузинских отношений, 1918 год, Тифлис, 1919.
6. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, часть 1–ая, Москва, 1954.
7. Пипия Г. В., Политика Германии в Закавказье в 1918 году, Сборник документов, Тбилиси, 1971.
8. Республика Армения 1918–1920 гг. Политическая история, Сборник документов и материалов, Ереван, 2000, (на арм. яз.).
9. Всеармянские совещания (1912–1920 гг.), Сборник документов и материалов, Ереван, 2004, (на арм. яз.).
10. Азербайджанская Демократическая Республика, Сборник статей, посвященный 90–летию Первой Республики, Москва, 2008.
11. Манукян Арам, Сборник документов и материалов, Ереван, 2009, (на арм. яз.).
12. Провозглашение независимости Армении и формирование центральных органов власти (май–июль 1918 г.), Сборник документов и материалов, составитель — А. Сукиасян, Ереван, 2009, (на арм. яз.).
13. Материалы для истории АРФ «Дашнакцутюн», том 13, Бейрут, декабрь 2019, редактор — Ерванд Памбукян, (на арм. яз.).
14. Сборник документов Лиги Наций по республике Армения (1919–1920), Ереван, 2023, (на арм. яз.).

15. From the Relations of rein dependent Armenia and the newly established state of Azerbaijan (1918–1920), Materials and documents, volume 1, Through the diligent abbots of Vladimir Harutunyan, Erevan, 2024.

г) Мемуарная литература

1. Авалов З., Независимость Грузии в международной политике, 1918–1921 гг., Воспоминания, Очерки. Париж, 1924.
2. А–До, Рождение армянства, Ереван, 2019, (на арм. яз.).
3. А–До, Мои воспоминания, Ереван, 2015, (на арм. яз.).
4. Аркомед С. Т., Материалы по истории отпадения Закавказья от России, Тифлис, 1923.
5. Байков Б., Воспоминания о революции в Закавказье (1917–1920), Архив русской революции, Берлин, 1923.
6. Борьян Б. А., Армения, международная дипломатия и СССР, М.— Л., 1929, ч. 1–ая.
7. Воровский В. В., Сочинения, т. III, М., 1933.
8. Врацян С., Дорогами жизни, События, лица, переживания, том 4, Бейрут, 1965, (на арм. яз.).
9. Врацян С., Дорогами жизни, События, лица, переживания, том 5, Бейрут, 1966, (на арм. яз.).
10. Врацян С., Республика Армения, Ереван, 1993 (на арм. яз.).
11. Гвазава Г., Грузия с точки зрения международного права, Тифлис, 1917.
12. Генерал–майор Денстервиль, Британский империализм в Баку и Персии, 1917–1918, (Воспоминания), Тифлис, 1925.
13. Дарбинян Артак, В дни армянского освободительного движения, Ереван, 2003, (на арм. яз.).
14. Деникин А. И., Очерки русской смуты, Москва, 1991.
15. Джагетян Гр., Боны Закавказского комиссариата, А.С.С.Р. Научные ведомости государственного университета, № 2–3, Ереван, 1927, (на арм. яз.).
16. Жрдания Н. Н., За два года, Доклады и речи, Тифлис, 1919.
17. Записки министра иностранных дел Н. Покровского (переписки Трюмера) от 21/II 1917 г.).
18. Каджазунни Ов., АРФ Дашнакцутюн более нечего делать, Вена, 1923, (на арм. яз.).
19. Караджян Геворг (С. Т. Аркомед), Политическая жизнь Закавказья в 1918 г., Тифлис, 1919.
20. Кариби, Красная книга, Тифлис, 1920.
21. Махарадзе Ф., Диктатура Меншевистской партии в Грузии, Тифлис, 1921.
22. Мустафа Кемаль, Путь Новой Турции, 1919–1927, Москва, 1929.
23. Рубен, Воспоминания армянского революционера, т. 7, Тегеран, 1982, (на арм. яз.).

24. Сеф С. Е., Революция 1917 г. в Закавказье, Тифлис, 1927.
25. Хатисян Ал., Возникновение и развитие Республики Армения, Бейрут, 1968 (на арм. яз.).

д) Литература

1. Аветисян Г., Армянский вопрос в 1918, Ереван, 1997, (на арм. яз.).
2. Аветисян Г., Победа армянского национального единства в 1918 году, Ереван, 1998, (на арм. яз.).
3. Агаронян Герсам. На пути к большой мечте, Бейрут, 1964, (на арм. яз.).
4. Адонц Никогойос, Сочинения в четырех томах, Том 1, Армянский вопрос, Ереван, 1996, (на арм. яз.).
5. Айруни Ашот, Армянский вопрос в Германской внешней политике в 1918 году, Ереван, 2013, (на арм. яз.).
6. Акопян А., Парламент Армении и политические партии (1918–1920), Ереван, 2005, (на арм. яз.).
7. Балаев А., Азербайджанское национальное движение в 1917–1918, Баку, 1998.
8. Девенпорт Е. Г., Кук С. Р., Нефтяные тресты и англо–американские отношения, Москва, 1925.
9. Егикян Григор, Гнчакяне и их попытки объединиться с большевиками, «Айреник», Бостон, № 4, февраль, 1939, (на арм. яз.).
10. Зайончковский А., Мировая война. 1914–1918 гг., Общий ист. очерк, М., 1924.
11. Иголкин А., Независимое Закавказье: 1917–1921 гг., <http://www.karabah88.ru/history/karabah/39>
12. История Армении, т. IV, книга первая, Институт истории НАН РА, Ереван, 2010, (на арм. яз.).
13. Князьян Д., Кавказская политика Азербайджанской Демократической Республики, 1918–1920 гг. Ереван, 2008, (на арм. яз.).
14. Лео. Из прошлого. Ереван, 2009, (на арм. яз.).
15. Лудшувейт Е. Ф., Турция в годы Первой мировой войны 1914–1918 гг., Военно–политический очерк, Москва, 1966.
16. Маилян Бениамин, Вопрос статуса Абхазии, 1917–1921 гг., Ереван, 2008, (на арм. яз.).
17. Маилян Бениамин, Национальный вопрос и положение армян в Республике Грузия (1918–1921 гг.), Ереван, 2016, (на арм. яз.).
18. Меликян В., Февральская революция и Армения (март–октябрь 1917 г.), Ереван, 1997, (на арм. яз.).
19. Меликян В. Г., Проблема власти в Закавказье: Деятельность Закавказского комиссариата (ноябрь 1917 г. — февраль 1918 г.), Ереван 2010 (на арм. яз.).
20. Меликян В., Борьба за Баку (ноябрь 1917 — апрель 1918), Ереван, 2018, (на арм. яз.).

21. Меликян В., Церковный съезд Св. Эчмиадзина в 1917 году. Св. Эчмиадзин, 2018, (на арм. яз.).
22. Меликян В., Борьба за Баку (ноябрь 1917 г. — апрель 1918 г.), Ереван, 2019.
23. Меликян В., Общественно–политическая жизнь западных армян в 1917–1918 гг.: Оборона и причины падения Эрзрума, Ереван, 2019, (на арм. яз.).
24. Миграян А., Как должна быть завоевана Турецкая Армения (Мнение зоравара Андраника), Константинополь, 1921, (на арм. яз.).
25. Мкртчян Саркис, Пантюркистские течения в современном Иране, Ереван, 2019, (на арм. яз.).
26. Поручик Алексей Калмаков, Историческая Армянская рота, Ереван, 2018 (на арм. яз.).
27. Сагратян А. Т., История железных дорог Закавказья, 1856–1921, Ереван, 1970.
28. Ставровский А., Закавказье после Октября, Москва–Ленинград, 1925.
29. Сургуладзе А. Н., Закавказье в борьбе за победу социалистической революции, Тбилиси, 1971.
30. Токаржевский Е. А., Из истории иностранной интервенции и гражданской войны в Азербайджане, Баку, 1957.
31. Туманян Микаел, Дипломатическая история Республики Армения, 1918–1920 гг., Ереван, 2012, (на арм. яз.).
32. Хачапуридзе Г. В., Борьба за пролетарскую революцию в Грузии, Очерки, 1917–1921, Тбилиси, 1936.
33. Хейфец С. Я., Закавказье в первую половину 1918 г. и Закавказский Сейм, «Былое», Петроград, 1923.
34. Хондкарян Аршам, Оппозиция в Республиканской Армении, ВЕМ, Париж, № 3, январь–февраль 1934 г., (на арм. яз.).
35. Хондкарян Аршам, Оппозиция в Республиканской Армении, ВЭМ, («Глыба»), Париж, № 2, ноябрь–декабрь, 1933, (на арм. яз.).
36. Цагарели А. А., Непререкаемые права Грузии, Тифлис, 1919.
37. Шахдин И., «Дашнакцутюн» на службе Русской белогвардейщины и Английского командования на Кавказе, Тифлис, 1931.
38. Эльде, Закавказье и единая Россия, Ростов на Дону, 1919.
39. Melikjan Vahan, Important Episodes from General Andranik's Aktiviti, Fundamental Armenology, History Institute of NAS RA, Issue 2, Erevan, 2022.
40. Swietochowski T., Russia Azerbaijan. 1905–1920, the Shaping of National identity a Muslim community, Cambridge, 1985.

Ваан Генрихович Меликян

**ПРОЦЕСС ОТПАДЕНИЯ ЗАКАВКАЗЬЯ ОТ РОССИИ:
ВОЗНИКНОВЕНИЕ НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ
(ЯНВАРЬ–МАЙ 1918 Г.)**

ISBN 978-9939-0-5093-5

9 789939 050935

Перевод с армянского
Перевод предисловия на русский
Перевод предисловия на английский
Набор

Ерануи Петросян
Ерануи Петросян
Арутюн Худанян
Аида Тоноян

Обложка
Верстка

Мариам Канаян
Григорий Арутюнян

Печать офсетная. Формат 60x84/16. Бумага офсетная
Объем 25 + 000 п. л. Гарнитура Times New Roman

Отпечатано в типографии ООО «ЗАНГАК-97»
РА, 0051, Ереван, пр. Комитаса 49/2, тел.: (+37410) 23-25-28
info@zangak.am, www.zangak.am, www.book.am, www.facebook.com/zangak

